

0431

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

2

1968

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

С О В Е Т С К А Я Э Т Н О Г Р А Ф И Я

*ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД*

2
Март — Апрель
1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва

Редакционная коллегия:

Ю. П. Петрова-Аверкиева (главный редактор), В. П. Алексеев, Ю. В. Арутюнян,
Н. А. Баскаков, С. И. Брук, Л. Ф. Моногарова (зам. глав. редактора),
Д. А. Ольдерогге, А. И. Першиц, Л. П. Потапов, В. К. Соколова,
С. А. Токарев, Д. Д. Тумаркин (зам. глав. редактора), В. Н. Чернецов.

Ответственный секретарь редакции *Н. С. Соболев*

Адрес редакции: Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19

И. А. Кривелев

МАРКС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. МАРКСА)

По своим методологическим исходным позициям, а в значительной мере и по своему теоретическому содержанию, этнография как научная дисциплина находится в теснейшей связи со всеми другими общественными науками. И вполне понятно, что такой решающий поворот, который был осуществлен в общественном сознании К. Марксом в сотрудничестве с его другом и соратником Ф. Энгельсом, составил эпоху и в истории этнографической науки.

К тому времени, когда Маркс начинал свою научную и политическую деятельность, существовала уже довольно богатая этнографическая литература. По своему содержанию она была в основном описательной. Широкие и общие концепции исторического процесса, созданные Д. Вико, Ш. Монтескье, И. Г. Гердером, М. Кондорсэ, Г. Гегелем, базировались не столько на конкретно-историческом и, тем более, на этнографическом материале, сколько на априорных умозрительных построениях философского порядка. Последующее накопление этнографией и другими историческими науками конкретных сведений о жизни и истории разных народов ойкумены создало возможность решения теоретических проблем истории человечества и его культуры, основанного на зафиксированных наукой реальных фактах.

Наряду с большим количеством новых монографий, освещающих культуру и быт отдельных племен, народов и их групп в разных концах земного шара, к середине и во второй половине XIX в. появляются труды, в которых трактуются проблемы общего и особенного в судьбах народов мира и в их материальной и духовной культуре, делаются попытки установить те закономерности развития культуры, которые определяют ее этническую специфику и сами определяются ею. Это знаменовало рождение этнографии как науки в собственном смысле этого слова. И, конечно, новая наука возникла отнюдь не в безвоздушной атмосфере абстрактно-академических размышлений, а в определенных исторических условиях, в обстановке общественной борьбы, — политической и идеологической.

Капиталистические страны Европы уже в течение нескольких столетий занимались колониальным разбоем, поработав, эксплуатируя и истребляя оставшие в технико-экономическом и культурном отношении народы земного шара. Позади была «утренняя заря капиталистической эры производства», главными моментами которой были такие «идиллические процессы», как «искоренение, поработение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги по завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих»¹. Подходила к концу и стадия «классического» ка-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 760

питализма, также ознаменовавшаяся массовыми захватами неизвестных раньше земель и порабощением их коренного населения. С 70-х годов стали проявляться симптомы перерастания промышленного капитализма в империализм, органическим элементом которого должен был явиться колониализм нового типа. Колоссальным по своим масштабам территориальным захватам второй половины XIX в. предшествовали и их сопровождали географические и этнографические исследования.

И старые и новые методы порабощения и истребления колониальных народов находили свое «научное» оправдание в теориях неравноценности человеческих рас, во взгляде на отсталые народы, как предназначенные самой природой к служению «высшей расе». Если раньше идеологическое обоснование всех гнусностей колониалистской практики достигалось при помощи ссылок на Библию и таких ее персонажей, как Хам и Измаил, а также на главу X («этнографическую») книги Бытия, то к середине XIX в. на вооружение реакции поступает «научная» теория расизма; в 1853 г. начал публиковать свои труды Ж. А. Гобино, — столп расистской лженауки. В какой-то мере учение о неравенстве рас и народов нашло свое теоретическое выражение и в философской системе Гегеля.

Внутренняя противоречивость гегелевского учения особенно ярко выразилась в его философии истории, о которой В. И. Ленин сказал, что «здесь Гегель наиболее устарел и антиквирован»². Всемирная история, по Гегелю, представляет собою процесс самовыражения и самопознания абсолютного духа через духи отдельных народов, а ее события «являют собою диалектику отдельных народных духов»³. В ходе истории мировой дух попеременно воплощается в различных народах, причем число их, достаивающееся этой высочайшей чести, строго ограничено. Древневосточные народы (китайцы, индийцы, персы, египтяне) были носителями духа на первом этапе мировой истории, потом эту роль последовательно исполняли греки и римляне, после чего она перешла к германцам, коим и предстоит завершить всемирно-исторический процесс. Все остальные народы, — а они составляют подавляющее большинство, — остаются, таким образом вне активной истории и могут служить только объектами ее. Вполне очевидно, что такая философия истории могла ориентировать формировавшуюся этнографическую науку лишь в реакционном направлении.

И все же в борьбе реакционных и прогрессивных устремлений и интересов подлинная наука в конечном счете всегда пробивает себе дорогу. Вопреки расистским и близким к ним концепциям во второй половине XIX в. шло формирование научной этнографии. В многочисленных трудах А. Бастиана, Т. Вайца, Р. Латама, Э. Тайлора, Ю. Липперта, Д. Леббока, И. Бахофена, Д. Мак-Леннана, М. Ковалевского и особенно Л. Моргана были заложены основы науки, не только рассказывающей о наблюдениях путешественников, моряков, торговцев, военачальников и миссионеров над нравами и обычаями «дикарей», как было характерно для этнографической науки предшествующей эпохи, но и делающей на материале этих наблюдений, с привлечением данных и других наук (археологии, антропологии, социологии, ряда областей естествознания), важнейшие обобщающие выводы о закономерностях развития общества и его культуры, о взаимоотношениях народов, об их судьбах в ходе исторического процесса.

Методологической основой теоретической этнографии в течение первых десятилетий ее существования являлся позитивизм и ярко выражен-

² В. И. Ленин, Философские тетради, М., 1965, стр. 289.

³ Гегель, Соч., т. III, М., 1956, стр. 329.

ный эволюционизм. В этой области науки позитивистская философия и методология дали прогрессивные для своего времени результаты.

Важнейшей плодотворной идеей, базировавшейся на позитивизме эволюционистской этнографии, было положение о единстве человеческого рода. Не существует, признавало большинство этнографов второй половины XIX в., принципиальных различий между расами и народами, нет высших и низших народов, все одинаково способно к развитию, все в равной мере полноценны; к нашему времени на земле не осталось бескультурных народов, есть только отставшие по тем или иным причинам в своем экономическом и культурном развитии. В идеологическом и непосредственно политическом плане это было прямым вызовом стремлениям научной и идеологической реакции оправдать практику колониалистского порабощения «диких» народов «культуртрегерами» из передовых капиталистических стран. Подлинная человечность, особенно ярко воплощенная в деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая, была написана на знамени этнографической науки этого периода.

Из принципиального положения о единстве человечества вытекала идея об общем пути развития, проходимом разными народами в соответствующие периоды истории общества. В процессе этого развития действуют в общем одни и те же факторы, аналогичны и те объекты, на которые они влияют, поэтому путь, которым следуют в своем развитии разные народы, — один и тот же, различны только темпы движения по этому пути. Отсюда следует, что народы, ушедшие вперед, могут видеть в состоянии отставших народов свой вчерашний день, а наука, изучая жизнь последних, реконструирует тот путь, которым прошли современные развитые народы.

По своему научному содержанию эволюционистская этнография страдала рядом слабостей и недостатков. Она подходила к общественным явлениям с биологической меркой, она не учитывала качественного своеобразия отдельных этапов исторического развития и поэтому во многом модернизировала начальные этапы истории человечества и его культуры, ей был в общем чужд материалистический подход к трактовке этно-исторических процессов. И все же для своего времени она представляла собой прогрессивное научное явление.

Одна из сильных сторон эволюционизма заключалась в том, что он открывал возможность постановки и решения важнейшей проблемы, имеющей серьезное мировоззренческое значение: была поставлена задача — с помощью материалов, освещающих жизнь, культуру, общественный и семейный быт отсталых народов, сочетая их с данными антропологии, археологии и «письменной истории», — воссоздать картину происхождения и первых фаз развития человечества. Возникла специальная научная дисциплина — история первобытного общества.

* * *

Еще смолodu Маркс тщательно изучил существовавшую к его времени литературу по истории материальной и духовной культуры, истории народного хозяйства, общественного и семейного быта; в дальнейшем на протяжении всей своей жизни он внимательно следил за тем, что появлялось нового в научной литературе по этим вопросам. Сохранились следы этой работы, — грандиозной по своим масштабам и интенсивности, — огромное количество конспектов и выписок из прочитанных книг и журналов на многих языках. По материалам, хранящимся в фондах Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, мы можем судить о том, в какие периоды жизни Маркса в сфере его внима-

ния находилась научная литература по тем или иным проблемам этнографии и истории культуры.

В 1842 г. Маркс читал и тщательно конспектировал ряд книг по религиоведению и истории религий. В первую очередь здесь следует отметить классическую работу де-Бросса о фетишизме⁴. Маркс изучил в это время и такой обобщающий труд, как двухтомное сочинение Мейнерса по всеобщей истории религий⁵, и книгу Беттигера, посвященную анализу проблем теории мифа⁶, и книгу Барбейрака об этических воззрениях отцов церкви⁷. Скоро в круг интересов молодого Маркса включаются собственно этнографические проблемы: в 1843 г. он изучает книгу Гамильтона о населении США⁸.

В начале пятидесятых годов Маркс начинает особенно интенсивно работать над литературой по этнографии и истории культуры. Его внимание привлекают две большие работы Ваксмута по этим областям знания⁹. К обобщающим трудам по этим дисциплинам относятся и подробно законспектированные Марксом в это время сочинения Друмманна¹⁰ и Эйхгорна¹¹. В апреле — мае 1851 г. Маркс прочитал книги В. Тэйлора¹² и Маккиннона¹³ по истории цивилизации. В 1853 г. он штудировал отдельные тома обширного сочинения Клемма «Всеобщая история культуры человечества»¹⁴. Несколько ранее Маркс изучил книгу Миллара¹⁵, в которой был впервые поставлен вопрос о матриархате как особой форме человеческого общежития; небезынтересно отметить, что Маркс читал эту работу за 20 лет до того, как с ней ознакомился такой специалист по истории семьи, как Мак-Леннан¹⁶.

Изучение общих вопросов истории культуры связывалось у Маркса с исследованием проблем демографии, распределения человечества по земному шару, этнической характеристики различных массивов народонаселения в разных концах ойкумены. В этой связи он изучает журнальные статьи Г. Спенсера по теории народонаселения¹⁷, демографические труды Даблдея¹⁸ и Элисона¹⁹. Для ориентировки в распределении этнических групп на земном шаре Маркс использует работу на эту тему Пикеринга²⁰. Из демографических проблем привлекли особое внимание Маркса вопросы, связанные с плотностью населения и с возве-

⁴ Ch. De Brosses, *Du culte des dieux fétiches...*, Paris, 1760. Маркс пользовался немецким переводом: «Über den Dienst der Fetischgötter», Berlin — Stralsund, 1785.

⁵ C. Meiners, *Allgemeine kritische Geschichte der Religionen*, Bd. 1—2, Hannover, 1806—1807.

⁶ C. A. Böttiger, *Ideen zur Kult-Mythologie*, Bd. I, Dresden, 1826.

⁷ Z. Barbeyrac, *Traité de la morale des Pères de l'Eglise*, Amsterdam, 1728.

⁸ Th. Hamilton, *Die Menschen und die Sitten in den Vereinigten Staaten von Nord-Amerika*, Mannheim, 1834.

⁹ W. Wachsmuth, *Allgemeine Kulturgeschichte*, Leipzig, 1850—1851, Tl. 1—2; его же, *Europäische Sittengeschichte vom Ursprung volkstümlicher Gestaltungen bis auf unsere Zeit*, Tl. 1, Leipzig, 1831.

¹⁰ W. Drumann, *Grundriss der Kulturgeschichte*, Königsberg, 1847.

¹¹ J. G. Eichhorn, *Allgemeine Geschichte der Kultur und Literatur des neueren Europa*, Bd. 1—2, Göttingen, 1796—1799.

¹² W. C. Taylor, *The natural history of society in the barbarous and civilised state*, vol. 1—2, London, 1840.

¹³ W. A. Mackinnon, *History of civilisation*, vol. 1—2, London, 1846.

¹⁴ G. Klemm, *Allgemeine Kulturgeschichte der Menschheit*, Bd. VI, VII, Leipzig, 1847, 1849.

¹⁵ J. Millard, *Observations concerning the distinctions of ranks in society*, London, 1753.

¹⁶ См.: М. О. Косвен, *Матриархат*, М., 1948, стр. 212.

¹⁷ H. Spencer, *The theory of population*, «Westminster Review», 1852.

¹⁸ Th. Dumbleday, *The true law of population*, London, 1842.

¹⁹ A. Alison, *The principles of population*, vol. 1—2, Edinburgh, 1840.

²⁰ Ch. Pickering, *The races of man*, London, 1851.

щенной Мальтусом зловещей перспективой перенаселения. Он читает посвященные этим проблемам книги Торнтона²¹ и Воугена²². Проблемы численности народонаселения Маркс старается выяснить и в историческом плане, — он изучает в этих целях труд Уоллеса о численности населения в разные эпохи²³. Позднее эти материалы помогут Марксу в его последовательной и целеустремленной борьбе против реакционной теории мальтузианства.

Из общих проблем истории человечества и его культуры внимание Маркса в этот период привлекает вопрос о положении женщины на разных ступенях исторического развития. В 1852 г. он прочитал и конспектировал посвященные этой теме книги Юнга²⁴, Мейнерса²⁵, Сегюра²⁶, Тома²⁷. В дальнейшем «женский вопрос» приобретает особо важное значение в этнографии и в историографии первобытного общества, поскольку на одно из первых мест выдвинется здесь проблема матриархата. Основополагающие работы в этой области, созданные Мак-Леннаном и Бахофеном, через два с лишним десятилетия привлекут пристальное внимание Маркса и Энгельса и будут подвергнуты ими тщательному изучению.

Одновременно с общетеоретическими проблемами этнографии и истории культуры научные интересы Маркса требовали изучения фактических материалов по истории колонизации ряда стран земного шара, по вопросам, связанным с методами колониальной политики, с судьбами порабощенных народов колоний. В августе-сентябре 1851 г. он читает и конспектирует ряд работ этого плана, принадлежащих Меривейлу²⁸, Уэйкфилду²⁹, Бакстону³⁰, Прескотту³¹. Немного позже Маркс начинает уделять особое внимание вопросам этнографии и истории Индии. Он читает в связи с этим работу Солтыкова³², затем — высоко оцененную им книгу Бернье³³ и ряд других. В дальнейшем Маркс неоднократно вновь обращался к описательно-этнографической литературе по отдельным народам земного шара. Известно, например, что в августе — сентябре 1881 г., он штудировал книги по этнографии народов Индии и Индонезии³⁴.

С конца 60-х гг. у основоположников марксизма вызывают особый интерес вопросы, связанные с ранними ступенями развития человеческого общества, и, в частности, вопрос о значении общины как формы человеческого общежития. В 1868 г. Маркс изучает работы Маурера³⁵, еще

²¹ W. T. Thornton, *Over-population and its remedy*, London, 1846.

²² R. Vaughan, *The age of great cities*, London, 1843.

²³ R. Wallace, *A dissertation on the number of mankind in ancient and modern times*, Edinburgh, 1735.

²⁴ G. Jung, *Geschichte der Frauen*, Tl. 1, Frankfurt am Main, 1850.

²⁵ C. Meiners, *Geschichte der weiblichen Geschlechts*, Tl. 1—4, Hannover, 1798—1800.

²⁶ A. Ségur, *Les femmes, leur condition et leur influence dans l'ordre social chez les différents peuples anciens et modernes*, Paris, 1803.

²⁷ A. Thomas, *Essai sur le caractère, les mœurs et l'esprit de femmes...*, Paris, 1773.

²⁸ H. Merivale, *Lectures on colonisation and colonies*, vol. I, London, 1841.

²⁹ E. Wakefield, *A view of the art of colonisation*, London, 1849.

³⁰ Th. Buxton, *The African slave trade*, vol. 1—2, London, 1839—1840.

³¹ W. Prescott, *History of the conquest of Mexico*, vol 1, 3, London, 1851; *его же*, *History of the conquest of Peru*, London, 1850.

³² Alexis Soltykoff, *Lettre sur l'Inde*, Paris, 1849.

³³ F. Bernier, *Voyages contenant la description des États du Grand Mogol, de l'Indoustan*, tt. 1—2, Paris, 1830; см. К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 28, стр. 214—215, 222.

³⁴ J. Money, *Jawa, or how to manage a colony*, vol. 1—2, London, 1861; J. Phear, *The Arian village in India and Ceylon*, London, 1880.

³⁵ G. Maurer, *Einleitung zur Geschichte der Mark — Hof — Dorf und Stadt — Verfassung und der öffentlichen Gewalt*, München, 1854.

ранее он ознакомился с сочинениями Гакстаузена³⁶. В конце 1876 г. он читает работы по истории общинной собственности, написанные Хансеном³⁷, Демеличем³⁸, Утешеновичем³⁹, Карденасом⁴⁰, Кремази⁴¹. Но особенно большое значение Маркс придает в этой связи литературе о русской поземельной общине и вообще об аграрных отношениях в России.

Еще в 1869 г. Маркс начинает изучать русский язык, причем побудительным мотивом для этого у него является чтение произведений Н. Г. Чернышевского и книги Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России». В августе 1872 г. он получает от Н. Ф. Даниельсона «Письма без адреса» Чернышевского и приступает к их изучению. В первой половине 1873 г. он читает книгу А. А. Головачева об итогах крестьянской реформы в России⁴², начинает работу над пятитомным исследованием А. Скребицкого, посвященным той же теме⁴³, читает статью Н. Г. Чернышевского «Труден ли выкуп земли?»⁴⁴ и рецензию А. Северцева на книгу Б. Чичерина «Сельская община в России»⁴⁵. У Маркса вызывает интерес полемика по вопросу о развитии русского общинного землевладения, происходящая между западником Чичериным и славянофилом И. Беляевым; он просит в письме к Даниельсону прислать ему материалы, относящиеся к этой полемике⁴⁶. В конце 1873 г. Маркс читает этнографические работы Ф. Скалдина⁴⁷ и Н. Калачева⁴⁸. В феврале 1875 г. его заинтересовала журнальная заметка Г. Лопатина о русских религиозных сектах⁴⁹. В 1877 г. Маркс читает труды А. И. Васильчикова⁵⁰, М. В. Неручева⁵¹ и П. А. Соколовского⁵². В последующие годы подвергаются особо тщательному изучению работы М. М. Ковалевского, — в частности, такое значительное его произведение, как «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его развития»⁵³. Затем в поле зрения Маркса оказываются новые тома упоминавшейся уже работы А. И. Скребицкого, труды Ю. Э. Янсона⁵⁴, Н. Ф. Даниельсона⁵⁵. В третий или четвертый раз в первой половине

³⁶ A. Haxthausen, Studien über die innere Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländliche Einrichtungen Russlands, Bd. 1—3, Berlin, 1847—1852.

³⁷ G. Hansen, Ansichten über das Agrarwesen der Vorzeit, «Neues Staatsbürgerliche Magazin», 1835, № 3; 1837, № 6.

³⁸ F. Demelič, Le droit coutumier des slaves méridionaux, Paris, 1876.

³⁹ O. Uteševic, Die Hanskommunion der Südslaven, Wien, 1859.

⁴⁰ Fr. de Cárdenas, Ensayo sobre la historia de la propiedad territorial en España, Madrid, 1873—1875.

⁴¹ Y. Cremazie, Manuel de notions utiles sur les droits..., Quebec, 1854.

⁴² А. А. Головачев, Десять лет реформ 1861—1871, СПб., 1872.

⁴³ А. Скребицкий, Крестьянское дело в царствование императора Александра II, тт. 1—5, Бонн-на-Рейне, 1862—1868.

⁴⁴ «Современник», 1859, № 1.

⁴⁵ «Современник», 1856, № 11.

⁴⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 482.

⁴⁷ Ф. Скалдин, В захолустье и в столице, СПб., 1870.

⁴⁸ Н. Калачев, Артели в древней и нынешней России, СПб., 1864.

⁴⁹ Г. Лопатин, Из Иркутска, «Вперед», 1874.

⁵⁰ А. И. Васильчиков, Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах, СПб., 1876.

⁵¹ М. В. Неручев, Русское землевладение и земледелие, М., 1877.

⁵² П. А. Соколовский, Очерки истории сельской общины на севере России, СПб., 1877.

⁵³ М. М. Ковалевский, Общинное землевладение, причины, ход и последствия его развития, М., 1879.

⁵⁴ Ю. Э. Янсон, Влияние реформ 1861 года на сельское хозяйство и хлебную торговлю в юго-западных губерниях, СПб., 1868.

⁵⁵ Н. Ф. Даниельсон, Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, СПб., 1880.

1881 г. перечитываются «Письма без адреса» Чернышевского. Ряд работ, освещающих поземельные отношения в России, Маркс изучает и в 1882 г.; к ним относятся труды В. И. Семевского⁵⁶, А. Исаева⁵⁷ и Г. Минейко⁵⁸. В сентябре 1881 г. Маркс предпринимает систематизацию накопившихся у него материалов по России, — он составляет список этих материалов и книг, которому дает заглавие — «Russisches in my Bookshelf» («Русское на моей книжной полке»).

С мая 1881 по февраль 1882 г. Маркс изучает и подробнейшим образом конспектирует «Древнее общество» Моргана, — эта редкая тогда в Лондоне книга была доставлена ему из Америки М. М. Ковалевским. Параллельно с работой над произведением Моргана идет изучение трудов Э. Тайлора⁵⁹, Г. Мэна⁶⁰ и др. В октябре — ноябре 1882 г. Маркс изучает труд Д. Лёббока «Начало цивилизации и первобытное состояние человечества»⁶¹. Так почти до самого конца своей жизни Маркс не переставал много и упорно заниматься вопросами этнографии и истории культуры.

Итогом этой работы явились не только выписки и конспекты, хранящиеся в архиве, но и многочисленные высказывания в опубликованных произведениях Маркса, относящиеся к теоретическим проблемам указанных выше научных дисциплин. Сущность и значение образования и развития этнических общностей в ходе исторического процесса, проблемы этногенеза, взаимоотношения и взаимовлияние национальных культур, закономерности развития материальной и духовной культуры, фольклор, мифология, религия, — все эти стороны жизни народов привлекали внимание Маркса и служили объектом его плодотворных научных изысканий; важное место занимали в научных интересах Маркса также проблемы возникновения и ранних стадий развития человеческого общества, связанные с первобытной общиной, закономерностями ее движения и распада. Разумеется, нет возможности в журнальной статье даже кратко остановиться на всех аспектах этой теоретической деятельности Маркса, мы коснемся лишь некоторых из них.

* * *

Уже с середины 40-х годов Маркс имел возможность подходить к изучавшемуся им фактическому материалу с позиций созданной им же в содружестве с Энгельсом философии диалектического и исторического материализма. Ключ к познанию исторического процесса был найден в положении о том, что материальные общественные отношения людей образуют основу всех их отношений. «Возьмите, — писал Маркс в письме к Анненкову, — определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов, — словом, определенное гражданское общество»⁶². Под этим углом зрения обнаруживалась несостоятельность идеалистических спекуляций о «духе народов» и расистских концепций, раскрывались и слабые стороны эволюционистской этнографии.

⁵⁶ В. И. Семевский, Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II, т. I, СПб., 1881.

⁵⁷ А. Исаев, Артели в России, Ярославль, 1881.

⁵⁸ Г. Минейко, Сельская поземельная община в Архангельской губернии, Архангельск, 1882.

⁵⁹ E. Tylor, Primitive culture, vol. 1—2, London, 1871.

⁶⁰ H. Maine, Ancient law, London, 1861.

⁶¹ J. Lubbock, The origin of civilisation, London, 1870.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 402.

Развитие материального базиса общества определяет ход истории всех народов независимо от той части света, в которой они живут, от цвета их кожи и других антропологических показателей и измерителей. Оно протекает в определенной географической обстановке, которая, конечно, оказывает свое влияние и на направление, и на ход этого развития, но географический фактор не является решающим, ибо в разных социальных условиях одни и те же географические обстоятельства действуют по-разному. Темпы исторического развития разных народов неравномерны, но эта неравномерность зависит не от биологических особенностей самих этих народов и уж, конечно, не от предначертаний «абсолютного» или какого-нибудь другого духа, а от стечения сложной совокупности исторических и географических причин, конкретная картина которой должна особо выясняться для каждого данного случая. «Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение... Но не только отношение одной нации к другим, но и вся внутренняя структура самой нации зависит от ступени развития ее производства и ее внутреннего и внешнего общения»⁶³. Народы, ушедшие вперед в своем развитии, и народы, отставшие от них, различаются между собой прежде всего и главным образом по достигнутому ими уровню развития производительных сил, все остальное — производное.

Непримиримо отрицательное отношение к расистским концепциям неравноценности разных народов было связано у основоположников марксизма с их принципиальным интернационализмом. Задачи соединения пролетариата всех стран и наций, объединения всех трудящихся разных стран и наций вокруг пролетариата и их совместной борьбы против капитализма, требовали такого решения национального вопроса, которое несовместимо с малейшим, каким бы то ни было проявлением национальной дискриминации или стремлением к национальному угнетению. «Народ, поработавший другой народ, куёт свои собственные цепи»⁶⁴. То, что в либеральной эволюционистской этнографии второй половины XIX в. было продуктом хотя и прогрессивного, но абстрактно-академического подхода к проблеме, у классиков марксизма выражало не только строгую научность и обоснованность их концепций по существу, но и глубокую революционную партийность. Признание полной равноценности всех народов было одной из теоретических основ борьбы Маркса и Энгельса за национальное освобождение, за полное самоопределение наций.

Основоположники марксизма гневно разоблачали базирующуюся на национальном угнетении колониальную политику капиталистических стран. В «Капитале» Маркс показывает, к каким бесчеловечным методам эксплуатации и истребления колониальных народов прибегала буржуазия разных стран еще в период первоначального накопления: «История голландского колониального хозяйства — а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII столетия — дает нам непревзойденную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей»⁶⁵. Конечно, не одна лишь голландская буржуазия прибегала к таким методам. Маркс говорит в этой связи о различных моментах первоначального накопления, «распределявшихся, исторически более или менее последовательно, между различными странами, а именно: между Испанией,

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19—20.

⁶⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 16, стр. 407.

⁶⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 761.

Португалией, Голландией, Францией и Англией»⁶⁶. В итоге «сокровища, добытые за пределами Европы посредством прямого грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал»⁶⁷.

Кровавая политика колониальной эксплуатации характерна не только для «новорожденного капитала», который источал «кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»⁶⁸, но и для позднейшей истории буржуазии вплоть до нашего времени. Еще при жизни Маркса умерла последняя тасманийка, немало других племен и народов осталось существовать теперь только в названиях на страницах ученых трудов по истории и этнографии. Бесславно пала в наши дни колониальная система империализма, но в тех местах, где еще сохранились ее остатки, угнетенные народы и племена продолжают испытывать на себе весь ужас колониального порабощения.

Разоблачая кровавую колониальную политику капитализма, Маркс и Энгельс вместе с тем указывали на ту объективно-прогрессивную роль, которую он сыграл. Они посвятили этому вопросу несколько ярких страниц «Коммунистического Манифеста», представляющих огромный интерес для решения некоторых этнографических проблем.

В ходе развития капиталистического производства возник всемирный рынок, что оказало огромное влияние на формы международного общения, на характер и результаты взаимоотношений между народами. Производство и потребление стали космополитическими. Буржуазия «вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют... отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света»⁶⁹. В соответствии с этим все более интернационализируется и спрос, — для удовлетворения новых возникающих потребностей нужны товары, вырабатываемые разными народами в разных концах земли. Приходит конец национальной замкнутости, наступает эпоха «всесторонней связи и всесторонней зависимости наций друг от друга»⁷⁰.

Рост экономических связей находит свое непосредственное выражение в культурных и духовных взаимоотношениях. «Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»⁷¹.

Это происходит, конечно, не без сопротивления со стороны отдельных народов, волей истории втянутых в общий поток капиталистического развития; Маркс и Энгельс говорят в этой связи о «китайских стенах», разделявших ранее народы, и об «упорной ненависти варваров к иностранцам». Но все решается неумолимым ходом общественного развития, базирующегося на технико-экономическом прогрессе: совершенствование средств производства и транспорта, удешевление производства и соответственно — падение цен на товары, — пробивают все китай-

⁶⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 761.

⁶⁷ Там же, стр. 763.

⁶⁸ Там же, стр. 770.

⁶⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 427—428.

⁷⁰ Там же, стр. 428.

⁷¹ Там же.

ские стены. Постепенно у разных народов складывается капиталистический способ производства, и это обуславливает неумолимый процесс своего рода этнической нивелировки, стирания этнического своеобразия материальной и духовной культуры разных народов.

Чем дальше, — пишут Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — тем «во все большей степени история становится всемирной историей»⁷². В основе этого процесса лежит все более развивающееся межнациональное разделение труда, в свою очередь базирующееся на прогрессе производства и широчайшем распространении все более усовершенствованных средств общения. А результатом является постепенное, но неуклонное «уничтожение первоначальной замкнутости отдельных национальностей»⁷³. В свою очередь, экономическое и культурное сближение разных народов оказывает обратное влияние на развитие производительных сил и производства, стимулируя его, давая ему новые импульсы. Особенное значение имеет при этом географическое расширение круга народов, участвующих в общении. «Пока сношения ограничиваются непосредственным соседством, каждое изобретение приходится делать в каждой отдельной местности заново... Только тогда, когда сношения приобретают мировой характер и базируются на крупной промышленности, когда все нации втягиваются в конкурентную борьбу, только тогда обеспечивается сохранение созданных производительных сил»⁷⁴.

Это весьма противоречивый процесс. Маркс проследил его на материале, относящемся к тому влиянию, которое оказало владычество британского капитала на традиционный жизненный уклад коренного населения Индии. Он не идеализировал этот уклад. «Мы..., — писал он, — не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его всякого величия, всякой исторической инициативы»⁷⁵. Маркс говорит далее о том пагубном влиянии, которое «эта лишенная достоинства, неподвижная, растительная жизнь» оказывала на общественные нравы, порождая унижающие человека обычаи, дикие и жестокие религиозные культы и представления. Разрушая этот уклад, английский капитал совершал объективно-прогрессивное дело, «как ни печально с точки зрения чисто человеческих чувств зрелище разрушения и распада»⁷⁶, связанное с этим прогрессивным процессом. Но диалектически противоречивый характер последнего обусловлен не только реакцией «человеческих чувств» и даже не теми «самыми низменными целями», которыми «руководствовалась Англия, вызывая социальную революцию в Индостане»⁷⁷.

Существенно в данной связи, что прогресс в рамках капитализма осуществляется бесчеловечными методами. И это относится не только к британскому владычеству в Индии. «Разве она (буржуазия. — И. К.)... когда-нибудь достигала прогресса, не заставляя как отдельных людей, так и целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений?»⁷⁸.

⁷² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 45.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, стр. 54.

⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 135.

⁷⁶ Там же, стр. 135—136.

⁷⁷ Там же, стр. 136.

⁷⁸ Там же, стр. 228.

В те времена процесс уничтожения национальной замкнутости происходил лишь в его буржуазно-колонизаторской форме. Маркс предвидел неизбежность наступления того времени, когда этот процесс обретет качественно новые черты и формы. «Лишь после того,— писал он,— как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов,— лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»⁷⁹. Действительно, с момента возникновения социалистического способа производства уничтожение национальной замкнутости и сближение культур разных народов происходит в новом качестве, принципиально отличном от того, что присуще капитализму. В социалистическом обществе идет процесс сближения национальных культур на основе их взаимного обогащения. Здесь не буржуазия создает себе мир по своему образу и подобию, а народные массы разных стран и национальностей создают свою общую интернациональную культуру,— социалистическую по содержанию. При этом не может быть места насильственному насаждению новых форм, пренебрежению национальными особенностями культуры и быта отдельных народов, традиционным своеобразием их обычаев, языка, искусства.

Развитие капитализма привело к появлению нового типа этнической общности,— возникли буржуазные нации. Победа социализма на значительной части территории земного шара ведет к превращению этих наций в социалистические и к консолидации ряда малых народностей в социалистические нации. В новых исторических условиях, на принципиально иной основе идет процесс «обобщения» этнических особенностей. Для этнографической науки открывается широкое поле описания и исследования этого принципиально нового процесса,— его форм и путей, его результатов. Вместе с тем нельзя не видеть, что одним из важнейших условий познания новых процессов является исследование тех исчезающих форм, на смену которым приходят новые.

Огромное значение для этнических процессов нашего времени имеет то обстоятельство, что многочисленные народы разных материков освободились от империалистического гнета и вступили на путь самостоятельного исторического развития. Их богатейшие национальные культуры выступают теперь в мировом общении народов в новом качестве. Многие из этих народов используют представленную им историей возможность некапиталистического развития и становятся на путь строительства социализма. В этих условиях открываются новые возможности расцвета их национальной культуры, обогащаемой в ходе общения с другими народами, тоже идущими по пути прогрессивного развития. Сочетание традиционных форм культуры с новыми, возникающими в процессе интернационального общения, должно дать невиданные по своему богатству и своеобразию формы материальной и духовной культуры.

* * *

Став наукой в действительном смысле этого слова, этнография получила возможность в сотрудничестве с достигшей к этому времени серьезных успехов палеоархеологией сказать свое слово о ранних ступенях истории человеческого общества.

⁷⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 230.

В этом отношении середина прошлого века была особенно плодотворным временем. С открытием в 1836—1841 гг. Ж. Буше де Пертом орудий каменного века, с открытием в последующие годы доисторических кухонных куч в Дании и свайных построек на Цюрихском озере, с находкой первого неандертальского черепа, появилась возможность — в дальнейшем богатейшим образом реализованная — сочетания этнографического материала с археологическим и реконструкции на этой основе истории первобытного общества. Известный вклад в эту работу внесла и историческая лингвистика.

В начале своего научного пути Маркс еще не имел возможности опираться на этот материал. «Коммунистический Манифест», написанный Марксом и Энгельсом в конце 1847 г., содержит знаменитую фразу: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов»⁸⁰. В английском издании 1888 г. Энгельс снабдил этот тезис следующим примечанием: «То есть вся история, дошедшая до нас в письменных источниках. В 1847 г. предистория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писаной истории, почти совсем еще не была известна»⁸¹. Дальше Энгельс ссылается на сделанные с тех пор открытия: «Гакстгаузен открыл общинную собственность на землю в России, Маурер доказал, что она была общественной основой, послужившей исходным пунктом исторического развития всех германских племен, и постепенно выяснилось, что сельская община с общим владением земель является или являлась в прошлом повсюду первобытной формой общества, от Индии до Ирландии»⁸². Л. Морган, говорит далее Энгельс, показал «внутреннюю организацию этого первобытного коммунистического общества в ее типической форме»⁸³. Теоретическое обобщение основоположниками марксизма этих важнейших научных достижений так же, как и открытый по истории семьи, сделанных Бахофеном и Мак-Леннаном, дало им возможность восполнить общую картину истории человечества ее начальным звеном, — первобытным классовым обществом.

Следует, однако, сказать, что уже в начальный период своей деятельности Маркс и Энгельс высказали ряд соображений о первобытном обществе, обнаруживающих гениальное прозрение его действительной сущности. Написанные ими в сороковых годах работы уже содержат ряд важнейших положений, характеризующих основные черты материальной и духовной жизни первобытного общества. В особенности это относится к «Немецкой идеологии» — первому произведению, в котором классики марксизма «свели счеты со своей прежней философской совестью»⁸⁴ с позиций исторического материализма.

Уже в ранних своих произведениях Маркс и Энгельс отвергают две, характерные для XVIII в., полярно-противоположные, в одинаковой степени умозрительные и столь же неверные, концепции первобытной истории. Первой из них была «ходячая фикция XVIII века», которая «считала естественное состояние истинным состоянием человеческой природы». Идеализация первобытного человека («человека в естественном состоянии») приводила к созданию фиктивного образа некоего прекрасного, мудрого и доброго Папагено⁸⁵. Маркс высмеивает эту, пре-

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 424.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 8.

⁸⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 85. Папагено — птицелов, персонаж из оперы Моцарта «Волшебная флейта».

тендующую на историчность, пастораль. Вместе с тем он не разделяет и представления Гоббса о «естественном состоянии» войны всех против всех и о первобытном человеке, якобы находившемся с другими людьми в отношениях волка с волками. Маркс самостоятельно в общих чертах реконструировал первобытное общество, исходя из известных в его время фактов антропологии, этнографии и археологии, осмысливая эти факты в свете основ открытого им мировоззрения.

Почти за полтора десятилетия до того времени, как Дарвин обнаружил свою теорию происхождения видов, Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» рассматривают уже первобытного человека как существо, генетически связанное с животным миром. Они неоднократно подчеркивают его зоологические черты, но при этом отчетливо фиксируют как те элементы его физического и духовного облика, которые унаследованы от животного, так и принципиальную грань, разделяющую человека и животное. Начало осознания человеком того факта, что он живет в обществе и соотносится с другими людьми, «носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это — чисто стадное сознание, и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или же, — что его инстинкт осознан»⁸⁶. Осознание природы человеком на этой ступени происходит в формах столь же человеческих, сколь и зоологических. Природа «первоначально противостоит людям как совершенно чуждая, всемогущая и неприступная сила, к которой люди относятся совершенно по-животному и власти которой они подчиняются, как скот»⁸⁷. И все-таки это уже человеческое общество, в котором действуют закономерности нового, по сравнению с биологическими, типа — социальные закономерности.

В основе общества лежит труд. «Первый исторический акт, это — производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей (в пище, питье, жилище, одежде и т. п. — *И. К.*), производство самой материальной жизни»⁸⁸. Способы, формы удовлетворения этих потребностей непрестанно совершенствуются, что и является основой дальнейшей истории. Здесь-то и находится водораздел между животным и человеческим состоянием. Можно, говорят Маркс и Энгельс, находить критерий различения человека и животного в чем угодно, — например, в сознании и религии. Важно, однако, что сами люди «начинают отличать себя от животных, как только начинают *производить* необходимые им средства к жизни»⁸⁹. В дальнейших исследованиях проблемы происхождения человеческого общества этот тезис послужил краеугольным камнем всех научных построений.

Производство неминуемо протекает в какой-то общественной форме. Представляет в рассматриваемой нами связи существеннейший интерес установление того, какова была эта форма на самых ранних ступенях развития общества, то есть по существу, — каков был первобытный общественный строй.

До появления трудов Бахофена, Мак-Леннана и Моргана в научной литературе господствовало представление о том, что первоначальной формой брачных отношений у человека, как и первой формой общежития в целом, была патриархальная, если даже не моногамная, семья. Энгельс говорит, что раньше «историческая наука в этой области целиком еще находилась под влиянием Пятикнижия Моисея». Допускалось, правда,

⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 30.

⁸⁷ Там же, стр. 29.

⁸⁸ Там же, стр. 26.

⁸⁹ Там же, стр. 19.

что «в первобытные времена мог существовать период неупорядоченных половых отношений»⁹⁰, известны были также различные формы многоженства, но все это выглядело как своего рода отклонение от патриархально-семейной нормы. Многоженство же, как соответствует и обычаям, отразившимся в Ветхом завете, рассматривалось как одна из модификаций тех же патриархально-семейных отношений.

В ранних произведениях Маркса и Энгельса современный им уровень развития исторической науки не мог не найти своего отражения. Но еще тогда, когда открытие доклассового общества средствами этнографии и археологии было делом будущего, Маркс и Энгельс писали: «Первая форма собственности, это — племенная собственность»⁹¹. Понятие племени (Stamm) имело тогда в немецком языке более широкое и менее специальное значение, чем ему придается в современной этнографической литературе. Во всяком случае, применение его здесь Марксом и Энгельсом означает, что они уже тогда считали первичной ячейкой общества, являющейся субъектом собственности, не отдельную семью, а более широкий коллектив.

Чем дальше в глубь истории, писал Маркс, «тем в большей степени индивидуум... выступает самостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с общиной в различных ее формах, возникшей из столкновения и слияния родов»⁹². Речь идет как будто об эволюционной линии: семья — род — община. На самом же деле взгляды Маркса уже в период работы над произведением «К критике политической экономии», т. е. во второй половине 50-х годов, не вполне укладывались в эту схему. Упомянув в этой работе о взглядах Аристотеля по поводу «частной семьи как первоначальной формы общения», Маркс заявляет: «Но первоначальная форма семьи есть сама родовая семья, из исторического разложения которой только и появляется частная семья»⁹³. Очевидно, говоря о семье, как первоначальной форме человеческого общежития, Маркс здесь уже имеет в виду не моногамную семью, а скорее разновидность общины.

На заре истории человек был еще в меньшей степени Робинзоном, чем в последующие исторические эпохи. В первобытном обществе вся жизнь человека и, прежде всего, его трудовая деятельность протекает в теснейшем сообществе с другими людьми, в коллективе. Это базировалось на двух основах: с одной стороны — на общем владении средствами производства, с другой стороны — на зоологической слитности первобытного человеческого стада. Эти два источника первоначальной неотрывности индивидуума от коллектива имеют разное происхождение: первая вытекает из такого общественного социально-экономического фактора, как общая собственность на средства производства, вторая связана с животным происхождением человека. Но в реальной жизни первобытного общества они взаимно проникают друг друга и образуют целостную картину доклассового примитивно-коммунистического общественного порядка.

И все же взгляды Маркса по вопросу о первоначальной форме человеческого общежития в 50—60-х годах еще не вполне сложились. Так, в первом томе «Капитала» он пишет: «В пределах семьи — а с дальнейшим развитием в пределах рода...», Энгельс в третьем издании этого

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 215.

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 20.

⁹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 710.

⁹³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 37.

произведения дал здесь такое примечание: «Более поздние весьма основательные исследования первобытного состояния человечества привели автора к выводу, что первоначально не семья развилась в род, а, наоборот, род был первоначальной естественно сложившейся формой человеческого общества, покоящегося на кровном родстве, так что различные формы семьи развиваются лишь впоследствии из начавшегося разложения родовых союзов»⁹⁴.

Работы Гакстгаузена, Маурера и, особенно, Моргана дали классикам марксизма важнейшие материалы для подтверждения, дальнейшего развития и насыщения конкретно-историческими данными тех предположений о господствовавшей на заре истории общей собственности, которые они высказывали и раньше.

Представление об отсутствии частной собственности на первых стадиях истории человечества было весьма распространенным уже в литературе XVII—XVIII вв. Оно, однако, не составляло тогда элемента исторической концепции, в которой это состояние рассматривалось бы как звено закономерной цепи исторического движения. Руссо и Гоббс, например, считали, что первобытная общественная собственность распадается в силу губительных по своим последствиям (как считал первый) или, наоборот, благотворных (с точки зрения второго) устремлений отдельных членов общины. Для Руссо первый человек, отгородивший участок и назвавший его своим, совершил воровство, для Гоббса, наоборот, его следует чествовать как основателя важнейшего для людей института государства. Но ни тот, ни другой не могли увидеть в возникновении частной собственности того элемента естественно-исторического процесса, который лежал в основе разделения общества на классы и возникновения государства.

Гакстгаузен в 40-х годах прошлого века обнаружил существование в центральных губерниях России порядков поземельной общины. Маурер в ряде своих трудов доказал, что господствующей формой земельной собственности у древних германцев, а также и на протяжении раннего средневековья у немцев, тоже была община. Маркс хорошо знал труды этих авторов. Относясь несколько иронически к «почтенному советнику» Гакстгаузену вследствие его реакционных социально-политических взглядов, классики марксизма все же воздавали должное значению его открытия. С живейшей симпатией Маркс пишет о «сочинениях старика Маурера», в которых обосновывается положение о том, что частная собственность на землю представляет собой сравнительно позднее явление. Но и Гакстгаузен, и даже Маурер не были в состоянии понять все значение их собственных открытий: они не видели универсальности общинного порядка и не понимали того, что он представляет собой форму человеческого общежития, присущую ранней ступени истории общества.

В одном из писем к Энгельсу Маркс говорит: «Вывинутая мной точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новые подтверждения»⁹⁵. Констатируя всеобщую распространенность общинных порядков в древности, Маркс делает вывод об ошибочности мнения о том, будто община представляет собой специфически русское явление.

Вполне определенно утверждал Маркс универсальность общины в «Критике политической экономии». Он говорит там, что «общинный

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 364.

⁹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 32, стр. 36.

труд в его первобытной форме» имел место «на пороге истории всех культурных народов». В примечании к этой фразе Маркс высмеивает «смехотворный предрассудок, будто форма первобытной общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма». На самом деле общинная собственность есть «первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов» и «целый ряд ее разнообразных образцов... до сих пор еще встречается у индийцев»⁹⁶. Именно разложение первобытной общинной собственности влечет за собой возникновение порядков классового общества, а с ними — и государства.

К вопросу об исторической роли и судьбе первобытной общины Маркс неоднократно возвращался во многих своих работах. Подробные высказывания на эту тему содержатся и в сохранившихся трех набросках его письма к Вере Засулич; адресату был отправлен четвертый вариант, — наиболее лаконичный. Как само письмо, так и его черновые варианты представляют большой теоретический интерес.

В. Засулич поставила перед Марксом вопрос, — считает ли он неизбежной гибель поземельной общины в России. Его ответ на этот вопрос был отрицательным, — община может уцелеть, но «чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция»⁹⁷. Этим было положено основание марксистско-ленинской теории прогрессивного общественно-экономического развития отстающих стран по некапиталистическому пути. Мы находим в марксовых черновиках письма к Засулич ряд существенных положений, характеризующих значение первобытной общины и в общеоисторическом плане.

С первобытной общиной Маркс сопоставлял «земледельческую», рассматривая первую как начальную ступень «архаической формации», а вторую — как последнюю ступень. «В историческом движении Западной Европы, древней и современной, период земледельческой общины является переходным периодом от общей собственности к частной собственности, от первичной формации к формации вторичной»⁹⁸. В свете приведенных ранее высказываний Маркса ясно, что такая характеристика исторической роли земледельческой общины относится не только к Западной Европе, она выражает некую общую закономерность социально-экономического развития всех народов и является существенным звеном общеоисторической концепции, по которой начальной ступенью развития человечества был строй, в основе которого лежала общественная собственность на средства производства.

Появление в 1877 г. книги Л. Моргана «Древнее общество» показало, что к аналогичным выводам пришел и ее автор, пользуясь главным образом этнографическим материалом. Известно, как высоко оценили основоположники марксизма труды Моргана. Маркс не успел осуществить свой замысел написания большого произведения, в котором концепция Моргана и обосновывающий ее фактический материал были бы не только подробно изложены, но и подвергнуты обстоятельному разбору. Пользуясь обширным конспектом книги Моргана, составленным Марксом, Энгельс написал свою знаменитую работу «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Известно фигурирующее у Моргана разделение истории человечества на периоды дикости, варварства и цивилизации; каждый из этих периодов, в свою очередь, делился им на низшую, среднюю и высшую стадии.

⁹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 20.

⁹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 410.

⁹⁸ Там же, стр. 404.

Периодизация: дикость — варварство — цивилизация — была предложена еще в XVIII в. шотландским философом А. Фергюссоном⁹⁹, а потом с прибавлением еще двух периодов была повторена Ш. Фурье¹⁰⁰. Таким образом, заслуга Морганов заключается не в самом выдвижении этих трех понятий в качестве вех, знаменующих этапы истории. Тем более это можно сказать о делении каждого из периодов на стадии, ибо такие три стадии проходит в своем развитии любое явление, а конкретные признаки перехода от одной стадии к другой, предложенные Морганом, в ряде случаев в свете фактов, накопленных позднейшей наукой, оказались ошибочными. И все же периодизация, данная Морганом, имела для своего времени большую ценность.

Заслуга Морганов заключалась в том, что в основу периодизации человеческой истории был положен материалистический критерий развития производительных сил. Специфическим признаком периода дикости Морган признал присвоение готовых продуктов природы, как основной способ добывания человеком средств к жизни, для варварства же он считал характерным производящее хозяйство в таких его разновидностях, как скотоводство и земледелие. Рубежи перехода от одной стадии к другой внутри каждого из периодов также связаны у Морганов с изобретениями и открытиями в технике и производстве. Конечно, в сравнении с такими концепциями, по которым критерий прогресса и отдельных его этапов следует искать в развитии интеллекта, в эволюции религии, в «сознании свободы» (Гегель) и т. д., учение Морганов имело большое положительное значение, по достоинству оцененное основоположниками марксизма.

Унаследовав сильные стороны эволюционизма, — положение о единстве человеческого рода и идею прогрессивного развития, Морган освободился от ряда его слабостей. Биологизация общественных явлений, непонимание значения качественного своеобразия отдельных этапов историко-эволюционного пути, а, главное, — непонимание значения материального фактора в общественно-историческом процессе, — эти черты ограниченности эволюционизма были в основном преодолены Морганом. Результатом его сорокалетней работы было самостоятельное создание такой концепции исторического процесса, которая в основных своих чертах совпала с ранее созданной Марксом и Энгельсом теорией исторического материализма.

Во всех характеристиках трудов Морганов, находимых нами у классиков марксизма, на первом месте стоит положение о том, что американский этнограф самостоятельно открыл исторический материализм. Общеизвестны высказывания этого рода, принадлежащие Энгельсу¹⁰¹. Реже приводится в нашей литературе оценка значения Морганов, данная В. И. Лениным в ходе его полемики с Н. К. Михайловским.

Народнический публицист пытался иронизировать по поводу того, что до Морганов «древняя греческая, римская и германская история оставались неразрешенными загадками», несмотря на то, что исторический материализм был уже давно открыт. В. И. Ленин показал всю беспочвенность выпадов Михайловского. Применение, сказал он, основного положения исторического материализма к анализу некоторых периодов общественного развития затруднялось до Морганов недостатком фактического материала, — в частности, была своего рода загадкой и «гентиль-

⁹⁹ A. Fergusson, An essay in the history of civil society, Dublin, 1767.

¹⁰⁰ Вся периодизация выглядела у него так: эденизм («райский период», золотой век), дикость, патриархат, варварство, цивилизация. См. Ch. Fourier, Théorie des quatre mouvements, Paris, 1808.

¹⁰¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 25; т. 36, стр. 97, 109; т. 39, стр. 176.

ная организация». Собранный же Морганом богатый материал дал ему возможность «проанализировать сущность гентильной организации, и он сделал тот вывод, что объяснения ее надо искать не в идеологических отношениях (например, правовых или религиозных), а в материальных. Ясное дело, что этот факт дает блистательное подтверждение материалистического метода — и ничего больше»¹⁰².

Для Маркса и Энгельса значение Моргана также состояло, прежде всего, в факте самостоятельного «нового» открытия созданной ими философии истории ученым, базировавшимся лишь на логике добросовестно изученного им огромного количества фактов. Здесь заключалось еще одно подтверждение исторического материализма. Факты же, собранные и сообщенные Морганом, создавали, как писал Энгельс, прочную базу всемирной истории. К тому же, открыв доисторическую основу истории, Морган с широтой и смелостью, необычными для буржуазного ученого, делал выводы, относящиеся к будущему человеческого общества: «Он... заканчивает свой труд коммунистическими выводами по отношению к современности»¹⁰³. Само собою разумеется, что для основоположников марксизма это должно было явиться еще одним источником симпатий к американскому ученому, труды которого упорно замалчивались его буржуазными коллегами.

При всем своем положительном отношении к Моргану Маркс и Энгельс вовсе не принимали безоговорочно все содержание его труда. Как известно, Энгельс, написав «Происхождение семьи», «выполнил завещание» Маркса. Он использовал при этом марксов конспект «Древнего общества» и содержащиеся в нем критические замечания по адресу Моргана, а также, видимо, и неоднократный устный обмен мнениями с Марксом по этим вопросам. И можно рассматривать как своеобразный итог этих обсуждений положение, высказанное Энгельсом в связи с его работой над «Происхождением семьи»: «Было бы нелепо лишь «объективно» излагать Моргана, а не истолковать его критически, и, используя вновь достигнутые результаты, изложить их в связи с нашими воззрениями и уже полученными выводами»¹⁰⁴. К тому же, Маркс и Энгельс указывали на то, что и фактическая основа трудов Моргана в ходе дальнейшего развития науки будет, вероятно, превзойдена новыми достижениями последней. Уже в предисловии к IV изданию «Происхождения семьи» Энгельс писал, что за семь лет, прошедших после первого издания этой книги, «в изучении первобытных форм семьи достигнуты большие успехи», обязывающие сделать в тексте «тщательные исправления и дополнения»¹⁰⁵. Имеются, конечно, в виду при этом и те исследования, которые были за этот период осуществлены и в других областях истории первобытного общества — помимо истории семьи. В самом же тексте своего труда Энгельс, ссылаясь на моргановскую периодизацию истории, сделал специальную оговорку о том, что она останется в силе «до тех пор, пока значительное расширение материала не заставит внести изменения»¹⁰⁶ в нее. За почти столетие, прошедшее после того, как Энгельс написал эти слова, «значительное расширение материала» стало фактом, так что многое в моргановских построениях подлежит теперь пересмотру. Незыблемыми, однако, остаются его исходные теоретические позиции или, точнее сказать, то, что совпадает в этих позициях с краеугольными положениями исторического материализма.

¹⁰² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 149.

¹⁰³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 109.

¹⁰⁴ Там же, стр. 123.

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 214.

¹⁰⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 28.

Советские этнографы продолжают исследование проблем истории первобытного общества, руководствуясь принципиальными положениями исторического материализма и обобщая в свете этих положений тот новый фактический материал, который продолжает поступать в распоряжение исследователей.

* * *

Современная наука имеет теперь возможность рассматривать идейное наследие Карла Маркса в свете нового общественно-исторического опыта и той огромной массы фактов, которая поступила в распоряжение исследователей с конца XIX в. И, с другой стороны, именно в произведениях основоположников марксизма-ленинизма содержатся те мировоззренческие и методологические ориентиры, которые позволяют нам правильно разобраться во все растущем потоке новой информации, в своеобразии новых этапов развития науки, в содержании ее достижений на каждом из этих этапов.

SUMMARY

The article deals with some aspects of the work of Karl Marx on problems of ethnography and culture history. All his life Marx kept abreast of the literature in these fields, made extensive excerpts of the works studied; his general philosophical concept of history was founded on factual historical and ethnographical material. The author attempts to trace the development of Marx's views on the national problems and some aspects of the history of primitive society, underlying the great importance attached by Marx to the works of Bachofen, MacLennan, and particularly L. H. Morgan. Both Marx and Engels assumed that further progress of scientific knowledge might lead to material changes in the ideas formulated by those scientists. Soviet ethnographical science guided by the methodology of Marxism-Leninism carries on the traditions of Marx and Engels it continually studies new flows of ethnographical information and reaches theoretical conclusions through analyzing this material.

Б. В. Андрианов

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Современные успехи исторических наук (археологии, этнографии, истории) способствуют дальнейшему развитию материалистической концепции всемирно-исторического процесса и уточнению ряда звеньев общей схемы последовательной смены социально-экономических формаций. Советскими этнографами разрабатываются как отдельные социальные, так и хозяйственно-культурные аспекты этой темы¹. Развернувшиеся в последнее время теоретические дискуссии выявили, однако, ряд пробелов в наших знаниях; они поставили задачу расширения методов исследований и круга исторических источников. На этих дискуссиях вновь была поднята проблема социального строя древневосточных цивилизаций, обсуждены вопросы перехода от первобытнообщинного строя к классовым обществам, пути формирования государств и смены социально-экономических формаций². В обсуждении спорных проблем приняли участие многие историки, востоковеды, археологи и этнографы. Однако, по нашему мнению, в дискуссиях были недостаточно использованы материалы, характеризующие развитие производительных сил, историю хозяйственной деятельности обществ в разных природных зонах, историю хозяйственно-культурных типов. Созданное советскими этнографами понятие о хозяйственно-культурных типах, или группах, дополненное материалами исследований археологических культур, может быть привле-

¹ С. П. Толстов, Проблемы родового общества, «Сов. этнография», 1931, № 3—4; его же, Очерки первоначального ислама, «Сов. этнография», 1932, № 2; его же, К вопросу о периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1946, № 1; М. Г. Левин, К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», II, 1947; М. О. Косвен, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1952, № 3; М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области, «Сов. этнография», 1955, № 4; А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, Сб. «Проблемы истории первобытного общества», «Труды Ин-та этнографии АН СССР» (далее ТИЭ), т. LIV, М., 1960; Б. Б. Пиотровский, О характере закономерностей в истории культуры, «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г.», М., 1961; С. П. Толстов, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии, «Вопросы истории», 1961, № 11; Линь Яо-хуа и Н. Н. Чебоксаров, Хозяйственно-культурные типы Китая, «Восточно-Азиатский этнографический сборник», II, ТИЭ, т. LXXIII, М., 1961, и др.

² См.: Л. В. Данилова, Дискуссия по важной проблеме, «Вопросы философии», 1965, № 12; О. А. Афанасьев, Обсуждение в Институте истории АН СССР проблемы «Азиатский способ производства», «Сов. этнография», 1965, № 6; А. И. Павловская, С. Л. Утченко, Научная жизнь сектора древней истории Института истории АН СССР за 1965 г., «Вестник древней истории», 1966, № 1; «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», «Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (Азиатский способ производства)», М., 1966; «Античное общество», «Труды конференции по изучению проблем античности», М., 1967, и др.

чено гораздо шире и полнее для решения некоторых дискуссионных проблем.

Хозяйственно-культурные типы — исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественно-географических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития³. Направление хозяйства и географическая среда в значительной степени определяли особенности материальной культуры народов — типы их поселений и жилища, пищу и утварь, одежду, средства передвижения и т. п. Множественность локальных проявлений человеческой культуры сочеталась с единством, с проявлением всеобщих закономерностей всемирно-исторического процесса⁴, определявших характер общественного строя и особенности хозяйства, способ добывания средств, необходимых для существования людей, способ производства материальных благ — пищи, одежды, обуви, жилища, орудий производства и т. п. Природа, служившая естественно-географической основой производства, предопределила в первобытную эпоху разнообразие материального производства в разных экологических средах, что в свою очередь отразилось на формировании, эволюции и закономерной смене различных хозяйственно-культурных типов. Последние наиболее отчетливо проявляются в комплексах предметов материальной культуры (и, отчасти, в духовной культуре); эти комплексы изучаются как археологическими, так и этнографическими методами, которые, дополняя друг друга, позволяют реконструировать по вещественным остаткам хозяйственный и общественный быт давно исчезнувших народов.

В докапиталистическую эпоху прогресс человечества зависел от развития основных форм хозяйства — охоты, рыболовства, собирательства, земледелия, скотоводства и ремесла. Со времен античности вплоть до конца XIX в. господствовало представление о том, что человек в своем хозяйственно-культурном развитии прошел последовательно три стадии: 1 — собирательство и охота; 2 — пастушество; 3 — земледелие⁵. Наиболее четко эта точка зрения была сформулирована немецким экономистом Фр. Листом (1842), который выделил следующие ступени: 1 — дикость; 2 — пастушество; 3 — земледелие; 4 — земледелие и ремесла; 5 — земледелие, ремесла и торговля⁶. В 1874 г. Дж. Герлянд внес поправку: по его мнению, растениеводство предшествовало кочевому скотоводству. Исследованиями Э. Петри (1890) и Э. Хана была доказана несостоятельность схемы Дж. Герлянда. Э. Хан, в частности, опубликовал в 1892 г. карту мира со следующими хозяйственно-культурными стадиями: 1 — охота и рыболовство; 2 — мотыжное земледелие; 3 — плантационное земледелие; 4 — европейское и западноазиатское земледелие; 5 — скотоводство; 6 — огородничество⁷. Буржуазные экономисты Дж. Герлянд и Карл Бюхер сконструировали трехступенчатую схему развития мирового хозяйства: «замкнутое домашнее хозяйство», «городское хозяйство», «народное хозяйство». В модернизированном виде подобные упрощенные схемы дожили и до наших дней. Американский этнограф Поль Бохеннан в своей книге «Social Anthropology» (1965) выделяет

³ Тесно связанное с «хозяйственно-культурным типом» понятие «историко-этнографическая область» здесь не рассматривается. См. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 10—17.

⁴ См.: С. А. Артановский, Историческое единство человечества и взаимное влияние культур, Л., 1967.

⁵ См. F. L. Klammer, Eduard Hahn and the end of the three stages of Man, «Geographical Review», vol. 57, 1967, № 1.

⁶ Fr. List, Das national System der politischen Ökonomie, Berlin, 1842.

⁷ E. Hahn, Die Wirtschaftsformen der Erde, «Petermanns Mitteilungen», Bd. 38, 1892.

во всемирной истории хозяйства пять стадий, основанных: 1 — на охоте и собирательстве; 2 — скотоводстве; 3 — мотыжном огородничестве; 4 — развитом плужном земледелии; 5 — фабричной индустрии.

Главный недостаток подобных схем исторического развития производства — в игнорировании изменений способов производства (соединения общественного характера производства с теми производительными силами, которыми располагает общество в данной стране, в данный исторический период), развития форм собственности на средства производства и смены социально-экономических формаций. Для марксистской науки характерен иной подход к истории хозяйственной деятельности людей. Обобщая моргановскую периодизацию древней истории человечества, Ф. Энгельс наметил следующие рубежи в истории хозяйства: период преимущественно присвоения готовых продуктов (дикость — по схеме Моргана); период зарождения производящего хозяйства, введения скотоводства и земледелия, период развития методов повышения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности, завершающийся первым крупным общественным разделением труда и разложением первобытнообщинного строя (варварство — по схеме Моргана); начало цивилизации связано уже с отделением ремесла от земледелия, со все возрастающим географическим и общественным разделением труда, торговлей, появлением товарного производства, городов, с зарождением классового общества и государства.

Основные формы хозяйства — охота, рыболовство, собирательство, земледелие и скотоводство — претерпели изменения, в ходе исторического процесса, изменялось и соотношение между ними в общественном производстве. Современные методы абсолютной хронологии (в соединении с археологическими, историко-этнографическими и палеогеографическими характеристиками) дают материал для реконструкции хозяйственно-культурных типов разных эпох и в разных географических зонах⁸. Они позволяют выделить ведущие формы хозяйства в каждой из крупных эпох истории. Например, охота на крупных зверей в палеолите сплотила человеческие орды. Вынужденный переход к охоте на небольших быстро бегающих животных способствовал развитию мезолитической и неолитической техники изготовления оружия и орудий. В поисках добычи охотники каменного века освоили разнообразные ландшафты всех континентов. Охота на мелких животных, собирательство, рыболовство, охота на птиц, усовершенствованные способы охоты на крупного зверя — все это создавало базу для более или менее интенсивной эксплуатации природных ресурсов, но требовало обширных территорий. Плотность населения составляла от нескольких сот кв. км на 1 чел. до 1 чел. на 1 кв. км. Г. Кларк, например, оценивает неолитическое население Великобритании в 20 тыс. чел. (12 кв. км на 1 чел.)⁹. Л. Крживицкий отмечает для Австралийского континента (накануне европейской колонизации) большие колебания плотности (от 100 кв. км до 1 кв. км на одного чел.), чрезвычайную динамичность бродячих групп (насчитывающих в среднем 30—50 чел.) и очень низкие темпы естественного прироста¹⁰.

⁸ См.: D. Brothwell and E. Higgs (ed.), *Science in archaeology. A comprehensive survey of progress and research. With a foreword by G. Clark*, Bristol, 1963; J. C. D. Clark, *Radiocarbon dating and the spread of farming economy*, «Antiquity», vol. XXXIX, № 153, 1965; В. С. Титов, Роль радиоуглеродных дат в системе хронологии неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы, «Археология и естественные науки», М., 1965, и др.

⁹ G. Clark, *Archaeology and society*, London, 1939; C. Clark and M. Haswell, *The economics of subsistence agriculture*, London — New York, 1964, p. 27.

¹⁰ L. Krzywicki, *Primitive society and its vital statistics*, Warsaw, 1934, pp. 3—5.

Зона распространения многих древних хозяйственно-культурных типов постепенно расширялась в связи с миграциями населения и освоением новых областей. Являясь временем коренной перестройки всей материальной базы первобытного общества, верхний палеолит, мезолит и ранний неолит стали своего рода первобытной «эпохой великих географических открытий», когда были заселены и освоены обширные новые территории и в Старом и в Новом Свете. Этот процесс великого расселения человечества привел к образованию многих локальных вариантов человеческой культуры, обусловленных, прежде всего, многообразием источников существования на осваиваемых человеком территориях¹¹. Он сопровождался формированием древнейших хозяйственно-культурных типов: лесных охотников и собирателей тропических лесов и лесов умеренной зоны, бродячих охотников и собирателей гор и равнин аридной зоны, полуседлых рыболовов морских побережий и дельтовых областей, охотников за крупными степными травоядными животными и т. д.

В мезолите и неолите начали появляться различия в темпах прогрессивного исторического развития населения различных ландшафтных зон. Выделилась зона, где зародилось производящее хозяйство, основанное на растениеводстве и разведении домашних животных¹². В некоторых районах этому способствовало рыболовство и связанная с ним оседлость; в других — регулярный «сбор урожаев» диких пищевых растений.

В Старом Свете к этой зоне относятся сухие нагорья (между 20 и 40 градусами сев. широты), характеризующиеся чрезвычайным разнообразием ландшафтов, очагами дикорастущих пищевых растений (злаков и бобовых), достаточным количеством тепла, плодородностью аллювиальных почв и т. п. Земледелие возникло из высокоорганизованного собирательства злаковых растений в определенных ареалах, где геоботаниками выявлены многие дикорастущие предки современных культурных растений. Так, например, Д. Зохари и Дж. Хэрлан считают, что пшеница-однозернянка одоместичирована в горах Загроса и Тавра, а двузернянка — в Южной Палестине¹³.

Новые археологические и палеоэтноботанические исследования в общем подтвердили полицентрическую концепцию зарождения растениеводства, разработанную Н. И. Вавиловым, хотя в некоторые из его выводов и были внесены коррективы¹⁴. В ходе исследований выявились наиболее древние очаги, где интенсивное собирательство постепенно сменялось растениеводством и присваивающее хозяйство (с экстенсивным использованием территории) перешло в производящее, что повлекло за собой смену хозяйственно-культурных типов (называемую некоторыми «неолитической революцией»). Резко возросла плотность населения. Например, по оценочным данным в долине Нила все племена неолитических

¹¹ См.: С. П. Толстов, Некоторые проблемы всемирной истории в свете данных современной исторической этнографии.

¹² См.: R. J. Braidwood and G. R. Willey (ed.), *Courses toward urban life: archaeological considerations of some cultural alternates*, «Viking fund publications in anthropology», № 32, New York, 1962; В. М. Массон, *От возникновения земледелия до сложения раннеклассового общества* (этапы культурного и хозяйственного развития по материалам Азиатского материка), «VII Международный конгресс доисториков и протеоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР», М., 1966, и др.

¹³ J. K. Harlan and D. Zohary, *Distribution of wild wheats and barley*, «Science», vol. 153, № 3740, pp. 1074—1079.

¹⁴ См.: Е. Н. Синская, Учение Н. И. Вавилова об историко-географических очагах развития культурной флоры, «Вопросы географии культурных растений и Н. И. Вавилова», М.—Л., 1966.

охотников, собирателей и рыболовов накануне земледелия насчитывали не более нескольких десятков тысяч; с развитием орошаемого земледелия за две тысячи лет их численность выросла и составила в эпоху Древнего Царства 3—6 млн. чел.¹⁵ Плотность населения поднялась до 200—400 чел. на 1 кв. км. Увеличилась общая численность населения земного шара в несколько десятков раз. Гуран Оолин оценивает население мира в VII—V тыс. до н. э. — в 5—10 млн. чел.; на рубеже нашей эры — 250—350 млн. чел.¹⁶

Для освещения развития и смены хозяйственно-культурных типов большое значение имеют исследования археологов в древнейших очагах растениеводства. В Новом Свете, в Мезоамерике, археолог Макнейш выявил, например, следующую смену хозяйственно-культурных типов в долине Тамаулипас: древнейший верхнепалеолитический комплекс охотников дьябло сменяется фазой лерма (8300—6300 гг. до н. э.), когда в хозяйстве начинает играть заметную роль собирательство; следующая стадия (7500—5500 гг. до н. э.) — стадия «сборщиков урожая» и появление окультуренного вида тыквы; к IV тыс. до н. э. появляются и другие виды растений и, в частности, маис; основа оседло-земледельческого хозяйства — развитое орошаемое земледелие — во II и I тыс. до н. э. знаменует утверждение производящего хозяйства. Удельный вес культурных растений в питании жителей вырос с 10 до 65—85%¹⁷.

В Старом Свете, в Юго-Западной Азии, определяются следующие хронологические рубежи¹⁸: охотники и собиратели злаков позднего мезолита — XI—IX тыс. до н. э. (Шанидар, слои B_{1,2}; культура кебарен в Палестине); мезолитические «сборщики урожая» (дикого ячменя и пшеницы) — X—VIII тыс. до н. э. (Натуф в Палестине, Зави-Чеми-Шанидар в Загросе); примитивное хозяйство охотников и собирателей с элементами «болотного» или «лиманного» растениеводства (ячмень, пшеница-однозернянка и двузернянка) и возможным разведением коз в период «докерамического неолита» — VIII—VII тыс. до н. э. (неолит «А» в Иерихоне, докерамические слои Али-Кош и др.); развитие ирригации, появление оседло-земледельческого хозяйства и скотоводства в VII—VI тыс. до н. э. (Али-Кош и Тепе-Сабз в Иране, Чатал-Гуок в Анатоллии); первое разделение труда, специализация районов преимущественного скотоводства и поливного земледелия; открытие принципов самотечного орошения на дельтовых протоках в Южном Двуречье в VI—V тыс. до н. э. (Эреду XIX—X, Хассуна I—V, Тель-эс-Саван и др.); дальнейшее развитие ирригации, начало возведения дамб, появление бронзовых орудий, городской цивилизации, классовой структуры общества и зарождение государства (Эреду IX—I, Убейд 4, Урук. Джемдет-Наср, раннединастический период) — IV — рубеж III тыс. до н. э.

¹⁵ Goran Ohlin, Historical outline of world population growth «United Nations. World Population Conference. Belgrade, Yugoslavia 30 August to 10 September 1965», New York, 1965, p. 9.

¹⁶ Там же, p. 2.

¹⁷ R. S. Mac Neish, The origins of American agriculture, «Antiquity», vol. XXXIX, № 154, 1965, pp. 87—93; В. И. Гуляев, Новые данные о происхождении земледельческих культур Мезоамерики, «Сов. этнография», 1966, № 1, стр. 146—151.

¹⁸ E. Porada, The relative chronology of Mesopotamia, part 1—11, «Chronologies in Old World archaeology». Ed. R. W. Ehrich, Chicago—London, 1965, pp. 133—213; F. Hole, K. Flannery and J. Neely, Early agriculture and animal husbandry in Deh Luran, «Current Anthropology», vol. 6, № 1, 1965; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1961.

Таблица 1

Развитие ирригации в Южной Месопотамии

гг. до н. э.	Хронология (по Э. Порада)	Орудия	Техника ирригации			
2000	Ур III (2113—2006) Аккадский период. Саргон (2371—2316) Раннединастический	Мотыги каменные и деревянные Бронзовые мотыги и лопаты	Строительство дамб и крупных оросительных систем	Орошение по бороздам	Появление водоподъемных сооружений (шадуф и т. д.)	
	III					
	II					
	I					
3000	Джемдет—Наср.		Орошение напуском	Появление бассейновых систем	Дамбирование русел	
	Эреду II					
	III					
	IV					
	V					
	VI					
	VII					
	VIII		Небольшие оросительные системы	Появление водорегулирующих и головных устройств		
4000	IX					
	X					
	XI					
	XII		Болотное и лиманное орошение	Открытие принципов самотечного орошения на дельтовых протоках		
	XIII					
5000	XIV					
	XV					
	XVI—XVIII		Хассуна	Хассуна	Хассуна	
	Эреду XIX 5301±206					
	V					
	IV					
	III					
	II					
	Ic					
	Iv					
	Ia					
6000	5506±73 Тель-эс—Саван					

К древнейшим ареалам типа оседлых земледельцев и скотоводов относятся: переднеазиатский и восточно-средиземноморский (VII—VI тыс. до н. э.), иранско-среднеазиатский (VI—V тыс. до н. э.), нильский (V—IV тыс. до н. э.), индийский (IV—II тыс. до н. э.), индо-малайский (III—I тыс. до н. э.)¹⁹, китайский (III—I тыс. до н. э.), мезоамериканский и перуанский (III—I тыс. до н. э.)²⁰.

¹⁹ По мнению Т. Гаррисона, на Зондских о-вах (в частности на Борнео) культуре риса предшествовало развитое тропическое земледелие с культурами корнеплодов; но растительные остатки пока не обнаружены. Неолитические слои датируются 4000—250 гг. до н. э.; остатки сетей, рогожи и тщательно сделанные лодки указывают на возможное знакомство и раннее употребление диких и культурных растений. См.: T. Harrison, Inside Borneo, «Geographical Journal», vol. 130, 1964, pp. 329—336.

²⁰ См.: Б. В. Андрианов, Проблема происхождения ирригационного земледелия и современные археологические исследования, «История, археология и этнография Средней Азии» (в печати).

В каждом из перечисленных самостоятельных ареалов существовали свои отдельные и одновременные очаги, где последовательно и постепенно развивались сложные процессы приспособления местных природных ресурсов к нуждам земледельцев; большую роль в этом сыграло развитие орудий труда. Начиная с эпохи мезолита в зоне горных долин Старого и Нового Света способы «саево-ручьево» ирригации, а позднее и орошаемое земледелие совершенствовались и после многих тысяч лет развития в эпоху господства металлических орудий превратились в высокоразвитое горно-террасное земледелие с каналами, акведуками, бассейнами и разнообразными водорегулирующими устройствами (историко-географические примеры — Сирия, Армения, Перу и др.). Подобный сложный путь развития проделало орошаемое земледелие и ирригация в дельтах и долинах крупных рек: от лиманного («болотного») земледелия, через регулирование водных источников с помощью обваловки разливов и сооружения защитных дамб, к сложно-развитым паводковым системам орошения, регулированию сезонных разливов рек в масштабе крупных водных бассейнов различных стран (Египет, Месопотамия, Юго-Восточная Азия, Средняя Азия)²¹. В зоне подземных водных источников исторически сформировалась «кяризная» и «колодезная» ирригация (Иран, Индия, Синьцзян и др.).

В обширной зоне тропических лесов Юго-Восточной и Южной Азии, Америки и Африки сложилось земледелие с возделыванием корнеплодов и ряда специфических тропических культур²². В ряде стран Азии и Европы распространилось неполивное земледелие. Большую роль в распространении навыков земледелия и скотоводства сыграли культурные контакты между древними народами. Так, в Европе древнейший «путь зерна» был прослежен по ботаническим и историко-этнографическим данным А. де Кандолем, Н. И. Вавиловым, К. Зауером²³ и другими исследователями.

Характер распространения и последовательная смена хозяйственно-культурных типов на обширных территориях могут быть освещены на примере Средней Азии. Эта историко-этнографическая область отличается большим разнообразием природных ресурсов и резкими контрастами ландшафтов: сочетанием горных систем с вертикальной сменой экологических условий, обширных песчаных и глинистых пустынь со скудной растительностью и плодородных долин рек. Исследованиями археологов²⁴ раскрыта картина постепенного исторического продвижения в VI—III тыс. до н. э. раннеземледельческих культур юга Туркмении (основанных на лиманном и горно-ручьевом земледелии и скотоводстве) в зону неолитических охотников, рыболовов и собирателей степей и гор. В конце V и начале IV тыс. земледельческие племена проникли в дельту р. Теджен, где открыты остатки древнейших оросительных каналов второй половины IV — начала III тыс. до н. э., исследованы Геоксюрские поселения земледельцев (с характерными культурами ячменя, мягкой и

²¹ Д. Д. Букиннич, История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства, «Хлопковое дело», 1924, № 3—4; Я. Г. Гулямов, История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957; Б. А. Латынин, Вопросы истории ирригации древней Ферганы, «Кр. сообщения Ин-та истории материальной культуры», вып. 64, 1956, стр. 15—26, и др.

²² См. G. P. Murdock, Africa: its peoples and their culture history, New York, 1959.

²³ См., напр.: K. Sauer, Agricultural origins and Dispersal, New York, 1952.

²⁴ См. обзор литературы в кн.: «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы», М.—Л., 1966; «История таджикского народа», т. I. Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963, гл. I и II; В. М. Массон, Средняя Азия и Древний Восток, и др.

карликовой пшеницы)²⁵. В III и особенно во II тыс. до н. э. в эпоху бронзы зона производящего хозяйства продвинулась в бассейн Зеравшана (раннеземледельческие памятники Махан-Дарьи) и низовья Аму-Дарьи, в Ферганскую долину и некоторые другие районы, где в благоприятных условиях создались предпосылки для развития каирного и лиманного земледелия и постепенного перехода к орошению, основанному на обвалованных руслах и искусственных каналах²⁶.

В начале I тыс. до н. э. в целом ряде оседло-земледельческих областей Средней Азии произошла замена хозяйственно-культурного типа земледельцев-скотоводов типом оседлых земледельцев с развитой ирригацией и выделение типа полуоседлых скотоводов; усилилась специализация земледельческих и скотоводческих областей, наметился антагонизм хозяйственных укладов (удачно выявленный В. И. Абаевым в авестийских текстах)²⁷; росла на основе скотоводства имущественная дифференциация; происходило разложение первобытнообщинного строя и утверждение в долинах рек объединяющей сильной власти; оформились первые государственные образования на территории Средней Азии, без которых невозможна организация ирригационного хозяйства в крупных масштабах²⁸.

Дальнейшая специализация скотоводства и формирование хозяйственно-культурного типа кочевников с круглогодичным циклом кочевания — явление более позднее²⁹. С. П. Толстов склонен относить этот процесс к I тыс. н. э. Формирование и быстрое распространение по огромной зоне Евразийских степей хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников и вызвало, вероятно, цепную реакцию «великого переселения народов», что в свою очередь ускорило гибель рабовладельческих государств, переживавших в сер. I тыс. н. э. глубокий внутренний социально-экономический кризис.

К XIX в. после средневековых подъемов и кризисов в оседлоземледельческих оазисах, феодальных войн и смут, наметился новый подъем хозяйства. К этому времени четко оформились три главных хозяйственно-культурных типа Средней Азии и Казахстана: I — оседлых жителей оазисов, ведущих интенсивное земледельческое хозяйство с применением искусственного орошения (узбеки, таджики и др.); II — кочевников-скотоводов, часть которых занималась нерегулярным земледелием на своих зимовках (казахи, киргизы, туркмены); III — полуоседлого населения (разводящего преимущественно крупный рогатый скот), занимающегося нерегулярным поливным и каирным земледелием на окраинах оазисов, а также рыболовством (каракалпаки и др.); в горных районах гор-

²⁵ Г. Н. Лисицына, Орошаемое земледелие эпохи неолита на юге Туркмении, М., 1965.

²⁶ С. П. Толстов и Б. В. Андрианов, Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме, КСИЭ, 1957, вып. 26; Б. В. Андрианов и А. С. Кесь, Развитие гидрографической сети и ирригации на равнинах Средней Азии, «Проблемы преобразования природы Средней Азии», М., 1967, стр. 24—39; R. A. Lewis, Early irrigation in West Turkestan, «Annals of the Association of American Geographers», vol. 56, № 3, 1966.

²⁷ В. И. Абаев, Скифский быт и реформа Зороастра, «Archiv Orientalni», т. XXIV, 1956.

²⁸ С. П. Толстов, Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, М., 1948; В. В. Струве, Родина зороастризма, «Сов. востоковедение», 1948, № 5; М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, «Сов. археология», 1954, т. XIX; В. М. Массон, Древнеземледельческая культура Маргианы, М.—Л., 1959, стр. 122—135.

²⁹ См.: С. И. Руденко, К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках, «Географическое общество Союза ССР. Материалы по этнографии», вып. 1, Л., 1961.

нопастибищное и отгонное скотоводство сочеталось с богарным и мелко-оазисным поливным земледелием. Каждый из этих трех главных типов подразделялся на целый ряд локальных подтипов³⁰.

Примеры из истории различных областей Старого и Нового Света свидетельствуют о том, что социально-экономические последствия эволюции и смены хозяйственно-культурных типов были очень значительны. Весьма важны последствия изменений в соотношении главных форм хозяйства — земледелия и скотоводства. Возникнув почти одновременно с земледелием, скотоводство развивалось иными темпами, то обгоняя земледелие, то отставая от него. Попытка проследить на археологическом материале закономерную линию развития этих форм была сделана Б. Б. Пиотровским³¹. Его схема выглядит следующим образом: а) сосуществование примитивного земледелия и скотоводства; б) усиление роли скотоводства, легче дающего на низком уровне производительных сил прибавочный продукт; в) отделение скотоводства от земледелия и ведущая роль полукочевого (яйлажного) скотоводства; г) рост на основе скотоводства имущественной межплеменной и внутриплеменной дифференциации и процесса классобразования; д) второй подъем земледелия и образование на основе технически-развитого земледелия государств. Эта схема в общей своей форме подтверждается как материалами древнейших цивилизаций (Египет, Месопотамия), где процесс образования классовых обществ и государств протекал на рубеже IV и III тыс. до н. э. в своем «первозданном виде», так и на материалах более поздних цивилизаций (Урарту, Хорезм и др.).

Но следует отметить, что коренной вопрос о причине возникновения первой классовой формации, вопрос о причине и исторической необходимости появления и утверждения классов не получил в схеме Б. Б. Пиотровского достаточно полного раскрытия. На основе только одного скотоводства в тех исторических условиях примитивного производства могли, вероятно, сложиться лишь предпосылки для классовой дифференциации. В древнейших очагах земледельческих цивилизаций экономическая необходимость в труде большого числа людей, освобожденных от средств производства (военнопленных рабов), появилась, возможно, с подъемом орошаемого земледелия, при сооружении и эксплуатации мощных оросительных систем. Так, господствующий в VI—V тыс. до н. э. в Месопотамии тип примитивного «земледельческо-скотоводческого хозяйства сменился в IV и начале III тыс. специализированным типом оседлых земледельцев с развитой ирригацией. Необходимость в работах по сооружению защитных дамб и каналов создала предпосылки для объединения отдельных общин в своеобразные «водные союзы». На базе этих «союзов» и возникли города-государства Шумера³². Р. Брейдвуд относит создание развитой ирригации ко времени позднего Урука (3300—3100 гг. до н. э.) и Джемдет-Насра (3100—2900 гг. до н. э.)³³.

³⁰ См.: Б. В. Андрианов, Хозяйственно-культурные типы Средней Азии и Казахстана (текст и карта), «Народы Средней Азии и Казахстана» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), т. I—II, М., 1963.

³¹ См.: Б. Б. Пиотровский, О характере закономерностей в истории культуры.

³² См.: В. И. Авдиев, Сельская община и искусственное орошение в Древнем Египте, «Историк марксист», 1934, № 6; F. Fish, Aspects of Sumerian civilization during the Third Dynasty of Ur III: Rivers and canals, «Bulletin John Rylands library», vol. 19, 1935, p. 98; А. И. Тюменев, Государственное хозяйство Древнего Шумера, М.—Л., 1956, стр. 200 и сл.; И. М. Дьяконов, Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер, М., 1959, стр. 130 и сл.

³³ R. J. Braidwood, The Near East and foundation for civilization, Portland, 1952, p. 39.

Исследования древних систем орошения в Хорезме показали, что в долинах крупных исторических рек Древнего Востока перед земледельцами встала проблема преодоления зависимости от изменений гидрографии. Она была решена путем совершенствования орудий труда и техники ирригации, создания дамб и мощных магистральных каналов, заменивших обвалованные русла эпохи первобытности, обеспечивших стабильность урожаев и долговременную эксплуатацию земель. В ходе решения этой задачи сельскохозяйственное производство приобрело более организованный характер, общие интересы ирригационного хозяйства объединили огромные коллективы в пределах обширных речных бассейнов. Однако строительство и ежегодная очистка искусственных «рек» и «дельт» потребовали увеличения трудовых затрат до таких размеров, что они стали превышать в определенный исторический период возможности трудовых ресурсов населения, обитавшего в границах оросительных бассейнов. Именно в этот период, вероятно, появляется необходимость в непрерывном притоке рабочих рук в оазис. В исторических условиях того времени это был насильственный пригон покоренных соседних народов; это был труд людей, не связанных непосредственно с основным производством, т. е. с полеводством (которое велось местной земледельческой общиной); это простейшее разделение труда способствовало зарождению и развитию рабовладельческого способа производства. Главные особенности производства этого периода — общественно-коллективный характер, простая кооперация, сохранение общинного труда в полеводстве и периодическое более или менее постоянное использование труда военнопленных в ирригации наряду с общинным трудом. Рабство и рабовладельческие отношения в раннеклассовых государствах однако не получили значительного развития, так как сфера применения рабского труда была ограничена; преобладали патриархальные формы рабства.

Развитому орошаемому земледелию в Хорезме предшествовало земледельческо-скотоводческое хозяйство эпохи бронзы и раннего железа, когда земледельческая община вполне справлялась с ирригационными работами. В VII—VI вв. до н. э. могущественная сако-массагетская конфедерация племен создала в Хорезме государство, что явилось важной предпосылкой для организации крупного ирригационного хозяйства и утверждения специализированного хозяйственно-культурного типа оседлых земледельцев с развитой ирригацией. Организация крупных ирригационных работ была невозможна без централизованного управления, и, что особенно важно, без определенной системы принуждения больших масс людей, необходимых для очистки каналов и проведения других ирригационных работ, в которых были заняты как общинники, так и военнопленные³⁴. Весьма возможно, что широко распространенная в средневековой Средней Азии трудовая повинность «бегар» или «бигар» (по очистке каналов, строительству стен, оборонительных рвов и т. п.) восходит к более ранним формам принудительных работ военнопленных. Сам процесс полеводства (обработка участка, посев, уход и сбор урожая) мог проводиться силами местных общин. Поэтому определение

³⁴ «Организационные» теории появления государственных образований на Древнем Востоке, начиная от Л. И. Мечникова до К. Витфогеля объясняют появление древнейших государств необходимостью организовать ирригационное хозяйство. Однако основная роль государства — «аппарата насилия» состояла в военном захвате и пополнении трудовых ресурсов, в принуждении больших масс людей для рытья и очистки каналов с целью расширения сельскохозяйственного производства и увеличения прибавочного продукта, отчуждаемого правящей верхушкой общества.

С. П. Толстовым общественного строя Древнего Хорезма как «общинно-рабовладельческого»³⁵ гаиболее удачно характеризует общество, производство которого базировалось как на труде местных земледельцев-общинников (в полеводстве и орошении), так и на труде покоренных соседних народов (в трудоемких крупных оросительных работах).

Положение в Хорезме резко изменилось в средние века с развитием техники орошения, сокращением необходимых трудовых затрат (в 5—10 раз) и общим ростом земледельческого населения в силу естественного прироста (в 2—3 раза). Это сделало возможным производство всего цикла сезонных ирригационных работ силами местных сельских общин.

В средние века совершенствование ирригационной техники, полеводства, при значительном уменьшении трудовых затрат и увеличении общей численности населения земледельческих оазисов, способствовали новому значительному подъему орошаемого земледелия. Оно стало хозяйственной базой обширных средневековых государств Востока. Рабский труд уже не являлся важным условием производства в целом, но он существовал в качестве уклада, широко использовался в товарном производстве крупных феодалов. В средние века вновь возрождаются и усиливаются общинные традиции; усиливается местная замкнутость. Отсюда застойность — создание замкнутых общественных и экономических систем, воспроизводящих себя по традиционной «модели». Причина застойности — в очень медленном совершенствовании земледелия, не всегда успевающего в своем прогрессе за естественным ростом населения. Именно эти особенности сельскохозяйственного производства имел в виду В. И. Ленин, когда, изучая производство в России, писал: «Законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании...»³⁶. Именно в этом коренная причина устойчивости патриархально-родовых традиций, наблюдавшейся во многих областях мира в эпоху средневековья.

Различные историко-этнографические области развивались разными темпами, и многие народы миновали в своем историческом развитии отдельные стадии. Благодаря постоянным культурным контактам в различных областях Древнего Мира, происходившим иногда опосредованно и на протяжении значительных промежутков времени, окраинные области накапливали культурные достижения раннеземледельческих центров и могли совершать скачки в своем развитии³⁷.

Во всемирно-историческом процессе каждый хозяйственно-культурный тип сыграл определенную историческую роль и прошел путь от появления до расцвета и упадка. Зародившись в IV—III тыс. до н. э. на Древнем Востоке в недрах первобытнообщинного строя, тип оседлых земледельцев с развитой ирригацией сыграл важную роль в становлении древнейших классовых обществ и государств. Потрясаемые классовыми противоречиями и разрушительными войнами древневосточные цивилизации приходят в упадок уже в первых веках до н. э. Появляются новые центры всемирно-исторического развития, зачастую связанные с иными хозяйственно-культурными типами. Так например, складываются античные рабовладельческие государства в Южной Европе, для которых характерно прежде всего плужное неполивное земледелие. Приток ра-

³⁵ С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, стр. 48.

³⁶ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 57.

³⁷ См. также: Л. А. Фадеев, *Основные проблемы африканской археологии*, «Сов. археология», 1962, № 3, стр. 139.

бочей силы со стороны в этих государствах стал необходим лишь с зарождением и развитием товарного хозяйства, в условиях очень широкого обмена и торговли, когда сам человек с его мускульной силой превратился в товар, что было характерно для античной Греции и особенно для Римской империи. Античное общество и ряд древневосточных цивилизаций при всех их хозяйственно-культурных различиях объединяло важное условие прогресса сельскохозяйственного производства — обязательный приток военнопленных рабов.

Ограниченность воспроизводства рабочей силы при рабовладельческом способе производства делала невозможным существование этой формации во многих странах. На обширных территориях Азии, Африки, Америки сохранялись общества, живущие первобытным хозяйственным и общественным строем. В Северной и Центральной Европе, например, общины германцев, славян и других народов самостоятельно производили рубку леса, вспашку, посев, сбор урожая и переработку зерна. Земледельческие продукты дополнялись продуктами скотоводства, охоты, рыболовства, бортничества и т. п. Общинное неполное плужное земледелие, пройдя несколько этапов (1 — подсечная система в лесной зоне и переложная в степной и лесостепной зоне; 2 — двухполье; 3 — трехполье), с развитием мелкого индивидуального производства (как в сельском хозяйстве, так и в ремесле) стало в средние века хозяйственной базой феодальной Европы.

Хозяйственно-культурные типы в своем историческом развитии и последовательной смене сыграли существенную роль в социально-экономической истории человечества. Одни из них восходят ко времени древнего расселения людей, к периодам позднего палеолита, мезолита и неолита, другие появились позднее — в эпоху разложения первобытнообщинного строя и становления раннеклассовых обществ, рабовладения или феодализма. «Промышленная революция», сопровождавшая становление капитализма, деформировала и разрушила многие хозяйственно-культурные типы, сохранившиеся от предшествующих исторических эпох. На их месте стали складываться новые зональные комплексы экономического и культурно-бытового характера. Общая хозяйственная и социально-культурная картина мира к XX в. чрезвычайно усложнилась. Весьма показательны пример современной Африки, где сохраняются наиболее существенные различия в уровнях социально-экономического развития и значительное хозяйственно-культурное разнообразие: от примитивных собирателей и охотников Калахари, и сейчас живущих деформированным родовым строем, до оседлых земледельцев тропической зоны, скотоводческих племен саванн и, наконец, крупных народов Западной и Северной Африки, где в некоторых странах традиционные формы хозяйства и быта получают принципиально новую социально-экономическую базу³⁸.

SUMMARY

Recent progress in the historical sciences (archaeology, ethnography, history) promotes further development of the materialistic concept of a worldwide historical evolution process. Soviet ethnographers are working both on social and on economic and cultural aspects of this subject. Their concept of economic-cultural types or groups supplemented by archaeological data might be more widely used in resolving some debatable problems concerning the sequence of social-economic structures of society.

³⁸ См.: Б. В. Андрианов, Проблемы формирования народностей и наций в странах Африки, «Вопросы истории», 1967, № 9, стр. 101—114.

The main economic activities of the pre-capitalist era — food-gathering, hunting, fishery, agriculture and animal husbandry — underwent important changes in the course of history; their correlation within social production also changed. The great migrations leading to the distribution of mankind over all the earth's surface which took place in the Upper Palaeolithic, the Mesolithic and the Early Neolithic eras was accompanied by the formation of the earliest economic-cultural types. A zone appeared where appropriation of natural products was superseded by a producing economy based upon plant growing and animal husbandry. This last originated at the same time as agriculture but grew at a different rate — sometimes faster and sometimes slower. At a certain stage an important role was played by the rise of irrigation agriculture and the transformation of the economic-cultural type of a primitive economy combining agriculture with animal husbandry into that of settled agriculture at a high level. Social production based on irrigation agriculture became the foundation on which ancient class societies were built.

Economic-cultural types in their historical evolution and sequence have played an important role in the social and economic history of mankind, especially in the transition from primitive to class society. With the rise of capitalism many of those types were modified and superseded by new wider regional complexes of an economic character.

В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей

К ИЗУЧЕНИЮ РОЛИ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ НАРОДОВ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ

Общеизвестно, что миграциям населения принадлежит весьма существенная роль в этнических процессах. Однако в разные периоды истории человеческого общества эта роль далеко не одинакова. Особенно велика она, несомненно, на ранних этапах. Положив начало заселению современной ойкумены, массовые миграции явились важнейшим ингредиентом этнических процессов вплоть до средневековья. Но и на протяжении всего этого огромного отрезка времени характер таких перемещений не оставался неизменным. В частности, особо можно выделить те переселения народов, которые были связаны со становлением и развитием раннеклассовых отношений. Наиболее известное проявление этой категории массовых миграций представляют «великие переселения народов» в Евразии. Такого рода переселения, связанные с процессом классовообразования, и являются предметом рассмотрения в настоящей статье с целью некоторого уточнения существующих представлений, об их роли в формировании новых этнических общностей.

Переход от доклассового общества к классовому, как известно, сопровождался заменой основных этнических ячеек первобытнообщинного строя — «племен» новыми, более крупными этническими общностями, которые в нашей литературе принято обозначать термином «народность». Массовые миграции чрезвычайно ускоряли этот процесс, причем перемещение одной этнической общности на новую территорию, как правило, влекло за собой столкновение ее с уже обитавшей здесь ранее другой общностью. Вследствие неравномерности общественного развития такие этнические общности обычно находились на разных социально-экономических уровнях и их столкновение нередко в конечном счете завершалось тем, что местное население оказывалось завоеванным пришельцами. В социальном отношении эти завоевания, как и любые другие, могли иметь тройкий исход: 1) завоеватели навязывают побежденным собственный способ производства; 2) победитель оставляет существовать старый способ производства, довольствуясь данью; 3) происходит взаимодействие двух способов производства — завоевателей и побежденных, в ходе которого возникает новый способ производства¹.

В этническом отношении последствия завоеваний, связанных с переселениями народов, могут быть сведены также к трем основным вариантам²: 1) завоеватели полностью ассимилируют побежденных; 2) победители почти бесследно растворяются в аборигенах; 3) происходит

¹ См. К. Маркс, Введение (Из экономических рукописей 1857—1958 годов), К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 722.

² Не считая, разумеется, тех случаев, когда такого рода завоевания приводили лишь к длительному и сравнительно изолированному сосуществованию на одной территории двух различных этнических общностей.

синтез этнического суперстрата и субстрата³, в ходе которого возникает новый этнос (разумеется, субстрат и суперстрат сами могли быть многослойным продуктом предшествующего синтеза.)

Этническая история человечества дает бесчисленное множество примеров третьего варианта. В свою очередь, он может быть подразделен на целый ряд разновидностей в зависимости от той роли, которую в складывании новой этнической общности в результате синтеза суперстрата и субстрата сыграли их отличительные особенности, прежде всего лингвистические и антропологические.

В той или иной мере синтез не исключен и при первых двух выделенных нами вариантах. Они отличаются от третьего лишь постольку, поскольку предполагается, что поглощение одним этносом другого не всегда влечет за собой создание новой этнической общности, существенно отличной от этноса, выступающего в роли ассимилятора. Истории народов мира известны подобные случаи. Наглядной иллюстрацией второго варианта могут, например, служить так называемые протоболгары, которые в конце VII в. н. э., подчинив себе союз семи славянских племен на Балканах, вскоре полностью растворились в массе славянского населения, оставив ему свое наименование⁴.

Что же касается первого варианта, то в научной литературе, посвященной этнической истории, для него можно найти, наверное, не меньшее число примеров, чем для третьего. При этом к полной ассимиляции завоевателями аборигенов обычно относят значительную часть тех случаев, когда языком-победителем оказывается язык суперстрата; одновременно предполагается отсутствие существенных следов влияния субстрата⁵. Поскольку же такое отсутствие, в свою очередь, представляется возможным лишь при условии либо полного оттеснения завоевателями аборигенов с занимаемой ими территории, либо уничтожения их большей части, постольку соответственно субстрат, как правило, изображается относительно малочисленным. Между тем при таком толковании вопроса о соотношении аборигенов и завоевателей в случае победы языка последних нередко упускается из вида, что показания лингвистики при решении данного вопроса не могут служить единственным критерием. Об этом, в частности, все более весомо начинают свидетельствовать накапливаемые антропологические материалы. В свете этих материалов многие из тех явлений в истории переселений народов, которые обычно квалифицируются как случаи полной или почти полной ассимиляции завоевателями аборигенов, в действительности оказываются синтезом двух этносов, т. е., согласно нашей классификации, не первым, а третьим вариантом. В подтверждение можно привести факты, относящиеся к этнической истории самых различных частей ойкумены. Однако рамки статьи заставляют ограничиться лишь несколькими, на наш взгляд, достаточно наглядными иллюстрациями.

В современном славяноведении, например, широко распространено представление, что после переселения южных славян на Балканы аборигены быстро растворились в монолитной славянской среде. При этом,

³ В отличие от обычного употребления этих понятий в лингвистической литературе, мы подразумеваем под «этническим субстратом» местное население, под «этническим суперстратом» — пришлое население (см.: В. И. Абаев, О языковом субстрате, «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», 1956, № 9, стр. 50—69).

⁴ См. Н. С. Державин, История Болгарии, т. II, М., 1946, стр. 17; И. Митев, Кратка история на българския народ, София, 1951, стр. 29.

⁵ При этом в лучшем случае дело ограничивается указанием на наличие в суперстрате следов влияния отдельных элементов языка и культуры ассимилированного субстрата.

как правило, подчеркивается немногочисленность населения, обитавшего на занятой южными славянами обширной территории, которая простиралась от Восточных Альп до Пелопоннеса⁶. Роль фракийско-иллирийского субстрата в формировании новых этнических общностей на Балканах обычно сводится к констатации некоторого его влияния на словарный фонд, а отчасти и грамматический строй южнославянских языков⁷. Кроме того, в специальной литературе можно встретить указания на длительное сохранение на Балканах отдельных элементов материальной культуры, обычаев и обрядов, восходящих к дославянскому населению⁸.

Между тем антропологические данные позволяют критически отнестись к этой точке зрения. В первую очередь следует назвать вышедшую в 1959 г. обширную работу М. Попова по антропологии болгарского народа. В ней суммированы результаты всех предшествующих исследований и показано с полной определенностью, что болгары могут быть включены в темнопигментированную южную или средиземноморскую ветвь европеоидов⁹. Имеющиеся же материалы по антропологии западных и восточных славян свидетельствуют о том, что они относятся к переходной между южными и северными европеоидами зоне в составе европеоидной расы. Следовательно, судя по данным М. Попова, в целом болгары антропологически больше сближаются с народами Северного Кавказа и Средиземноморья, чем с западнославянскими и восточнославянскими народами. Вывод этот получил общее подтверждение и дальнейшую конкретизацию в еще более полном антропологическом обследовании болгарского народа, предпринятом А. Н. Пуляносом в 1963 г. по программе Института этнографии АН СССР и дополненном на 1-ом Международном конгрессе по балканистике в София¹⁰. По его наблюдениям, можно говорить о глубокой древности антропологических типов на территории Болгарии (один тип — брахицефальный со средней пигментацией; другой — мезоцефальный, темнопигментированный). Антропологические же типы, связанные с восточными славянами, отмечаются лишь на севере и частично на западе страны. На этой территории наиболее светлый и долихоцефальный — родопский тип¹¹. Таким образом, есть основания полагать, что расселение славян в пределах Болгарии, приведя к победе их языка, не сопровождалось полной сменой физического типа местного автохтонного населения. Остается, правда, не до конца ясным сам процесс формирования на территории Болгарии современных антропологических типов. В первую очередь, это относится к вопросу о масштабах воздействия на него многовекового турецкого господства. Однако косвенный ответ на данный вопрос дает недавно проведенное палеоантропологическое обследование краниологических коллекций по средневековому населению Бол-

⁶ См., например, «История Болгарии», т. I, М., 1954, стр. 48; «История Югославии», т. I, М., 1963, стр. 33; В. Тъпкова-Займова, Нашествия и этнические промени на Балканите, София, 1966, стр. III. Несколько иную точку зрения см. в кн.: «История на България», I, София, 1954, стр. 57.

⁷ «История на България», I, стр. 57; «История Югославии», т. I, стр. 35; «Historija naroda Jugoslavije», I, Zagreb, 1953, стр. 97—98.

⁸ См. например, «Народы зарубежной Европы», т. I («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1964, стр. 352—353.

⁹ М. Попов (в сотрудничестве с Г. Г. Марков), Антропология на българския народ, т. I. Физически облик на българите, София, 1959.

¹⁰ А. Рούλιαнос, Антропологический состав народов на территории между Эгейским морем и Дунаем, 1-er Congrès international des études Balkaniques et Sud est européennes. Résumés des communications. Ethnographie et arts, Sofia, 1966, p. 59—60.

¹¹ Там же.

гари (VI—XV вв.). Оно свидетельствует, что это население мало отличается от современного, что «на протяжении тысячелетия не произошло существенных изменений в физическом облике болгар»¹². Об этом же говорит и установленное М. Поповым полное сходство болгар-мусульман с основной массой болгар.

Что касается Югославии, то, как известно, некоторые группы ее современного славянского населения обнаруживают антропологические особенности, неизвестные нигде по всей остальной территории расселения славяноязычных народов. К их числу относятся брахицефалия, сравнительно высокий рост, большие размеры лица и головы, высокое переносье и выпуклый профиль спинки носа при относительно темной пигментации и довольно сильном развитии третичного волосного покрова¹³. В составе населяющих высокогорные районы черногорцев такая комбинация признаков выражена особенно четко¹⁴. И хотя вопрос о генезисе этого так называемого «динарского» типа является дискуссионным, представляется все же наиболее вероятным видеть в нем одно из наиболее ярких свидетельств того, что в формировании антропологического облика некоторой части современного славяноязычного населения Югославии немалую роль сыграли дославянские аборигены.

Весьма показательной в интересующем нас отношении является также проблема осетин. Начиная с конца прошлого века, в литературе широко распространилась гипотеза иранского происхождения осетин. Она основывалась на известном и не вызывавшем никаких сомнений факте принадлежности осетинского языка к иранской ветви индоевропейской семьи языков. Сделанный из этого факта вывод об иранской основе этногенеза осетин получил дополнительное и очень веское доказательство после того, как была признана иранская принадлежность скифского языка и установлен длинный ряд соответствий между ним и осетинским языком¹⁵. Этот вывод подтверждается также и широким расселением алан по степным и предгорным районам всего Северного Кавказа, зафиксированное самыми разнообразными письменными источниками¹⁶. Таким образом, предполагалось, что аланы — многочисленный ираноязычный народ Северного Кавказа, переселившийся туда, по-видимому, из степных районов Средней Азии и Приуралья в первые века н. э., — были оттеснены в эпоху позднего средневековья в горы (скорее всего монголами) и дали начало осетинскому народу. Некоторые исследователи прямо ставят знак равенства между средневековыми аланами и современными осетинами¹⁷.

¹² Н. М. Постникова, Антропологический состав населения Болгарии в эпоху средневековья (К вопросу об этногенезе болгарского народа), автореферат канд. дисс., М., 1967, стр. 9.

¹³ С. Сооп, *The mountains of giants*, Cambridge, Massachusetts, 1950.

¹⁴ См. Ж. Гаврилович, Неке антрополошки особености Црногораца, «Зборник радова Српска Академия науке и уметности», 71, Београд, 1960; V. Lebzelter, *Rasse und Volk in Südosteuropa*, «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», B. LIX, 1929; B. Males, *Contribution aux recherches sur les caractères des tribus monténégrines et voisines*, «Anthropologie», t. IX, № 2—3, Prague, 1931; J. Valsik, *Czarnogorce z okolicy Durmitory*, «Przegląd antropologiczny», t. 8, 1934; см. также С. Сооп, *The Races of Europe*, New York, 1939.

¹⁵ В. И. Абаев, Скифский язык, в кн.: В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.—Л., 1949; его же, Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада, М., 1965.

¹⁶ Сводку их см.: Ю. А. Кулаковский, Аланы по сведениям классических и византийских писателей, Киев, 1899.

¹⁷ См., например, З. Н. Ванеев, Средневековая Алания, Цхинвали, 1959.

В непримиримое противоречие с такой концепцией пришли выделения довольно значительного местного субстрата в составе осетинского языка и результаты археологических исследований. Местный кавказский субстрат был выделен не только в лексике, но и в элементах строя осетинского языка, а также в топонимике на территории Осетии¹⁸. С помощью археологических данных удалось выявить древние местные корни многих элементов народной культуры осетин и датировать их возникновение минимум рубежом поздней бронзы и раннего железа, иными словами, возвести генезис этих элементов к населению кобанской культуры¹⁹. Но, пожалуй, особенно демонстративными в этом отношении были результаты изучения антропологического состава осетинского народа. Оно показало, что осетины являются классическими представителями так называемого кавкасионского типа, не имеющего аналогий за пределами кавказской территории²⁰.

Средневековые же аланы отличались от осетин настолько сильно, что разница между ними соответствует по масштабу разнице между крайними вариантами европеоидной расы. Следовательно, нет никаких оснований предполагать генетическое родство между ними. А отсюда закономерно вытекает вывод — пришлое население передало местному свой язык, оказало влияние на его культуру, но физически современные осетины в значительной мере связаны с доаланским населением Центрального Кавказа.

Аналогичный пример — сложная и интересная картина происхождения западных соседей осетин — балкарцев и карачаевцев. Как известно, они говорят на одном из тюркских языков. Этим определяется преимущественное господство гипотезы тюркского происхождения балкарцев и карачаевцев в историко-этнографической литературе.

Между тем антропологически балкарцы и карачаевцы не отличаются от осетин и обнаруживают не менее четко выраженные особенности кавкасионского типа. А принадлежность к этому типу свидетельствует о формировании антропологических признаков народа в местной центрально-кавказской этнической среде, а значит — и о местных истоках его этногенеза. По отношению к балкарцам и карачаевцам единственной формой примирения лингвистических и историко-этнографических данных с результатами антропологических исследований является вывод о том, что теснимые монголами кипчаки, переселившись в середине XIII в. с равнины в ущелья Главного Кавказского хребта, передали местному населению свой язык и оказали влияние на его культуру. Поэтому современные балкарцы и карачаевцы сохраняют все характерные морфологические черты древнего местного населения²¹.

¹⁸ В. И. Абаев, *Осетинский язык и фольклор*, т. I.

¹⁹ См. Е. И. Крупнов, *Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность*, «Сов. археология», 1964, № 1.

²⁰ В. В. Бунак, *Череп из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении*, «Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XIV, М. — Л., 1953; М. Г. Абдушелишвили, *Материалы к краниологии Кавказа*, «Труды Ин-та экспериментальной морфологии АН ГрузССР», т. V, Тбилиси, 1955; К. Х. Беслекоева, *Краниология осетин и происхождение осетинского народа*, «Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского ин-та», т. XIX, Орджоникидзе, 1957. М. А. Абдушелишвили, *Антропология древнего и современного населения Грузии*, Тбилиси, 1964.

²¹ Этногенез балкарцев и карачаевцев на основе антропологических материалов специально рассмотрен: В. П. Алексеев, *Некоторые проблемы происхождения балкарцев и карачаевцев в свете данных антропологии*, сб. «О происхождении балкарцев и карачаевцев», Нальчик, 1960.

Следующий пример, также связанный с историей тюркского этнического мира, переносит нас на восточную границу распространения тюркских народов. Он почерпнут из этнической истории тюркоязычных хакасов. Распространенной является гипотеза, согласно которой хакасы произошли от енисейских кыргызов — этнической группы, переселившейся на Енисей с юга и создавшей в VII—VIII вв. в Хакасско-Минусинских степях какое-то не очень устойчивое государственное объединение²².

Рассматривая вопрос в свете антропологических материалов, прежде всего нужно отметить бесспорный факт антропологической неоднородности хакасов²³. Качинцы и частично сагайцы сближаются с казаками и киргизами — представителями южносибирского антропологического типа. И, следовательно, о генетической преемственности с енисейскими кыргызами можно говорить только для этих групп.

Что касается прямой преемственности с древним населением остальных групп хакасов (бельтыров, верхнеабаканских шорцев, кызыльцев и койбалов), то она устанавливается не с енисейскими кыргызами, а с населением местной, так называемой таштыкской культуры, датируемой рубежом нашей эры²⁴. В физическом облике этих групп заметно лишь очень небольшое влияние антропологического типа енисейских кыргызов.

Одним словом, полная тюркизация местного населения Хакасии по языку не сопровождалась сменой населения и разрывом генетической преемственности между этническими группами рубежа нашей эры и современными хакасами.

Выше приведены примеры того, как накопленный за последнее время антропологический материал в ряде случаев дает возможность отказаться от традиционной точки зрения на большой удельный вес пришлого населения в сложении новых этнических общностей и выявить, наоборот, большую роль местного субстрата в процессах их формирования. Однако можно назвать и несколько общеизвестных примеров сохранения генетической непрерывности при смене языков. Ограничимся тремя — этнической историей азербайджанцев, турок и египтян.

Почти во всех классификациях азербайджанцы относятся к северным вариантам индо-афганской расы, типичные представители которой расселены в Афганистане и Северной Индии. От других рас южной ветви европеоидов индо-афганцы отличаются темной пигментацией и относительно слабым развитием волосного покрова на лице и теле (особенно в сравнении с представителями переднеазиатской расы)²⁵. Обширные исследования на территории Азербайджана не выявили ни в одной из территориальных групп сколько-нибудь заметной монголоидной примеси²⁶. В то же время общеизвестно, что к XII—XIII вв. относится смена аборигенным населением Азербайджана коренных языков на тюркский разговорный язык в результате неоднократных вторжений тюр-

²² С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951.

²³ В. П. Алексеев, Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения, «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. IV, М., 1960. Кызыльская серия все еще остается неопубликованной.

²⁴ А. Н. Липский, Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии (II в. до н. э. — IV в. н. э.), Краеведческий сб., № 1, Абакан, 1956; его же, К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов, «Сов. этнография», 1966, № 1; А. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины, М., 1960.

²⁵ См.: «Народы Южной Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963, стр. 45—50.

²⁶ См., например, Р. М. Касимова, Антропологическое исследование современного населения Куринской долины, «Вопросы антропологии», вып. 5, 1960

кочевников²⁷. Они не принадлежали к индо-афганской расе и имели в своем составе монголоидную примесь²⁸. Таким образом, переход на тюркскую речь не сопровождался сменой физического типа и заменой местного населения — потомков этнических групп древней Мидии — новыми пришельцами. Глубокие и древние этнические связи азербайджанцев выявляются и этнографическими материалами²⁹. Что же касается их признания в историко-этнографической литературе, то они сейчас не вызывают сомнений³⁰.

Аналогичным образом решается в историко-этнографической литературе и проблема происхождения турецкого народа. И исторические источники, и этнографические материалы свидетельствуют о том, что огузы и другие тюркские племена, начавшие проникать в Малую Азию, по-видимому, в середине XI в. н. э., интенсивно смешивались с местным населением³¹. Изучение современного турецкого языка выявляет довольно значительное число субстратных элементов греческого происхождения³². Антропологические данные показывают, что турки генетически близки к армянам, персам и древнейшему населению Передней Азии³³. Таким образом, и в данном случае бесспорны местные истоки этногенеза, несмотря на лингвистический разрыв с соседними народами и близость к тюркскому этническому миру³⁴.

Широкое распространение арабского языка в долине Нижнего Нила, как известно, падает на конец I — начало II тысячелетия и связано с проникновением ислама. Таким образом, судя по языку, можно бы видеть в современных египтянах потомков арабов, с которыми пришел в Египет ислам. Но антропологически современные египтяне мало отличаются от древнего населения Египта и Нубии. Кстати сказать, население бассейна Нила вообще характеризовалось исключительной стабильностью антропологических признаков, свидетельствующей о генетической непрерывности на протяжении минимум шести тысяч лет, с эпохи Древнего царства до современности³⁵. Ни большие нашествия варваров (например, гиксосов), ни значительные изменения в культуре не связаны были, очевидно, с изменением антропологического типа, с приливом новых этнических компонентов и их укоренением в местной этнической среде. Современные египтяне, следовательно, не потомки ара-

²⁷ «Народы Кавказа» («Народы мира. Этнографические очерки»), т. II, М., 1962, стр. 45.

²⁸ Все средневековые могильники на территории южных районов СССР, оставленные тюркскими и монгольскими кочевниками, дают черепные серии с сильно выраженными монголоидными признаками.

²⁹ «Народы Кавказа» («Народы мира. Этнографические очерки»), т. II, М., 1962.

³⁰ Там же, стр. 42—46.

³¹ «Народы Передней Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1957, стр. 309—311.

³² Д. Е. Еремеев, Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка), «Сов. этнография», 1967, № 4.

³³ Обзор данных см.: H. Field, Ancient and modern man in South-Western Asia, vol. I—II, Florida, 1956—1961.

³⁴ О сильноном иранском домусульманском влиянии (культурном и этническом) на сельджуков писал еще акад. В. А. Гордлевский. См. его работу: «Государство сельджуков Малой Азии», М.—Л., 1941. Второе издание: В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. I, Исторические работы, М., 1960.

³⁵ Для Египта это показано: G. Morant, A study of Egyptian craniology from prehistoric to Roman times, «Biometrika», vol. XVIII, 1925, part 1—2; A. Batrawi, The racial history of Egypt and Nubia, part II. The racial relationships of the ancient and modern populations of Egypt and Nubia, «Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», vol. LXXVI, 1946, part II.

бов-завоевателей, а в основной своей массе потомки местного населения, что давно уже признано исторической наукой³⁶.

Остается еще рассмотреть вопрос — не имеем ли мы во всех приведенных примерах дела с закономерным изменением антропологических признаков во времени под воздействием среды?

Антропологические признаки, безусловно, изменяются, в том числе и под воздействием среды. Но изменения эти, происходящие в силу селективных причин, генетико-автоматических процессов в условиях изоляции и т. д., осуществляются на протяжении огромных промежутков времени, исчисленных тысячелетиями³⁷. К тому же эти изменения не характерны для признаков, по которым различались антропологические типы во всех рассмотренных случаях. Таким образом, гипотеза изменения антропологических признаков во времени и под непосредственным воздействием среды не может объяснить наблюдаемых различий и, следовательно, не лишает убедительности приведенные выше соображения.

Предшествующее изложение ставит и еще один чрезвычайно важный вопрос, касающийся представительности антропологических данных вообще, — в какой мере пропорционален удельный вес антропологических типов местного и пришлого компонентов численности их репродуктивной части, принявшей участие в смешении?

Для ответа на этот вопрос важно иметь в виду, что по полимерным признакам, наследование которых определяется многими генами, промежуточное положение смешанной группы между исходными устанавливается в первом же поколении, причем положение это пропорционально доле исходных компонентов³⁸. А к числу таких полимерных признаков относятся все морфологические признаки — размеры головы и лица, размеры тела, все размеры, определяемые на черепе и скелете, другими словами, подавляющее число признаков, с которыми приходится иметь дело антропологу. Именно по этим признакам проведены все предшествующие сопоставления, опирающиеся в значительной своей части и на палеоантропологический материал. Следовательно, на основании антропологических особенностей группы можно уверенно судить об удельном весе исходных компонентов, принявших участие в ее формировании.

Применительно к приведенным примерам это значит, что этнический суперстрат по крайней мере не был более многочисленным, чем субстрат. Но здесь неизбежно возникает новый вопрос: какие же в таком случае обстоятельства предопределяли победу языка суперстрата?

Решение этого чрезвычайно сложного, но незаслуженно забытого вопроса нуждается в специальных изысканиях. В данной статье излагаются лишь некоторые предварительные наблюдения и соображения.

В связи с поставленным вопросом прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что аборигены, фигурирующие во всех рассмотренных примерах, либо не имели письменности вообще, либо в своем подавляющем большинстве не знали письменности. Известно, что отсутствие

³⁶ «Народы Африки», («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1954, стр. 147—148.

³⁷ Литература об изменчивости антропологических признаков и факторах расообразования огромна и постоянно пополняется. Новейший обзор данных см.: «The biology of human variation», «Annals of the New York Academy of Sciences», vol. 134, part 2, New York, 1966.

³⁸ Данные о вариациях полимерных признаков в смешанных популяциях по сравнению с исходными сведены: I. C. Trevor, *Race crossing in man. The analysis of metrical characters*, Genetics Laboratory Memoirs, vol. XXXVI, London, 1953.

письменности особо благоприятствуют смене языков. Как свидетельствуют, в частности, материалы, относящиеся к бесписьменным народам Советского Союза, такие народы наиболее подвержены языковой интеграции, связанной с переходом на язык другой национальности³⁹.

Однако в нашем случае бесписьменными являются не только аборигены, но, как правило, и завоеватели. Следовательно, бесписьменность может рассматриваться лишь как особо благоприятное условие для смены одного языка другим, но не как причина того, что язык пришлого населения оказался языком-победителем.

Такую причину вряд ли следует усматривать и в большей простоте языка этнического суперстрата. Представление, что при взаимодействии языков двух этнических общностей «победа остается за языком, легче усвояемым»⁴⁰, отвергается современным языковедением⁴¹. Лишь при прочих равных условиях большая легкость и простота одного из языков двух взаимодействующих этнических общностей может, видимо, сыграть известную роль в победе именно этого языка. Однако в рассматриваемой нами разновидности взаимодействия этнических общностей такое равенство явно отсутствует.

Все это заставляет искать ответ на поставленный выше вопрос прежде всего в социальных факторах. На их важную роль в процессе взаимодействия двух языков лингвистами уже давно обращено внимание. Однако это общее положение следует дифференцированно применять к различным историческим эпохам и разным видам взаимодействия этносов. В частности, утверждение отдельных языковедов, что при взаимодействии двух этнических общностей должен восторжествовать язык более высокой цивилизации⁴², представляется неприемлемым для рассматриваемого нами случая. В самом деле, нет никаких оснований считать, что, например, в VI—VII вв. славяне, только что вступившие на путь классообразования, находились на более высоком уровне социально-экономического и культурного развития, чем фракийцы, которым уже давно были известны классовые отношения.

Но было бы, очевидно, не менее ошибочным на этом основании в рассматриваемом случае вообще сбрасывать со счета культурно-идеологические факторы. В первую очередь, это относится к религии. Ведь хорошо известно, что установление новой веры обычно влекло за собой широкое распространение определенного языка и появления у части населения двуязычия (например, католицизм и латинский язык). А в отдельных случаях религии явно принадлежала весьма активная роль в победе соответствующего языка. Общеизвестно, в частности, что такую роль сыграл ислам при распространении арабского языка в Египте⁴³.

Для языковой ассимиляции пришлым населением аборигенов, несомненно, имело значение и соотношение уровней хозяйственно-культурного развития этих двух этносов. Известно, например, что распространению арабского языка среди берберов Северной Африки в результате арабского завоевания содействовал сходный кочевой образ жизни обоих эт-

³⁹ См. Ю. Д. Дешериев, Развитие младописьменных языков народов СССР, М., 1958, стр. 153.

⁴⁰ И. А. Бодуэн де Куртене, Избранные труды по общему языкознанию, т. I, М., 1963, стр. 367.

⁴¹ См. Ю. Д. Дешериев, Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе, М., 1966, стр. 100—102.

⁴² О. Шрадер, Сравнительное языковедение и первобытная история, СПб., 1886, стр. 167.

⁴³ «Народы Африки», стр. 181.

нических компонентов, обусловивший значительную общность их культуры⁴⁴.

Вместе с тем можно предположить, что языковой ассимиляции коренного населения также способствовало усвоение им способа производства завоевателей или синтез способов производства взаимодействующих этносов. Впрочем, эта гипотеза требует специального рассмотрения; ее проверка на основе свидетельств письменных источников, археологических и этнографических материалов — хотя и чрезвычайно трудная, но, безусловно, весьма заманчивая задача. В ожидании ее всестороннего решения представляется весьма важным подчеркнуть, что языковая ассимиляция аборигенов обычно не имела места в тех случаях, когда завоеватели оставляли им старый способ производства, довольствуясь данью. Подобная ситуация сложилась, например, во время многовекового турецкого господства на большей части Балканского полуострова.

Особое внимание привлекает такая общая характерная черта рассматриваемой нами разновидности взаимодействия двух этносов, как политическое господство пришлого населения. Уже одна бесспорная всеобщность этого фактора дает основание полагать, что он играл немаловажную роль в победе языка этнического суперстрата. Этому, видимо, в большинстве случаев первоначально содействовала особая сплоченность завоевателей, обусловленная военной демократией. И все же было бы, разумеется, упрощением полагать, будто политическое господство автоматически предопределяло победу языка завоевателей. Оно, судя по всему, лишь создавало особо благоприятные условия для такой победы, оказывая обычно значительное влияние на многие стороны культурно-хозяйственного развития страны. В тех случаях, когда господство завоевателей не влекло за собой сколько-нибудь существенных перемен в хозяйственно-культурной жизни, в способе производства аборигенного населения, оно, как уже было отмечено, сохраняло свой язык. К тому же есть основание считать, что вообще существовал какой-то предел количественного преобладания аборигенов над пришлым населением, за границами которого политическое господство последних не могло обеспечить условия, необходимые для победы их языка. Примером этого, очевидно, может служить судьба уже не раз упоминавшихся протоболгар.

Фактор политического господства в известной мере должен был сказаться и на лингвистических особенностях переходного периода, отделяющего начальный момент столкновения переселенцев-завоевателей с аборигенами от завершения процесса становления новой этнической общности. Господствующее положение пришлого населения наводит на мысль, что в языковом отношении этот период нередко был временем преимущественно одностороннего двуязычия, т. е. двуязычия лишь для аборигенов.

Социальные моменты не могли не сказаться и на процессе антропологического взаимодействия субстрата и суперстрата. В рассматриваемых случаях оба они находились уже за порогом доклассовых отношений и, следовательно, экзогамно-эндогамные ограничения не могли служить серьезным препятствием для смешанных браков. А это, в свою очередь, должно было отразиться на темпах распространения языка этнического суперстрата.

Итак, одним из типичных последствий взаимодействия переселенцев-завоевателей с аборигенами было своеобразное сочетание в новой этнической общности языка суперстрата с преобладанием физического

⁴⁴ Там же, стр. 136—139.

типа субстрата. Учет этого обстоятельства, как мы видели, в ряде случаев позволяет преодолеть наследие миграционистских представлений, не впадая в то же время в крайности автохтонизма. Язык, безусловно, как это и принято в современной науке, следует считать основным этническим показателем. Однако языковая принадлежность и происхождение народа — явления далеко не идентичные.

SUMMARY

Among mass population migrations those must be singled out which were connected with the development of early class society. In the course of this process the main ethnic units of primitive society — «tribes» — were superseded by new and larger ethnic communities usually termed in Soviet literature «narodnost».

In studying the interrelationships between newly arrived and local populations attention is first of all centred on the language of the newly formed ethnic community. In those cases where the language of the newcomers prevails their numerical preponderance over the aborigines is usually assumed. However such an assumption ignores the fact that linguistic data cannot be considered the only criterion. This is shown more and more clearly, among other data, by anthropological materials.

The following instances may be adduced:

- a) the prevalence of traits characteristic of the local pre-Slav population in the anthropological types of a number of South Slav peoples;
- b) the Ossets speak an Iranian language while anthropologically they are identical with indubitably local peoples of Central Caucasian origin;
- c) the Balkars and the Karachays speak Turkic languages while their anthropological traits are also identical with those of the local Caucasian peoples;
- d) the Khakass speak a Turkic language while anthropologically they are closely related to the pre-Turkic population of the Khakass-Minusinsk Valley.

Indisputable instances may also be adduced where the new ethnic communities have been formed by a merging of newcomers with the local population; such is the ethnic history of the Azerbaijanians, the Turks, the Egyptians.

In interpreting these facts it should be held in mind that basic racial traits are characterized by great stability. Consequently the above-mentioned anthropological data warrants the conclusion that the local population was more numerous than the newcomers.

What were the causes that had led to the victory of the language of the alien conquerors in these cases? The answer to this question must be sought primarily in social factors. One of the most important appears to be the factor of political domination. However even this factor does not act directly but exerts its influence through various fields of cultural and economic life.

Thus we may conclude that one of the typical consequences of interaction between alien conquerors and the aborigines among whom they had settled was a combination within the newly-formed ethnic community of the language of the ethnic superstratum with the physical type of the substratum.

Ю. А. Колосова

ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ НЕГРИТЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ США

В 1910 г. почти половина всего населения США жила уже в городах, но $\frac{3}{4}$ негритянского населения все еще было сельским. В последующие пятьдесят лет в размещении негров произошли коренные сдвиги. Если к началу XX столетия $\frac{9}{10}$ негров размещалось на бывшем рабочем владельческом Юге, то к 1960 г. на Юге их осталось только 60%.

В настоящее время вне Юга лишь очень небольшая часть негритянского населения живет в сельских местностях; в штате Нью-Йорк, например, 97,5% всех негров живет в городах, в Пенсильвании и в Калифорнии — 94-96%.

Не только на Севере и Западе, но и на Юге большинство негров (58% в 1960 г.) живет ныне в городах, а уровень урбанизации негритянского населения в целом по стране (73,2%) теперь даже выше, чем у всего населения страны (69,9%).

В урбанизации негритянского населения прослеживаются как общие закономерности растущей концентрации населения в городах, отражающие структурные изменения в экономике страны, так и некоторые специфические черты, обусловленные неравноправным положением негров в США. Они проявляются не только в особенностях расселения негров в городах, но и придают ряду социальных проблем, свойственных вообще капиталистическим городам, особую остроту. Наглядное тому свидетельство — взрыв массовых негритянских волнений, происшедший летом 1967 г. в десятках американских городов, от Нью-Йорка и Вашингтона на востоке страны до Сан-Франциско и Портленда — на западе.

В свете этих событий задача исследования основных особенностей размещения и положения городского негритянского населения в США приобретает большую актуальность.

Массовое бегство негров из южных штатов в города Севера началось еще в годы первой мировой войны, когда промышленность, работавшая по военным заказам, испытывала недостаток рабочих рук. Приток иммигрантов сократился, и негры заменили их в качестве дешевой рабочей силы. Чистая миграция негров с Юга с 1910 по 1920 г. составила 455 тыс., в следующее десятилетие она увеличилась почти в полтора раза (751 тыс.)¹. Вначале приток негров в города Севера шел из смежных с ним штатов (Делавэр, Мэриленд, Виргиния) и направлялся преимущественно в Нью-Йорк и другие северо-восточные штаты. Позже в переселении стали участвовать и негры, населявшие «глубокий Юг» (штаты Алабама, Миссисиппи, С. и Ю. Каролины, Джорджия, Луизиана); их путь чаще лежал к Чикаго, Детройту и другим городам Северного Центра.

¹ E. S. Lee, A. R. Miller and C. P. Brainerd, Population redistribution and economic growth in the United States, 1870—1950; vol. I, Philadelphia, 1957, table P-1.

Повсеместная массовая безработица в кризисные 30-е годы затормозила бегство негров с Юга, но в годы второй мировой войны большой приток их наблюдался не только в городах Севера, но и Запада (особенно в Калифорнии).

Всего с 1940 по 1960 г. Юг покинуло около 3 млн. негров, из них 635 тыс. пополнили население негритянских гетто Нью-Йорка, 445 тыс. — Чикаго, 260 тыс. — Детройта, 260 тыс. — Лос-Анджелеса и т. д.²

Массовая миграция негров из штатов бывшего рабовладельческого Юга вызвана их тяжелым экономическим и бесправным социальным положением, усугубленным переменами в сельском хозяйстве Юга. В 1930 г. $\frac{4}{5}$ всех негров-фермеров на Юге не имели даже клочка собственной земли, большинство их арендовало ее на условиях кабальной издольщины. Рост применения машин и наемного труда и антикризисные мероприятия по сокращению посевов хлопка привели к массовому сгону негров-арендаторов с земли. За 30 последних лет число негров-фермеров сократилось почти в 4 раза (с 882 тыс. до 266 тыс.)³.

Не очень развитая промышленность Юга и другие сферы занятий не могут поглотить всего «избыточного» населения, выталкиваемого развитием капитализма из сельских районов.

Особенностью размещения негров за пределами Юга является концентрация их в крупных городах. На 5 городов-миллионеров и столицу страны приходится одна четверть всего негритянского населения. В таких городах как Нью-Йорк (1225 тыс. негров в 1960 г.), Чикаго (890 тыс.), Филадельфия (676 тыс.) негры составляют 11—16% всего населения, а в Вашингтоне (409 тыс.) — более половины. Наглядное представление о размещении важнейших центров концентрации городского негритянского населения дает карта № 1.

«Гетто, в которых живет большинство негров, пуэрториканцев, мексиканцев и других национальных меньшинств, — неотъемлемая часть американской городской жизни; среди ста крупнейших городов страны нет ни одного без гетто», — пишет Ричард Моррил⁴. В Нью-Йорке — это Гарлем (северо-восточные кварталы округа Манхаттан), в Чикаго — Брунсвилл (в южной части города), в Бостоне — Роксбери и Саутэнд, в Лос-Анджелесе — Уоттс (в южной части города) и т. д.

Процесс образования негритянского гетто можно иллюстрировать примером Гарлема в Нью-Йорке. К Нью-Йорку Гарлем был присоединен в 1873 г.; до этого времени он был небольшим пригородным поселением, лучшие земельные участки и дома в котором принадлежали семьям богачей. Ужасные трущобы, населенные неграми, которые так поразили Чарльза Диккенса в 1842 г., находились в то время не здесь, а на юге Манхаттана. В 1890—1900 гг. негритянское население Нью-Йорка увеличилось до 25 тыс., центр его расселения передвинулся в Мидтаун и на всей территории острова можно было встретить вкрапления блоков домов, заселенных неграми.

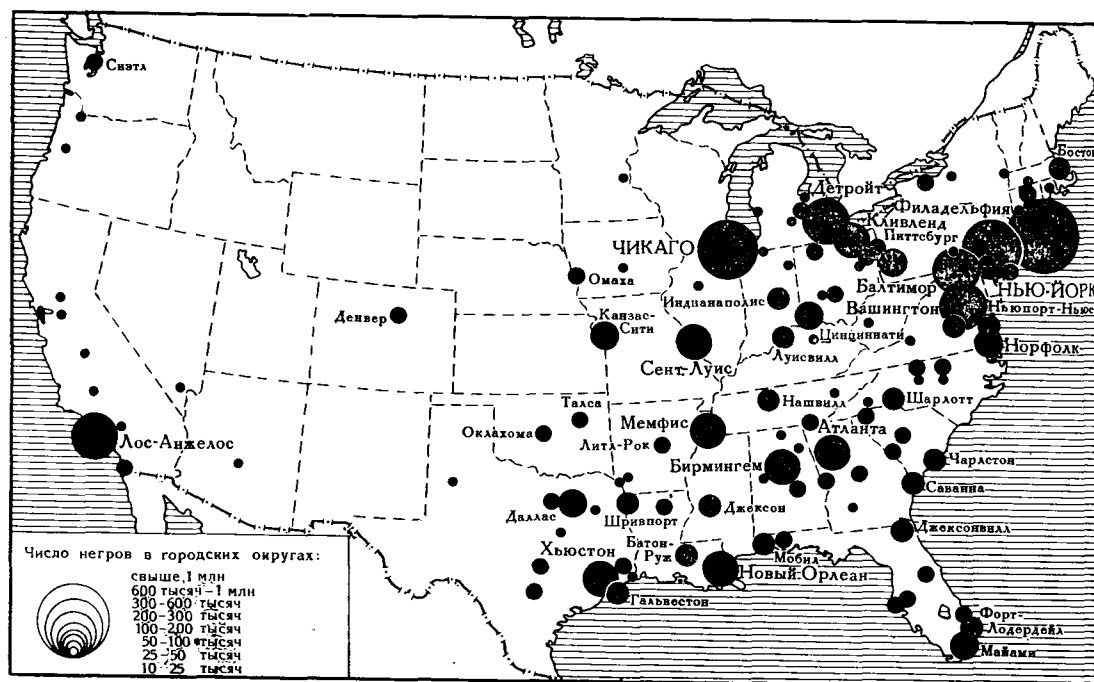
В 1910 г. в Нью-Йорке было уже 92 тыс. негров (60 тыс. из них — на Манхаттане), а в 1920 г. Нью-Йорк стал первым в стране городом по численности негритянского населения.

В конце XIX в. к Гарлему подошла надземная железная дорога; строительная лихорадка вызвала бешеный рост цен на земельные участки. Большая часть современного жилого фонда Гарлема была пост-

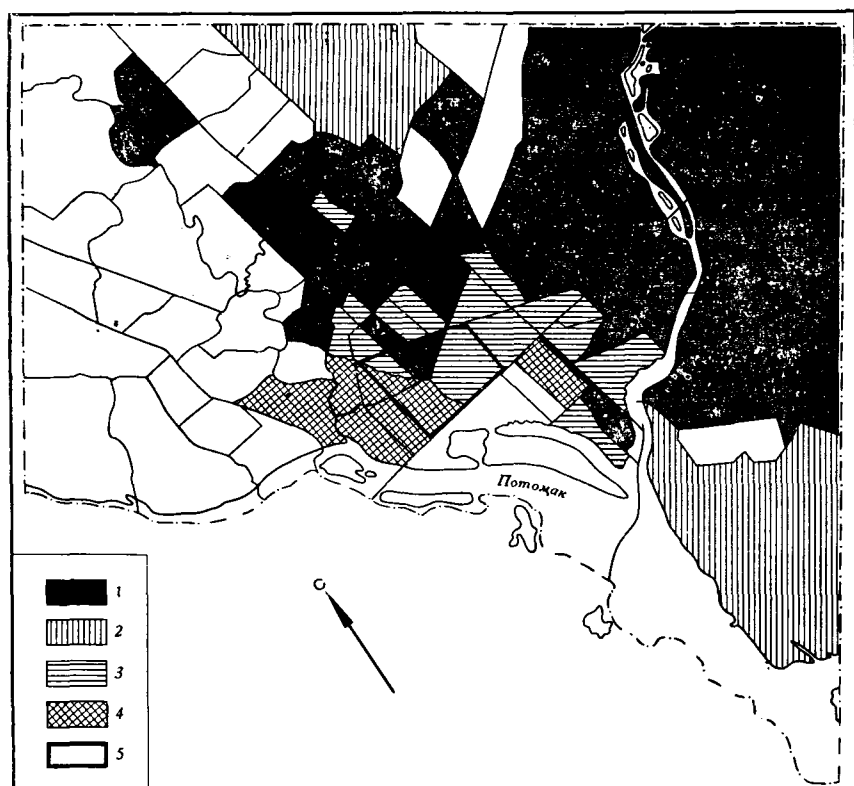
² R. L. Morrill, The Negro ghetto: problems and alternatives, «The Geographical Review», 1965, № 3, p. 340.

³ «United States Census of Agriculture», 1959, vol. II, ch. 11, Washington, 1962, p. 26.

⁴ R. L. Morrill, Указ. раб., стр. 339.

Карта 1. Негритянское население в городах США. 1960 г. (составлена автором)

Карта 2. Изменения в размещении негритянского населения в г. Вашингтоне в 1950—1960 гг. 1—основное ядро негритянского гетто; 2—негритянского населения увеличивается; 3—негритянского населения сокращается; 4—район выселения; 5—центральный деловой район (карты 2, 3, 4 взяты из книги К. Е. и А. Ф. Таеубер, *Negroes in cities*, Chicago, 1965)

роена именно в это время и чуть позже. Домов оказалось больше, чем можно было продать или сдать белым. В то время кое-где по окраине Гарлема на худших участках обособлялись уже не только иммигранты, но и негры. К 1914 г. их было более 50 тысяч. Белые домовладельцы, терпевшие убыток от того, что дома их не были полностью заселены, кое-где стали сдавать жилье и неграм. Это оказалось очень выгодным, так как приток негров с Юга не прекращался; в 1920 г. Гарлем населяло уже 73 тыс. негров. Плотность населения в Гарлеме в 1925 г. составляла 336 человек на акр против 223 в остальной части Манхэттана. За короткий промежуток времени, с 1919 по 1927 г., рента выросла в два раза⁵.

В 1920—1930 гг. происходит отток белого населения Манхэттана в другие округа Нью-Йорка и пригороды. В этом «бегстве» участвуют и белые жители Гарлема. Они не только ищут лучшее жилье, но и боятся обесценения своей собственности; «паникой» ловко пользуются спекулянты жильем, выступающие посредниками в передаче квартир, арендованных ими самими у белых домовладельцев. Именно к этому времени и относится превращение многих сильно перенаселенных жилищ Гарлема в трущобы, где обычным стала «Hot Bed system», при которой на место, освобожденное одним членом семьи, ложится другой. Обстановка в Гарлеме тех лет правдиво передана в стихах известного американского поэта Ленгстона Хьюза:

«Я приехал на Север, люди
Говорили, тут хорошо.
Приехал на Север,
Говорили — хорошо.
Полгода я здесь пробыл
И чуть с ума не сошел»

(«Блюз о вечернем воздухе»)

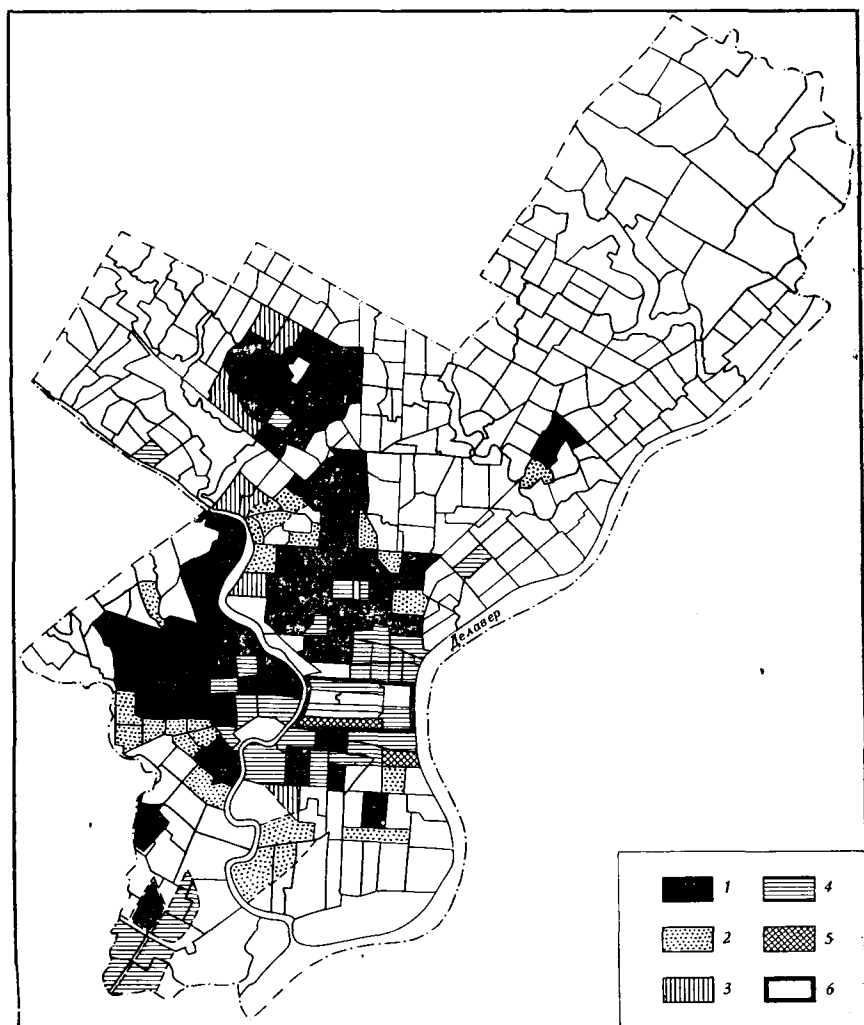
К 1930 г. негритянское население Нью-Йорка выросло до 328 тыс. Оно не было однородным; кроме негров с Юга, здесь поселилось 55 тыс. негров-иммигрантов, прибывших в поисках работы с островов Вест-Индии, принадлежавших Англии, Франции, Голландии. Отличаясь по языку, религии, семейному укладу и традициям, они плохо ассимилировались с основным населением Гарлема. В восточной части Гарлема росла колония пуэрториканцев («El Barrio»), разделивших с неграми горькую участь обитателей гетто.

Кризисные и депрессивные 1930-е годы затормозили приток мигрантов с Юга; переселенцы даже частью возвращались на места прежнего жительства. Предвоенная и военная конъюнктура дала сильный толчок к возобновлению притока негров в Нью-Йорк; к 1950 г. в самом городе число их перевалило за 800 тыс., а в Большом Нью-Йорке (17 графств) — за миллион. Районом наибольшей концентрации негров по-прежнему оставался Гарлем, но он не мог вместить все нарастающего притока мигрантов с Юга. Второе гетто образовалось в Бруклине в районе Бедфорд — Стьювесант; свои маленькие гетто появились в некоторых пригородах (Маунт-Вернон, Нью-Рошелл, Ист-Орэндж).

Особенной скученностью населения Гарлем отличался в 40-е годы. В предвоенные, а также военные годы жилищное строительство резко сократилось. Каких-либо существенных сдвигов в размещении белого населения, в том числе и большого оттока его в пригороды в эти годы не происходило. Найти жилище за пределами «традиционного» рассе-

⁵ J O s o f s k y, Harlem. The making of a ghetto, N. Y., 1966, p. 136.

ления негров было чрезвычайно трудно. Белые домовладельцы использовали с выгодой для себя острую нужду все увеличивающегося негритянского населения в жилищах; они дробили жилые помещения и повышали арендную плату. В 1950-х годах картина расселения негров в

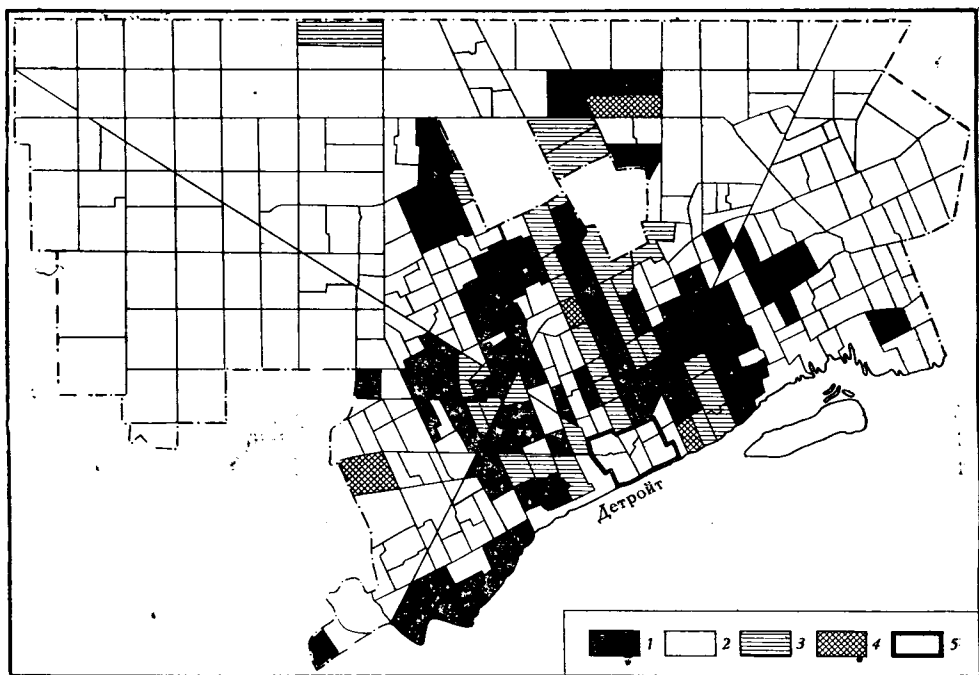

Карта 3. Изменения в размещении негритянского населения в г. Филадельфии в 1950—1960 гг.; 1 — основное ядро негритянского гетто; 2 — район недавнего заселения; 3 — негритянское население увеличивается; 4 — негритянское население сокращается; 5 — район выселения; 6 — центральный деловой район

Нью-Йорке несколько изменилась. Гарлем по-прежнему сосредотачивал самую большую часть негритянского населения (более 300 тысяч). Но в связи с тем, что часть белого населения, переселяясь в пригороды, оставляла старые, не имеющие современных удобств дома, появилась возможность использования этих жилищ неграми. Как отмечается в американской литературе, этой возможностью пользуется в основном буржуазная часть негритянского населения. Аналогичный процесс наблюдается и в других крупных городах. Как показывают карты № 2, 3

и 4, места новой концентрации негритянского населения, как правило, мало удалены от основного ядра гетто; они лежат по его периферии и реже бывают оторваны от него.

В городах Юга сегрегированное размещение жилищ негров усилилось после Гражданской войны. Ныне, по свидетельству социологов

Карта 4. Изменения в размещении негритянского населения в г. Детройт в 1950—1960 гг. 1 — основное ядро негритянского гетто; 2 — негритянское население увеличивается; 3 — негритянское население сокращается; 4 — район выселения; 5 — центральный деловой район

К. Тойбер и А. Тойбер, степень сегрегированности на Юге выше, чем на Севере⁶. Здесь нередки случаи, когда гетто находится не в самом городе, а на его окраине. В южных штатах процесс расширения гетто за счет переселения в дома, освобождаемые белыми, не столь интенсивен, как в северных. Это связано с тем, что в южных городах отток белого населения в пригороды меньше, чем в северных, а также с тем, что темпы роста городского негритянского населения на Юге не так высоки.

На жизнь в гетто негров обрекает не только бедность, но и расовая дискриминация. Прежде чем коснуться того, как действует ее отвратительный «механизм» на рынке жилья, приведем некоторые факты, характеризующие экономическое положение городского негритянского населения. Большинство его принадлежит к рабочему классу, занятому неквалифицированным или полуквалифицированным трудом. Половина негров в возрасте 25 лет и старше не имеет восьмилетнего школьного образования (1960 г.).

По данным переписи населения, в 1960 г. 19,5% самостоятельного негритянского городского населения было занято в обрабатывающей

⁶ К. Е. Taeuber and A. F. Taeuber, *Negroes in cities*, Chicago, 1965, p. 234.

промышленности, 5,4% — в строительстве, 14,4% — в торговле, 14,8% — в сфере личных услуг (среди женщин-негритянок — 42%) ⁷. Средний доход в том же году у негров-мужчин, живущих в городе, составил всего 58% дохода белых (на Северо-Востоке — 68%, на Юге — 51%) ⁸. В 1964 г. среди небелого населения насчитывалось 812 тыс. безработных или 9,8% всей рабочей силы (среди белых — 4,6%). Особенно трудно получить работу негритянской молодежи: 23,3% негров-мужчин в возрасте 14—19 лет в том же году были безработными (среди белых — 13,4%); среди женщин-негритянок безработица была еще выше ⁹.

Несмотря на сравнительно высокую хозяйственную конъюнктуру последних лет, поддерживаемую притоком военных заказов, проблема занятости негров все осложняется, так как спрос на неквалифицированный труд падает. Тенденция к некоторому сокращению разрыва между средним уровнем заработка белого и небелого рабочего, по поводу которой немало написано буржуазной прессой, сменилась увеличением разрыва: по данным, приведенным К. Робинсоном на экономической конференции в мае 1967 г., средний заработок негритянского рабочего, составлявший в 1953 г. 59% заработка белого труженика, упал до 53% в настоящее время ¹⁰.

Около 44% всех негритянских семей имеют годовой доход менее 3 тыс. долларов. Семья с таким доходом официально классифицируется как «бедная» и неспособная поддержать достаточный уровень жизни ¹¹. Как отмечают американские социологи, материальная необеспеченность — основная причина того, что часть негров-мужчин не обзаводится семьей.

Характерные данные о географии бедности в США приводит в своем исследовании Джозеф Муни. Проанализировав данные переписи 1960 г. о среднем доходе населения в переписных участках 52 крупнейших городов, он обнаружил в них 1400 участков бедности, в 842 из них — более половины населения составляют небелые. В одном только Нью-Йорке — 167 таких участков с более чем полумиллионом жителей ¹².

По данным официальных обзоров жилищ негритянского населения, условия в них являются наихудшими. Например, в центральной части Гарлема в Нью-Йорке дома, включаемые в категорию «непригодных к использованию», составляют примерно 50%, тогда как по всему городу в целом — около 15%. В Индианаполисе 89% негров живет в так называемом внутреннем городе, в домах, построенных 75—100 лет назад ¹³. Из 111,3 тыс. жилищ, занимаемых небелым населением столицы страны — Вашингтона, 18,3 тыс. классифицировалось переписью 1960 г. как «ветхие» и «полуразрушенные» ¹⁴. В таких же домах живет и 9000 негритянских семей в Кливленде ¹⁵. «Негритянская Америка — эта страна трущоб, которую не показывают по телевидению», — подчеркивал журнал «New Republic» в номере от 5 августа 1967 г.

⁷ «1960 Census of Population», VI, Characteristics of the population, Washington, 1964, table 91.

⁸ Там же, table 139.

⁹ «Man power report of the President, Transmitted to the Congress», March 1965, pp. 33, 206.

¹⁰ «The Worker», June 25, 1967, p. 6.

¹¹ «The Labor fact book 17», N. Y., 1965, p. 25, 26.

¹² J. D. Mooney, Urban poverty and labor force participation, «The American Economic Review», March, 1967, № 1, p. 107—108.

¹³ «The Labor Fact Book 17», p. 93.

¹⁴ «U. S. Census of Population and Housing 1960», Census tracts, Washington, D. C. — Md — Va SMSA, Washington, 1962, p. 196.

¹⁵ «Hearing before the United States Commission on civil rights», Cleveland, April 1—7, 1966, p. 96.

В Лос-Анджелесе, где негры составляют всего лишь около 7% всего населения, более половины всех ветхих домов приходится именно на район гетто (Уоттс и прилегающие к нему кварталы). В отчете, из которого взяты эти цифры, сообщается также, что на кварталы гетто в 1960 г. пришлось: 31% всех зарегистрированных в городе случаев туберкулеза, 44,6% — дизентерии, 42% — пищевых отравлений, 100% — полиомиелита. Общая смертность населения здесь в 1964 г. была на 29,3% выше, чем в остальной части города, а детская — на 40%¹⁶.

Лишь небольшая часть домов в гетто принадлежит неграм: большинство арендует жилье у собственников — белых. В Лос-Анджелесе в районе Уоттс-Медоус из каждых 10 семей 7 арендуют жилье. В крупных городах Севера, где по сравнению с Лос-Анджелесом шире распространены многоквартирные дома, процент арендаторов среди негров еще выше. Недостаток жилья позволяет владельцам домов взимать с негров более высокую квартирную плату. Факты взимания более высокой платы с негров и пуэрториканцев зафиксированы в официальных документах¹⁷. Как сообщил Бернард Селлерс, сотрудник Комиссии по гражданским правам (заседание в Кливленде в апреле 1966 г.), негры, арендующие жилище, отдают за него не менее четверти, а то и трети заработка; высокая квартирная плата сильно урезает расходы на все остальные нужды¹⁸.

Даже при наличии средств неграм и другим небелым американцам очень трудно снять или купить квартиру за пределами гетто. «Сегрегация поддерживается отказом не только продать, но даже показать негру дом в квартале, где живут белые — свидетельствует Ричард Моррил. Для этого используются бесчисленные уловки: называется завышенная цена, увеличенный первичный взнос, снимается объявление о продаже или говорится, что дом уже продан»¹⁹. Свой барьер воздвигают и банки, отказывающие в предоставлении кредита (под предлогом нестабильности доходов кредитруемого) или назначающие за него повышенный процент.

Следует заметить, что федеральная администрация еще недавно не считала незаконными барьеры на пути к интеграции белого и небелого населения. До 1949 г. Housing Administration даже требовала «расовую однородность» в домах, строительство которых она финансирует²⁰. В 1963 г. президент запретил дискриминацию в жилищном вопросе, но, по словам Ричарда Моррилла, «старые взгляды господствуют и сейчас в большинстве округов» и «объединенные силы тех, кто поддерживает сегрегацию, куда сильнее». Яркая иллюстрация тому — принятие в штате Калифорния (по инициативе Ассоциации владельцев недвижимого имущества) поправки к конституции штата, отменяющей закон о справедливом разрешении жилищных вопросов на том основании, что штат не может лишить кого-либо права «отказывать в продаже, сдаче в аренду или во временное пользование» своего имущества²¹.

Расчистка и реконструкция кварталов трущоб часто не приносит никакого улучшения жилищных условий негритянского населения. Кварт-

¹⁶ «Official report», p. 30—40, в сб. «Hard-core unemployment and poverty in Los Angeles», Washington, 1965 (общая пагинация отсутствует).

¹⁷ См. «Congressional Record», August, 31, 1965.

¹⁸ «Hearing before the United States Commission on civil rights», Cleveland, April 1—7, 1966, p. 96.

¹⁹ R. Morril, Указ. раб., стр. 345.

²⁰ Там же, стр. 346; на этом подробно останавливается также (со ссылкой на официальные инструкции) Чарлз Адамс, см.: Ch. Adams, The city is the frontier. N. Y., 1965, p. 61.

²¹ «Labor fact book 17», p. 92.

плата в новых домах такова, что они совершенно недоступны негритянской бедноте. А в немногих дешевых домах, строящихся за счет бюджетных ассигнований, как пишет Ч. Зильберман, доля негров ввиду дискриминации «непропорционально мала»²². Две трети переселяемых в связи со сносом трущоб негритянских семей и после переселения живут по-прежнему в «нестандартных» жилищах; выселение их из реконструируемых кварталов ведет к дальнейшему увеличению плотности в сохраняющихся гетто и к «интенсификации» сегрегации²³. Становится понятным такой, на первый взгляд, парадоксальный факт, что мероприятия по уничтожению трущоб нередко вызывают оппозицию их обитателей. Поль Баллок, журналист из Лос-Анджелеса, рассказывает о том, что он наблюдал у помещения Департамента по реконструкции Чикаго «сидячую» забастовку негров, протестующих против выселения их из района реконструкции²⁴.

За последнее время население крупных городов быстрее растет в пригородной зоне. Негры, в отличие от белого населения, слабо участвуют в ее заселении. В 1960 г. $\frac{2}{5}$ всех белых жителей и лишь $\frac{1}{10}$ негров, проживающих в урбанизированных округах, размещались в пригородной зоне. Причина этого как в бедности негритянского населения (жизнь в пригороде влечет увеличение расходов на транспорт; большинству негритянских семей недоступна покупка односемейного дома), так и во враждебном отношении состоятельных белых к поселению пососедству негров²⁵. В целом ряде новых пригородных поселений нет ни одной негритянской семьи. В тех случаях, когда негры все же переселяются в окрестности большого города, там возникают новые гетто. Примерами таких вновь возникших негритянских поселений могут служить Фэрмонт-Хайтс — негритянская община на окраине Вашингтона, Либерти-Сити и Браунсвилл в окрестностях г. Майами и др. Но и здесь, как правило, лишь небольшая часть негритянских семей имеет собственное жилище, большинство же арендуют его.

Недостаток земли в крупных городах, высокая цена ее и ряд других обстоятельств стимулируют перемещение в пригороды и части нового промышленного строительства. В потоке ежедневно едущих на работу в пригороды Нью-Йорка, Лос-Анджелеса и других городов немало негров, не имеющих возможности поселиться вблизи от работы. Как пишут по этому поводу авторы отчета о положении в гетто Лос-Анджелеса, «даже ветеранам войны было отказано в праве на жизнь среди белого населения»²⁶.

Закрывая доступ бедноте в новые комфортабельные поселки в пригородах, буржуазия в то же время боится накопления «социального динамита» в трущобах и даже потери контроля над политической машиной муниципалитетов. Об этом недвусмысленно сказано в отчете консультативной комиссии по межведомственным отношениям²⁷.

Сенатский юридический комитет внес недавно на рассмотрение Конгресса билль о перекройке избирательных округов, по которому части негритянских гетто будут присоединены для выборов к участкам с бе-

²² Ch. Silberman, The city and the Negro, «Fortune», 1962, No 3, p. 65.

²³ «The Journal of the American Institute of planning».

²⁴ P. Bullock, A survey of Chicago redevelopment programs, p. 2, в сб. «Hard-core unemployment and poverty in Los-Angeles».

²⁵ Это не исключает, однако, присутствия в пригородах негров в качестве прислуги. В Скарсдейле (буржуазном пригороде Нью-Йорка, в графстве Вестчестер), где живут бизнесмены и управляющие (средний доход на семью — 22 тыс. долл.), свыше тысячи человек домашней прислуги из числа главным образом негров.

²⁶ «Hard-core unemployment and poverty in Los-Angeles», p. 8.

²⁷ «Metropolitan social economic disparities», Washington, 1965, p. 89.

лым населением. Комментируя этот билль, конгрессмен-демократ от штата Мичиган Джон Коньирс заявил: «Во всех других аспектах американские негры рассматриваются совершенно отдельно. Но когда дело касается определения политических границ, негритянское гетто вдруг соединяют с белыми пригородами с тем, чтобы превратить негров в меньшинство в каждом округе... Честное и разумное определение размеров и формы участков по выборам в Конгресс может иметь результатом избрание негра-конгрессмена от Нью-Йорка (Бруклин), Вестсайда Чикаго, юга Лос-Анджелеса, Ньюарка, Кливленда и Балтимора»²⁸.

Тяжелое экономическое и социальное положение обитателей гетто еще более ухудшилось в последние годы. «Сами гетто становятся еще ужаснее», — признал министр юстиции Кларк, выступая 13 апреля 1967 г. в Национальном клубе печати. Лос-Анджелес, Детройт, Ньюарк, ньюйоркский Гарлем, Вашингтон, Цинциннати, Толидо, Бирмингем и десятки других американских городов стали ареной массовых негритянских восстаний, на подавление которых была брошена не только полиция, но и регулярные войска. Силы, стоящие за кулисами расправы с неграми, те же самые, что ведут грязную войну во Вьетнаме. Размах борьбы против социального и расового гнета и ее более активные формы показывают, что «гроздя гнева» не сдержат больше демагогическими посулами повести «борьбу с бедностью».

Восстания обитателей трущоб — яркое свидетельство обострения внутренних противоречий американского империализма.

Наиболее прогрессивная часть негритянского народа не ограничивается в своей борьбе интересами лишь той общины, в недрах которой проходит ее повседневная, полная забот и тревог жизнь.

Негры активно участвуют в демонстрациях против преступной войны во Вьетнаме, в защиту гражданских прав.

Борьба за экономические и политические интересы 22 миллионов негров — важное звено всей борьбы за демократические требования, выдвигаемые американским народом. «Перед неграми, которые стремятся к единству всего прогрессивного человечества, — пишет Уильям Паттерсон, член национального комитета Коммунистической партии США, — открываются светлые перспективы. Победа не будет одержана завтра. Но с каждым днем она становится ближе»²⁹.

SUMMARY

The distribution of the Negro population of the U. S. A. has undergone great changes; two-fifths of this population is at present living outside the South. The level of urbanization is higher for Negroes than for the population as a whole. Of the first hundred American cities there is not one without its ghetto. The process of the formation of ghettos is illustrated by Harlem in New York.

The article characterizes the economic situation of urban Negroes, their housing conditions, the barriers in the way of integration with the whites in the suburban zone; the deterioration of the economic and social situation of the ghetto dwellers in recent years is noted. The distribution of Negroes in the country as a whole and within some large cities is illustrated by maps.

²⁸ «Hits Getto Gerrymandering», «The Worker», June 4, 1967.

²⁹ Газ. «Труд», 12 мая 1967 г.

Р. Лопес-Вальдес

ИНДИЙЦЫ НА КУБЕ

Отмена рабства в Британской империи привела к спаду в экономике английских колоний на Антильских о-вах. В большинстве английских колоний бывшие рабы покинули плантации и не хотели более работать на своих прежних хозяев. Производство сахара резко сократилось. Два комитета, созданные английским парламентом, пришли к одному и тому же выводу: нехватка рабочих рук была причиной упадка производства сахара на Антильских о-вах.

Было несколько предложений пополнить необходимую рабочую силу путём иммиграции. Поочередно рассматривалась иммиграция португальцев, китайцев, свободных негров из США как возможный путь разрешения кризиса. И, наконец, Индия, находящаяся по другую сторону земного шара, стала представляться плантаторам великолепным рынком рабочей силы. Еще ранее рабочая сила из Индии ввозилась на о-ва Св. Маврикия, а вскоре начался ввоз батраков и в Вест-Индию. В 1838 г. два корабля с 400 эмигрантами на борту отплыли из Бенгалии к берегам Английской Гвианы. Позднее, в 1845 г., первые индийцы прибыли на Тринидад и на Ямайку. С тех пор вплоть до 1916 г. существовал постоянный приток иммигрантов в английские владения на Антильских о-вах. Правда, в отдельные периоды он сокращался, а иногда даже ненадолго прерывался¹. Среди иммигрантов из Индии были представители различных этнических групп, однако преобладали уроженцы северных и центральных областей страны. Это численное превосходство подтверждается тем, что у живущих на о-вах Карибского моря индийцев, сохранивших в качестве разговорного какой-либо из индийских языков, наиболее распространен хиндустан. Этот язык даже воспринят некоторыми представителями других этнических групп индийского происхождения. Иногда отдельные слова на языке хиндустан употребляют совершенно в ином смысле. Употребление их связано главным образом с религиозными церемониями.

На Кубу индийские иммигранты приезжали как правило с других островов Вест-Индии, причем многие уже плохо знали языки далекой родины. В настоящее время те из них, которые родились на Ямайке, не владеют в полной мере английским языком, хотя и говорят на нем лучше, чем на языке своих предков. Но еще хуже до сих пор они говорят по-испански.

В 1902 г. под оскорбительной опекой США на Кубе была провозглашена республика. Немедленно началось проникновение североамериканского капитала в экономику Кубы. В руках капиталистов США ока-

¹ L. Rammanchar, *Indians in foreign lands*, «All Union Congress Committee», Allahabad, 1938; «*Emigrant India of Today*», vol. V, Indian emigration, Oxford Univ. Press, London, 1924; C. Kondapi, *Indians overseas 1838—1949*, Indian Council of World Affairs, New Delhi, 1951.

залось производство электроэнергии, железнодорожный транспорт, телефонная связь. Американцами были захвачены огромные территории лучших земель страны, в частности, в провинциях Камагуэй и Орьенте. На этих землях они начали строить современные заводы по переработке сахарного тростника, рассчитанные на очень большую производительность. Их стали называть «колоссами». Для этих заводов необходимо было создать сырьевую базу — развитое плантационное хозяйство в новых районах.

Районы, выбранные для строительства сахарных заводов, имели незначительную плотность населения. Появилась необходимость обеспечить новые плантации рабочей силой. Больших затрат труда требовали рубка и сушка сахарного тростника. Особенно это относилось к завершающей фазе сбора урожая — рубке тростника, известной под названием «сафры», когда требуется огромное число рубщиков — «мачетеро», труд которых не находит применения в остальное время года. Для новоиспеченных плантаторов наиболее приемлемым выходом представлялся ввоз батраков с других Антильских о-вов. Эти дешевые рабочие руки снижали уровень заработной платы кубинских сельскохозяйственных рабочих. Ввоз батраков с Антильских о-вов оживил нравы, присущие рабовладению, запрещенному на Кубе уже четыре десятилетия до этого. Вербовщики отправлялись на Ямайку и Гаити на поиски «черного дерева», а затем неграмотных батраков отдавали во власть владельцев плантаций и сахарных предприятий Кубы. Вербовка батраков приобрела значительные размеры. По официальным данным, за время с 1913 по 1930 гг. было ввезено более 300 000 батраков с Гаити и Ямайки. Вне всякого сомнения, реальные цифры выше тех, которые приводятся в официальных источниках. Тысячи иммигрантов въезжали в страну без каких-либо документов при попустительстве властей. По закону от 3 августа 1917 г., действие которого было ограничено двумя годами по окончании первой мировой войны, многие предприятия и отдельные лица получили право ввозить работников «при условии, что будут представлены гарантии в том, что иммигранты не превратятся в обузу для общества, не будут представлять угрозы с точки зрения здравоохранения, равно как в том, что они будут в должные сроки отвезены назад»².

Это постановление по сути дела лишь узаконило реально существовавшее положение вещей.

Как и для остальных батраков с Антильских о-вов, для индийцев основным занятием стало выращивание и рубка сахарного тростника. Несомненно, что благодаря знанию английского языка они попадали в сравнительно выгодное положение на плантациях и сахарных заводах, принадлежавших американцам. По этой причине многие из них со временем занимали административные посты, становились надсмотрщиками.

Потомки индийцев, родившиеся на Кубе, всегда стремились переменить работу, когда этим они могли улучшить свое положение. Многие из них годы спустя стали работать на строительстве военно-морской базы США, на захваченной кубинской территории в заливе Гуантанамо. В период этих работ, осуществлявшихся в годы второй мировой войны, они освоили различные строительные профессии. Старики же продолжали работать на производстве сахарного тростника или выращивали на мелких земельных участках маниоку, батат, кукурузу, кофе и др.

² «Gaceta oficial de la Republica», 4 Agosto 1917.

Во время экономического кризиса 1930-х годов большая часть индийцев вернулась на прежние места обитания, главным образом на Ямайку. Те, которые остались на Кубе, обзавелись семьями и не жили больше общинами, а расселились по разным местам, главным образом на южном побережье провинции Орьенте, включая район Гуантанамо³.

Во время комплексного обследования, проводившегося в поселке Эрмита и в других поселках⁴ сахарного завода «Коста-Рика» (прежде называвшегося также «Эрмита») в районе Гуантанамо, мы получили сведения о том, что в этом районе живут индийцы. Эти данные были полной неожиданностью, так как до настоящего времени не было сведений о том, что здесь сохранились следы индийской иммиграции на Кубу начала XX в. Более углубленное обследование подтвердило, что в поселках Эрмита и Эгипто обосновалось несколько давних индийских иммигрантов и их потомков.

Первые иммигранты этого потока прибыли на Кубу около 1904—1905 гг. В силу тех особых обстоятельств, которые сопровождали ввоз батраков на Кубу, ни в литературе, ни в источниках нет точных данных о времени прибытия первых индийцев на Кубу. При отсутствии достоверных данных о количестве иммигрантов и, принимая во внимание, что сообщения информаторов очень запутаны и противоречивы, мы предполагаем, что в общей сложности было завезено приблизительно 2 тыс. батраков-индийцев. В настоящее время на Кубе, по нашим подсчетам, живет около 200 индийцев, включая и их потомков, рожденных на Кубе.

Маловероятно, что иммигранты прибывали непосредственно из Индии, потому что в таком случае они должны были быть отмечены в эмиграционных регистрах, которые с конца прошлого века велись в портах отправления и в которых указывалось, куда они направляются. Большинство иммигрантов прибыли, по-видимому, с Ямайки и из других колоний, таких как Тринидад, где существовало большое по численности индийское население.

Первые индийцы, прибывшие на Кубу в начале XX в., сохраняли многие особенности в культуре, которые четко выделяли их из остального населения и отличали от прочих иммигрантов. Они продолжали носить традиционную одежду своей родины. Пища их также совершенно отличалась от пищи остального населения, равно как и целый ряд обычаев. Несмотря на то, что индийцы жили главным образом в поселке Эгипто, где было много уроженцев Ямайки неиндийцев, они сохранили свою обособленность и заключали браки преимущественно между собой. Это резко выраженное стремление к эндогамии привело к тому, что ямайцы считали их дискриминаторами. В этом есть определенная доля истины. Под влиянием дискриминации, существовавшей в британских колониях, среди иммигрантов из Индии усилилось стремление избегать смешения с местным негритянским населением. Причины этого коренились в самих условиях появления батраков из Индии на Антильских о-вах. Они приехали занять на плантациях места, покинутые бывшими рабами-неграми. Негры не могли отнестись к ним доброжела-

³ A. Niehoff, J. Niehoff, *East Indians in the West Indies*, Milwaukee Public Museum, 1960; А. Д. Дридзо, *Индийцы острова Тринидад*, в сб. «Страны и народы Востока», М., 1961; «Народы Америки», т. II, «Народы мира. Этнографические очерки», М., 1959; D. N. At, *A history of Indians in British Guiana*, London, 1950.

⁴ На Кубе подобные поселки при сахарных плантациях называют аравакским словом «батей».

тельно, поскольку видели в них соперников, претендующих на те же источники существования. Это отношение распространялось даже на тех индийцев, которые имели более темный цвет кожи.

Батраки-индийцы столкнулись в новых местах жительства с невозможностью подыскать себе жену внутри своей группы. Эта проблема нехватки женщин среди иммигрантов-индийцев отмечалась некоторыми комиссиями, изучавшими условия их жизни и труда на Антильских о-вах. На Кубе, например, жен, принадлежавших к той же этнической группе, имели лишь те индийцы, которые приехали женатыми с Ямайки. Отсутствие женщин вынуждало некоторых отправляться на Ямайку в поисках супруги, но эти поиски не всегда завершались успешно. С течением времени новые поколения, родившиеся на Кубе, для которых эндогамный брак не имел того значения, как для их родителей, перестали соблюдать это правило. Однако, несмотря на метисацию и восприятие кубинской культуры, все же среди некоторых из них сохранились в пережиточной форме первоначальные предрассудки в отношении негров, проявляющиеся в предпочтении заключать браки с лицами с более светлой кожей.

Существуют различные степени слияния иммигрантов со средой, которая их окружает. В Гвиане, где колониальными властями проводилась изощренная политика «разделяй и властвуй», существуют в достаточной степени заметные различия между индийцами и другими этническими группами страны. На Тринидаде, где имеется значительное индийское население, оно более интегрировано, и иммигранты и их потомки имеют достаточно развитое самосознание, как «тринидадцы». На этом острове, как и на Ямайке и даже в еще большей степени, этническая обособленность уступила место постепенному смешению. Индийцы Кубы и их потомки в настоящее время не отделяют себя от остального населения, принимая участие в общественной и политической жизни в той же мере, как и другие граждане, их одежда, пища, обычаи — те же самые, что и у остальных кубинцев.

Одним из немногих элементов культуры индийских иммигрантов начала века, сохранившихся в среде их потомков до сего дня, является соблюдение некоторых религиозных церемоний.

В религии индийцев на Кубе прежде всего бросается в глаза синкретизм их религиозных представлений и обрядности и, в частности, смешение элементов индуизма и христианства.

Различные формы религиозного синкретизма характерны для значительной части населения Латинской Америки вообще. В условиях насильственной христианизации естественным был процесс возникновения синкретических культов. В более позднее время активное воздействие на традиционную религиозную практику иммигрантов подчас оказывало прямое вмешательство колониальных властей. Например, индийским батракам, ввозившимся в британские колонии антильского ареала, власти запрещали совершение обряда трупосожжения.

Сейчас особые культовые церемонии совершаются священнослужителем Хорхе Самкерром, жителем г. Сантьяго де Куба. Отец Хорхе — Самуэль Самкерр приехал с Ямайки вместе с женой на Кубу в первые годы нашего столетия. На Кубе родились их дети и сюда же в поисках работы приехали другие члены семьи, Самуэль исполнял обязанности «сантмасина». Это слово происходит, по-видимому, от «sant» — святой и «masian» — мессия на языке хинди. Все относящееся к ритуалу Самуэль узнал от своего отца, а когда наступило время, передал свои знания своему сыну Хорхе, теперешнему «сантмасину».

По приезде на Кубу Самкерр работал на различных сахарных заводах в районе Гуантанамо и, наконец, обосновался в поселке Эрмита. Затем он приобрел небольшой участок поблизости от этого поселка на склонах Сьерра де Канаста и выращивал там маниоку, кукурузу, батат. В этом поселке выросли его дети. Они также стали работать на сахарном заводе, в частности становились погонщиками тяглового скота — мулов, работа, в которой они были очень искусны.

На заводе в Эрмита мужчины работали на рубке сахарного тростника, немногие жившие здесь индийские женщины занимались сбором отходов сахарного тростника для кормления скота. Впоследствии многие индийцы умерли от разразившихся в районе эпидемий дизентерии и гриппа и были погребены на местном кладбище.

Религиозные церемонии были поводом для собрания всех индийцев, которые приходили с сахарных заводов и из соседних селений. Авторитет Самкерра признавали не только индийцы. При случае жители Эрмиты отправлялись к нему с просьбой помочь избавиться от болезни или еще какой-нибудь напасти, которой они приписывали сверхъестественное происхождение. Необходимо отметить, что в этом районе активно действовала секта спиритов особого толка (*espiritismo de cordón*), что означает «спиритизм шнура»; и до Самкерра подобными делами обычно занимались те, кто обладал способностью «общаться с духами».

После смерти Самуэля Самкерра традиции собирать индийцев на религиозные церемонии продолжил его сын Хорхе. При крайней распыленности расселения индийцев по различным местам побережья на юге провинции Орьенте сбор на эти церемонии способствует обновлению связей среди индийцев. С другой стороны, существует определенная связь между семьей Самкерр и поселком Эрмита, местом, где похоронены многие из ее членов. Когда недавно умерла в Сантьяго де Куба одна из дочерей Хорхе, она была погребена на кладбище Эрмиты, несмотря на большое расстояние и потому большую стоимость похорон.

Степень интеграции родившихся на Кубе потомков индийских иммигрантов позволяет утверждать, что соблюдение религиозных обрядов и церемоний — это едва ли не последний и уже исчезающий пережиток культуры их предков.

Религиозные представления индийцев, участвующих в этих церемониях, в достаточной мере туманны. По мнению самого священнослужителя, этот культ называется «сант». Легко подметить сходство этого слова со словом «*sant*» на языке хинди, которое означает «святой». Очевидно также влияние христианства, особенно в тех пояснениях, которые дает священнослужитель о происхождении культа: он исходит из библейских сюжетов. Но несмотря на это, он делает различие между богом и Иисусом Христом, считая Иисуса Христа человеком, наделенным сверхъестественными возможностями. Помимо этого сходства с христианскими представлениями, в культе почти нет никаких следов влияния христианства. Наоборот, существует резко выраженное стремление возможно более четко соблюдать традиционную обрядность.

В Эрмите существуют две церемонии этого культа. Более обычной является «месса», которая устраивается по поводу смерти какого-либо члена общины, индийца или его близкого родственника. Вторая церемония носит исключительный характер и называется «пуджа» (*puja*). Эта церемония устраивается с целью принести жертву и умиловить богиню Кали Май.

В первой из церемоний, которые мы наблюдали в 1965 г., участвовало около 40 человек — индийцев и членов их семей. Она устраивалась в поселке Эрмита. Эта церемония привлекла интерес всех жителей поселка.

Вторая церемония, «пуджа», происходила под открытым небом, во внутреннем дворе дома, где жила сестра священнослужителя, и носила значительно более семейный характер. На нее собрались только люди, наиболее близкие дому, всего 15—20 человек.

Церемонии, называемые «мессами» (*misa*), не имеют никакого отношения, как это можно было бы предположить, к католическим обрядам. Обычно они посвящаются памяти какого-нибудь умершего.

После чьей-либо смерти индийцы в течение девяти дней, начиная со дня смерти, устраивают молебствия. На девятый день назначается «месса», посвященная умершему. Этот обычай девятидневных молебствий наблюдается и среди населения многих других районов кубинской провинции Орьенте, а также на Ямайке и Гаити. Возможно, что соблюдение этого установления восходит к католическим девятидневным молитвам в честь какого-либо святого.

Всегда, когда кто-нибудь умирает, его хоронят не ранее, чем через 24 часа после смерти, так как только в этом случае окружающие могут быть уверены, что человек действительно умер. С этим связана целая серия рассказов о людях, воскресавших единожды или неоднократно после своей смерти. Хорхе Самкерр рассказывает о своей бабушке, что она трижды воскресала после смерти.

Первое молебствие устраивается в самый день похорон. В этот день вечером родственники и друзья покойного собираются в доме, где он жил, и читают молитвы. Если умерший особенно любил какое-либо блюдо, то родственники его в знак уважения специально готовят именно эту пищу. В ночь на девятые сутки, до того как начинается «месса», любимая еда для покойного приготавливается заранее. Ее относят в уединенное место и оставляют там. После этого приглашают умершего, называя его громко по имени и фамилии, как если бы он был жив. Чтобы вызвать умершего, собираются девять мужчин и выстраиваются цепочкой. Тот, кто идет первым, непрерывно позвякивает двумя длинными брусочками железа, отмечая каждый шаг вплоть до возвращения домой. Последний в цепочке должен вызывать покойного, после того как они отнесут любимую пищу покойного в избранное ими место. Призывать умершего можно в равной степени и на языке хинди, и на английском и на испанском языках — в зависимости от того, на каком языке говорил при жизни покойный и, конечно, в зависимости от того, какой язык знает тот, на кого возложили обязанность призвать умершего. Самкерр утверждает, что тот, кто призывает умершего, иногда чувствует присутствие чего-то сверхъестественного. О себе он рассказывает, что почувствовал нечто подобное лишь однажды. «Это было похоже на то, как если бы какой-нибудь тяжелый, грузный предмет ударил меня по плечу и, — продолжает Самкерр, — почти у двери дома я почувствовал, как меня схватили, но я не потерял мужества и вошел в дом».

Своеобразие «мессы» в том, что в месте, предназначенном для совершения обряда, нужно соорудить бамбуковый навес; совершенно такой же навес сооружается с этой же целью индийцами Тринидада. В последний момент в Эрмите навес был заменен палаткой, чтобы уберечься от дождя. В центре под навесом ставят деревянный ящичек, у которого нет одной из стенок, что позволяет прятать внутрь него различные предметы, которыми пользуются при совершении обряда. На ящичек, как на стол, кладется рукописная книга, где записаны на диалекте «авадхи» — языка хинди — молитвы, которые будут читаться во время обряда. Над этим импровизированным алтарем подвешивается за четыре угла «чарни» — белое покрывало, центральная часть которо-

го украшена аппликацией из разноцветных цветов⁵. По углам и в центре подвешиваются гирлянды цветов, а весь навес пышно украшается разноцветными бумажными гирляндами.

Все, кто трудится над украшением навеса, — это главным образом женщины — работают босиком.

На Тринидаде число приглашенных зависит от степени зажиточности того, в память о ком устраивается церемония, так как после нее полагается угощать присутствующих. Если это был сравнительно богатый человек, то в ней участвуют около 70—80 человек, если же батрак-сезонник — то 20—30 человек. Так же, как и на Кубе, эти религиозные сборища устраиваются по субботам и воскресеньям, когда индийцам и членам их семей легче собраться.

Во время «мессы» участвующие, прежде чем войти в помещение, предназначенное для проведения церемонии, должны были омыть ноги, и затем босиком пройти в другое помещение, где им будут вручены шапочки (как у Ганди) или бумажные ленты, которыми они обвязывают голову. Молящиеся усаживаются на полу вокруг алтаря. Мужчины и женщины рассаживаются вместе, не наблюдается никакого разделения по признаку пола. На Тринидаде же при подобных обрядах все мужчины усаживаются отдельно от женщин.

За исключением традиционной шапочки или бумажной повязки, не надевается никакой другой индийской одежды. Тщательно соблюдается правило, чтобы все сидели на полу или на той площадке, где проводится церемония, и были бы разуты.

Перед алтарем в два ряда стоят

шесть свечей, вставленные вместо подсвечников в бутылки. Каждая пара свечей посвящается какому-нибудь умершему и, таким образом, эти свечи зажжены в честь трех покойных. После того как он зажег свечи, «сантмасин» садится перед алтарем на землю, открывает священную книгу и кладет на ее первую страницу несколько серебряных монет. С этого момента начинаются песнопения в сопровождении небольшого оркестрика из инструментов индийского происхождения, изготовленных на Кубе. Это «чикара» (chicara), особый вид скрипки с 16 струнами, колокольчики «манджийраа» (manjigaa), ударные инструменты «картаал» (kartaal) и два барабана: «долад» (dolad), двойной барабан, «кандеби» (kandebi) — поменьше и с одной ударной поверхностью. Песни поются сантмасином на «авадхи», используемом как обрядовый язык.

В определенный момент в середине церемонии из кухни сообщают, что готовы особые сладости — «персад» (persad). Эти сладости приготавливаются из кокосового масла, пшеничной муки, дробленой камфары

⁵ «Чарни» на хиндустани значит «кормушка». Это пример того, что в некоторые слова смысл вкладывается совершенно иной.

Рис. 1. В начале обряда зажигаются свечи в память умерших

и сахара. Туда же добавляется с ритуальными очистительными целями особый разбавленный, душистый спирт и даже одеколон. В то время как на Кубе священная пища — «персад» раздается во время церемонии, на Тринидаде — после нее, одновременно с ужином, которым угощают всех присутствующих.

Рис. 2. Сантмасин Хорхе Самкерр читает молитвы

Как только становится известным, что «персад» готов, сантмасин в сопровождении свиты из пяти человек, состоящей из музыкантов, с музыкой и пением отправляется на кухню. Со всей торжественностью свита поднимает сосуд, содержащий «персад», причем каждый поддер-

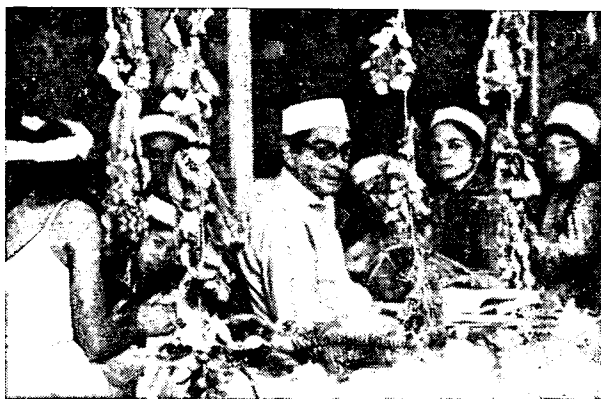

Рис. 3. Во время обряда сантмасин исполняет песни на одном из диалектов хинди

живает сосуд лишь одной рукой, и вручает его помощнику сантмасина, сопровождающему священнослужителя в этой процессии. Помощник сантмасина перед алтарем передает «персад» самому священнослужителю.

Затем сантмасин берет кувшин с подслащенной водой и бросает в него серебряную монетку. Это очень важный момент церемонии, по-

тому что таким образом святится вода, которая затем будет испытана всеми участниками.

На кувшин ставится блюдечко со смолой, употребляемой вместо ладана, смола поджигается. Пламя кропят одеколоном и душистым спиртом и крошат над ним «персад». Музыкальные инструменты и молитвенная книга — все окуривается этим дымом и таким образом «очищается». Затем всех присутствующих — как верующих, так и зрителей — обносят этой дымящей «жаровней», чтобы и они прошли очищение.

Рис. 4. Приготовление алтаря к церемонии «пуджа»

Ритуальное омовение, как это часто встречается в некоторых спиритуалистических культах, состоит из потирания рук, а затем делается такой жест, как будто что-то забрасывается назад. После очищения начинается раздача «персада» всем присутствующим. Затем кувшин с подслащенной водой начинает переходить из рук в руки, но уже только среди верующих, каждый из них выпивает глоток воды. Тому, кто выпивает последний глоток, достается монета, брошенная в кувшин. Эту монету следует хранить как талисман.

В конце церемонии под пение и музыку снимается покрывало — «чарни» и осторожно собираются цветочные и бумажные гирлянды, которыми украшено помещение. На следующее утро мы видели, как сантмасин бросил в протекающую неподалеку реку «чарни» с цветами и украшениями.

Интересен также наблюдавшийся нами в Эрмите обряд «пуджа» — обряд призывания богини Кали Маи (матери Кали). Еще до рассвета разжигается очаг, причем с соблюдением особых правил: сначала древесный уголь поливается одеколоном и душистым спиртом. Предварительно замешивается тесто, из которого будут приготовлены большие круглые лепешки, которые потом поджарят на кокосовом масле.

Сантмасин отправляется к месту, выбранному для сооружения алтаря богини Кали. У ствола какого-нибудь дерева он расчищает землю и поливает ее водой, а затем кладет на нее большой широкий лист банана. В одном из углов двора, где под открытым небом будет совершен обряд, стоит козленок. Он может быть совсем маленьким, но обязательно не холощеным. Козленок беспокойными глазами смотрит на приготовления, которые так близко касаются его.

Рядом с банановым листом ставится бутылка рома, кувшин и сосуд с красной краской. Туда же на землю кладется большой нож — мачете, тщательно наточенный накануне ночью. На лезвие мачете красной краской наносится семь меток, рядом с каждой меткой на землю кладется кусочек камфары, а на банановый лист соответственно семь лепешек, которые были приготовлены заранее.

Сантмасин берет жестянку с водой, идет к козленку и обмывает его. Затем берет сосуд с красной краской и мажет ею лоб и колени передних ног животного. Позднее он этой же краской раскрашивает лоб той женщины, для которой совершается в данном случае обряд.

В Индии считают, что если при окроплении водой козленок дрожит, это свидетельство того, что жертва благосклонно принимается божеством. По мнению Самкерра, благосклонное отношение божества, которому приносится жертва, проявляется в умиротворении животного, в том, что оно покорно дает принести себя в жертву. Музыканты встают полукругом вокруг алтаря и начинают играть на своих инструментах. Вокруг них собираются верующие. Сантмасин идет в угол, где стоит красный прямоугольный флажок, приколотенный к палке, и несет его к месту, где будет принесена жертва. Здесь помощник сантмасина держит древко неподвижно до того момента, когда обезглавят козленка, тогда флажок бросают на алтарь.

На Тринидаде с окончанием жертвоприношения делаются подарки — «дакшина» (dakshina) бедным и священнослужителям — «пандитам». А после раздачи подарков поднимаются особые флажки джанди (jhandi) — треугольные куски ткани, прибитые к бамбуковым жердям, означающие, что было совершено жертвоприношение, и, кроме того, выражающие почтение к божеству. Цвета этих флажков соответствуют определенным божествам, которым приносятся жертвы. Наиболее распространенными цветами являются красный, белый и желтый. Красный цвет — это цвет Ханумана (помощника героя «Рамаяны» Рамы). Белый цвет — цвет Сат Део — бога истины и Сурья Нараяна — бога солнца. Желтый цвет принадлежит женским божествам. Однако некоторые из индийцев считают желтый цвет цветом Кришны. Редко встречающиеся на Тринидаде черные флажки поднимаются, когда жертва приносится Кали, на Кубе же красный цвет — цвет богини Кали. На о-ве Тринидад древко, к которому прикрепляется флажок, закапывается в ямку, в которую предварительно в качестве жертвоприношения кладется рис, красный красящий порошок — «синдхур» (sindhur), листья хлебного дерева, бетель и наливается немного молока. Древко флажка должно быть закреплено в правильном положении обязательно пятью мужчинами, каждый из которых поддерживает древко только одной рукой. Эти церемониальные флажки не трогают до тех пор, пока они сами не упадут.

Считается, что тот, кто их выдернет раньше времени, будет наказан тяжелой судьбой⁶.

⁶ Уже ранее мы упоминали о том, что когда сосуд с «персадом» передается помощнику сантмасина, то каждый из пяти человек, поднимающих сосуд, поддерживает его только одной рукой. Теперь же мы рассказали о сходном явлении, бытующем на Тринидаде. Число пять, несомненно, имеет, по представлениям индийцев Кубы и Тринидада, магические свойства и приносит счастливую судьбу и благоволение богов. По этой же причине в самой Индии существуют деревенские органы самоуправления, носящие название «панчаят» (panchayat), что означает «совет пяти». Эти советы называются так независимо от числа участников, на деле их составляющих. В этом случае, как и в упоминавшихся ранее, проявляется особое отношение к магической цифре — пять, которая должна обеспечить благоприятное течение дел, порученных совету — «панчаяту».

Установив флажок в честь Кали, сантмасин берет с пола бутылку рома и оделяет ромом музыкантов и присутствующих. Затем женщина, для которой на этот раз устраивался обряд, став на колени перед алтарем, повторяет вслед за сантмасином различные просьбы, обращенные к богине Кали, и просит богиню выполнить их так же, как она исполнила желание самой Кали. Помощник сантмасина подводит козленка к подножью алтаря. Животное сопротивляется, не хочет подходить и дрожит от страха. Люди, пение, черный дым от семи кусков камфары — «огней Кали», зажженных незадолго перед тем, вселяют в него ужас. На лепешки кладут сырой рис и белый сахар и помощник сантмасина безуспешно пытается накормить козленка рисом с сахаром. С каждым мгновением приближается смертельный для животного исход и все присутствующие внимательно следят за обрядом. Козленок дрожит от страха и жалобно блеет. Помощник сантмасина с силой удерживает его за задние ноги. Наступает мгновение, когда сантмасин поднимает нож — мачете и одним ударом огрубает козленку голову, говоря при этом: «Яй Кали» («возьми, Кали»). В то время как тельце козленка еще конвульсивно содрогается на земле, помощник сантмасина берет кувшин, в котором смешаны ром, перец и гвоздика, и вливает его содержимое в рот отрубленной головы животного. Одна из женщин приближается к обезглавленной, истекающей кровью тушке козленка, смачивает свою руку в крови и затем проводит ею по лбу сантмасина, его помощника и той женщины, для которой устраивалась церемония.

В Индии существует разница между приношением в жертву животных — чаще всего козлят — у индуистов и у мусульман. В то время как у мусульман жертвоприношение растянуто, у индуистов — с животным должно быть покончено одним единственным ударом. Хорхе Самкерр также полагает, что если голова животного не упадет от одного удара мачете, то необходимо начинать весь обряд заново, так как он теряет свою ценность.

Красный флажок бросают на алтарь, что знаменует окончание жертвоприношения в честь богини Кали. Потом залитые кровью лепешки разламываются на куски и ими оделяют всех присутствующих.

Тушка козленка идет на приготовление особого кубинского блюда «чилиндрон» (chilindron), которым угощают всех присутствующих, в то время как «чилиндрон», приготовленный из головы козленка, едят только пятеро мужчин: сантмасин, его помощник и самые почтенные из участников обряда.

После окончания обряда кости козленка закапываются у ствола дерева — на месте жертвоприношения.

* * *

Кубинская нация формируется из различных этнических групп. В этой работе наше внимание привлекла одна из наименее изученных иммигрантских групп, обосновавшихся на Кубе.

Собранные материалы показывают, что в культуре иммигрантов обнаруживаются определенные элементы, стойко противостоящие воздействию чуждой культуры. Среди иммигрантов из Индостана и их потомков до наших дней сохраняются традиционные представления о сверхъестественных силах и традиционная религиозная практика. Эти черты культуры, несомненно, бытуют лишь потому, что они как бы служат защитой национального своеобразия в условиях этнически чуждой национальной среды. Для всей иммиграции, независимо от численности той или иной иммигрантской группы, существует целый комплекс фак-

торов, обуславливающих темпы их ассимиляции новой национальной средой. Браки с местными жителями и отсутствие у кубинцев расистских предубеждений (исключение составляли лишь господствующие в прошлом классы, воспринявшие их под влиянием американцев) способствовали процессу интеграции.

И хотя число индийских иммигрантов незначительно, все же затронутая в статье тема требует разработки, так как это поможет изучению в целом этнических процессов в современной Кубе. Полное отсутствие в научной литературе каких-либо исследований, посвященных индийской иммиграции на Кубе, лишний раз подтверждает необходимость их проведения.

Кроме того, материал, приводимый в нашей работе, показывает отсутствие оснований на Кубе для так называемых расовых конфликтов, которые периодически назревают в Гвиане и других бывших английских владениях между индийцами и неграми.

За этими конфликтами, равно как и за подобными сходными ситуациями, возникающими в других странах, скрываются происки империалистов, стремящихся использовать расовые различия в собственных интересах, для укрепления своего господства. Поэтому вопреки этническим и расовым различиям должна восторжествовать совместная борьба трудящихся против эксплуататоров.

Сближение народов, живущих в странах Латинской Америки, на основе взаимного уважения к культурному своеобразию и различиям, — вот основа развития национальной культуры каждой страны, представляющей собой результат взаимодействия различных культур, характерных для разных по происхождению этнических групп.

Материалы, приводимые в нашей статье, лишний раз подтверждают также, что революционное правительство Кубы последовательно соблюдает принципы полной свободы и уважения по отношению к различным религиозным культам.

Победа революции, постоянная необходимость защищать от угроз социалистическое отечество, самоотверженный, созидательный труд, — объединяют весь народ Кубы без различия национального происхождения в единой борьбе.

Было бы очень интересно в будущем провести сравнительное изучение процесса приспособляемости индийских иммигрантов в различных странах Карибского бассейна. Подобное исследование помогло бы сделать полезные выводы общего характера, которые способствовали бы полному уничтожению напряженности в межрасовых отношениях, помогло бы в то же время разоблачению неокOLONиалистской политики, которая является истинной причиной этой напряженности.

Мы надеемся, что для подобного исследования наша скромная работа может принести некоторую пользу.

SUMMARY

In the XIX century began the immigration of East Indians to the British colonies of the Caribbean area. It was the result of the abolition of slavery that forced the plantation-owners to replace the lost slaves with indentured laborers — from India and others regions.

From the beginning of this century with the penetration of American financial capital in Cuba the plantation system started developing at an unprecedented scale. The plantations were mainly established in the eastern provinces of Camaguey and Oriente where land was available in plenty. Having founded sugar factories and plantations, the companies were faced with the problem of labour force, as the labour resources of the

area were scarce. So, they imported agricultural workers from the neighboring islands of Haiti, Jamaica and others. It was along with these laborers from outside Cuba that the East Indians came to this country. Although they brought their culture with them, nevertheless, they underwent a process of assimilation with the local population.

An important manifestation of this process was the gradual acceptance by the Indians of the culture of the Cuban people. After some time their original culture survived only in the observance of some religious practices.

In Cuban bibliography there are no references to the Indian immigration to this island. Unexpectedly during the field work conducted by the author in the region of Guantanamo, Oriente province, were found descendants of Indians that had come to Cuba in the first decades of this century. Till this day they celebrate the two ceremonies that we describe in the present article. They show how certain cultural traits of an immigrant group resist assimilation with local culture.

А. А. Воронов

ЭТНОГЕОГРАФИЯ ОСНОВНЫХ ТИПОВ ГАПТОГЛОБИНА — СЫВОРОТОЧНОГО БЕЛКА КРОВИ¹

Гематологические исследования играют все большую роль в антропологии. Группы крови, ферменты эритроцитов, гемоглобин и различные белки сыворотки имеют наследственно обусловленные молекулярные разновидности. Распространение генов, которые контролируют появление этих вариантов белка, зависит от генетически связанных общностей — популяций. У человека это приводит к этническим различиям распределения генов, и для отдельных этнических групп создается неповторимое соотношение целого ряда таких генетических особенностей.

Немалую роль в интенсивности развития антропологической гематологии сыграло и то обстоятельство, что кровь — наиболее доступная для исследования ткань.

Белки сыворотки крови по своим физико-химическим свойствам делятся на две большие группы: альбумины и глобулины. В последнее время в классификацию твердо вошли фракции этих белков, полученные при разделении их электрофорезом на бумаге — это альбумины и α_1 , α_2 , β и γ — глобулины, двигающиеся в электрическом поле в том порядке, как они названы. Гаптоглобин составляет около $\frac{1}{4}$ α_2 — фракции глобулинов и является гликопротеином с молекулярным весом 100 000—160 000. Он был открыт около 30 лет назад в Париже М. Жейлем и М. Полоновским, которые, изучая окислительные процессы в растворах гемоглобина, пришли к выводу, что существует белок, связывающий гемоглобин и образующий с ним комплекс *Hp-Hb* (гаптоглобин — гемоглобин)².

Последующие исследования К. Лаурелла и М. Нимана показали, что образование комплекса *Hp-Hb* предотвращает выведение находящегося в русле крови свободного гемоглобина через почки с мочой (гемоглобинурия)³. Таким образом, сохраняется дефицитное для организма железо, которое входит в состав гемоглобина.

Открытие полиморфизма гаптоглобина связано, как это часто бывает в науке, с введением новой методики. В 1955 г. О. Смитис предложил метод электрофореза, при котором в качестве среды, где происходило передвижение белка в электрическом поле, употреблялся «гель» из картофельного крахмала. Молекулярное «сито» геля привело к очень дробному разделению разных по величине молекул белков сыворотки

¹ Большой поддержкой в работе над этой статьей явилось живое участие и помощь Г. Ф. Дебеца и Н. С. Смирновой — рад возможности принести им глубокую благодарность.

² M. Polonovski, M. Jayle, Existence dans le plasma sanguin d'une substance activant l'action peroxydasique de l'hémoglobine, «Complet Rend. Soc. Biol.», 1938, t. 129.

³ C. B. Laurell, M. Nyman, Studies on the serum haptoglobin level in hemoglobinemia and its influence on renal excretion of hemoglobin, «Blood», 1957, vol. 12; A. C. Allison, The binding of haemoglobin by plasma proteins, «British medical Journal», 1957, vol. II.

и тогда довольно быстро обнаружили индивидуальные различия гаптоглобина у обследованных лиц⁴.

На рис. 1 мы видим три наиболее часто встречающихся у людей фенотипа гаптоглобина, полученные после электрофореза в крахмальном геле:

I тип — одна, интенсивно окрашенная, быстрая полоса, мигрирующая довольно далеко к аноду.

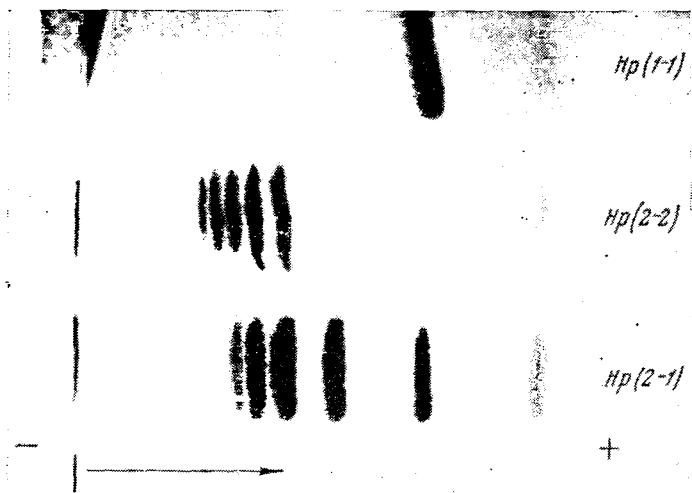

Рис. 1. Основные фенотипы гаптоглобина. Вверху — тип *Hp*1-1, в середине *Hp*2-2, внизу — *Hp*2-1

II тип — целая серия (6—7) медленно мигрирующих полос.

III тип — немного измененная сумма первых 2-х типов, т. е. слабоокрашенная быстрая полоса и серия более медленных.

Применяемая бензидиновая реакция дает избирательное синее окрашивание комплекса *Hp-Hb*. Впереди обычно бывает заметен избыток гемоглобина.

В следующем, 1956 г., Смитис и Уолкер предложили генетическую интерпретацию этой системы. Два аллельных гена *Hp*¹ и *Hp*² соответственно образуют три уже названных фенотипа — два гомозиготных типа: «*Hp*1-1», «*Hp*2-2» и третий — гетерозиготный «*Hp*2-1»⁵. Несколько необычным представляется то обстоятельство, что один ген *Hp*² контролирует синтез нескольких протеинов, проявляющихся при электрофорезе описанной серией полос. В 1959 г. А. Аллисон выдвинул гипотезу, что ген *Hp*² синтезирует один белок, но этот белок затем способен образовывать целую серию стабильных полимеров, комбинируясь сам собой в фенотипе *Hp*2-2 или с продуктом *Hp*¹ в типе *Hp*2-1⁶.

В дальнейшем было открыто еще несколько типов гаптоглобина (рис. 2). Два из них ввиду значительной распространенности следует упомянуть. Оба они встречаются преимущественно в Африке. Первый

⁴ O. Smithies, Zone electrophoresis in starch gels: group variations in the serum proteins of normal human adults, «Biochemical Journal», 1955, vol. 61.

⁵ O. Smithies, N. F. Walker, Notation for serum-protein groups and the genes controlling their inheritance, «Nature», 1956, vol. 178.

⁶ A. C. Allison, Genetic control of human haptoglobin synthesis, «Nature», 1959, vol. 183.

представляется модификацией типа $Hr2-1$ (очень сильная первая полоса, более слабая вторая и очень слабая третья полосы), он был соответственно назван « $Hr2-1$ (mod)» или « $Hr2-1M$ »⁷. Вторым тип характеризуется отсутствием каких-либо следов гаптоглобина и был назван «без- Hr » или « $Hr-0$ »⁸. Появление этих двух фенотипов может

			Фено-тип	Гено-тип	Авторы	
			1-1	$Hr^1 Hr^1$	Смитис (1955)	Группа I Стандартный спектр (Под действием мочевины расщепляются на: $Hr1-1F$ $Hr2-1F$ $Hr1-1FS$ $Hr2-1S$ $Hr1-1S$)
			2-2	$Hr^2 Hr^2$	Коннель, Диксон и Смитис (1962) →	
			2-1	$Hr^2 Hr^1$		
			2-1 (мод)	$Hr^{2m} Hr^1$	Коннель и Смитис (1955)	Группа II видимо генетически обусловленные модификации
			Установлен только разнородно-статично изучен		Гэллер (1962)	
			Hr Ca	?	Галациус - Йензен (1960)	
			Тип Джонсона	$Hr^1 Hr^{23}$	Жиблетт (1959)	
			Мод. Джонсон (1)	?	Гэллер и Бундшу (1962)	
			Мод. Джонсон (2)	?	"	
			Тип "F"	?	Блумберге, Аллисон и Гэрри (1959)	Группа III Стандартный спектр с дополнительной связывающей гемоглобин компонентой
			Тип "D"	?	Прокоп и Бундшу (1961)	
			2-2 слабый	$Hr^2 Hr^2$		Группа IV Стандартный спектр с пониженным уровнем гаптоглобина (первичная агаптоглобинемия)
			Агаптоглобинемия	$Hr^1 Hr^1$ $Hr^2 Hr^1$ $Hr^2 Hr^2$		

Рис. 2. Таблица типов гаптоглобина по Бундшу (из кн.: И. Тодоров, Клинические лабораторные исследования в педиатрии, София, 1966, стр. 688)

быть объяснено третьей аллелью Hr^{2m} ⁹. Однако Паркер и Бирн в 1963 г. попытались сформулировать другое, более четкое, представление относительно этой системы. Наблюдаемый фенотип $Hr2-1M$ может

⁷ G. E. Connel, O. Smithies, Human haptoglobins: estimation and purification, «Biochemical Journal», 1959, vol. 72; E. R. Giblett, Haptoglobin types in American Negroes, «Nature», 1959, vol. 183.

⁸ A. C. Allison, B. S. Blumberg, W. ap Rees, Haptoglobin types in British, Spanish Basque and Nigerian African populations, «Nature», 1958, vol. 181; N. A. Varnicot, J. P. Garlick, D. F. Roberts, Haptoglobin and transferrin inheritance in northern Nigerians, «Annales of Human Genetics», 1960, vol. 24.

⁹ E. R. Giblett and A. G. Steinberg, The inheritance of serum haptoglobin types in American Negroes; evidence for a third allele Hr^{2m} , «Amer. Journal of Human Genetics», 1960, vol. 12.

объясняться мутацией гена регулятора синтеза гаптоглобина, которая приводит к снижению продукции гена Hr^2 и уменьшению количества медленно двигающихся полос при электрофорезе. Лицо, гомозиготное по мутации гена-регулятора, вообще не синтезирует гаптоглобин, образуя фенотип $Hr-0$ ¹⁰.

Одновременно шла работа в другом направлении. Изучение структуры гаптоглобина, проведенное в 1962 г. Коннелом, Диксоном и Смитсом, показало, что гаптоглобин состоит из двух полипептидных цепей, которые были обозначены как α и β цепи. Синтез каждой из этих двух цепей контролируется своим генным локусом. Цепь β неизменна у всех типов гаптоглобина и все различия связаны с цепью α , так что по существу известная нам генетическая система Hr относится только к локусу, контролирующему синтез α -цепи¹¹. Сравнение аминокислотного состава и молекулярного веса полипептидов позволило им предположить, что ген α -цепи, вырабатываемой Hr^2 , является продуктом частичной генной дупликации, образованной негомологичным кроссинговером генов α -цепей типа Hr^1 . Возможность генной дупликации является довольно хорошо известным фактором полиморфизма и эволюции¹².

Для выяснения причин географических различий в частоте основных типов гаптоглобина важно знать их функциональные особенности. Пока они изучены довольно мало. В 1958 г. Ниман выяснил, что связывающая сила комплекса $Hr-Hb$ в зависимости от типа гаптоглобина несколько изменяется. В типе $pH1-1$ она наибольшая, в типе $Hr2-2$ — наименьшая¹³. Таким образом, порог, при котором начинается гемоглинурия при некоторых заболеваниях, оказывается тоже разным. Вполне возможно, это и является селективным фактором, определяющим разницу частоты типов гаптоглобина в популяциях, находящихся в различных экологических условиях. Действительно, в тропической зоне Африки и Южной Америки, где распространены заболевания, сопровождающиеся гемолитическими явлениями, фенотип $Hr1-1$ встречается значительно чаще. Развивая эту мысль, невольно задаешь вопрос: «Почему же один из этих типов гаптоглобина не вытеснил другой, менее выгодный?» Этот вопрос подводит к биологической проблеме существования генетических механизмов, поддерживающих полиморфизм белков. Наличие нескольких аллельных вариантов функционально одного и того же белка позволяет популяции иметь выбор при изменении внешней среды. Повсеместное распространение обоих генов гаптоглобина могло бы быть объяснено генетической системой сбалансированного полиморфизма, при которой частота двух генов поддерживается более приспособленной, более выгодной гетерозиготой, несущей оба гена. Отбор в пользу гетерозиготы должен, таким образом, поддерживать частоту обоих генов. Однако причина преимуществ гетерозиготного типа гаптоглобина пока совершенно не ясна.

Попытки выяснить преимущества фенотипов гаптоглобина по отношению к распространенным заболеваниям не привели к желаемым результатам. Так, в 1966 г. было изучено распространение фенотипов в контрольной группе ($N=2160$) и в группах лиц, страдающих рядом заболеваний. Группы были взяты из одной популяции. Ни попарное

¹⁰ C. W. Parker, A. G. Bearn, Application of genetic regulatory mechanisms to human genetics, «American Journal of Medicine», 1963, vol. 34, № 5.

¹¹ G. E. Connell, G. H. Dixon, O. Smithies, Subdivision of the three common haptoglobin types based on «hidden» differences, «Nature», 1962, vol. 193.

¹² O. Smithies, G. E. Connell, G. H. Dixon, Inheritance of haptoglobin subtypes, «American Journal of Human Genetics», 1962, vol. 14.

¹³ M. Nymän, Über Haptoglobin Bestimmung im Serum, normal Konzentration und Verhältnis zu Smithis Serumgruppen, «Clinica Chimica Acta», 1958, Bd. 3.

сравнение, ни общее, проведенное методом χ^2 , не дали значимой неомогенности этих групп¹⁴. Правда, если речь идет о селекции, следовало бы обратить внимание в первую очередь на тот период жизни, от которого зависят дальнейшие репродуктивные возможности. Кроме того, крайне интересным может явиться анализ сравнения эмпирических данных, полученных при популяционных исследованиях, и цифр теоретического распределения фенотипов согласно формуле Харди-Вайнберга. Выраженный селективный момент должен вызывать постоянный односторонний сдвиг эмпирического ряда. При наличии достаточно обширных мировых данных такое исследование могло бы дать предварительное представление о степени и локальной зависимости селективных процессов и возможно указать направление дальнейших исследований.

Прежде чем перейти к географическому распределению вариантов гаптоглобина, необходимо упомянуть, что в литературе часто пользуются не процентным содержанием фенотипов, а оценкой частоты гена. У N обследованных лиц при общей сумме генов $2N$ частота гена $Hr^1 = \frac{2n_1 + n^1}{2}$, где n — число гомозиготных лиц (Hr^1-1), n^1 — гетерозиготных (Hr^2-1). Естественно, если общее количество генов приравнять к 100%, то при двухаллельной системе достаточно указать процентное содержание одного гена (Hr^1), так как частота второго вычисляется арифметически.

Этногеографическое распределение гена Hr^1 , выраженное в процентах, хорошо видно из таблицы 1. В таблице 2 приведены некоторые данные распределения в Африке фенотипов, включая Hr^2-1M и $Hr-0$.

Как мы уже говорили, оба аллеля присутствуют у всех исследованных популяций. Однако частоты их распределения на мировой карте испытывают значительные изменения. В среднем для Западной Европы характерна частота гена Hr^1 около 40%. В Африке она выше и достигает 60—70%, а в Азии она часто ниже 30%.

Рассмотрим Европу. Средняя частота Hr^1 в 39% основана на исследовании приблизительно 67 000 человек. Она довольно единообразна, включая басков с их серологическими особенностями, и колеблется от 30 до 45%. Различия между этническими общностями часто не превышают различий между отдельными группами, взятыми внутри этих этнических массивов. От основной массы несколько отличаются более изолированные группы.

У лопарей, которые выделяются по целому ряду генетических факторов, частота снижается до 32%, а в наиболее северной группе до 28%. Столь же низкая частота гена Hr^1 наблюдается в небольшой группе жителей Гренландии, где она достигает 30%. Впрочем, самые последние исследования Персона (1966) неожиданно показали у эскимосов Восточной Гренландии частоту в 49,7%. Эта частота явно выпадает из общей закономерности и объяснить ее мы не смогли. К общей характеристике Европы следует добавить, что лица с типом $Hr-0$ в Европе чрезвычайно редки.

В Европе резко выделяется группа цыган, которые имеют частоты гена около 20% и сходны с европеоидами Азии.

В Африке, где, как мы уже говорили, частота гена Hr^1 значительно выше, наблюдается большой диапазон изменений частот — от 45 до 80%. Крайние значения получены от племен, представленных небольшим числом людей. Высокое содержание Hr^1 в тропической зоне Африки несколько снижается на Юго-Востоке Нигерии и более значительно падает

¹⁴ P. I h m, G. G. W e n d t, Statistische Betrachtung über die Häufigkeit der Hapto-globin-typen bei verschiedenen Krankheiten, «Humangenetik», 1966, Bd. 2.

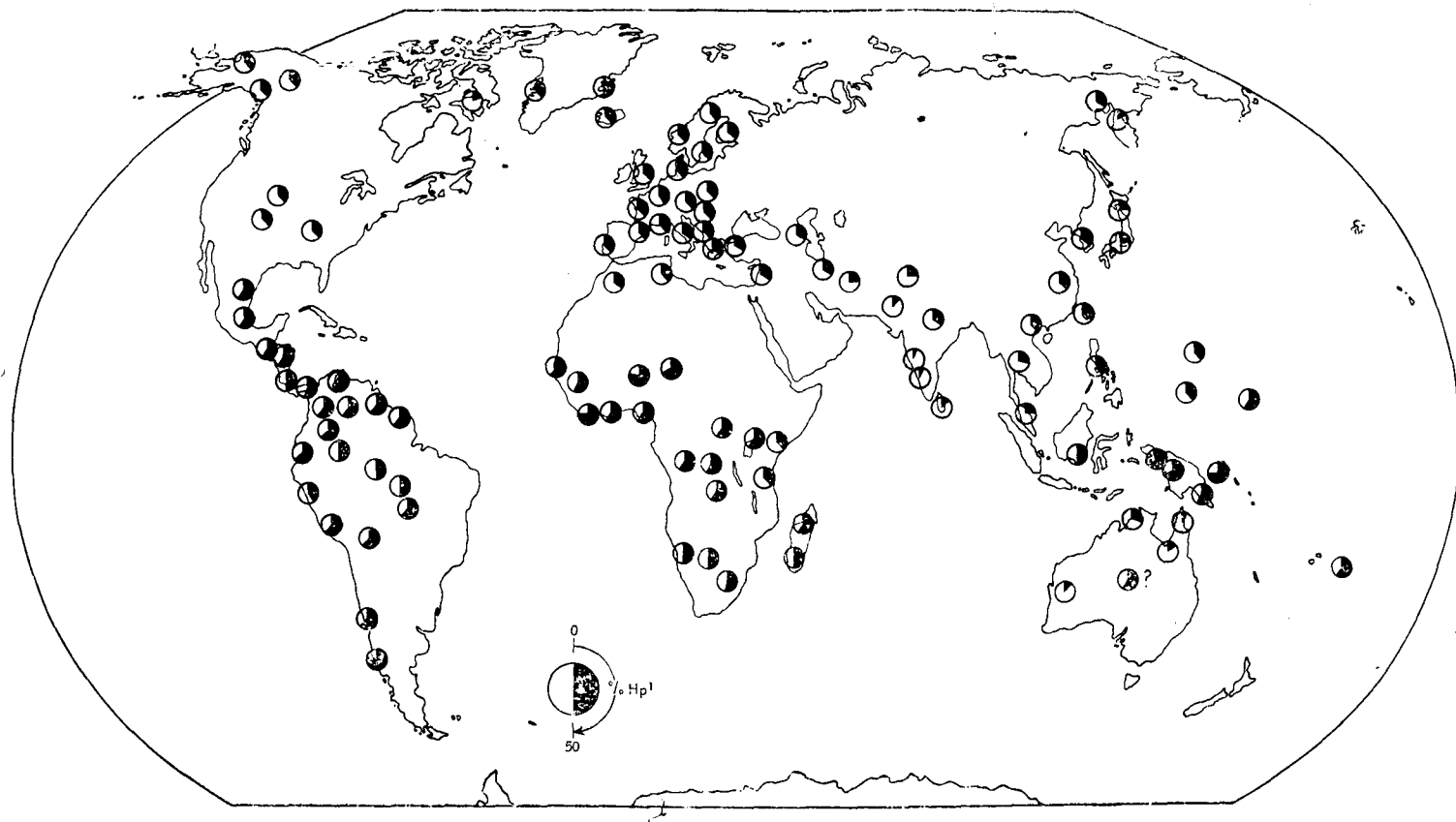

Рис. 3. Карта распределения частот гена Hp^1

у ряда южноафриканских народов банту, что напоминает распространение *HbS*. От основных цифр в Африке отклоняются пигмен, имеющие частоту около 40%. У бушменов, у которых негрская особенность высокого R_0 (*cDe*) в резус системе групп крови достигает крайне высоких цифр, а другие генетические особенности имеют обратную тенденцию, частота гена Hr^1 также резко снижается, доходя до 29%. Готтентоты значительно отличаются от них — Hr^1 достигает здесь 51%.

В Африке наблюдается большое число лиц с типом $Hr-0$. Например, в 1958 г. А. Аллисон с сотрудниками обнаружил 32 таких случая из 99 обследованных. Другая особенность — $Hr2-1M$ также была обнаружена в достаточно большой частоте, например, 10% — в Либерии, 11% — в Сенегале, у ибо в Нигерии — 10% (табл. 2).

Качество проделанной в Африке работы, однако, несколько снижается, если учесть, что в ряде случаев тип $Hr-0$ является труднообнаруживаемым обычным типом гаптоглобина. Кроме того, был проведен ряд работ, которые достаточно ясно показали, что при заболеваниях, сопровождающихся повышенным разрушением эритроцитов с выходом гемоглобина в плазму (малярия, гемолитические анемии и т. д.), количество гаптоглобина в крови может снижаться до незначительного уровня¹⁵. Это, по-видимому, чаще будет происходить с типом $Hr2-2$, так как он обладает наименьшей связывающей способностью¹⁶. Таким образом, в Африке, где так распространена малярия, безусловно ряд случаев $Hr-0$ может быть отнесен за счет указанного явления. Дополнительным подтверждением этого является большое различие частоты $Hr-0$ у одних и тех же этнических групп, полученное в результате нескольких обследований (табл. 2).

Естественно, что при огромной протяженности с севера на юг Американского континента и значительной разобщенности и изолированности этнических групп, мы наблюдаем поразительно большой диапазон встречающихся частот Hr^1 . Но, несмотря на некоторую пестроту данных, закономерность прослеживается достаточно ясно: частота увеличивается с севера на юг и в Южной Америке достигает наиболее высоких в мире частот.

Эскимосы Аляски имеют коэффициент Hr^1 около 30% и его можно сравнить с таким же у гренландцев и лопарей. На берегу озера Суммит в районе хребта Брукса на Аляске живет маленькая группа эскимосов анактавук, имеющая частоту Hr^1 — 50%. Нет ничего удивительного, что в таком маленьком изоляте процессы генного дрейфа оказались выраженными и привели к отклонению от цифр, характерных для основной массы эскимосов Аляски.

Основная закономерность распределения характеризуется тем, что у северных атапасков ген Hr^1 составляет 42%, несколько выше он у навахов (45%) и апачей (59%). Затем наблюдается достаточно выраженный переход к цифрам более высокого порядка в Центральной Америке (50—70%). Например, в племенах Майя такие частоты: итца — 52%, мам — 50%, чоль — 69%, цоцили и цельтали — 60%. Резко от них отличаются лишь изолированные от окружающих групп лакандоны, имеющие частоту — 93%.

Необычайно малыми цифрами в 20% выделяются племена брибри в Коста-Рике и ирапа в Венесуэле, являющиеся, вероятно, такими же маленькими изолятами.

¹⁵ B. S. Blumberg, S. F. Kuvin, J. C. Robinson, J. M. Titelbaum, P. G. Contacos, Alterations in haptoglobin levels, in «Symp. on Malaria», «Journal of American Medical Association», 1963, vol. 184.

¹⁶ B. S. Blumberg, Z. Gentile, Haptoglobins and transferrins of two tropical populations, «Nature», 1961, vol. 189.

В Южной Америке Бест и Джиблет в 1961 г. у двух групп перуанских индейцев получили большие цифры Hr^1 в 71 и 74%. С того времени была выполнена обширная программа по изучению народов Южной Америки, что хорошо видно из таблицы 1. В основном частота колеблется от 50 до 80%. На севере: в Венесуэле, Колумбии, Гвиане, Перу чаще встречаются цифры в 50—60%; на юге, в Чили, преобладают цифры свыше 70%, таким образом и здесь отмечается как будто некоторое нарастание гена Hr^1 к югу. В целом же распространение Hr^1 на американском континенте очень напоминает распространение многих групп крови (A , R_2 , Di^a , S). Характерно выраженное различие частот в Северной Америке от частот Центральной и Южной.

Очень низкие частоты этого гена, как мы уже говорили, наблюдаются в Азии. Индо-европейские народы имеют довольно значительный разброс частот (20—37%), в целом они гораздо ниже и этим заметно отличаются от частот народов Европы.

Резко выделяется своими самыми низкими в мире частотами дравидская группа (ирула — 7%, тамилы — 9%, ораоны — 15%). К ним приближаются и народы Цейлона (14—19%). Ведды Цейлона сходны с окружающими группами (19%).

Довольно стабильны частоты у монголоидов Азии: 25—35% (у китайцев 28—34%, японцев 24—30%, тай — 23—26%). В юго-восточной Азии довольно четко намечается грань: частота Hr^1 резко увеличивается у «протомалайцев» (47%), жителей острова Борнео (50%), филиппинцев (38%). Порядок цифр объединяет их с микронезийцами: 30—46%. И вновь намечается грань — меланезийцы Новой Гвинеи и Новой Британии имеют одни из наиболее высоких частот в мире: 60—85%, сравнимые только с частотами Южной Америки (или Африки). С ними объединяются частоты, полученные на ряде островов Полинезии (о-ва Тонга — 60%) и на Маршалловых островах (58%).

Первоначально в Австралии у аборигенов были найдены очень разные величины: в Центральной Австралии — 63%, Сев. Квинсленде — 37%, Западной пустыне — 17%. Первые две приведенные нами для Австралии цифры (63 и 37%) получены Будтс-Олсеном еще в 1958 г. с помощью электрофореза на бумаге, который не дает такой четкой дифференциации типов, как электрофорез на крахмальном геле, и поэтому к этим цифрам следует относиться с осторожностью. Дальнейшие исследования Кирка с сотрудниками (1962 г.) в Сев. Квинсленде показали столь же малые цифры, что и у южно-индийских народов, в основном от 10 до 20%. Простое ли это совпадение? Впрочем поражает не только сходство частот Hr^1 у австралийцев с аборигенами Южной Индии, но и очень большое различие по этой системе австралийцев и меланезийцев, а также различие австралийцев и южно-индийских племен с одной стороны и жителей Африки с другой (исключая бушменов!).

В Советском Союзе исследования распределения типов гаптоглобина только начались.

В 1964 г. А. П. Белов обследовал 305 лиц, «в основном, — по словам автора, — русской национальности в возрасте 20—30 лет»¹⁷. По приведенной таблице фенотипов мы подсчитали частоту Hr^1 — она равна 41,8%. Кроме того, мы проверили доброкачественность соответствия генетической гипотезе методом χ^2 — она оказалась вполне удовлетворительной: $\chi^2=0,333$; $P=0,565$. Но в таблицу данные этого автора мы не рискнули включить из-за неопределенности этнического состава выбор-

¹⁷ А. П. Белов, Об установлении типов гаптоглобина в жидкой крови человека и о распределении типов гаптоглобина среди части жителей Советского Союза, «Проблемы гематологии», 1967, № 7.

ки и отсутствия указаний на место, где производилось обследование. Опубликованные И. С. Лазуренко (1962, 1966) данные никаких сведений относительно происхождения исследованных лиц не содержат.

Во время экспедиции в 1965 г. в Закавказье мы исследовали распределение типов гаптоглобина у двух этнических групп в пределах Алазано-Эгричайской долины (азербайджанцы Нухинского и грузины Гурджаанского районов). Электрофорез проводился с боратым буфером на крахмальном геле по Смитису в модификации Бундшу и Прокопа¹⁸.

В качестве предварительного сообщения приведем полученные данные о распределении типов гаптоглобина у азербайджанцев Нухинского района и грузин Гурджаанского района.

Народ ~	Число обследованных	Фенотипы Hr				% Hr^1	χ^2	P
		1-1	2-1	2-2	0			
Азербайджанцы	87	6	37	43	1	28,5	0,264	0,611
Грузины	141	16	64	57	4	35,0	0,098	0,755

При проверке на однородность этих двух выборок сопоставимость частот гена Hr^1 оказалась из-за размера выборок довольно велика: $\chi^2=2,651$; $P=0,109$; однако очень высокая степень соответствия параметрам генетической гипотезы позволяет это различие генной частоты в 6,5% считать вполне достоверным.

Для расоведения система гаптоглобина должна войти в употребление наравне с системами групп крови и, увеличивая спектр распространенных генетических признаков, расширить возможности генетической характеристики этнических групп. За последнее время определенно стало складываться представление, что какой-либо один фактор дает недостаточную информацию для этно-генетической дифференциации и что, чем более изучен генофонд популяции, тем яснее определяется место, занимаемое исследуемой группой. Поэтому даже в работах, посвященных определению точной доли народов, участвующих в образовании смешанной популяции, авторы обычно стремятся в расчет ввести ряд факторов. Система гаптоглобина была применена, например, для выяснения образования мальгашского народа в превосходной работе Бутнер-Янушей¹⁹. С помощью гаптоглобина Р. Нагель и О. Сото рассчитали, что современные чилийцы состоят из 36% из арауканского компонента и на 64% из европейского²⁰.

Теперь остается сделать попытку анализа материала в совокупности. В процессе построения карты мирового распределения Hr^1 нам пришлось отказаться от представления о глобальной клинальной изменчивости этого признака. Картографирование частот гена с помощью изолиний (изоген), как это делали Бойд, Мурант и др. в отношении групп крови, создает ложное представление о постепенных изменениях частоты гена на мировой карте и достаточно равномерном распределении этой частоты на территории, ограниченной соседними изогенами.

Прежде всего можно выделить совокупности (массивы) генных частот, в основном соответствующие большим и достаточно выделяющим-

¹⁸ O. Prokop, G. Bundschuh, Die Technik und die Bedeutung der Haptoglobine und Cm-gruppen in Klinik und Gerichtsmedizin, Berlin, 1963.

¹⁹ J. Buettner-Janusch, V. Buettner-Janusch, Hemoglobins, haptoglobins and transferrins in the peoples of Madagascar, «American Journal of Physical Anthropology», 1964, vol. 22, № 2.

²⁰ R. Nagel, O. Soto, Haptoglobin types in native Chileans: A hybrid population, «American Journal of Physical Anthropology», 1964, vol. 22, № 3.

ся малым расам. Эти совокупности различаются как по центральной величине, вокруг которой группируются частоты, так и по размаху вариаций. Различие частот у территориально близлежащих выборок часто значительно превышает общие географические изменения на большой территории. Таким образом, создается картина пространственно флюктуирующих частот с характерным для этноса данной территории размахом. Мы не смогли это отразить картографически (рис. 3) и нам пришлось построить дополнительно графики, представленные на рис. 4.

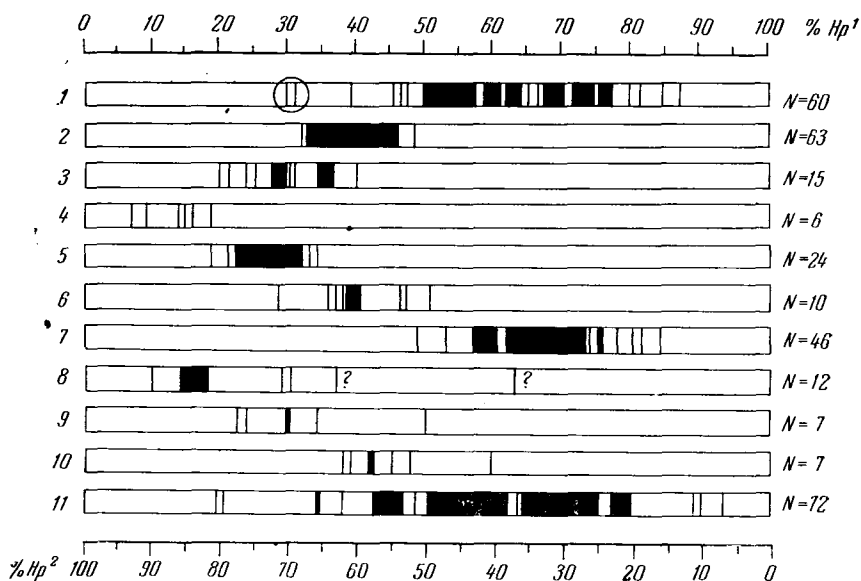

Рис. 4. Графики распределения частот гена Hr^1 . 1. Народы Африки (кружком обведены бушмены); 2. Европеоиды Европы. 3. Европеоиды Азии. 4. Южно-индийская группа. 5. Монголоиды Азии. 6. Индонезийцы и микронезийцы. 7. Полинезийцы и меланезийцы. 8. Австралийцы-аборигены. 9. Эскимосы Америки. 10. Американцы Северной Америки. 11. Американцы Центральной и Южной Америки.

На них достаточно отчетливо видно существование более высокого таксономического ранга, чем малая популяция. Некоторые большие совокупности групп, выделенные этими графиками, не имеют даже трансгрессии частот Hr^1 . Способ сравнения, при котором из этих больших совокупностей произвольно выхватываются выборки и затем ведутся рассуждения о независимости распределения факторов крови от основных расовых групп человечества, представляется нам противоречащим здравому смыслу. Что касается дисперсии частот гена, то нет никакого сомнения в том, что степень этой дисперсии зависит от численности и степени изоляции малых популяций, составляющих большую совокупность. «Основным положением в теории генетико-автоматических процессов является то, что эти процессы протекают лишь в популяциях с ограниченной численностью»²¹. Для человека, достаточно легко преодолевающего расстояния и имеющего все возможности к неограниченному смешению, численность и степень изоляции малых популяций с момента возникновения первобытного общества безусловно зависела, в первую очередь, от социальной структуры общества. Нет сомнения, например,

²¹ Н. П. Дубинин, Я. Л. Глембоцкий, Генетика популяций и селекция, М., 1967, стр. 54.

в том, что родоплеменная структура с ее закрепленными брачными отношениями и достаточной изоляцией небольших популяций создавала необходимые условия для действия генетико-автоматических процессов. «Как показали Н. П. Дубинин и Д. Д. Ромашев (1932) и С. Райт (Wright, 1932), максимальная пластичность вида достигается на базе дифференцированной динамической системы, которая возникает благодаря оптимальному соотношению действия изоляции и смещения популяций»²². Та группа популяций, которая достаточно различается по частотам своих признаков, позволяет выявить наиболее выгодные для существования соотношения. В связи с этим крайне интересным пред-

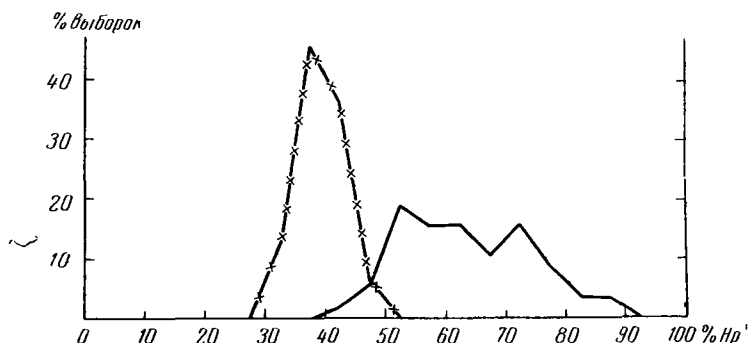

Рис. 5. Вариационные кривые распределения частот Hb^I в Европе и Африке (сплошная линия — народы Африки)

ставляется то, что, во-первых, у человека эти процессы регулируются не столько бисгеографическим, сколько социальным путем. И, во-вторых, что даже до настоящего времени наибольшую дисперсию частот признака действительно имеют народы, живущие в наиболее сложных экологических условиях (Африка, Центральная и Южная Америка). Таким образом, существует глубокая внутренняя взаимосвязь и известный параллелизм между явлениями биологического и социального порядка.

В самом деле, рассмотрим Европу и Африку. Для большей наглядности распределение частот гена Hb^I на этих континентах мы изобразили вариационными кривыми (рис. 5).

Европеиды Европы характеризуются узкой кривой ($\min=31,9\%$; $\max=48,2\%$), чрезвычайно близкой к кривой нормального распределения (Гаусса). Средняя арифметическая от 63 выборок — $39,3\%$ (взвешенная — $38,6\%$), квадратичное отклонение $\sigma_1=3,60\%$ (соответственно девиата $\sigma_1^2=12,96$). При проверке популяций Европы на однородность, проведенной методом χ^2 по отношению к средней арифметической и по формуле, предложенной Нилем и Шэлом по отношению к взвешенной средней арифметической (как теоретическому распределению при панмиксии):

$$\chi^2 = \frac{\sum pX - \bar{p} \sum X}{\bar{p} \cdot q} \quad (1)^{23}$$

мы получили однозначные результаты. По формуле (1) при $N=63$; $\chi^2=68,498$; $P=0,35$.

²² Н. П. Дубинин, Я. Л. Глембоцкий, Указ. раб., стр. 59.

²³ Дж. Ниль и У. Шэлл, Наследственность человека, М., 1958, стр. 237.

Таким образом, статистическая обработка показала, что все выборки принадлежат к единой популяции. При этом следует вспомнить, что внутри этнических общностей Европы мы имеем размах частот, превышающий межэтнические различия. Большая величина выборок, сделанных в Европе, не оставляет сомнений, что полученные в результате исследования частоты имеют очень незначительное отклонение от действительно существующих в обследованных группах. Тогда, наблюдаемые нами различия следует считать достоверно существующими, но их размах на территории континента все же превышает возможности случайных колебаний частоты Hr^1 . Идеальной панмиксии на такой территории не может быть, но уровень обмена генами все же значительно выше уровня генетико-автоматических процессов. Впрочем, трудно было бы в Европе ожидать другой картины при постоянных родственных взаимоотношениях между различными группами в условиях достаточно больших государств, а также после неоднократно повторявшихся волн смешения разного масштаба. Возможно, существует некоторое действие и других факторов, усиливающих степень однородности, например, стабилизирующего отбора (вероятное преимущество гетерозигот), но независимо от этого оценка результатов по системе Hr не меняется.

Вариационная кривая частот Hr^1 у народов Африки значительно отличается от вариационной кривой народов Европы. Она широка ($\min=39,8\%$; $\max=87,4\%$), плосковершинна, со слегка намекающими преобладаниями частот в области 50 и 70%. Средняя арифметическая — 63,2% (взвешенная — 62,0%). Квадратическое отклонение велико $\sigma_2=11,15\%$ (девиата — $\sigma_2^2=124,32$). Попытка статистической проверки на однородность выборок обоими способами привела к абсолютно достоверным показателям неоднородности популяций. По формуле (1) при $N=58$, $\chi^2=547,733$, $P=0,00+$, причем далеко отстоящие бушмены в расчеты не включались.

Сравним дисперсии частот Hr^1 в Европе и Африке, согласно F — критерию Фишера: $F = \frac{\sigma_2^2}{\sigma_1^2} = \frac{124,32}{12,96} = 9,58$. Значимость различия дисперсий очень велика, при $N_1=63$ и $N_2=58$ она далеко за пределами 1% — уровня.

Несомненным условием такой большой дисперсии в Африке являются выраженные процессы изоляции. Сохранившаяся в некоторых местах родо-племенная структура народов Африки поддерживает даже до настоящего времени своего рода социальную изоляцию в биологическом отношении.

Конечно, не исключено, что в сложных экологических условиях Африки, помимо действия генетико-автоматических процессов имеется и какая-то средовая дисперсия. Во всяком случае, на этом примере мы видим, что возможное действие стабилизирующего отбора, о котором мы упоминали ранее, если и существует, то оно не очень выражено и не может перекрыть действия указанных процессов в условиях изоляции.

Частоты Hr^1 , суммированные по всем народам мира ($N=345$), характеризуются плосковершинной кривой с двумя слегка выраженными вершинами (35 и 65%), средние величины расположены около 50% (средняя арифметическая — 49,15%). При этом, хочется еще раз отметить, что при $\max=93,0\%$ и $\min=7,2\%$ ни разу не встречены группы с нулевой частотой какого-либо из двух генов.

Распределение частоты гена Нр¹ (в процентах) *

Народ	N	% Нр ¹	Народ	N	% Нр ¹
ЕВРОПА					
Исландцы ¹²⁵	188	38,6	Чехи (Прага) ⁶²	662	40,9
Финны ⁷⁵	891	36,2	Поляки ⁸⁶	208	36,2
Лопари (Швеция) ¹⁷	329	31,7	Поляки (Вроцлав) ¹⁰³	1100	36,6
Шведы ⁷⁴	46	40,2	Поляки (Южн. Польша) ⁷¹	2228	38,9
Шведы ¹¹⁷	1003	37,6	Югославы ⁸⁰	608	38,6
Шведы ¹⁶	220	44,0	Югославы (Любляна) ¹¹	490	36,9
Шведы ⁹⁴	275	45,0	Хорваты (Загреб) ⁵⁹	149	42,9
Шведы (Мальмё) ⁹⁴	227	44,0	Греки (Афины) ¹¹	789	36,2
Норвежцы ⁴⁴	1000	36,3	Греки ⁴	2026	33,9
Норвежцы ^{44,45}	6811	37,4	Цыгане (Швеция) ¹⁸	115	21,7
Датчане ⁵¹	2046	39,7	АФРИКА		
Англичане ³	218	40,6	Северная Африка		
Англичане ⁶¹	179	43,0	Алжирцы и марокканцы ¹⁰³	104	29,0
Немцы ¹²⁰	968	45,3	Тунисцы ⁸⁷	123	40,2
Немцы:			Западная Африка		
Берлин ^{30,110}	3626	37,8	Сенегальцы ⁸⁶	396	64,5
Дрезден ¹¹⁹	2100	44,5	Волофы и сереры (Даккар) ⁸⁶	398	69,0
Галле ⁴⁷	1000	37,5	Бассари (Сенегал) ⁸⁶	120	53,3
Марбург ³⁶	232	40,5	Гамбийцы ⁶¹	157	70,0
Франкфурт н/М ⁷³	414	44,5	Гвинейцы ⁸⁷	58	62,3
Гейдельберг ⁷⁰	703	41,8	Нигерия		
Франкония ¹¹	2102	36,9	Нигерийцы ¹¹⁰	78	73,1
Сев. Вестфалия ¹²⁸	1468	40,1	Эбе ¹³	120	59,7
Бавария ⁹	273	46,0	Ибо ⁶¹	70	62,5
Баден-Вюртемберг ¹¹	4673	37,4	Фульбе ¹³	111	76,4
Южная Бавария ¹¹	13 627	38,9	Фульбе ²⁷	84	81,6
Рейнгау ¹²⁶	356	40,9	Йоруба ⁶¹	30	50,0
Рейнгессен ¹²⁶	258	36,7	Йоруба ³	99	87,4
			Либерия		
Бельгийцы ¹²²	416	48,2	Либерийцы ⁹¹	356	73,8
Баски (Испания) ³	107	37,3	Кру ¹¹⁵	39	64,0
Португальцы ¹⁵	838	39,6	Ван ¹¹⁵	12	67,0
Испанцы ¹⁰⁰	559	39,2	Кран ¹¹⁵	11	68,0
Французы ⁸⁵	1750	39,1	Кпелле ¹¹⁵	83	73,0
Французы:			Гребо ¹¹⁵	24	73,0
Парижский округ ⁸⁷	722	38,6	Басса ¹¹⁵	33	74,0
Париж ⁸⁴	406	40,2	Веббо ¹¹⁵	64	75,0
Сев.-Вост. Франц. ⁸¹	1900	42,6	Гюи ¹¹⁵	29	76,0
Савойя ⁹³	1040	42,0	Лома ¹¹⁵	43	77,0
Верх. Лангедок ¹²³	313	40,9	Гола ¹¹⁵	28	80,0
			Киси ¹¹⁵	17	85,0
Итальянцы ¹¹⁰	285	37,0	Берег Слоновой Кости		
Итальянцы:			Жители Б. С. К. ⁸⁷	82	57,9
Кальяри ²²	155	40,0	Бете ¹¹⁵	10	55,0
Ломбардия ⁸²	752	31,9	Герере ¹¹⁵	14	57,0
Милан ¹⁹	595	37,6	Кру ¹¹⁵	22	68,0
Падуя ³⁷	113	39,8	Моси ¹¹⁵	35	70,0
Феррара ⁶¹	208	34,9	Бауле ¹¹⁵	13	73,0
Феррара ⁶¹	119	40,7	Центральная Африка		
Тоскана ⁴³	437	33,0	Конголезцы ⁸³	186	60,0
Неаполь ¹¹³	141	34,1	Конголезцы ⁸³	468	57,0
Неаполь ⁶¹	93	34,1	Конголезцы (Киншаса) ¹¹²	140	77,5
Неаполь ²¹	89	34,8	Банту (Стенливилль) ⁵⁷	93	58,6
Неаполь ¹¹¹	695	36,2	Банту (Киншаса) ⁵⁷	93	61,1
Неаполь ⁷²	788	37,0	Ватутси ⁵⁷	90	50,7
Сардиния ⁶¹	147	37,4	Ватутси ¹²²	86	53,0
Нуоро, Сардиния ²²	138	43,1	Ши ⁵⁷	110	52,9
Сицилия ⁶¹	107	39,7	Нгбака ⁵⁷	57	55,2
Сицилия ²¹	277	33,5	Хуту ¹²²	96	54,4
Швейцарцы ³³	920	39,6	Хуту ⁵⁷	91	56,7
Австрийцы ¹⁰	621	40,2			
Чехи (Прага) ¹¹	1720	36,0			

Таблица 1 (продолжение)

Народ	N	% Нр ¹	Народ	N	% Нр ¹
Барунди ¹²¹	99	62,9	Китайцы (Малайя) ⁶⁸	167	28,0
Баяка ⁵⁷	98	72,1	Китайцы (США, Си-этл) ⁵⁶	494	26,1
Пигмен ⁵⁷	121	39,8	Китайцы (США, Нью-Йорк) ¹¹⁰	113	34,1
Пигмен ⁵³	125	40,0	Японцы ⁹⁸	113	24,0
Восточная Африка			Японцы ⁸⁰	349	23,8
Банту (Уганда) ²	26	54,6	Японцы (Миё) ⁶³	1643	26,1
Баганда (Уганда) ²	165	63,2	Японцы ¹²⁹	488	27,0
Масаи (Кения) ²	50	47,8	Японцы (США, Сиэтл) ⁵⁶	80	26,1
Бондеи (Танзания) ²	60	45,8	Японцы ⁶¹	23	30,0
Южная Африка			Японцы ¹¹⁰	170	23,0
Нгалагади (Калахари) ⁶⁴	55	52,8	Юго-Восточная Азия		
Зулусы ¹²	116	53,1	Таиланд		
«Цветные» ¹²	88	47,2	Таиландцы ¹¹⁰	68	23,6
Коса и Басуто ⁵³	315	55,0	Таи (Бангкок) ⁶⁸	274	23,0
Басуто ⁵⁷	218	54,2	Таи ²⁴	682	24,3
Коса ⁵⁷	265	53,5	Таи ¹¹⁸	662	24,9
Готтентоты ¹²	59	51,6	Таи (сев. Т.) ⁶⁸	139	26,0
Бушмены ⁶⁴	125	31,1	Яо ⁶⁸	24	19,0
Бушмены ¹²	113	28,9	Мяо ⁶⁸	34	21,0
Мадагаскар			Вьетнамцы ⁸⁷	115	29,1
Малагасийцы (горн. плато) ³²	132	54,0	Малайцы ⁶⁸	236	23,0
Малагасийцы (берег и равн.) ³²	152	66,0	«Протомалайцы» (Малайя) ⁶⁸	66	47,0
АЗИЯ			Жители о. Калимантан ⁶¹	22	50,0
Кавказ			Филиппинцы (Манила) ²⁵	293	38,0
Грузины ¹	141	35,0	ОКЕАНИЯ		
Азербайджанцы ¹	87	28,5	Чаморро (о. Сайпан, Марианские о-ва) ¹⁰²	142	37,0
Юго-Западная Азия			Микронезийцы — каролинцы (о. Сайпан) ¹⁰²	144	36,0
Евреи ашкенази (разн. происх.) ⁵⁸	499	30,2	Микронезийцы — каролинцы о-вов Трук:		
Евреи ашкенази (Израиль) ¹⁰⁴	170	34,0	1-й атолл ¹⁰¹	77	40,3
Евреи сефарды ⁵⁸	44	37,5	2-й атолл ¹⁰¹	70	46,4
Евреи самаритяне (Израиль) ²⁹	125	39,6	3-й атолл ¹⁰¹	88	39,4
Арабы Ирака ¹⁰³	118	28,8	4-й атолл ¹⁰¹	48	39,3
Турки (Стамбул и Анатолия) ⁴²	300	31,0	5-й атолл ¹⁰¹	73	28,5
Персы ⁶¹	34	25,0	Микронезийцы Маршалловых островов ²⁶	52	58,0
Персы ¹²⁴	97	35,6	Микронезийцы Маршалловых о-вов (атолл Ронгелап) ²⁷	176	58,1
Южная Азия			Тонганцы (о-ва Тонга) ⁴¹	200	60,0
Пакистан			О. Новая Гвинея		
Пакистанцы (Пешавар) ¹²⁷	135	27,6	Меланезийцы ⁹⁸	171	73,0
Панджабцы ⁶⁸	207	20,0	Абелям ⁴⁰	141	78,1
Пуштунцы ⁶⁸	185	24,0	Саусе ⁴⁰	482	68,5
Индия			Муменг ⁴⁰	135	68,8
Тода ⁶⁸	89	37,0	Букауа ⁴⁰	56	81,6
Ораоны ⁶⁸	125	15,0	Вампур ⁴⁰	66	74,1
Ирула ⁶⁸	74	7,2	Кукукуку ⁴⁰	92	66,8
Курумба ⁶⁸	49	19,0	Кукукуку ³⁹	72	49,0
Тамилы ⁶⁸	133	9,0	Гадсуп ⁴⁰	85	57,6
Цейлон			Форе ⁴⁰	68	61,8
Тамилы ⁶⁸	46	14,0	Форе ²⁰	82	66,0
Сингалы ⁶⁸	87	16,0	Форе ³⁹	62	64,0
Ведды ⁶⁸	64	19,0	Форе ³⁹	35	67,0
Восточная Азия			Усуруфа ⁴⁰	74	69,6
Корейцы ⁶⁵	489	31,0	Ауяяна ⁴⁰	136	66,1
Корейцы ¹¹⁰	120	32,1	Таирора ⁴⁰	105	68,1
Китайцы ⁹⁶	115	34,0			
Китайцы ⁸⁷	619	34,0			
Китайцы ²³	172	28,2			

Т а б л и ц а 1 (продолжение)

Народ	N	% Нр ^а	Народ	N	% Нр ^а
Агарабе ⁴⁰	69	63,7	Эскимосы анактавук	57	50,0
Каните ⁴⁰	48	70,8	(Аляска) ²⁸		
Гими ⁴⁰	28	67,8	Сев. атапаски (Аляска) ²⁸	202	41,6
Гими Мани ³⁹	26	65,0	Тлинкиты (Аляска) ²⁸	82	41,9
Менди ⁴⁰	104	65,4	Апачи ¹¹⁵	98	59,0
Хули ⁴⁰	40	67,5	Индейцы Алабамы ¹¹⁰	143	37,4
Фои ⁴⁰	46	64,1	Индейцы Аризоны ⁹⁵	143	39,0
Поле ⁴⁰	32	70,3	Навахи ⁹⁵	263	45,0
Энга ⁴⁰	59	75,4	Сахаптины ⁴⁶	180	47,7
Чимбу ¹⁴	31	53,2	Белые Канады и США ¹¹⁴	103	41,7
Чимбу ¹⁴	96	69,2	Белые США ⁵⁶	409	38,4
Чимбу ³⁹	34	68,0	Белые США (Сиэтл) ⁵⁶	66	38,4
Горока ¹⁴	89	62,9	Белые США ¹¹⁵	68	43,0
Горока ¹⁴	108	58,8	Негры США ¹¹⁵	43	59,2
Горока ¹⁴	79	72,4	Негры США ⁵²	952	56,2
Каинанту ¹⁴	32	67,2	Негры США (Сиэтл) ⁵⁶	222	55,2
Папуасы (Порт-Морс-би) ¹⁴	48	64,6	Негры Калифорнии ⁶¹	51	60,5
Кейягана ³⁹	12	58,0	Центральная Америка		
Ава ³⁹	11	64,0	<i>Мексика и Гватемала</i>		
<i>О. Новая Британия</i>			Сапотекы ¹¹⁶	80	53,0
Мангсинг ⁴⁰	71	84,5	Тотонаки ¹¹⁶	45	57,0
Сулка ⁴⁰	64	75,8	Чианпанеки ¹¹⁶	47	67,0
Таулил ⁴⁰	51	62,7	М а й я	449	61,2
Урамет ⁴⁰	174	71,1	в том числе:		
Киленге ⁴⁰	133	71,9	Мам ¹¹⁶	27	50,0
Араве ⁴⁰	104	80,2	Итца ¹¹⁶	86	52,0
Толаи ⁴⁰	170	70,7	Цоцили ¹¹⁶	88	60,0
Байнинг ⁴⁰	54	63,4	Цельтали ¹¹⁶	97	60,0
АВСТРАЛИЯ			Киче ¹¹⁶	94	63,0
Австралийцы-аборигены:			Какчикели ¹¹⁶	10	67,0
Зап. пустыня ¹¹⁰	101	19,4	Чоль ¹¹⁶	16	69,0
Зап. пустыня ⁶⁶	133	17,0	Лакандоны ¹¹⁶	31	93,0
Сев. Квинсленд ³¹	123	37,0	Метисы ¹¹⁶	17	53,0
Центр. Австралия ³¹	100	63,0	<i>Британский Гондурас</i>		
П-в Арнхемленд ¹¹⁰	50	29,0	Кекчи ⁷⁶	65	58,7
Австралийцы-аборигены Сев. Квинсленда:			Майя ⁷⁶	212	65,6
Мона-мона ⁶⁹	33	30,0	<i>Коста-Рика</i>		
Ярраба ⁶⁹	87	16,0	Брибри ⁷⁶	38	19,7
Роусем-Парк ⁶⁹	24	17,0	Кабекар ⁷⁶	25	44,0
Митчелл-Ривер ⁶⁹	115	17,0	Борука ⁷⁶	45	44,4
Эдуард-Ривер ⁶⁹	87	10,0	Терраба ⁷⁶	31	51,6
Орукун ⁶⁹	76	16,0	<i>Панама</i>		
Уэйпа ⁶⁹	41	21,0	Куна ⁷⁶	174	37,7
Белые Австралии ³¹	100	43,0	Чоко ⁷⁶	74	45,7
Белые Австралии ⁶⁷	323	38,0	Гуайми и крикамола ⁷⁶	204	61,5
АМЕРИКА			<i>Колумбия</i>		
Северная Америка			Ика ⁵⁰	109	55,9
<i>Гренландия</i>			Паэс ⁵⁰	103	73,3
Эскимосы ⁵¹	74	30,0	<i>Южная Америка</i>		
Эскимосы (Зап. побережье) ⁹⁸	518	34,6	<i>Венесуэла</i>		
Эскимосы (Вост. Гренл.) ⁹⁹	737	49,7	Венесуэльцы (Каракас) ⁴⁹	208	55,0
<i>Канада и США</i>			Индейцы Венесуэлы ⁵	114	53,0
Эскимосы (о. Баффинова земля) ⁹⁶	67	23,0	Параухана ⁴⁸	116	53,4
Эскимосы (о. Баффинова земля) ¹¹⁰	67	23,9	Макоита ⁴⁸	74	43,2
Эскимосы (Аляска) ²⁸	418	29,5	Макиритаре ⁶	59	61,0
			Гуахарибо ⁶	19	89,5
			Юпа-ирапа ⁶	129	20,5
			Юпа-шапары и парири ⁷	93	78,0
			Макиритаре ⁷	85	34,2
			Панаре ⁷	32	34,5
			Пемон ⁷	214	47,8
			Яруро ⁷	103	64,4

Таблица 1 (окончание)

Народ	N	% Нр ¹	Народ	N	% Нр ¹
Гуахиво ⁷	117	67,4	Агуаруна ⁷⁸	151	46,0
Пиароа ⁷	98	77,1	Кампа ⁷⁸	93	55,0
Уайка ⁷	139	79,5	Пиро ⁷⁸	86	58,0
<i>Гайяна (Гвиана)</i>			Шипибо ⁷⁸	129	64,0
Макуши ⁸	118	46,5	Тикуна ⁷⁸	122	68,0
Уапишана ⁸	120	55,3	Аймара ⁷⁸	71	69,0
Аккаван ⁸	87	69,4	Аймара ⁵⁵	56	71,4
<i>Франц. Гвиана</i>			Кечуа ⁵⁵	117	73,9
Оямпи ³⁴	95	48,2	<i>Бразилия</i>		
Рукуйен ³⁴	97	52,2	Авейкома ¹⁰⁸	53	52,0
Галиби ³⁴	178	52,6	Гуарани ¹⁰⁸	34	52,0
Эмерильон ³⁴	33	57,8	Каинганги ¹⁰⁵	326	73,0
Паликур ³⁴	56	70,5	Шаванте ⁹²	78	45,5
<i>Эквадор</i>			<i>Боливия</i>		
Секоя ⁷⁷	48	53,1	Аймара ⁷⁹	71	70,0
Хиваро ⁷⁷	222	64,5	<i>Чили</i>		
Каяна ⁷⁷	226	65,5	Чилийцы (Сант-Яго) ⁹⁰	148	53,0
Кечуа ⁷⁷	192	77,5	Арауканы ¹¹⁰	31	77,4
Колорадо ⁷⁷	36	88,9	Арауканы-мапуче ⁹⁵	34	75,0
<i>Перу</i>			Арауканы-мапуче ⁸⁹	116	72,0
Индейцы Перу ⁸⁴	173	73,0	Арауканы-пахуэнчи ⁸⁹	113	79,0
Ягуа ⁷⁸	9	44,0			

* При подсчете частоты Нр¹ фенотип Нр2-1М отнесен к Нр2-1; Нр-0 из расчета исключен.

Таблица 2

Распределение основных фенотипов гаптоглобина у ряда народов Африки

Народ	N	% фенотипов Нр				
		1—1	2—2	2—1	2—1М	0
Сенегальцы ⁸⁶	396	37,4	11,9	35,6	11,1	4,0
Гамбийцы ⁶¹	157	30,6	7,0	14,6	7,0	40,8
Либерийцы ⁹¹	356	41,9	9,3	18,8	10,4	19,7
Жители Либерии и Берега Слоновой Кости ¹¹⁵	614	53,2	8,9	37,8	—	—
<i>Нигерия:</i>						
Эбе ¹³	120	20,0	5,8	43,3	3,3	27,5
Ибо ⁶¹	70	18,5	5,7	17,1	10,0	48,6
Фульбе ¹³	111	36,0	2,7	19,8	4,5	36,9
Фульбе ²⁷	84	28,6	4,8	16,6	—	50,0
Йоруба ³	99	53,5	3,0	11,1	—	32,3
Конголезцы (Киншаса) ¹¹²	140	59,0	3,5	37,5	—	0
Банту (Стенливиль) ⁵⁷	93	30,1	14,0	49,5	0	6,4
Банту (Киншаса) ⁵⁷	93	36,6	15,0	36,6	8,6	3,2
Ватутси ⁵⁷	90	27,7	26,6	25,5	2,2	17,7
Ватутси ¹²²	86	27,9	22,1	47,7	—	2,3
Ши ⁵⁷	110	17,3	12,7	43,6	4,5	21,8
Нгбака ⁵⁷	57	26,3	17,5	36,8	3,5	15,8
Хуту ¹²²	96	28,2	19,8	47,9	—	4,1
Хуту ⁵⁷	91	30,8	19,7	29,7	2,2	17,5
Барунди ¹²¹	99	38,4	13,1	44,4	2,0	2,0
Баяка ⁵⁷	98	34,7	4,1	25,5	5,1	30,6
Пигмен ⁵⁷	121	6,6	20,6	40,5	0,9	31,4
Банту (Уганда) ²	26	15,4	7,6	46,2	15,4	15,4
Баганда (Уганда) ²	165	28,5	8,5	32,7	6,0	24,2
Масаи (Кения) ²	50	20,0	24,0	44,0	2,0	10,0
Бонди (Танзания) ²	60	16,7	23,3	35,0	5,0	20,0
Зулусы ¹²	116	31,0	25,0	38,8	2,6	2,6
«Цветные» Южной Африки ¹²	88	19,3	25,0	55,7	0	0
Басуто ⁵⁷	218	28,9	21,1	38,1	6,9	5,0
Коса ⁵⁷	265	28,3	21,5	36,2	10,6	3,4
Готтентоты ¹²	59	30,5	27,1	42,4	0	0
Бушмены ¹²	113	10,6	52,3	35,4	0	1,7

БИБЛИОГРАФИЯ К ТАБЛИЦАМ 1 И 2.

Сокращения: AJPA — American Journal of Physical Anthropology; AJHG — American Journal of Human Genetics; AGSM — Acta Genetica et Statistica Medica (Basel); AGMG — Acta Geneticae Medicae et Gemellologie; AHG — Annals of Human Genetics. N — Nature (London). Остальные сокращения даны как принято в специальной литературе:

1. Воронов (наст. ст.); 2. Allison a. Barnicot (1960) AGSM, 10, 17; 3. Allison et al. (1958) N, 181, 824; 4. Angelopoulos et al (1966) J. med. Genet., 3, 276; 5. Arends a. Gallango (1960) Vox Sang., 5, 452; 6. Arends a. Gallango (1962) Proc. 8th Congr. int. Soc. Blood Transf., Tokyo, 379. Basel, 1962; 7. Arends a. Gallango (1962) Acta Scient. Venez., 13, 116; 8. Arends a. Gallango (1965) Brit. J. Haemat., 11, 350; 9. Baitsch u. Meier (1959) Blut, 5, 302; 10. Baitsch et al (1960) N, 186, 976; 11. Baitsch et al (1962) AGMG, 11, 308; 12. Barnicot et al (1959) N, 184, 2642; 13. Barnicot et al (1960) AHG, 24, 171; 14. Barnicot and Kariks. (1960) Med. J. Aust., 2, 859. 15. Barros (1963) 9 Congr. Soc. Europ. Hématol., Lisbonne, 26. Basel, 1965; 16. Beckman (1959) цит. по 113; 17. Beckman a. Mellbin (1959) AGSM, 9, 306; 18. Beckman et al (1965) AGSM, 15, 134; 19. Benerecetti-Santachiara Modiano (1964) AGSM, 14, 36; 20. Bennet et al (1961) N, 189, 68; 21. Bernini et al (1959 и 1960) цит. по 113; 22. Bernini et al (1963) Rendiconto dell'Accademia Nazionale dei Lincei, 34, 308; 23. Blackwell a. Thephusdin (1963) N, 197, 503; 24. Blackwell et al (1963) N, 197, 503; 25. Blackwell et al (1964) N, 202, 814; 26. Blumberg (1959) цит. по 96. 27. Blumberg a. Gentile (1961) N, 189, 897; 28. Blumberg et al (1959) AHG, 23, 349; 29. Bonné (1966) AJPA, 24, 1; 30. Bundschuh u. Falk (1960) Blut, 6, 363; 31. Budtz-Olsen (1958) Med. J. Austr., 2, 689; 32. Buettner-Janusch a. Buettner-Janusch (1964) AJPA, 22, 167; 33. Büttler et al (1959) Schweiz. med. Wschr., 89, 1041; 34. Cabannes et al (1965) Nouv. Rev. Franç. Hématol., 5, 247; 35. Cerruti et al (1963) AGMG, 12, 91; 36. Cleve (1966) Humangenetik (Berl.), 2, 115; 37. Corrain et al (1964) Atti Ist. veneto sci. lettere ed arti. Cl. sci. mat. e natur., 122, 193. 38. Curtain (1959) Aust. J. Sci., 21, 195; 39. Curtain et al (1961) Am. J. Trop. Med. Hyg., 10, 92; 40. Curtain et al (1965) AJPA, 23, 363; 41. Douglas a. Stavelly (1960) цит. по 96; 42. Erdem et al (1966) N, 210, 315; 43. Fallani (1965) Minerva Medicoleg., 85, 81; 44. Fleischer a. Lundevall (1957) Proc. 6 Congr. Europ. Soc. Haemat., 2, 906; 45. Fleischer a. Mohr (1962) AGSM, 12, 281; 46. Flory (1963) N, 197, 577; 47. Fritz (1960) цит. по 109; 48. Gallango a. Arends (1958) N, 181, 824; 49. Gallango a. Arends (1959) N, 183, 1465; 50. Gallango a. Arends (1965) цит. по 8; 51. Galatius-Jensen (1960) The Haptoglobin, a Genetical Study. Copenhagen, 1960; 52. Giblett (1962) Prog. Med. Genet., 2, 34; 53. Giblett a. Zoutendyk (1960) цит. по 116; 54. Giblett a. Best (1960) цит. по 96; 55. Giblett a. Best (1961) N, 192, 1300; 56. Giblett a. Brooks (1963) N, 197, 576; 57. Giblett et al (1966) AJHG, 18, 553; 58. Goldschmidt et al (1962), AHG, 26, 39; 59. Grundwald (1961) Proc. 2 Congr. Genet. Hum. Rome, 1961 (1963); 60. Grundwald, Herman (1963) N, 199, 830; 61. Harris et al (1959) Bioch. of hum. genet., Ciba F. Symp., 157. Boston, 1959; 62. Herzog et al (1963) Fol. Biol. (Praga), 9, 265; 63. Jaba Shoichi et al (1964) Acta criminol. et med. legalis japon., 30, 186; 64. Jenkins a. Steinberg (1966) AJHG, 18, 399; 65. Kim a. Shim (1961) Med. Coll. Korea, 5, 1; 66. Kirk (1959) цит. по 96; 67. Kirk et al (1960) N, 185, 185; 68. Kirk a. Lai (1961) AGSM, 11, 97; 69. Kirk et al (1962) Aust. J. Sci., 24, 486; 70. Klein u. Knüchel (1960) Dtsch. Zschr. gericht. Med., 50, 278; 71. Kobiela (1960) Vortrag Symp. Blut-Serum Gruppen, Berlin, 1960; 72. La Torreta et al (1962) Arch. Ostet. Ginec., 67, 574; 73. Lange (1961) Biochem. Z., 333, 503; 74. Laurell a. Grubb (1957) Vox Sang., 2, 312; 75. Mäkelä et al (1959) AGSM, 9, 149; 76. Matson et al (1965) AJPA, 23, 123; 77. Matson et al (1966a) AJPA, 24, 51; 78. Matson et al (1966b) AJPA, 24, 325; 79. Matson et al (1966c) AJPA, 25, 13; 80. Matsunaga a. Murray (1960) N, 186, 320; 81. Michon et al (1962) Nouv. Rev. Franç. Hemat., 2, 506; 82. Modiano et al (1962) цит. по 113; 83. Motulski a. Giblett (1960) цит. по 116; 84. Moullec et Fine (1959) N, 184, 196; 85. Moullec, Ruffie (1961) цит. по 113; 86. Moullec et al (1960) Rev. Hémat., 15, 174; 87. Moulles et al (1961) Proc. 2 Congr. Genet. Hum. Rome 1961 (1963); 88. Murawski et al (1961) цит. по 113; 89. Nagel a. Etcheverry (1963) N, 197, 187; 90. Nagel a. Sato (1964) AJPA, 22, 335; 91. Neel et al (1961) AJHG, 13, 262; 92. Neel et al (1964) AJHG, 16, 52; 93. Noel (1964) Congr. Nat. Transf. Sang. Montpellier, 1964; 94. Nyman (1959) Scand. J. clin. Lab. Invest., 11, 39; 95. Parker a. Bearn (1961a) Science, 134, 106; 96. Parker a. Bearn (1961b) AHG, 25, 227; 97. Passarello (1959) Riv. di Antropologia, 67, 244; 98. Persson (1962) AGSM, 12, 292; 99. Persson et al (1966) AGSM, 16, 84; 100. Planas et al (1965) AGSM, 15, 140; 101. Plato a. Cruz (1966) AGSM, 16, 74; 102. Plato et al (1966) AJPA, 24, 147; 103. Ramot et al (1961) N, 192, 765; 104. Ramot et al (1962), AHG, 25, 267; 105. Salzano a. Sutton (1963) AGSM, 13, 1; 106. Salzano a. Sutton (1965) AJHG, 17, 280; 107. Sanford et al (1966) Vox Sang., 11, 106; 108. Schlesinger (1960) Vortrag Symp. Blut-Serum Gruppen, Berlin, 1960; 109. Serfas u. Schubert (1960) Blut, 6, 304; 110. Shim a. Bearn (1964) AJHG, 16, 477; 111. Siniscalco et al (1963), цит. по 22; 112. Sonnet a. Michaux (1960) N, 88, 504, 113. Spedini (1964) AGMG, 13, 388; 114.

Sutton et al (1956) N, 178, 1287; 115. Sutton et al (1959) AHG, 23, 175; 116. Sutton et al (1960) AJHG, 12, 338; 117. Tarukoski (1959) Nord. Med., 62, 1425; 118. Thephusdin et al (1965) Israel J. Med. Sci., 1, 768; 119. Thomas u. Kampf (1966) Dt. Gesundh. Wesen., 15, 2227; 120. Thomas, Eckert (1963) Dt. Gesundh. Wesen, 18, 1770; 121. Van Ros et al (1963) Ann. Soc. Belge. Med. Trop., 43, 511; 122. Van Sande et al (1963) N, 197, 603; 123. Vergnes et Boisserou (1966) Nouv. Rev. Franç. Hématol., 6, 215; 124. Walter u. Djahanschahi (1963) Homo, 14, 70; 125. Walter a. Palsson (1963) AJPA, 21, 49; 126. Walter et al (1965) Homo, Suppl., 177; 127. Walter et al (1966) Humangenetik, 2, 262; 128. Wichmann u. Schleyer (1961) Zschr. Immunit. forsch., 121, 196. 129. Yamaguchi et al (1959) цит. по 96.

* * *

За время, когда настоящая статья находилась в печати, в свет вышли материалы В. А. Спицына по северо-восточной Сибири²⁴. Учитывая малочисленность сведений о распределении *Hr* на территории СССР, мы сочли необходимым их привести дополнительно:

	N	% Hp ¹		N	% Hp ¹
Коряки Камчатки	208	19,7	Чукчи Камчатки	14	17,9
Коряки Гижигинской губы	36	15,4	Нивхи	23	24,0
Эвены Камчатки	49	32,6	Ульчи	7	28,3
Эвены Гижигинской губы	19	36,8	Нанайцы	39	36,0
			Эвенки	10	50,0

Соответствующие изменения внесены также в обзорную карту.

SUMMARY

Haptoglobin is the serum protein of blood having several genetical variants. The main three phenotypes are controlled by allele genes Hp¹ and Hp².

Analysis of data on the distribution of Hp¹ among various peoples of the world shows that several population groups with characteristic gene frequencies may be distinguished; these groups differ both as to the central values of gene frequencies and as to the range of their variations; they mainly correspond to the great human races and the sufficiently well-marked small races. For instance the Caucasoids of Europe have 30—45% of the Hp¹ gene, African Negroid peoples — 40—85%, the Mongoloids of Asia — 20—35%, Amerindians of North America — 40—60%, of Central and South America — 50—80%; the lowest frequencies are observed in the groups of Southern India (7—20%) and among Australian aborigines (10—30%). Statistical analysis has shown that population samplings carried out in Europe (number of populations studied — 63) relates to one single population with regard to Hp¹ genetics ($P=0,35$); those from Africa ($N=58$) are absolutely heterogeneous ($P=0,00+$). The range of variations of gene frequencies depends upon the size and the degree of isolation of the populations and consequently also upon social structure. The widest dispersion for instance is observed in Africa and in South America under difficult ecological conditions where remains of the tribal structure of society still survive. The capacity of haptoglobin types controlled by Hp¹ to tie up larger quantities of haemoglobin may be the cause of its prevalence in the tropics where there are many diseases leading to the increased destruction of red cells.

²⁴ В. А. Спицын, Распространение гаптоглобинов и некоторых других наследственных факторов в северо-восточной Сибири, «Вопросы антропологии», 1967, вып. 25.

Н. А. Кисляков

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ М. В. КРЮКОВА «О СООТНОШЕНИИ РОДОВОЙ И ПАТРОНИМИЧЕСКОЙ (КЛАНОВОЙ) ОРГАНИЗАЦИИ»

В своей статье «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации» («Сов. этнография», 1967, ч. 6) М. В. Крюков выдвигает вопрос о существовании, наряду с родом и семьей, третьей формы социальной организации, которую он предлагает называть термином «клан». С некоторыми оговорками автор отождествляет ее с патронимией. В своих изысканиях на китайском материале он стремится показать, что в древнем Китае род (син) не был реальным производственным коллективом, а что таковым являлся клан (цзунцзу).

Так что же такое клан — цзунцзу по М. В. Крюкову? Автор начинает издалека. Он говорит о том, что эта третья форма социальной организации «обнаруживает внешнее сходство с родом, но в то же время базируется на принципах, лежащих в основе большой семьи» (стр. 85). Р. Фёрт, который, по словам автора, первый пришел к пониманию этого фактора, говорит, что родственные группы этого типа имеют сходство с генеалогическим деревом, отличаются иерархическим соподчинением входящих в него ячеек, они локализованы и в основе каждой группы лежит домохозяйство (стр. 85). По Дж. Мёрдоку такие социальные группы состоят из нескольких домохозяйств, главы которых ведут свое происхождение от общего предка (стр. 86). Далее говорится, что такая социальная организация была впервые изучена и описана М. О. Косвенном под именем патронимии (т. е. группы больших или малых семей, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины) (стр. 86). Характеризуя затем упомянутое выше китайское цзунцзу, автор отмечает, что ему свойственно определенное территориальное и общественное единство, что в основе цзунцзу лежали отношения, соответствующие понятию агнатии в римском праве (т. е. группы лиц, состоящих под общей отцовской властью). Мы не будем здесь приводить остальные характеристики цзунцзу, для нас достаточно и этого, чтобы понять, что автор во всех указанных случаях имеет в виду именно патронимию (см. также ссылку 51 на стр. 92), т. е. группу семей, образовавшихся в результате распада патриархальной семейной общины и сохраняющих некоторое хозяйственное, общественное и идеологическое единство, а также имеющих общее патронимическое наименование.

Однако, если все, или во всяком случае подавляющее большинство советских этнографов, вслед за М. О. Косвенном, сходятся на том, что патронимия появляется на последних стадиях распада первобытно-общинных отношений, то по М. В. Крюкову клан-патронимия сосуществует с родом и затем переживает последний; при этом М. В. Крюков утверждает, что его подход является историческим.

В статье много говорится о соотношении клана и рода и в связи с этим о локальности брака. По-видимому, при этом автор имеет в виду и концепцию, предложенную Н. А. Бутиновым, хотя и не называет имени последнего. С концепцией Н. А. Бутинова можно соглашаться и не соглашаться. Здесь мы считаем необходимым подчеркнуть лишь то обстоятельство, что община Н. А. Бутинова принципиально отлична от клана — хозяйственного и территориального объединения у М. В. Крюкова. Ведь если у Н. А. Бутинова ядро общины совпадает с родом и при этом община, как таковая, антагонистична семье (чтобы сохранить свое существование и хозяйственное единство община «борется» с семьей, стремится всячески умалить роль семьи), то у М. В. Крюкова клан — община мирно уживается с семьей, при этом она не только уживается с ней, но и сама состоит из групп семей, да еще каких семей — организованных по принципу *agnatio*. Не придется ли после этого действительно вернуться к Г. Мэну, Нибуру и Моммзену, признававшим изначально существование семьи в ее патриархальной форме?

Если обращаться к китайскому материалу, хотя бы и очень древнему, нужно все же задуматься над тем, что за род существовал в древнем Китае и был ли это архаичный род. Исторической хронологии еще мало, надо подходить к вопросу и стадияльно и только так оценивать явления; ведь если где-либо на периферии древнего Китая и существовали еще первобытно-общинные отношения, то в наиболее развитых областях, возможно, происходило уже разложение первобытных отношений. Нельзя же валить в одну кучу китайский, полинезийский, американский, переднеазиатский и другие материалы.

Не пора ли перестать запутывать наши представления о первобытном обществе, а начать их распутывать! Если советскими учеными внесены известные поправки в концепцию Л. Моргана о наиболее древних стадиях истории семьи и брака (кровнородственная и пуналуальная семья, малайская система родства), что было связано с недостаточным количеством достоверного материала во времена Л. Моргана по этим первичным стадиям, то более поздние этапы истории первобытного общества не требуют таких коренных поправок.

Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» приводит достаточно яркую и убедительную картину того, как шел процесс разложения первобытно-общинных отношений. «Новые общественные движущие силы» привели к гибели классической формы рода — материнского рода и характерного для него парного брака; первоначально процесс принял форму замены матрилинейности патрилинейностью, появился отцовский род. Однако причины его появления одновременно были и причинами его гибели, распада родовой организации вообще. Наступил момент, когда «отдельная семья сделалась силой и угрожающе поднялась против рода». На обширном материале, в частности на материале о древних германцах, Ф. Энгельс блестяще показал, как на развалинах рода возникают патриархальные семейные общины, соединившие в себе и хозяйственно-экономические, и семейно-брачные функции. Затем начинается процесс разложения патриархальных семей (общин), но еще долго сохраняются родственные связи; родственные друг другу семьи еще помнят свое происхождение от единого предка, оказывают друг другу помощь в необходимых случаях, иногда объединяются для некоторых хозяйственных мероприятий; культовых действий и т. п. Возникает то объединение, которое М. О. Косвен назвал патронимией.

Если автор данных строк и полемизировал с М. О. Косвеном по вопросу выделения патронимии в особую «стадию», то он никогда не думал

отрицать наличие таких родственных объединений, так как большой фактический материал говорит сам за себя. В условиях Средней Азии и Казахстана такие объединения зафиксированы исследователями в форме семейно-родственных групп, каун и т. п.¹ Многочисленные материалы по другим народам мира, как отмечает и сам М. В. Крюков, позволяют выявить тот же процесс, происходивший еще на глазах наших современников или же в недалеком прошлом. Из всего этого явствует, что патронимия — явление позднейшее, как уже говорилось, явление, характерное для позднейших этапов (вернее уже пережитков) первобытного общества.

В связи со всем сказанным возникает вопрос, в чем же заключается представление автора о клановой (патронимической) организации как историческом явлении. Обратимся к самому тексту статьи. «Первоначально сосуществуя с родом, пишет автор, клан переживает его и продолжает существовать и после разложения родовых связей» (стр. 93). Читатель вправе ожидать, что столь долговечный клан, начало которого теряется в седой древности (это можно уловить из слов автора о том, что патронимия может существовать и в матрилинейном варианте, стр. 87, другими словами в эпоху господства материнского рода), все же претерпевает какую-то существенную модификацию, что содержание его будет различным на более ранних и более поздних этапах первобытно-общинной формации. Но читателя ждет явное разочарование: вся разница лишь в том, что в эпоху родового общества он сосуществует с родом, а с исчезновением рода для благополучно здравствующего клана «родовые имена утрачивают свое прежнее значение и постепенно забываются», «члены клана утрачивают представление о принадлежности к определенному син (роду — Н. К.)» и «Экзогамия рода полностью вытесняется экзогамией цзунцзу (клана — Н. К.)» (стр. 93). И действительно, как могли не забыться родовые имена и не вытесниться родовая экзогамия, если исчез сам род! (Заметим, кстати, что вопрос о том, насколько сохранялась экзогамия в патронимии, далеко еще не ясен, часто она сменялась эндогамными браками). Добавим и еще одну «существенную» модификацию, приводимую М. В. Крюковым — «патронимия ши постепенно превращается в фамилии» (стр. 93); если эти слова вызовут у читателя недоумение, то пусть он обратится к ссылке на той же странице, в которой говорится о принципиальном отличии фамилии от патронимии, заключающемся в том, что фамилия есть нечто постоянное, а патронимия (патронимическое имя) периодически изменяется.

По поводу постоянности фамилий, конечно, можно бы и поспорить. Так, по словам В. А. Никонова, фамилия, по своей истории насквозь социальна. На Руси княжеские и боярские фамилии возникали с XIV до середины XVI в., а помещичьи формировались позднее — в XVI—XVII вв., фамилии горожан еще окончательно не сложились и в XVIII в., а подавляющее большинство крепостных крестьян не имело фамилий и в начале XIX в. Таким образом, прибавляет В. А. Никонов, утверждение В. К. Чичагова об окончании процесса образования фамилий к началу XVIII в. игнорирует социальные противоречия в России и может только дезориентировать читателя².

¹ Н. А. Кисляков, «Проблемы семьи и брака в работах советских этнографов. По материалам Средней Азии и Казахстана», «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 99—100.

² В. А. Никонов, Личное имя — социальный знак; «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 159, 160.

Но дело, конечно, не в этих, так сказать, надстроечных явлениях. А социально-экономическая сущность клана, о которой говорит автор? Неужели она на протяжении тысячелетий останется неизменной, несмотря на появление новых движущих сил, о которых говорилось выше, несмотря на первое и второе крупные общественные разделения труда, несмотря на разложение первобытно-общинных отношений и становление классового общества?

Обо всем этом в статье мы не найдем ни слова. В конце статьи автор, критикуя Ю. И. Семенова, пишет, что «попытка последнего конструировать различные исторические формы рода «представляется недостаточно убедительной». Думаю, что эти слова могут быть с полным основанием возвращены самому М. В. Крюкову в отношении его гипотезы в целом и его исторического подхода к ней в частности.

SUMMARY

The author disagrees with M. V. Kryukov's archaization of patronymical organization. He underscores that M. O. Kosven's conception of that organization as a late one, arising as a result of big family segmentation, is well documented.

Н. А. Бутинов

ОБЩИНА, СЕМЬЯ, РОД

В статье «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»¹ М. В. Крюков защищает тезис о том, что в первобытном обществе, помимо рода и семьи, имеется еще, как он пишет, «третий тип социальной организации» — то, что Д. Мёрдок называет кланом, Р. Фёрт — *gamage*, а М. О. Косвен — патронимией. М. В. Крюкова интересует вопрос о соотношении между этим типом социальной организации, с одной стороны, и родом, с другой.

Приходится, прежде всего, отметить, что под «третьим типом социальной организации» скрывается на деле не один, а два типа, различных стадияльно: один относится к эпохе расцвета первобытнообщинного строя, а другой — к эпохе его разложения.

Клан, в понимании Мёрдока, обладает следующими признаками. 1) однолинейный счет происхождения, сплачивающий его ядро, 2) территориальное единство (клан совпадает с локальной группой), и 3) социальная интеграция внутри клана, в частности, включение в клан лиц, пришедших по браку. Нетрудно видеть, что речь идет о родовой общине. Отсутствие хотя бы одного из этих признаков, добавляет Мёрдок, означает, что группа не является кланом².

Gamage и патронимия, в отличие от этого, могут и не представлять собой единства в территориальном и экономическом отношениях: члены этих групп нередко живут в разных поселениях, разобщены экономически, их связывает общее имя, представление о происхождении от одного предка, несколько общих празднеств и взаимная помощь³.

Кстати, мне непонятно, почему М. В. Крюков приписывает Фёрту утверждение, будто «каждая такая группа в принципе локализована» (стр. 85), хотя Фёрт весьма отчетливо указывает, что *gamage* (на Тикопии *raito*) «не является территориальной единицей, ее члены могут быть разбросаны по разным деревням»⁴. Непонятно мне также, почему М. В. Крюков утверждает, будто термины «клан» и «*gamage*» для Фёрта однозначны. В действительности это не так. Во-первых, основную особенность клана Фёрт видит не в наличии сегментации, как пишет М. В. Крюков (кланов на Тикопии всего четыре, и это число остается постоянным), а в отсутствии экзогамии⁵. Во вторых, Фёрт отмечает, что клан состоит из нескольких *gamage*⁶.

¹ «Сов. этнография», 1967, № 6; см. также: М. В. Крюков, *Формы социальной организации Древних китайцев*, М., 1967.

² G. P. Murdock, *Social structure*, New York, 1949, p. 68.

³ R. Firth, *We, the Tikopia*, London, 1957, p. 354.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 371.

⁶ Там же, стр. 361.

Таким образом, М. В. Крюковым затронуты не одна, а две проблемы: 1) соотношение рода и родовой общины (клана), и 2) соотношение рода и патронимии (gamage). Это — разные проблемы, и первая ошибка М. В. Крюкова состоит в том, что он их не различает.

Проблема соотношения рода и родовой общины вызывает острые споры среди советских этнографов. Согласно одной точке зрения, род в его ранней, матрилинейной форме совпадает с родовой общиной. Согласно другой, родовая община имеет сложный состав: в ней есть родовое ядро и временная часть, состоящие из лиц одного и того же рода, и пришлая часть, состоящая из представителей других родов.

Первыми, кто увидели в общине сначала дородовой, а потом родовой, основную структурную ячейку первобытности, были советские этнографы и археологи. Достаточно напомнить о работах С. П. Толстова, С. А. Токарева, П. П. Ефименко⁷. Хочу еще раз подчеркнуть, что община, теоретически осмысленная как основная структурная ячейка первобытности, была впервые открыта советскими этнографами и археологами, и это вполне закономерно, так как сделать такое открытие можно лишь стоя на позициях марксистско-ленинской теории.

Поэтому неправ М. В. Крюков, когда он приписывает открытие родовой общины (клана) Мёрдоку. Родовая община — это не тот социальный институт, который можно не заметить, и который нужно кому-то специально открывать. Суть проблемы не в том, чтобы открыть родовую общину, а в том, чтобы открыть в родовой общине, не совпадающей с родом, основную структурную ячейку первобытности. А вот это, действительно, не просто, и этого не смогли сделать ни Фёрт, ни Мёрдок. По мнению Мёрдока, например, клан — это нечто производное от семьи и рода, «компромиссная родственная группа»⁸. При таком взгляде на клан неудивительно, что Мёрдок уделяет ему мало внимания.

Приходится констатировать, однако, что и советские этнографы уделяют общине меньше внимания, чем семье и роду. Так, Л. Я. Штернберг главное свое внимание сосредоточил на семье и роде⁹. То же делали другие этнографы-сибиреведы. В результате община в ее разных формах у народов Сибири изучена слабо. «В литературе мы не находим, — пишут Б. О. Долгих и М. Г. Левин, — достаточно точного определения сущности этих территориальных группировок (соседских общин), их границ, их истории и тех отношений, которые образуют их внутреннюю связь»¹⁰. Авторы указывают, что они называют эти группировки «соседскими общинами», так как в каждую из них входят члены нескольких разных родов.

Если мы возьмем серию «Народы мира», то и здесь перед нами откроется та же картина: даны детальные сведения о брачных классах, родах, фратриях; подробно охарактеризована семья и ее жилище, будь это изба, хата, юрта, яранга, чум, вигвам, типи, иглу, кажим, хоган и т. д. Но очень мало сведений об общине, будь это кайнга, коро, нуку в Океании; деса, кото, дусун, кампонг, нагари в Индонезии; хель, кири у африканцев; крааль у банту и готтентотов в Африке; аил, айл, паул в Сибири; лишь изредка дается характеристика поселений (деревень, стойбищ и т. д.).

⁷ С. П. Толстов, Проблемы дородового общества, «Сов. этнография», 1931, № 3—4, стр. 93—102; С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Сов. этнография», 1933, №№ 2—6; П. П. Ефименко, Дородовое общество, М.—Л., 1934.

⁸ G. P. Murdock, Указ. раб., стр. 68.

⁹ Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов северо-восточной Азии, Л., 1934.

¹⁰ Б. О. Долгих, М. Г. Левин, Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири, сб. «Родовое общество», «Труды Ин-та этнографии», нов. серия (далее ТИЭ), т. XIV, 1951, стр. 107.

Между тем, жизнь в стойбище или деревне, где ежедневно соприкасаются люди разных родов, представляет для понимания первобытно-общинных отношений огромный интерес. Папуасская деревня, например, это не просто группа хижин, в каждой из которых ютится семья, имеющая свои хлопоты и заботы. Это — место жительства хозяйственной единицы, и жизнь в деревне подчинена интересам общины в целом, при этом интересы каждой из входящих в нее семей нередко ущемляются. Состояние постоянной готовности мужчин к совместному труду, к обороне от врагов, к нападению на них неизбежно ведет к сужению сферы семейной жизни, к ослаблению семейных уз. Мужчины, составляющие ядро общины, проводят в ряде племен свободное от работы время в мужском доме, куда их женам, сестрам и детям запрещено входить под страхом смерти. Женщины живут в женских хижинах. Некоторые исследователи, наблюдая это, пришли даже к выводу, что семья у папуасов вообще отсутствует, что, конечно, неверно. Но, если учесть эти факты, то можно сказать, что община у папуасов состоит не из семей, а из взрослого мужского ядра, из временной части (сестры мужчин, которые после брака уйдут в другие деревни), и пришлой части (жены мужчин, пришедшие из других деревень).

Возведение общины, не совпадающей с родом, на тот пьедестал (основная ячейка первобытности), на котором до недавних пор стоял род, позволит, мне кажется, по-новому поставить некоторые еще нерешенные проблемы.

Проблема соотношения родовой общины и рода — это очень сложная и разветвленная проблема, и ее надо разрабатывать конкретно в связи с такими институтами, как территория общины (родовая или общинная территория), вождь общины (родовой или общинный вождь) и т. п., при этом однозначное решение (община или род) в принципе невозможно. Общинные и родовые линии скрещиваются и переплетаются, и проблема состоит именно в выявлении соотношения между ними.

Что касается проблемы соотношения рода и патронимии, то тут дело обстоит значительно проще. Патронимия возникает на стадии перехода от родовой общины к общине большесемейной.

Кстати, термин «большесемейная община» вовсе не означает, что община состоит обязательно из одной большой семьи. Напротив, в поселении живет, как правило, несколько больших семей, каждая из которых в известной мере обособлена экономически (возникает обособленная, по терминологии Энгельса, собственность на землю и скот¹), а также социально и идеологически. Именно поэтому, при разрастании большой семьи и дроблении ее на части, последние могут уходить в другие общины, сохраняя при этом следы былого единства в хозяйстве, обычаях, празднествах, представлениях. Так возникает, с одной стороны, гетерогенная община, основная ячейка, состоящая из больших семей, не связанных общностью происхождения, а с другой — группа родственных больших семей, которые могут жить в одной или в разных общинах и которую М. О. Косвен назвал патронимией. Она играет сравнительно второстепенную роль.

Термин «патронимия» представляется мне, однако, не вполне удачным. Во-первых, эта группа может называться не только по имени мужского предка, но и как-либо иначе. Во-вторых, встречаются, на той же ступени развития, наряду с патрилинейными (например, у полинезийцев), также и матрилинейные группы больших семей (например, у индейцев северо-западного побережья Северной Америки).

Целесообразно здесь сказать несколько слов о дислокальном браке. Он отмечен у таких племен и народностей, как наяры в Индии, минанг-

кабау в Индонезии, атуа в Океании, ашанти и эве в Африке, ирокезы и мескалеро в Северной Америке, наси в Юго-Западном Китае, и у некоторых других. В целом можно сказать, что дислокальный брак встречается, во-первых, очень редко; во-вторых, у народов довольно высоко-развитых; в-третьих, у народов с гетерогенной общиной, где возможны браки внутри деревни; в-четвертых, у народов с матрилинейной большой семьей и (в недавнем прошлом) с патрилокальным браком. У всех этих народов, под влиянием разных факторов, происходит переход от большой семьи к малой, и от матри- к патрилокальности. В этих условиях иногда возникает, в борьбе тенденций большой и малой семей, состояние равновесия, когда мужчина уже не уходит в большую семью жены, а женщина еще не идет в малую семью мужа. Каждый из них живет в своей большой семье (в одной и той же деревне). Таких браков, однако, немного (менее 50%), и дислокальный характер их обычно является временным.

Мне представляется, что в статье М. В. Крюкова есть ценные положения, например о несовпадении рода с родовой общиной и родовых отношений с производственными. Появление этой статьи в журнале — в целом отрадный факт. Привлекает также внимание недавнее высказывание А. И. Першица и Н. Н. Чебоксарова: «Хотя бы одно то бесспорное обстоятельство, что как при патрилокальном, так и при патрилокальном поселении большинство общины составляли члены одного рода, показывает, что род и община в значительной степени совпадали друг с другом»¹¹. Возникает вопрос, нельзя ли в этом усмотреть некоторый пересмотр положения, ранее высказанного одним из авторов этой статьи, о том, что «Производственные отношения в первобытной общине совпадали с материнско-родовыми отношениями»¹².

Однако противоречие между двумя различными точками зрения на соотношение рода и общины, существующее объективно и отмеченное недавно в энциклопедии¹³, этим не снимается. Во-первых, есть много родовых общин, в которых инородная часть составляет около половины их численного состава. Во-вторых, суть противоречия в том, что именно считать основной ячейкой первобытности — род, как полагают представители первой точки зрения, или родовую общину, не совпадающую с родом, как полагают представители второй.

М. В. Крюков на фоне двух различных точек зрения склонен занять промежуточную позицию. Он отвергает взгляд на род как на хозяйственную ячейку, но вместо него выдвигает не общину, а патронимию, которую предлагает называть кланом. В этой связи возникают три вопроса: 1) зачем называть хозяйственный коллектив, вслед за Мёрдоком, «кланом», если есть более точный термин «община», 2) почему не упомянуты В. М. Бахта, В. Р. Кабо, Ю. В. Маретин и другие советские этнографы, давно уже перенесшие акцент с изучения рода на изучение общины¹⁴,

¹¹ А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров, Полвека советской этнографии, «Сов. этнография», 1967, № 5, стр. 21.

¹² А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, в кн. «Проблемы истории первобытного общества», ТИЭ, т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 163.

¹³ «Советская историческая энциклопедия», статьи «Община», и «Первобытно-общинный строй», т. X, стр. 419 и 1007, М., 1967.

¹⁴ В. М. Бахта, Производительные силы папуасов залива Астролябии, «Океанийский этнографический сборник», ТИЭ, XXXVIII, М., 1957; его же, Общественное производство у аборигенов Австралии и папуасов восточной Новой Гвинеи, Автореферат канд. дисс., М., 1963; Р. В. Кабо, Становление классового общества у народов Океании, «Народы Азии и Африки», 1966, № 2; Ю. В. Маретин, Община минангабау и ее разложение, «Восточно-Азиатский этнографический сборник», ТИЭ, т. LXXIII, М., 1961; его же, Община и ее типы в Индонезии, Доклад на VII Международном Конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

и 3) к чему упоминания о Фёрте и его гампге, которая хозяйственным коллективом не является и к теме статьи прямого отношения не имеет.

Приходится в заключение отметить, что о соотношении рода и общины (клана) М. В. Крюков сказал очень мало. В его статье, к сожалению, крайне слабо привлечен этнографический материал.

SUMMARY

The problem of a third type of social organization besides the gens and the family is the problem of the economic unit of primitive society. Such a unit is the community. Murdock designated the gens community «clan» and regarded it as of secondary importance (a «compromise group»); actually it is the gens community that is the basic cell of a developed primitive society. Firth did not regard the ramage as a territorial and economic unit; nor can the patronymy be regarded as such. Therefore the gens community («clan») should be distinguished from the patronymy; the use of the term «clan» for «patronymy» may result in additional confusion.

В. А. Липинская

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СОВРЕМЕННОЙ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В современном быту сельского населения элементы традиционного сочетаются с совершенно новыми чертами, появляющимися вследствие развития промышленности, колхозного и совхозного строительства, сближения условий жизни города и села. В журнальной статье невозможно осветить все стороны этого процесса. Мы остановимся только на одной из них — изменении традиционных черт в современных условиях на примере материальной культуры русских Алтайского края. Выбранный район интересен для рассмотрения некоторых вопросов, связанных с проблемой развития народной культуры в зоне со смешанным населением. Современное русское население края сложилось в процессе этнического взаимодействия русских из различных губерний Европейской части страны, украинцев, белорусов, мордвы, а также, отчасти, алтайцев и казахов. Проведенное нами изучение поселений, жилища, одежды и пищи показало, что прежняя этническая неоднородность сказывается в культуре до сего времени. Кроме того в местных условиях изменялись принесенные традиции и вырабатывались новые. Целью настоящей статьи является рассмотрение судеб народных традиций различных этнических групп, участвовавших в формировании русского населения края, и определение местного типа культуры. В нашу задачу входит сравнение материальной культуры русских, живущих на Алтае в обеих его географических зонах, и в Европейской части страны.

Материалы, на основании которых написана статья, были собраны автором в 1961—1965 гг.¹ во время экспедиционной работы в Мамонтовском, Шипуновском, Поспелихинском районах, занимающих центральную часть Алтайского края, и в Змеиногорском, Чарышском, Алтайском районах, расположенных по южной границе.

Центральная часть края представляет собой обширную равнину, южная — Алтайские горы. Равнинная степь в предгорьях сменяется лесостепью, переходящей в горные леса. Климат на Алтае суровый. В степной части зима продолжительная, холодная и малоснежная, в предгорьях — мягче. Толщина снежного покрова повышается к югу от 20 см в степи до 60 см в предгорьях.

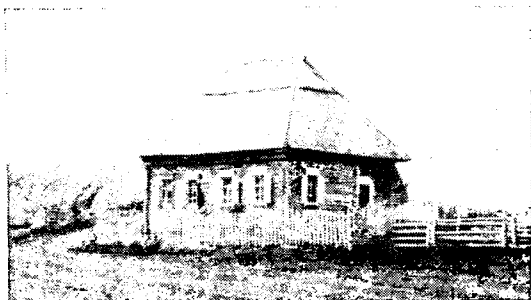
В многонациональном населении края русские составляют большинство (более 85%, по данным переписи 1959 г., от общей численности в 2683,3 тыс. человек). Расселены они неравномерно: к югу плотность населения уменьшается. Соответственно этому населенные пункты в южной части менее крупные и расположены реже. Здесь они, как правило, приурочены к берегам рек и озер. В центральных же районах только старые поселения, возникшие до середины XIX в., находятся в поймах рек, большая часть основанных позднее — на водоразделах. Характер расселения соответствует ландшафту: на юге села расположены в долинах, между отрогами Алтайских гор, по которым стекают многочисленные речки (долинно-предгорный тип по классификации, разработанной В. П. Семеновым-Тянь-Шанским и дополненной Е. Э. Бломквист; севернее, где рек мало, наблюдаются и прибрежно-долинный и водораздельный типы².

¹ Полевые материалы автора, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ф. Алтайского отряда Комплексной экспедиции.

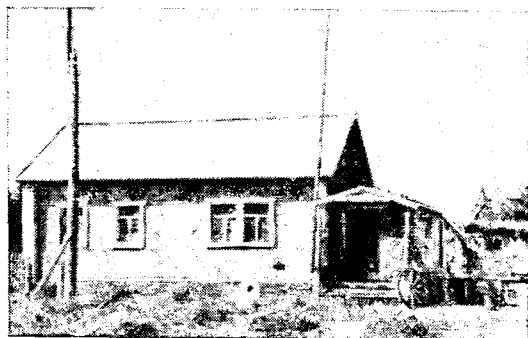
² Е. Э. Бломквист, Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения), «Восточнославянский этнографический сборник», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXI, М., 1956, стр. 30—32.

Застройка селений уличная или улично-рядовая, распространенная у русских и других восточнославянских народов. В прошлом многие селения членились на «концы», составлявшие обособленные участки улиц или отдельные улицы; расходившиеся от наиболее старой части. В процессе реконструкции, которая ведется по проектам, составленным местными специалистами или государственными проектными институтами, разорванность поселений на концы ликвидируется. В некоторых селах концы уже слились, в других в какой-то мере видна еще прежняя расчлененность. Она в большей степени сохраняется в предгорьях, что определяется рельефом. Названия концов, употребляющиеся и сейчас для обозначения отдельных частей поселений, говорят о характере их возникновения. Они имеют в основе этнонимы или топонимы, причем на юге преобладают топонимические обозначения («Локоть», «Подол», «Забока»), севернее — этнонимические («Курищина», «Хохлацкий конец», «Мордовский конец» и т. п.). Полевыми наблюдениями установлено, что концы возникали постепенно: в ходе расселения жителей или при дополнительном подселении. В наше время уже не сохранилась прежняя этническая обособленность концов. При перепланировке сел улицы соединяются, выравниваются, расширяются. Крупные населенные пункты, имеющие перспективы роста, застраиваются кварталами. Большое внимание уделяется оформлению центра села, где сосредоточиваются административные и культурно-бытовые учреждения. Здесь же обычно разбиваются скверы, устанавливаются памятники героям. При благоустройстве поселений, как и в других районах страны, предусматривается обеспечение возможно больших удобств для жителей. Села Алтая полностью электрифицированы и радиофицированы, начата газификация, колодцы заменяются водонапорными башнями, устраивается центральное отопление, водопровод.

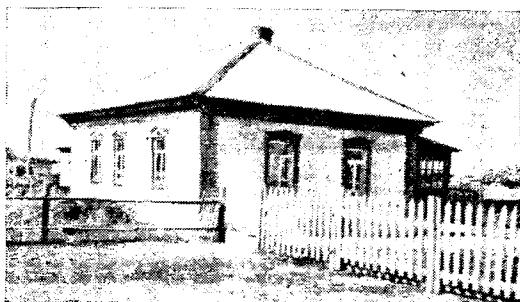
Жилищное строительство теперь не только в городах, но и в селах края ведется индустриальными методами за счет государственных и общественных фондов. Если в первые послевоенные годы дома возводили главным образом на средства населения, то в настоящее время почти треть их сооружается колхозами и совхозами. Такие здания строят по типовым проектам, имеющим общегосударственное распространение. При индивидуальном же строительстве, которое еще является основным в сельской местности, во многом сохраняются народные приемы.

а

б

в

Рис. 1. Типы домов: а — срубный на подклети (с. Шинуниха, Змеиногорского района), построен в 1930-е годы; б — срубный без подклети (с. Калмыцкие мысы, Пospelихинского района), построен в 1956 г.; в — шлаколитой дом (с. Калмыцкие мысы, Пospelихинского района), построен в 1960 г.

По нашим материалам в обследованных районах наблюдаются два типа жилища. Один из них, сходный с традиционными постройками северно- и среднерусских районов Европейской части страны, встречается на всей обследованной территории и преобладает в предгорных районах; другой, имеющий много общего с южнорусским и украинским жилищем, распространен преимущественно в степной части.

К первому типу жилища относится срубный дом на подклети «голубце», которая используется в хозяйственных целях. Рубят такие дома в «угол». Крышу стропильной конструкции в прошлом обычно покрывали тесом, а сейчас — шифером. Пол настилают на переводины, укрепленные в 4—6 венце. Большую часть подклети занимает подполье, где в зимнее время хранят овощи. Для входа в него прорезают люк в полу («западня», «крышка»), или возле печи пристраивают деревянный ларь с лестницей внутри, который, как и само подполье, называется «голубец». Иногда в подклети отгораживают еще помещение для курятника или омшанника, со входом с улицы через невысокие дверцы. В некоторых домах, построенных до установления Советской власти или в первые ее годы, сохраняется полатный брус, используемый в качестве полки. Полаты встречаются редко и только в предгорных районах. Внутренняя планировка дома — севернорусского типа: печь стоит у входной двери, челом обращена к окнам противоположной стены, угол, расположенный по диагонали от печи, считается «чистым», или «передним».

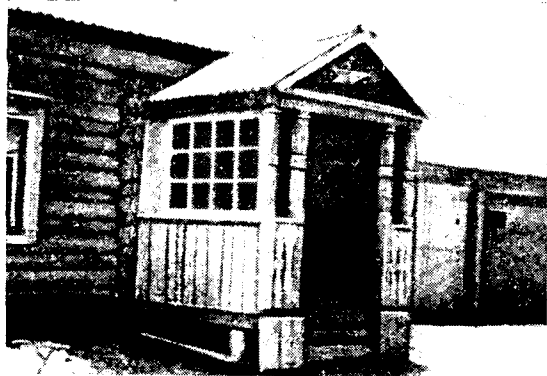

Рис. 2. Крыльцо-веранда с тесовым щитом от ветра

Другой тип жилища не имеет подклети. Оно бывает срубное или из глиносоломённой смеси. Срубные дома, как и описанные выше, рубят в «угол», но пол настилается на уровне первого — второго венца. Дома из глиносоломённой смеси, как и в южной России и на Украине, строят из вальцов, саманных кирпичей, а чаще всего — методом литья (по периметру будущего здания устанавливают каркас из досок, в него закладывают смесь глины с соломой и прессуют). До недавнего времени такие дома покрывали соломой. Теперь соломенная кровля, как и тесовая, сменяется шиферной. Пол настилают на переводины, положенные на землю, или укрепленные на невысоких «стульях». В безподклетном доме пол находится невысоко над землей, подполье под ним углублено, спускаются в него через люк. Внутренняя планировка такая же, как и в западнорусских районах и на Украине: печь стоит в углу при входе, чело обращено к двери. Возле печи встречается, хотя и редко, дощатый настил, который называют южнорусским термином «пол» или украинским «пил».

На Алтае наблюдаются некоторые различия в конструкции печи, заключающиеся в частичном сохранении на юге ее старинного устройства. Так, в отдельных старых домах встречаются еще глинобитные печи, на под которых положена плита дикого камня. Обычно же русскую печь сейчас складывают из кирпича. В предгорных районах она большего размера, дымоход прямой, чело небольшое; в равнинных — меньше, выводная труба изгибается коленом, горизонтальная часть ее лежит на потолке («боров», «лежак»). Вообще надо сказать, что русская печь используется теперь главным образом для выпечки хлеба; для обогрева же служит голландка, которую ставят в центре дома. Пищу зимой готовят на «подтопке» — плите с конфорками, пристроенной к голландке или русской печи, а летом — вне дома.

Некоторые черты жилища русского населения Алтайского края являются общими для всех его типов, например, отделка стен, устройство крыши, окон и входа. Независимо от применяемого строительного материала, стены изнутри и потолок обмазывают глиной или покрывают штукатуркой и белят. Приемы такой отделки сходны с известными на Украине и в южнорусских районах. Работу эту выполняют женщины, накладывая и выравнивая глину руками. Побелку производят белой глиной, которую заготавливают в летнее время, или известью; наносят ее самодельными щеточками из комыля. Пол и все деревянные детали конструкции внутри дома окрашивают однотонной масляной краской. Окраска дверей и наружных ставен бывает полихромна. В этом сохраняется обычный расписывать дома, что в начале XX в. было широко распространено, а сейчас встречается лишь в некоторых селах на юге. Эту роспись, по манере ее и сюжетам, исследователи считают близкой севернорусской. Ставни на окнах сейчас встречаются редко, а наличники в большинстве случаев украшают нашивными

планками, составляющими геометрический орнамент. Окна маленькие, не створчатые и без форточек, жители объясняют это стремлением удержать тепло в доме. Двери также небольшие. Устройство входа в дом своеобразно. Перед дверью обычно имеется крыльцо, построенное так, чтобы входная дверь была защищена с наветренной стороны: крыльцо или прячется за выступ стены, или к нему пристраивают дощатый щит, называемый «присенником». Появление такой пристройки вызвано необходимостью укрыть крыльцо от снежных заносов, создающихся частыми буранами. В старинных домах крыльцо поэтому помещали под одной крышей с домом, уменьшая размер сени.

Рассмотренные особенности жилых построек наблюдались на Алтае, судя по полевым материалам и литературным свидетельствам, с середины XIX в. и раньше. С установлением Советской власти начались существенные перемены в конструкции зданий и приемах строительства, особенно много нового стало появляться по окончании Великой Отечественной войны, что было связано с преобразованиями послевоенного времени в нашей стране. Изменения идут в направлении совершенствования строительной техники, использования новых материалов, улучшения планировки дома и его убранства. Это не является особенностью только Алтайского края, но характерно для современного сельского строительства всей страны. Входят в употребление новые строительные материалы: кирпич, шлакобетон, камышит. Кирпичные дома появились в 1930-е годы, когда колхозы стали создавать свои кирпичные заводы. Из шлакобетона начали строить в 1950-х годах, а производство и распространение камышитовых плит было налажено в начале 1960-х годов. Такими материалами пользуются прежде всего в селах, расположенных вблизи промышленных центров и вдоль транспортных магистралей. Кровельные материалы заменяются быстрее. Вновь строящиеся дома кроют обычно шифером. Соломенная и тесовая кровля ранее построенных домов тоже заменяется шиферной. Так, в группе сел Шипуновского района в 1960 г. преобладали соломенные кровли (более 80%), но уже в 1965 г., при повторном обследовании этого района, кровельные материалы распределились следующим образом: шифер — 80%, железо — 10%, тес — 6%, толь — 4%, солома отсутствовала совершенно.

Многие перемены вызываются влиянием государственного строительства, ведущегося в больших масштабах в колхозах и совхозах. Новые здания устанавливают на фундаменте из сцементированного гравия, заливают цоколь и вокруг старых домов, стоящих на земле или на деревянных столбах. Появляются створчатые окна, размер их значительно увеличивается (от 0,5—0,7 до 1,00—1,50 м²). Перед входом в дом строят веранды. Они появились на Алтае в 1960-е годы, но уже получили самое широкое распространение. В устройстве веранд отмечено несколько вариантов: 1) крыльцо, остекленное с одной или двух сторон (встречается наиболее часто); 2) пристройка вдоль торцевой стены дома, использующаяся как холодные сени; 3) пристройка к сеням, под отдельной крышей. Улучшается отделка домов. Потолок и стены теперь уже не обмазывают глиной, а штукатурят. Эти работы выполняют мужчины, используя мастерок и ровняльную доску. Подновление же штукатурки, окраска и побелка по-прежнему производятся женщинами. В связи с тем, что дома изнутри стали обивать драпкой под штукатурку, изменился способ настилки потолка: доски не вкручивают в матицу, а подшивают к ней снизу, что создает ровную поверхность. Обмазка глиной снаружи сохраняется при постройке глинолитых домов, которые, кроме того, еще и белят. Побелка возобновляется два раза в год или чаще, но обязательно производится к праздникам: Первому мая и Седьмому ноября. Срубные дома уже не обмазывают, но обшивают тесом, создавая различные узоры: ромбы, квадраты, елочки и т. п.

На Алтае с середины XIX в. и до недавнего времени строили, в основном, дома-пятистенки. В послевоенные годы пятистенок стал заменяться многоквартирным домом. При этом производится перепланировка многих домов: часть сруба, отводившаяся прежде под кладовую, переоборудуется в жилую комнату, или же к пятистенку пристраивают дополнительно сени и кладовую, превращая его в четырехкомнатный дом. По нашим подсчетам средние размеры дома с 1940-х по 1960-е годы увеличились почти вдвое, численный же состав семей за это время мало изменился, следовательно обеспеченность населения жилой площадью значительно улучшилась. Сейчас на семью в 4—5 человек приходится в среднем по 40 м². Вследствие изменения планировки по-иному теперь используют комнаты. До недавнего времени вся жизнь семьи проходила в одной комнате — «кухне», где стояла русская печь. Другие же служили спальнями, или, если семья была невелика, стояли закрытыми до прихода гостей. Из сеней входили в кухню, и лишь оттуда можно было пройти в другие комнаты. В конце 1950-х годов начинают отделять кухню, а позже, в 1960-е годы, возникает тенденция к постройке домов с изолированными комнатами. В связи с изменением планировки, по-иному располагают в доме русскую печь. Ее устраивают в центре дома, так, чтобы отапливались все комнаты, устье печи выводят в кухню.

Назначение комнат определяется размерами дома, составом семьи и занятиями владельцев. Пятистенок разделяется на кухню («кухня», «прихожка», «передняя изба») и комнату («комнатка», «зала»). В многоквартирных домах появляется возмож-

ность распределять комнаты различным образом, но кухня и зала сохраняются. Дополнительно к ним обычно строят спальни, чаще всего раздельные для родителей и детей. Если дети заметно различаются по возрасту, то школьникам выделяют отдельную комнату или «куголок школьника». Старинная традиционная обстановка встречается еще в кухне в тех домах, хозяевами которых являются пожилые люди. Здесь против устья печи стоит кухонный стол, над ним — деревянный шкафчик для посуды, на стене — ложечница, вдоль стен — лавки, над ними — полки. Угол, находящийся по диагонали от печи, теперь не называется передним, но в нем по традиции ставят обеденный стол, а на стене вешают раму с портретом, плакат или фотографии. Над входной дверью вбивают крюки для шапок, стена возле двери занята вешалкой для верхней одежды. По другую сторону, напротив печи, ставят кровать, где хозяйке удобно отдохнуть днем. Над кроватью вешают пестрый ситцевый коврики; низ лавок, полки, лежанка печи закрываются ситцевыми занавесками, отчего вся изба имеет очень яркий, красочный вид. Мебель, находящаяся в кухне, считается неотъемлемой частью дома, как и раньше, когда она была прочно сращена со стенами. Поэтому при переезде на новое место, лавки, полки и кухонный стол оставляют в старом доме.

Обстановка других комнат заметно отличается. В зале размещают мебель фабричного производства: стол — в простенке между окнами или посредине комнаты; вдоль стен — кровати, диван, комод, шкаф. В многокомнатных домах кровати и платяной шкаф ставят в спальне, а в зале — стол, этажерку, диван, зеркало, буфет, здесь же — приемник или телевизор, а иногда и стиральная машина. Среди сельской интеллигенции наблюдается большой спрос на гостинные и спальне мебельные гарнитуры, наборы кухонной мебели.

Хозяйственные постройки, так же как и дома, разнятся по конструкции и используемым материалам. В степных районах преобладают глиносоломенные строения, в предгорьях — срубные. В конструкции некоторых хозяйственных построек есть черты своеобразия. Скотный двор, например, кроют «поветью», представляющей собою плоский настил из жердей, положенных на сгни. Сюда на зиму складывают запасы сена, а на лето оставляют слой соломы. Это — традиция старожилов, которая стойко сохраняется. Только в самое последнее время начали покрывать дворы шифером или черепицей, делая односкатную или, реже, двускатную крышу. Возле двора обычно имеется «денник» — огороженный пряслом участок, где днем стоит корова. Денник — тоже сибирская традиция, в прошлом для выпаса скота такие ограды ставили вокруг всего селения («поскотина»).

Другие хозяйственные постройки имеют больше сходства с известными в Европейской части страны: бани севернорусского типа (срубные, с предбанником и печью-каменкой в углу при входе) и летние кухни. Последние различны. В степных районах на усадьбе ставят открытую кирпичную плиту с конфорками. Такие же летние кухни очень распространены на Украине и во многих южнорусских районах. В предгорьях Алтая летние кухни другого типа: однокамерные постройки с русской печью («избушки», «малушки»). По устройству они сходны с хозяйственными избушками, известными в прошлом всюду в Сибири, с так называемыми зимовьями.

За годы Советской власти конструкция хозяйственных построек стала совершеннее. Особенно заметны изменения в устройстве бани, топившейся прежде «по-черному». Теперь ее штукатурят и белят. Это стало возможным вследствие изменения устройства печи: каменку, сложенную из дикого камня, заключают внутри кирпичной плиты, имеющей выводную дымовую трубу. В прошлом крыши хозяйственных построек редко были со скатами. Обычно на плоскую поветь клали слой соломы или земли. Теперь над скотными дворами, банями, летними кухнями возводят двускатную крышу.

Все хозяйственные постройки сосредоточены на усадьбе. Площадь ее разделяется на три части: «садок» — небольшой палисадник перед домом, «двор» или «ограду» — среднюю часть, где обычно находятся все строения и «огород». Трехчастное деление усадьбы — явление сравнительно новое. Усадьба старожилов разделялась на «чистый двор» (ограду) и хозяйственный — «пригон», палисадники стали устраивать уже в годы Советской власти. Передняя сторона усадьбы сейчас огораживается штакетником, боковая — плетнем, пряслом, чаще. В степных районах обычно ставят плетень, который выполняют различными узорами. Прысло состоит из двух — трех горизонтально лежащих длинных жердей, укрепленных на опорных столбах. Оба эти вида ограды широко распространены у русских в Европейской части СССР, чаще же является местным вариантом. Она похожа на часток, сделанный из тонких ветвей ивняка, которые переплетают два горизонтальных ряда жердей.

Застройка усадьбы трех типов: 1) крытый двор, вплотную примыкающий к дому, 2) полузакрытый двор, по периметру которого расположены постройки, и 3) открытый двор со свободным расположением построек, не связанных друг с другом.

Усадьба с полузакрытым двором, характерная для многих районов Сибири и в прошлом широко распространенная у русских старожилов Алтая, сейчас встречается крайне редко. Изменение этой планировки началось в связи с коллективизацией, когда разбирались постройки, ставшие ненужными при общественном ведении хозяйства.

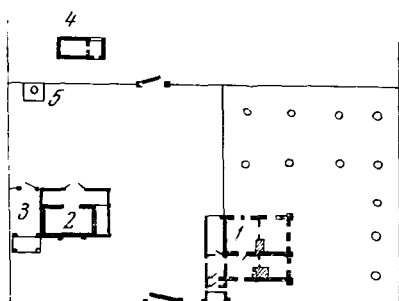
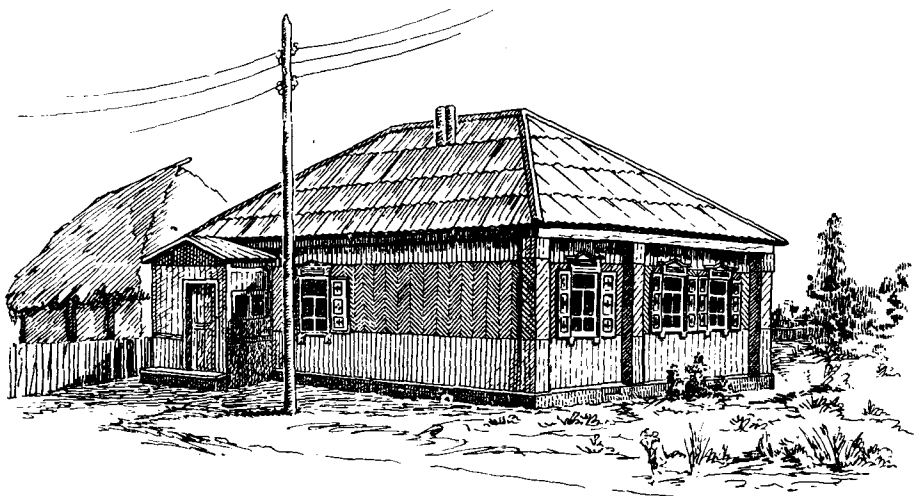
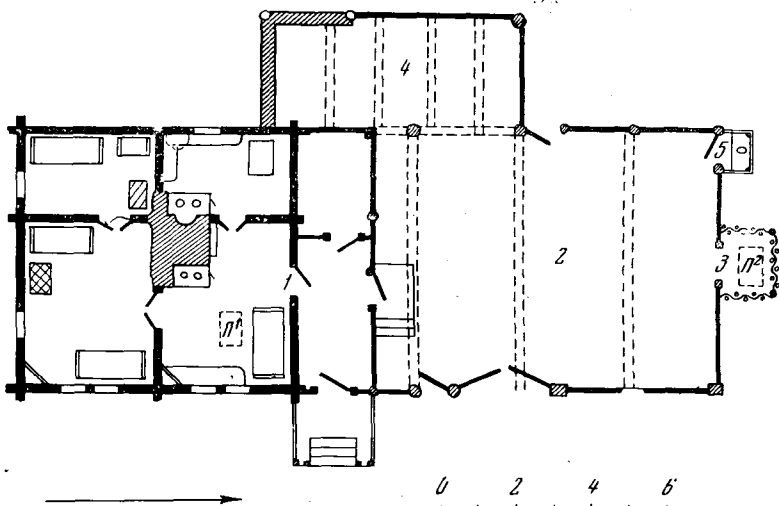

Рис. 3. Застройка усадьбы. А — крытый двор с пристроенными хозяйственными помещениями (с. Саввушка, Змеиногогорского района, постройка 1961 г.): 1 — дом, 2 — двор, 3 — погреб, 4 — сарай, 5 — уборная; Б — открытый двор со свободным расположением построек (с. Калмычье, Поспелихинского района), постройка 1958 г.: 1 — дом, 2 — двор, 3 — «денник», 4 — баня, 5 — уборная

Крытый двор встречается в нескольких вариантах, один из которых еще не был описан в литературе. При такой застройке, которой, по нашему мнению, более всего подходит название «охватывающая», двор окружает дом с трех сторон и к нему вплотную пристроены баня, сарай для дров и другие хозяйственные помещения. Все постройки покрывают поветью, на которую складывают запасы сена. Центральная же часть двора, примыкающая к дому, может иметь двух- или трехскатную крышу. Охватывающий двор удерживается лишь в некоторых селах Змеиногорского района. Население объясняет сохранение его особыми неблагоприятными климатическими условиями в этой местности: сильными ветрами и частыми зимними буранами. Довольно громоздкая конструкция такого двора в последнее десятилетие несколько изменяется, он уменьшается в размерах, приобретая сходство с глаголеобразной или двурядной застройкой. В Змеинггорском же районе сохраняется другой старинный вариант крытого двора, который располагается сзади или сбоку дома и включает в себя все хозяйственные помещения. Двор покрывает поветь, но баня и хлев, находящиеся во дворе, могут иметь двух- или четырехскатную крышу, возвышающуюся над поветью. Это отживающий вариант застройки, не повторяющийся в строительстве послевоенных лет. Широко распространена застройка, организованная по принципу однойрядной или двурядной связи: двор пристраивают вплотную к дому через сени, как оюярусный двор в Средней России. Такая застройка встречается в каждом населенном пункте, однако по распространенности уступает место свободному расположению построек на открытом дворе.

Свободная застройка появилась на Алтае во второй половине XIX в., но представлена тогда была незначительно и наблюдалась преимущественно в северо-западных районах. Отсюда она постепенно смешалась к югу. Свободное расположение построек дает возможность создать на усадьбе наиболее гигиенические условия, удобно и в противопожарном отношении и поэтому активно пропагандируется сельскими советами и строительными отделами колхозов и совхозов. Вследствие постепенного отдаления хозяйственного двора от дома появились два варианта свободной застройки: 1) с хозяйственными постройками, расположенными в ограде, и 2) вынесенными на огород.

* * *

Одежда традиционного покроя на Алтае почти не сохранилась. Она вышла из употребления еще в начале XX в., и даже сведения о ней мы смогли собрать лишь в южных районах, где она удерживалась несколько дольше. Как удалось установить, это, в основном, был севернорусский комплекс одежды. В costume женщин отмечены два варианта. В большинстве сел носили круглый или косоклиный сарафан, рубаху с прямыми поликами и головной убор, состоявший из «самшуры» (нижней шапочки с твердым полукруглым очельем), «кокошника» (верхнего нарядного чехла из шелковой ткани) и «позатыльника» с бисерной поднизью. В нескольких селах Змеиногорского района рубаха была с отложным воротничком и вышивалась иначе — не только поперечными полосами, но и по долевому швам, что свойственно украинцам, а у русских встречается крайне редко. Такой костюм ярче украшался, использовались живые и искусственные цветы, много бисера. Эти особенности связывают его с одеждой русских юго-западных районов и украинцев. В селах, где так одевались, и сейчас отмечается большая яркость в выборе тканей, женщины плетут украшения из бисера в виде широкого воротника, похожего на «решетку», которую носят с традиционным костюмом. Сохраняются частично отличия в способах ношения головного платка. Этот наиболее распространенный вид женского головного убора пожи- лые женщины в горных селах обычно повязывают узлом сзади («по-сибирски», «по-калмыцки»), а в степных — под подбородком («по-русски»). Некоторые элементы традиционного костюма удерживаются еще как дополнительная одежда, которую надевают зимой в особенно холодную пору, или отправляясь в дальнюю дорогу. Это тулупы, меховые чулки и варежки. Длинные, расширенные книзу, с большим ворот-

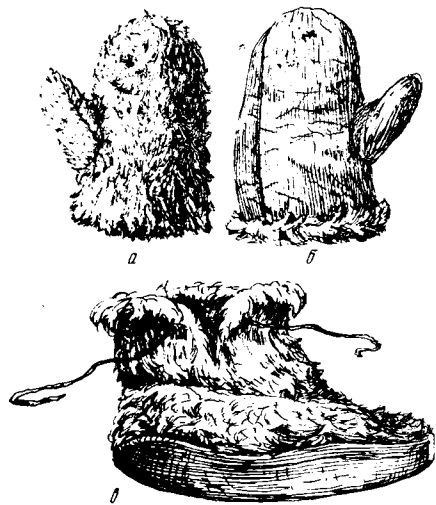

Рис. 4. Меховые варежки (а — «мохнашки», б — «шубейки») и меховые чулки (в)

калмыцки»), а в степных — под подбородком («по-русски»). Некоторые элементы традиционного костюма удерживаются еще как дополнительная одежда, которую надевают зимой в особенно холодную пору, или отправляясь в дальнюю дорогу. Это тулупы, меховые чулки и варежки. Длинные, расширенные книзу, с большим ворот-

ником тулупы шьют из овчины, собачьих или маральих шкур. Варежки на Алтае, как и повсюду в Сибири, носят двойные: внизу — легкие, вязанные, а поверх них — «верхонки» из овчины, сшитые мехом наружу («мохнашки»), или мехом внутрь («шубейки»). Меховую обувь в прошлом русские покупали у соседних сибирских народов. С распространением валенок она вышла из употребления. Теперь и в морозы лишь старики надевают вместе с валенками сшитые ими самими меховые чулки. Покрой повседневной мужской и женской одежды — современных фасонов.

* * *

В питании населения, в связи с социалистическим переустройством хозяйства, существенно изменились источники снабжения продовольствием. В настоящее время личное хозяйство дает только некоторые виды продуктов, основную же часть их приобретают в кооперативных и государственных магазинах или получают как натуроплату за работу в колхозах и совхозах. В связи с этим увеличилось количество и калорийность потребляемых продуктов, расширился их ассортимент. Улучшению питания способствует изживание религиозных запретов, изменение условий приготовления пищи (распространение новых нагревательных приборов, утвари, сервировки), издание различных кулинарных справочников, расширение сети общественных столовых. В домашней же кулинарии, как повседневной, так и обрядовой, более чем в каких-либо других элементах материальной культуры сохраняются традиционные черты. При этом интересно отметить, что в разных районах Алтая наблюдаются те же отличия в деталях, которыми различается кулинария в северо- и южнорусских районах Европейской части страны.

Обрядовая пища теперь не связывается с религиозными ритуалами и употребляются лишь некоторые блюда, получившие всеобщее признание. Например, на свадьбу пекут традиционный пирог: на юге — это курник, который, как и в севернорусских районах, начинают курицей или яйцами с мясом; в центральных районах на свадьбу пекут каравай или сладкий пирог и, как в южной России и на Украине, ставят рядом веточку калины или украшенное лентами деревце. Блины на севере обследованной территории пекут чаще из кислого теста, на юге — из пресного. Различия между центральными и южными районами отмечены в таких деталях, как выпечка высокого хлеба в центральных районах, более плоского — в южных, заготовка на зиму овощей более крепкого посола в центральных районах, а в южных — более пресного. Эти различия можно сопоставить с традициями на юге и севере Европейской части СССР. По-разному готовятся даже такие общесибирские блюда, как пельмени, рыбный пирог, шаньги. На юге пельмени делают маленького размера, рыбный пирог без дополнительной начинки, шаньги, облитые сметаной или маслом; севернее — в рыбный пирог добавляют крупы и картошку, пельмени делают больших размеров и начиняют не только мясом, но и овощами и творогом, как вареники. Излюбленным столовым напитком является квас, но на юге готовят только хлебный квас, а в центральных районах, кроме того, и из квашеной свеклы.

Помимо различий в кулинарии, сохраняется предпочтение одних продуктов другим. Так, в центральных районах предпочитают свинину и говядину, в южных — баранину, в центральных — пшено, в южных — ячмень. В Змеиногорском районе готовят и сейчас старинное севернорусское блюдо из ячменя, так называемые тожые щи. Для этого ячмень даже вымывают в соседних областях, так как на Алтае его выращивают мало. Отмечено также употребление специфичных для Алтая продуктов, навыки использования которых были заимствованы от алтайцев. Так, русские едят мясо маралов (маралину) и горных коз (яманину), последние для этого разводят на усадьбах. Укоренился обычай добавлять в заварку чая сухие листья бадана, малины или смородины. В летнее время дети и работающие в поле взрослые собирают и едят дикорастущие горные лук, чеснок, саранку и другие растения, которые в прошлом в большом количестве заготавливали на зиму.

* * *

Все рассмотренные элементы материальной культуры русского населения Алтайского края по большинству признаков неоднородны. Мы выделяем два историко-культурных района, локализация которых совпадает с двумя природными зонами края. Однако только немногие особенности культуры могут быть объяснены различиями природных условий. Так в центральных районах употребляют в пищу больше овощей и фруктов. Это связано с лучшим развитием здесь местного овощеводства и садоводства. Потребление же свинины или говядины, пшена или ячменя, свекольного или хлебного кваса должно быть объяснено иными причинами, так как разница в уровне соответствующих отраслей хозяйства незначительна. Преобладание на равнине водораздельного расселения, а в предгорьях прибрежного, безусловно, объясняется различием в гидрографии. Такие особенности жилища, как увеличение к югу высоты под-

клетки, срубного строительства и сомкнутой застройки, соответствуют увеличению лесных массивов, толщины снежного покрова. Однако прямой зависимости не наблюдается. Срубные дома и сомкнутая застройка чаще встречаются в селах, основанных старожилами. Также и выста подклети всегда больше в старинных постройках. Вместе с тем особенности, непосредственно связанные с климатическими условиями, такие, как хранение сена на крыше-повети, малые проемы окон и дверей, обмазка стен, пристройка для защиты входной двери от снежных заносов, распространены по всему краю.

В современной материальной культуре русских Алтайского края прослеживаются черты различных этнических групп. При этом воспринятое от алтайцев и казахов сохранилось мало (ношение меховых чулок, употребление некоторых продуктов), пришедшее же русским различных районов Европейской части страны и украинцам проявляется вполне отчетливо. К северно- и среднерусским элементам относятся: тип срубного дома на подклети, его внутренняя планировка и особенности интерьера (полати, голбец), сомкнутые формы связи дома и двора, комплекс одежды с сарафаном, распространённость таких блюд, как шаньги, рыбный пирог, курник, предпочтение ячменя и т. п. К южнорусским и украинским — бесподклетное жилище, использование глиносоломенных смесей в качестве строительного материала, обмазка и побелка дома, застройка усадьбы со свободным расположением построек, устройство открытых летних печей, в кулинарии — пирог-каравай, вареники, галушки, свекольный квас, предпочтение пшена.

Наблюдающаяся и теперь некоторая локализация этих комплексов в прошлом была более отчетлива. В настоящее время одни явления получили почти повсеместное распространение (палисадники, свободная застройка, штукатурка и побелка дома, пельмени и шаньги), другие, как пережиточные, встречаются лишь изредка («пол», полати и т. п.), но и сейчас можно говорить о преимущественном распространении тех или иных особенностей. Черты украинской культуры в большей степени заметны в северо-западной части обследованной территории, южнее наблюдается смещение южнорусской и украинской культур и, наконец, в предгорных районах господствуют севернорусские особенности. Как сами различия, так и локализация их полнее всего объясняются формированием на Алтае русского населения.

Заселение края проходило в два основных периода — в XVIII в. выходцами из северных районов Европейской части страны, во второй половине XIX и начале XX в. — пореформенными переселенцами из южных малоземельных областей. Их называли «российские» или «переселенцы», в отличие от ранее поселившихся «старожилов». Старожилы более всего сосредоточились в предгорьях, вблизи центров горной промышленности. Переселенцы обосновались в центральных и северных районах — в степной части, более удобной для земледелия. Среди пореформенных переселенцев было много украинцев, а в северо-восточных районах они и сейчас составляют большинство. Часть украинцев вошла в состав русского населения, сохранив, однако, некоторые свои обычаи. Этим объясняется усиление к северо-западу украинских черт в материальной культуре русских. В горных и предгорных районах в основном живут потомки старожилов, в культуре их преобладают севернорусские черты. Но в некоторых селах отмечены южнорусские и украинские особенности. Само население в прошлом выделяло жигелей этих сел, называя их «поляками». Это потомки русских старообрядцев, сосланных на Алтай в XVIII в. из районов Ветки (в теперешней Гомельской области) и Стародубья (Брянской области), принадлежавших некоторое время Польше.

Многие черты культуры русского населения Алтайского края связаны, таким образом, с разнородными этническими традициями, принесенными из Европейской части страны. Со времени расселения здесь русских происходил отбор всего того, что наиболее соответствовало природным особенностям края и хозяйственным потребностям. Процесс этот, имевший стихийный характер, вел к сглаживанию различий в народной культуре, закреплению наиболее совершенных и появлению новых общих черт. Вследствие длительного взаимовлияния и непрерывно идущего развития традиций формировался единый местный тип культуры. Существенные изменения этого процесса произошли после установления Советской власти в связи с преобразованиями социальной основы общества. Начиная с первых же лет после Великой Октябрьской социалистической революции развитие общественных и государственных форм обслуживания вызвало распространение новых явлений быта. Перестройка поселений, создание сети культурно-бытовых учреждений, а в значительной мере и жилищное строительство ведутся на колхозные и государственные средства при участии государственных и планирующих организаций. Прежние народные традиции сохраняются, как показано выше, в тех сторонах быта, которые больше зависят от природных условий (расположение населенных пунктов по берегам рек или на водоразделах, использование дерева или глиносоломенных смесей как строительного материала, сохранение теплой дорожной одежды и т. п.). Некоторые из этих традиций постепенно утрачиваются, как например, сомкнутые формы застройки усадьбы, предпочтение тех или иных блюд или продуктов питания и т. п. Другие же прочно удерживаются и получают дальней-

шее развитие — это наследие народного быта, наиболее отвечающее современным условиям и потребностям. Развивающиеся традиции уже распространились по всему краю или же такая тенденция отчетливо видна. Так, побеждает обычай разобщенного размещения построек на усадьбе, покрытия стен штукатуркой, побелки их и окраски полов — все это соответствует возросшим культурным запросам населения.

Подводя итог рассмотрению традиционных черт в современной материальной культуре русского населения Алтайского края, отметим характерное для нее слияние разнородных этнических традиций, принесенных на Алтай русскими и украинцами и преобразованных соответственно местным условиям, и возникших в процессе освоения края. В результате расселения двух основных миграционных потоков сложились два историко-культурных района: в степной части традиции восходят к южнорусским и украинским, в предгорной — к северно- и среднерусским. В настоящее время мы прослеживаем сохранение лишь отдельных черт традиционного комплекса культурных особенностей, они ярче проявляются в жилище и пище, меньше — в одежде и поселениях. Традиции, соответствующие современным условиям жизни и потребностям населения развиваются и распространяются, другие же изживаются и заменяются новыми.

Х. Юсупов

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ТУРКМЕН-ОГУРДЖАЛИНЦЕВ

Вопрос о происхождении туркмен-огурджалинцев неоднократно привлекал внимание исследователей Средней Азии. Отдельные сообщения о мелких подразделениях, входивших в состав огурджалинцев, имеются у И. Ф. Бларамберга, К. К. Боде, М. Н. Галкина, Иомуд-хан Карашхан оглы¹ и др. В последние годы изучением туркмен-огурджалинцев занимался А. Джикиев, собравший большой и интересный материал².

Основные подразделения огурджали — недим, герей, миевит, дюеджи, магтым, теракима, ширван, кенан, газылар, дахма — связывают свое происхождение с местностью Куны-Огурджа на восточном побережье Каспия у протока Аджайб. В связи с этим большой интерес представляют средневековые памятники нижнего Узбоя, которые, как нам кажется, имеют прямое отношение к истории огурджалинцев³.

На всем протяжении от Сарыкамышской впадины до Балханского коридора сухое русло Узбоя ярко выражено, по берегам его видны постепенно повышающиеся террасы. Русло же нижнего Узбоя, начиная от урочища Тамдырлы, практически исчезает, оно переходит в низменность Келькор. От бывшего озера Келькор вода Узбоя двумя ныне сухими руслами — Актамом и Аджанбом — соединялась с Каспийским морем. Нижний Узбой с севера ограничивается горами Большие Балханы, с юго-востока — Малым Балханом и Боя-дагом, а с запада между руслами Аджайб и Актам расположен п-ов Дарджа с непроходимыми песками. В настоящее время нижний Узбой представляет собой почти пустынный район.

Таким образом, название нижний Узбой является в достаточной степени условным, так как на восточной оконечности солончака Келькор, в 3 км ниже пересечения Узбоя железной дорогой русло его исчезает. Установлено, что в древности в период верхнекаспийской трансгрессии нижний Узбой служил заливом Каспийского моря. А с понижением уровня Каспия в районе Келькора образовалось озеро, из которого двумя рукавами — Актамом и Аджанбом — аму-дарьинская вода вливалась в Каспийское море. При пересыхании Узбоя по этой долине при подъеме уровня Каспийского моря вода поступала из моря в Келькор⁴. Район нижнего Узбоя делится на ряд более мелких географических районов, весьма существенно отличающихся друг от друга — русла Актам⁵ и Аджайб, солончак (бывшее озеро) Келькор и район Больших Балханов, который, не входя в собственно географическое понятие нижнего Узбоя, тесно связан с ним как по расположению, так и в значительной степени по историческим судьбам жившего здесь населения.

¹ И. Ф. Бларамберг, Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря, «Записки РГО», кн. IV, СПб., 1850, стр. 81; К. К. Боде, Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья Каспийского моря, «Отечественные записки», т. 107, СПб., 1856; М. Н. Галкин, Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю, СПб., 1867—1869, стр. 164, 274, 279; Иомуд-хан Карашхан оглы, «Изчи» (следопыты у туркмен), «Известия Туркестанского отдела РГО», т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 146.

² А. Джикиев, Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря, Ашхабад, 1961.

³ Впервые сопоставил эти археологические памятники с огурджали С. П. Толстов, см.: «Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг.», «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции» (далее Труды ХАЭЭ), т. II, 1958, стр. 85—88; его же, Археологические исследования Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г., «Вестник Академии наук СССР», 1953, № 8, стр. 45.

⁴ Детальное географическое описание района см. в работах: Л. С. Берг, Рельеф Туркмении, т. II — «Туркмения», Л., 1929; А. С. Кесь, Русло Узбой и его генезис, «Труды Ин-та географии АН СССР», вып. 30, М., 1939; «Низовья Аму-Дары, Сарыкамыш, Узбой», «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960.

⁵ А. С. Кесь, Указ. раб., стр. 82—83

На всей этой территории обнаружены остатки отдельных средневековых памятников — мавзолеев, кладбищ, сырцовых построек, керамики⁶. Все средневековые поселения на нижнем Узбое были связаны с его древним руслом. Свидетельством этого является тот факт, что находки на нижнем Узбое концентрируются ближе к воде, вдали от берега они встречаются редко. Средневековые археологические памятники нижнего Узбоа представлены развалинами сырцовый мечети, башни, усадьбы, остатками других жилых сырцовых построек, мазарами и особенно многочисленными скоплениями керамики на месте бывших поселений. На всех поселениях нижнего Узбоа встречена керамика, принадлежащая к единому археологическому комплексу, получившая в свое время по месту первоначальной находки название «актамской»⁷. Предварительно она была сотрудниками Хорезмской экспедиции датирована XV—XVII вв. При этом было отмечено ее своеобразие — «архаический облик, в некоторых своих чертах сохраняющий традиции поздней античности (форма кувшинов) и раннего «сасанидского» средневековья (поливные чаши)»⁸. В связи с тем, что в последние годы найдены новые материалы, связанные с актамской культурой, требуются некоторые уточнения, прежде всего уточнение датировки.

Керамика с нижнего Узбоа отличается богатством и разнообразием орнаментации поливных сосудов. Изделия поливной керамики — блюда, тарелки, чаши, реже другая столовая посуда — изготовлены из простой гончарной глины, принявшей после обжига ярко-красную окраску. Они облиты прозрачной свинцовой или оловянной поливой желтого цвета с зелеными оттенками; полива положена поверх светлой ангобной подглазурной или желтовато-белого ангоба.

По технике орнамента различаются сосуды с расписным и подглазурным гравированным орнаментом. На изделиях, украшенных росписью (большая часть на желтом фоне зеленой и коричневой красками), орнамент нанесен в виде геометрических и растительных узоров. Сосуды, украшенные гравировкой под прозрачной или оловянной глазурью, имеют орнамент в виде маленьких квадратиков, кружков, завитков, фестончатой пружины, спирали, ромбической сетки, парных косых линий, косой решетки, розеток, шнуров, виноградных усиков и др. Иногда резной подглазурный узор сочетается с зеленой расплывающейся росписью по желтому фону, что очень украшает изделие. Орнамент в основном нанесен по бортику или в донной части сосуда (рис. 1).

Большую часть керамического материала из района нижнего Узбоа (по руслу Актама, Аджаба и в районе солончака Келькора) составляет неполивная бытовая посуда. Неполвиная керамика актамского типа изготовлена из обыкновенной гончарной глины с примесью песка или сильно размельченного гипса. Представлены следующие формы: хумы, хумчи, кувшины, кухонные сосуды — котлы и горшки. Большинство сосудов имеет черепок красного цвета, но встречаются розового и светло-желтого, реже коричневого или совсем темного, почти черного цветов. Акгамские неполивные

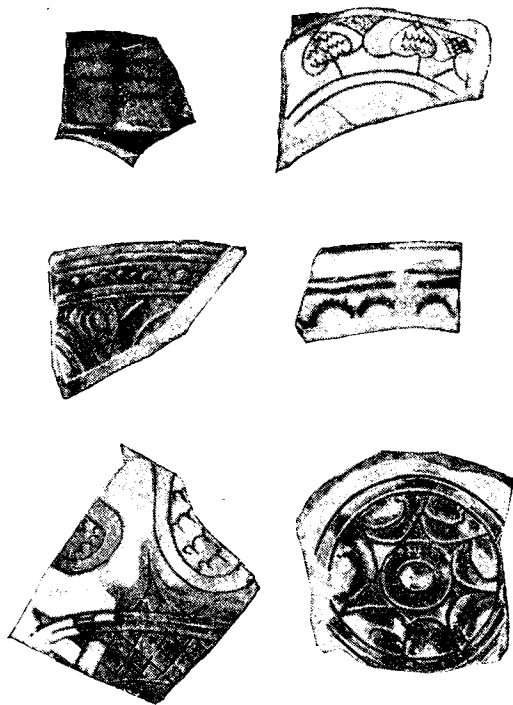

Рис. 1. Образцы поливной керамики с нижнего Узбоа

⁶ Район нижнего Узбоа обследовался в 1930 годах археологом А. А. Марушенко, в 1950 годах — сотрудниками Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова, в 1960 годах — Туркменским археологоэтнографическим отрядом совместно с отрядом МГУ под руководством Г. Е. Маркова и в последние годы — туркменским археологическим отрядом с участием А. А. Марушенко, сотрудника Хорезмской экспедиции Б. И. Вайнберг и автора.

⁷ С. П. Толстов, Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг., стр. 63; Н. Н. Вактурская, Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.), Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1959, стр. 329; «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 340.

⁸ «Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой», стр. 340.

сосуды часто украшались прочерченным волнистым и линейным орнаментом. Поверхность их иногда покрывалась красным ангобом, по которому лощением наносились несложные узоры в виде полос, сеток и т. д. (рис. 2). Следует отметить, что вместе с керамикой в подъемном материале встречается и керамический брак, шлаки и треугольные подставки, употреблявшиеся в керамических печах, что свидетельствует о местном производстве изделий.

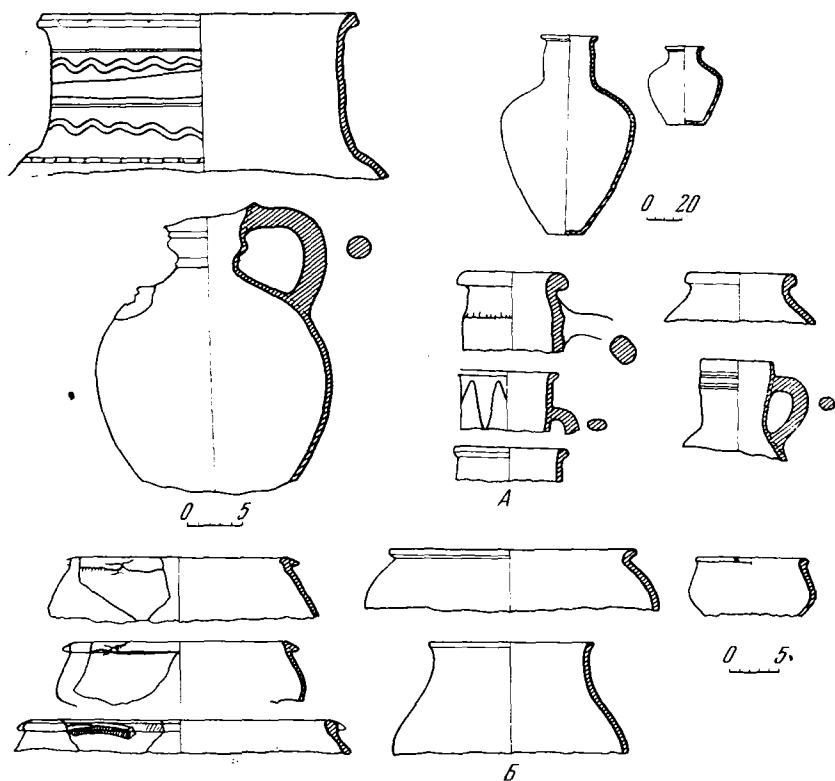

Рис. 2. Керамика с поселений нижнего Узбоя: А — гончарная посуда; Б — лепная посуда

Поливная керамика с нижнего Узбоя находит себе близкие аналогии прежде всего среди азербайджанских материалов, особенно из раскопок в Баку (Ширваншах). Иногда она выглядит даже совершенно тождественной актамской по технике изготовления и орнаментации. В единичных случаях (это касается негипичных для комплекса в целом сосудов) аналогии находим и среди хорезмских изделий. Кухонные котлы из раскопок в Баку (Ширваншах) с дугообразными или треугольными держалками⁹ по форме и качеству черепка очень близки к котлам с поселений нижнего Узбоя, одному из самых распространенных и характерных типов посуды.

Комплексы азербайджанской керамики, в которых мы находим аналогии актамской, датируются XIV—XV вв.¹⁰ Описывая поливную керамику из района Баку, В. В. Левиатов отмечал, что керамика XV—XVII вв. является продолжением и развитием керамических изделий XIV—XV вв. Различие изделий этих двух периодов он видит в том, что, во-первых, «на керамике XV—XVII вв. встречается роспись, но не бывает гравировки». Во-вторых, изделия XIV—XV вв. обычно имеют значительно

⁹ Материалы хранятся в архиве Ин-та истории Азербайджана, «Баку Мэґбэрэ», 1964 г., инв. № 75—79 и др.

¹⁰ В. Н. Левиатов, Керамика старой Ганджи, Баку, 1940, стр. 4—34; его же, О типах глазурованной керамики Азербайджана в VII—XV вв., «Изн. АН АзербССР», 1946, вып. 7, стр. 36—44; его же, Археологические раскопки 1945 г. при дворце Ширваншахов в Баку, «Изн. АН АзербССР», 1948, № 1, стр. 112—120; его же, Об археологических раскопках в 1946 г. в Баку, «Изн. АН АзербССР», 1948, № 8, стр. 80—89.

более толстые стенки и ножки, разрез по диаметру которых дает форму свода; очень часто наружная сторона поддона бывает снабжена выпуклой, помещенной внутри кольца ¹¹.

Среди нижеузбойских находок поливной керамики наиболее часты как раз фрагменты толстостенных, красноглиняных сосудов, покрытых под поливой ангобом белого или оранжево-желтого цвета и орнаментированных несложной гравировкой или росписью красками, чаще всего пятнами. Глазурь на них прозрачная или непрозрачная желтого цвета с зеленым оттенком; кольцевая ножка имеет «выпуклину», находящуюся внутри кольца. Все наиболее характерные признаки, отличающие азербайджанские комплексы XIV—XV вв., представлены и в материалах с нижнего Узбоя. Некоторые фрагменты не только по форме, фактуре и орнаментации аналогичны, но даже выглядят просто частями одного сосуда. Примером могут служить обнаруженные в 1930 годах археологом А. А. Марущенко фрагменты с нижнего Узбоя из урочища Куня-Огурджа ¹² и опубликованные Н. Наджафовой обломки блюд из Баку (Ширван-шах), датированные XIV—XV вв. ¹³.

Аналогии с азербайджанской керамикой позволяют предположить, что актамская поливная и неполитная керамика составляет единый комплекс и датируется началом XIV—XV в. Железные шлаки, найденные на поселении Куня-Огурджа на Аджамбе, и керамические шлаки на нескольких других поселениях, свидетельствуют о развитии ремесленных производств. Обнаруженные сотрудниками Хорезмской экспедиции в местности Куня-Огурджа остатки фундаментов для юрт свидетельствуют, по мнению А. Джикиева, о том, что среди жителей Огурджи были свои кибиточные мастера; они отмечены у населения этих районов и в последующие периоды ¹⁴.

Географическое положение поселений нижнего Узбоя близ побережья Каспия в его самом узком месте благоприятствовало развитию торговли с другими районами Прикаспия. Наиболее веским доказательством этого служит сходство нижеузбойских и бакинских средневековых керамических материалов. Вспомним также привлекавшее В. В. Бартольдом свидетельство Абу-л-гази о связи туркмен Мангышлака с Ширваном ¹⁵.

В связи с этим следует отметить, что в легендах огурджалинцев сохранились воспоминания о гибели у их берегов кораблей, приходивших с Кавказа ¹⁶ и других мест. Так, мазар Кара-баба на Аджамбе по преданию был построен из обломков корабля, пришедшего из Астрахани.

Для выяснения вопроса об этническом составе населения нижнего Узбоя в средневековье привлечем рассказ Абу-л-гази из «Родословной туркмен». Анализ сведений Абу-л-гази показывает, что жизнь на Узбое в средневековый период возобновляется к началу XIV—XV в. Сложение трех небольших «племен» (кара-ойли во главе с Кашга-Чора, дюеджи и частично салоров во главе с Огурджином) связывается с этим районом. Абу-л-гази сообщает, что золотоордынский хан Джаныбек переселил тридцать семей погонщиков верблюдов дюеджи в Балханские горы, так как эта местность считалась очень подходящей для разведения верблюдов ¹⁷. Жившие на Балхане туркмены после смерти Бердибека напали на дюеджи и захватили у них ханских верблюдов. Тогда дюеджи, которых голод заставил заняться рыбной ловлей, поселились возле кара-ойли, потомков Кашга-Чора. Таким образом, когда в середине XIV в. дюеджи переселились на нижний Узбой, там уже жили кара-ойли, потомки Кашга-Чора — четвертого сына раба Мама-Бике; Кашга-Чора в свое время тоже обосновался, пишет Абу-л-гази, на берегу реки Аму, близ Аджи-Тенгиза ¹⁸. Земля здесь была плохая, места, пригодного для посевов, не было ¹⁹.

Даже если кара-ойли появились на нижнем Узбое незадолго до дюеджи, то все равно это должно было произойти не позднее первой половины XIV в., так как дю-

¹¹ В. Н. Левиатов, Об археологических раскопках 1946 г. в Баку, стр. 80.

¹² Материалы хранятся в архиве Ин-та истории им. Ш. Батырова АН Туркм. ССР.

¹³ Н. Наджафова, Художественная керамика Азербайджана, Баку, 1964, стр. 38, рис. 37 и 39.

¹⁴ А. Джикиев, Указ. раб., стр. 21.

¹⁵ В. В. Бартольд, Мангышлак, статья для «Энциклопедии ислама», Соч., т. III, М., 1965, стр. 480.

¹⁶ А. Джикиев, Указ. раб., стр. 33.

¹⁷ А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-гази хана хивинского, М.—Л., 1958, стр. 77. Возможно, что это событие было связано с военными победами Джаныбека в Хорасане, см. «История Туркменской ССР», т. 1, кн. 1, Ашхабад, 1957, стр. 310.

¹⁸ В своем примечании к «Родословной туркмен» А. Г. Туманский высказывает предположение, что Аджи-Тенгиз — это Аральское море. Нам кажется, что Аджи-Тенгиз здесь, видимо, Аджи Яб-Боври, т. е. залив Каспийского моря на нижнем Аджамбе. См.: Абу-л-гази, Родословная туркмен, пер. А. Г. Туманского, Ашхабад, 1897.

¹⁹ А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 77.

еджи, по рассказу Абу-л-гази, переселились на нижний Узбой к середине XIV в. Он подчеркивает разноплеменность дюеджи, как и большинства этнических групп, образовавшихся в это время близ Узбоя. Спустя несколько лет дюеджи стали многочисленным племенем и вновь разбогатели, освоив места по Узбою от Актама до Огурчи²⁰.

В. В. Бартольд на основании сведений Абу-л-гази заключает, что среди дюеджи были и скотоводы, и земледельцы, которые платили хорезмскому хану десятую часть урожая и налог со стада²¹.

Г. П. Васильева высказывает предположение, что «кара-ейли (ойли — Х. Ю.), жившие среди тиведжи несколько поколений, видимо, в конце концов утратили свое племенное имя и стали называться по имени центра своего расселения Огурчи — огурджали; они-то, видимо, и составили ядро будущего огурджалинского племени, передав это имя объединившейся с ними в силу каких-то причин южной группе прибрежных туркмен-рыболовов. Тиведжи благодаря своей многочисленности сохранили родовое имя, хотя и вошли в состав огурджали. Часть скотоводов-тиведжи вошла, видимо, в состав иомудского подразделения, но поддерживала и сохраняла родственные связи с огурджалинскими тиведжи». Далее Г. П. Васильева отмечает «несомненную связь основной части современных огурджали с жителями средневекового поселения на Аджайбе»²².

Однако среди современных туркмен-огурджалинцев кара-ойли нет. Последние упоминания о них в связи с дельтой Узбоя мы встречаем у Абу-л-гази. Он пишет, что возглавляемые Халилом кара-ойли переселились к балханским эрсаринцам; они обращались к эрсаринским аксакалам и он-беги за разрешением использовать источники и голубятники на Малом и Большом Балхане²³. О дальнейшей судьбе кара-ойли в исторических источниках нет сведений. У Рашид ад-Дина (XIV в.) и Абу-л-гази встречаются данные о том, что кара-ойлинцы и сия-даг-сакары будто бы родственны.

Г. И. Карпов, ссылаясь на Абу-л-гази, пишет, что на среднем течении Аму-Дарьи али-элинцы жили вместе с сакарами — отделением сия-даг-сакары, которые раньше назывались кара-ойли-халиль. Они, по его словам, являются «потомками Кашка-Джора»²⁴. В наше время потомки кара-ойли (кара-эль, или кара-или) встречаются, как отмечает Г. И. Карпов, в низовьях Аму-Дарьи, в Хорасане и других местах.

Нам представляется возможным предположить, что кара-ойлинцы во главе с Халилом, поселившись на Балхане, влились в состав эрсаринцев. Сакары, входившие в XIV—XV вв. в состав эрсаринского союза на Балхане, непосредственно соприкасались с кара-ойлинцами. Живя длительное время в окружении сакаров, кара-ойлинцы потеряли свое родовое название и стали именоваться по названию места жительства (горы Балхан) кара-даг-сакары. Современные жители большого Балхана, часто говорят: горы Балхан-гара, гара-даг. В стихах Байрама-Шахира, собранных А. Оразтагановым, о горах Балхан сказано: горы Черные — гара Балкан-дагы²⁵.

После пересыхания Узбоя кара-ойлинцы вместе с эрсаринцами могли уйти на берега средней Аму-Дарьи. Сведения об их пребывании на средней Аму-Дарье мы и находим в источниках.

Сложнее обстоит дело с установлением даты появления на нижнем Узбое группы «Салора-Огурджика». Урочище Куня-Огурджа на нижнем Узбое у русла Аджайб на берегу Каспия нам известно с XIV в., когда оттуда в 1392 г. по приказанию Тимура были отправлены на судах вверх по Аму-Дарье взятые в плен владельцы Мазандерана²⁶. Может быть, возникновение на нижнем Узбое поселения Огурджа связано с сообщаемым Абу-л-гази историческим преданием о деятельности Салора-Огурджика²⁷. Он рассказывает, что большая группа салорских племен во главе с Дингли-беком переселилась из Хорасана в Ирак²⁸. Спустя много лет, в их среде появился благородный джигит по имени Огурджик. Поссорившись с ханом Байандыром, Огурджик с тысячей кибиток своих соплеменников и каркынов бежал из Ирака в Азербайджан (Шемаху), а оттуда в Крым. Отлучившись из Крыма через Нижнюю Волгу на Яик, он

²⁰ Абу-л-гази, Родословная туркмен, стр. 72; А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 77.

²¹ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, Соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 595.

²² Г. П. Васильева, Работы Туркменского этнографического отряда в 1954—1956 гг., «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. I, М., 1959, стр. 184.

²³ А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 77.

²⁴ Г. И. Карпов, К истории туркмен Али-или, «Сов. этнография», 1947, № 3, стр. 147—148.

²⁵ А. Оразтаганов, Избранные стихи Байрам Шахира, Ашхабад, 1961, стр. 52.

²⁶ В. В. Бартольд, Соч., т. III, М., 1965, стр. 178.

²⁷ А. Н. Кононов, Указ. раб., стр. 70—71.

²⁸ Возможно, здесь речь идет не об Ираке арабском, т. е. месопотамском, а об Ираке Аджамии, т. е. персидском, располагавшемся между иранским Азербайджаном и Тегераном.

некоторое время жил там по соседству с народом канглы. После того, как канглинский хан Кок-Тонлы захватил у него семьсот кибиток, Огурджик с тремястами оставшихся кибиток ушел на Мангышлак и оттуда — к Балхнским горам, где и укрылся²⁹. Последнее, возможно, является объяснением его прозвища Огурджик — «укрылся».

Абу-л-гази перечисляет потомков Салора-Огурджика до третьего колена и доводит их до Эрсари-бая (Берди, Кулхаджи, Эрсари-бай), который жил, как известно, в начале XIV в. Если основываться на этом факте, то деятельность Салора-Огурджика можно отнести к первой половине XIII в. Однако этому противоречит сообщение, что Салор-Огурджик поссорился с ханом байындыров, которые заняли в XIV—XV вв. в Малой Азии господствующее место³⁰. В работах В. В. Бартольда, А. Ю. Якубовского и В. М. Жирмунского, связанных с «Деде-Коркут», предпринимались попытки установить хронологические рамки деятельности легендарных огузских-туркменских героев. Относительно байондугов В. М. Жирмунский, в частности, пишет: «Рассказ о сватовстве Кан-Турали к дочери трапезунтского тагавора, т. е. правителя, сохранил историческое имя эмира Турали, родоначальника династии Байондугов ак-койунлу, который совершил в 1348 г. набег на Трапезунт»³¹. Самое имя Байондур-хана, как эпического властителя огузов, могло утвердиться, по мнению В. В. Бартольда и В. А. Гордлевского³², только в тот период истории огузов, когда племя байондур, из которого происходила правящая туркменская династия Белого барана, занимало господствующее положение среди огузских племен на Ближнем Востоке (с середины XIV до середины XV в.). «Байондур-хан не имел опоры в старой традиции огузского эпоса; у него нет не только своего эпического сюжета, но даже собственного имени (кроме племенного прозвища). Он выступает в «Книге Коркута» только в пассивной и безличной роли эпического монарха, при дворе которого собираются огузские богатыри. Возвысившись вместе со своим племенем, он вытеснил, в положении главы огузских витязей, более древнего Казан-хана из племени салоров, ставшего в «Книге Коркута» его зятем и старшим богатырем»³³. О родственных отношениях Байондур-хана с Салором-Казаном В. М. Жирмунский пишет следующее: «Чтобы связать обоих героев, стоящих в главе огузских богатырей, старого и нового, сказители сделали Казан-Бека зятем Байондур-Хана»³⁴. Все это противоречит отнесению деятельности Салора-Огурджика к XIII в.

При сельджукидах в Малой Азии еще не выдвинулось на историческую арену племя байондугов. В XIII в. район, где первоначально «сидел» Салор-Огурджик, принадлежал хулагидскому государству. Вряд ли при враждебном отношении между хулагидским и золотоордынским государствами могли туркмены Салора-Огурджика перейти границу. В XIV в. обстановка стала несколько иной. В этот период, как уже говорилось, на исторической арене появляется племя байондугов. Кроме того, к этому времени становится возможным передвижение Салора-Огурджика; в 1354 г. окончательно пала династия Хулагидов, а в 1357 г. Джаныбек после ряда войн овладел Азербайджаном³⁵. Таким образом, внешние условия для передвижения Салора-Огурджика по всей золотоордынской территории были созданы не ранее середины XIV в.

Попробуем сопоставить данные археологии, исторические источники и этнографические сведения (прежде всего легенды, связанные с происхождением племен). Археологические материалы свидетельствуют, что район Актама, Аджаиба и Келькора был заселен в XIV—XV вв., причем материальная культура (керамика актамского типа) обнаруживает исключительное сходство с одновременными комплексами средневекового Азербайджана района Баку (средневековый Ширван). Абу-л-гази, единственный из средневековых авторов, оставивший свидетельства о расселении племен на Узбое, говорит о племенах кара-ойли и дюеджи, живших на Актаме, Аджаибе и Келькоре. Отмеченная Абу-л-гази территория расселения дюеджи — от Актама до Огурчи — полностью совпадает с территорией распространения массовых находок и остатков посе-

²⁹ Согласно легенде о Салоре-Огурджике, приведенной у Абу-л-гази, А. А. Росляков относит деятельность Салора-Огурджика к концу XII в. См.: «История Туркменской ССР», т. I, кн. I, Ашхабад, 1957, стр. 318. Ссылаясь на Абу-л-гази, считавшего, что от Огурджика до настоящего времени (т. е. 1650—1651 гг.) прошло пятьсот — шестьсот лет, А. Джикиев (Указ. раб., стр. 17) весьма приблизительно относит эту миграцию туркмен-салоров к XI—XII вв.; А. Ю. Якубовский («Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.», Ашхабад, 1954, стр. 163) предполагал, что XIV—XV вв. — время странствия салорского племени.

³⁰ Время жизни Эрсари-бая относят к началу XIV в., см.: В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, Соч., т. II, ч. I, стр. 594.

³¹ «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос», М.—Л., 1962, стр. 143.
³² В. А. Гордлевский, Государство Сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, стр. 50. Там же (в примечании) упоминается мавзолей Байындыра и его сына.

³³ «Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос», стр. 143, 144.

³⁴ Там же, стр. 180.

³⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая орда и ее падение, М.—Л., 1950, стр. 264.

лений актамской культуры на нижнем Узбое. Это дает основание считать, что носителями этой культуры были, очевидно, дюеджи. Этнографические материалы позволяют несколько раскрыть и уточнить эту картину, в них мы находим объяснение прежде всего весьма интересному факту — связи населения нижнего Узоя с азербайджанским по материальной культуре, что нельзя считать следствием только торговых отношений. Нужно отметить, что более тесные связи по материальной культуре с Азербайджаном, чем с другими районами Средней Азии, ставят изучаемый нами район в исключительное положение среди всех других средневековых областей Средней Азии.

В связи с вопросом о происхождении названия поселения Куны-Огурджа и образования племени огурджали А. Джикиев приводит очень интересные предания. Старик-информаторы Челекена и Гасан-Кули рассказали ему, что предки дюеджи жили в Эбулхане (Балхане), но когда пришли калмыки, они перекочевали к берегам Атрека и Гюргена. Оставшаяся незначительная часть жителей Балхана — 20 семейств дюеджи, которые жили в бедности, не имели скота и, следовательно, возможности перекочевать, укрылась на одном из островов Каспийского моря. Население, окружавшее это племя, стало называть дюеджи «огрын жайлы» (т. е. имеющие скрытое место), «огурджа» от слова «огрынджай» — скрытое место³⁶.

Интересно истолкование этого рассказа А. Джикиевым. Если до сих пор происхождение названия местности и племени огурджали объяснялось как «воришка», «пират» и «разбойник», то теперь, по его мнению, можно предполагать, что не от племени произошло название местности, как раньше считалось, а племя получило название от местности. Далее он отмечает, что основание поселения или города Огурджа, расположенного первоначально на острове, находившемся вблизи берега, приписывается племени дюеджи³⁷. С другой стороны, ссылаясь на легенду Абу-л-гази о Салоре-Огурджике, А. Джикиев не исключает возможности, что с появлением людей Салора-Огурджика на Балхане и нижнем Узбое возникло соответствующее название местности (огурджа).

Ценные сведения содержит и приводимое А. Джикиевым предание о двух кузнецах (демирчи) из огурджи — Недиме и Герее. Они были сыновьями братьев, тоже кузнецов, Али и Вели. Их потомство образовало отдельные роды — недим и герей, живущие на юго-восточном побережье до настоящего времени³⁸. Это предание подтверждается обнаруженными в 1952 г. сотрудниками Хорезмской экспедиции в большом количестве фрагментами железных изделий и шлаков на Куны-Огурдже³⁹.

Далее А. Джикиев останавливается на этнической истории отдельных родов. Один из наиболее древних, вошедших в состав огурджалинцев, род герейли выделяется среди других по языку. К. Боде отмечал, что их язык занимает промежуточное положение между туркменским и азербайджанским языками⁴⁰. Ссылаясь на информаторов, А. Джикиев пишет, что герейли, живущие в Мазандеране и Астрабаде, — туркмены, говорящие на диалекте туркменского языка, очень близкого к языку прибрежных туркмен⁴¹. Следует отметить, что происхождение племени герейли А. А. Росляков⁴² и М. Е. Массон⁴³ связывают с монголами. Для нас особый интерес представляет огурджалинский род ширван. А. Джикиев сообщает, что и происхождение рода ширван население связывает с югом, а иногда более определенно — с местностью Ширван в Азербайджане⁴⁴. О происхождении этого рода он приводит два предания, одно из которых, наиболее полное и которому сам исследователь отдает предпочтение, представляет большой интерес.

Предание записано от Гумман Тувджана из Гасан-Кули, который рассказывал, что в старое время напротив берега, где жили шихи гара-баба, случилось кораблекрушение. Часть экипажа удалось спасти. Выяснили, что судно принадлежало племени ширван, жившему около Баку. Люди, которых спасли шихи, впоследствии обзавелись семьями и стали жить среди прибрежных туркмен. А. Джикиев отмечает, со слов Молладурды Хыдыргулы (из Гасан-Кули), что ширван нередко называли «Тагталы ширван» в смысле «ширзаны, прибывшие на плоту». По другим данным, предком ширван был человек по имени Али Ширван родом с Кавказского побережья, который затем породнился с махмутами. В отличие от других групп, ширван побережья целиком относят к «гул», т. е. к категории туркмен, происходящих от рабов⁴⁵. Ссылаясь

³⁶ А. Джикиев, Указ. раб., стр. 18—20.

³⁷ Там же, стр. 19.

³⁸ Там же, стр. 20.

³⁹ С. П. Толстов, Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг., стр. 87.

⁴⁰ К. Боде, Указ. раб., стр. 154; см. также А. Джикиев, Указ. раб., стр. 29.

⁴¹ А. Джикиев, Указ. раб., стр. 29.

⁴² «История Туркменской ССР», т. I, кн. I, стр. 377.

⁴³ М. Е. Массон, О происхождении некоторых каменных надгробников Южного Туркменистана, «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 50.

⁴⁴ А. Джикиев, Указ. раб., стр. 32—33.

⁴⁵ Там же, стр. 33.

на отсутствие письменных сведений о них, А. Джикиев предполагает, что «они действительно являются поздним элементом в составе огурджалинцев»⁴⁶.

Нам кажется, что рассказ отражает в легендарной форме происхождение той группы населения, которая, переселившись из района Баку на восточный берег Каспийского моря, могла принести с собой традиции материальной культуры Ширвана. Именно эта группа ширван могла принести на восточный берег Каспия азербайджанскую керамику, а здесь уже на нижнем Узбое наиболее крупная в это время группа — джеджи, вероятно, распространила эту керамику по всему нижнему Узбою (Актам, Аджайб и Келькор). События, описанные в рассказе, возможно, относятся к первой половине XIV в., когда жили на нижнем Узбое кара-ойли, до переселения сюда джеджи, так как спасшие корабль шихи гара-баба, возможно, были кара-ойлинцы. На основании археологических данных можно отнести появление рода ширван на нижнем Узбое к началу — середине XIV в.

Таким образом, уже в XIV в. создается объединение ряда различных по своему происхождению этнических групп — кара-ойли, джеджи, ширван, вероятно, герейли, недим и туркмен группы Салора-Огурджика, по разным историческим причинам оказавшихся на одной территории — на нижнем Узбое, положившее основу «племени» огурджали, имя которого, в свою очередь, происходит от названия одного из самых крупных, а может быть, и центрального поселения этого района — Огурджи (современная местность Куня-Огурджа). К началу XV в. существовали уже тесные связи огурджалинцев с туркменами Дихистана⁴⁷.

⁴⁶ А. Джикиев, Указ. раб., стр. 33.

⁴⁷ См. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. I, М.—Л., 1939, стр. 529—530.

И. К. Лукшайте

ОБ ОБЫЧАЕ ДВОЙНОГО ВЫКУПА ЗА ЖЕНЩИНУ ПО ЛИТОВСКОМУ ПРАВУ

Уже более полутора столетия внимание ученых привлекает обычное право, кодифицированное в Литовских Статутах 1529 г., 1566 г., 1588 г.¹

Как указывают сами составители, обычное право — это один из источников права статут². Почти до конца XIX в. в историко-правовой литературе шел спор в теоретическом плане об этнической принадлежности обычного права, отраженного в Литовских Статутах (Т. Чацкий, И. Данилавичус, В. А. Мацеевский, Ф. Пекосинский и др.). В конце XIX в. Н. Н. Максимейко³ и др. начали исследовательскую работу по источникам Литовских Статутов, сосредоточив внимание на связи русского обычного права с обычным правом Литовских Статутов. На необходимость дальнейшего исследования и локализации отдельных норм обычного права указывал И. Лаппо, автор исчерпывающего труда о Статуте 1588 г.⁴

Советские историки Ст. Борисенок, К. Яблонскис, В. Т. Пашуто, Ю. Юргинис, В. И. Пичета и др., изучавшие феодальное право Великого Литовского княжества, решая вопрос об этнической принадлежности обычного права, кодифицированного в Литовских Статутах, в теоретическом аспекте⁵, продолжали конкретное изучение некоторых норм старого литовского обычного права⁶. Началось исследование Судебника Прусов (Помезанской Правды) XIV—XV вв.⁷, который дает новый сравнительный материал для исследования литовского обычного права.

Нормы уголовного обычного права в Статутах Великого княжества Литовского 1528, 1566, 1588 гг., по которым за убийство или ранение женщины взыскивается двойное возмещение, по сравнению с выкупом за мужчину, привлекли внимание историков права. Н. А. Максимейко считал эти статьи характерными для старого русского обычного права⁸. В. А. Мацеевский полагал, что повышение платы за убийство женщины — специфическая черта славянского права⁹.

По мнению советских историков К. Яблонскиса¹⁰ и В. Т. Пашуто¹¹, статьи о возмещении за женщину Литовского Статута и Судебника Прусов являются характер-

¹ Статут 1529 г. цитируется по изданию: «Статут Великого княжества Литовского 1529 года», под ред. акад. К. Яблонскиса, Минск, 1960 (далее сокращенно «Статут 1529 г.»); Статут 1566 г. — по изданию «Статут Великого княжества Литовского 1566 г.», «Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских», т. 23, М., 1855 (далее сокращенно «Статут 1566 г.»); Статут 1588 г. — по изданию I. L a p p o, 1588 metų Lietuvos Statutas, t. II, Kaunas, 1938 (далее сокращенно — «Статут 1588 г.»).

² «Статут 1529 г.», I, 1 (римская цифра обозначает номер раздела, арабская — номер артикула), стр. 32; III, 14, стр. 52 и др.

³ Н. А. М а к с и м е й к о, Источники уголовных законов Литовского Статута, Киев, 1894.

⁴ I. L a p p o, Указ. раб., t. I, d. 1—2, Kaunas, 1934, 1936.

⁵ В. Т. П а ш у т о, Помезания. Помезанская правда, как исторический источник изучения общественного и политического строя Помезании XIII—XIX вв., М., 1955; «Lietuvių literatūros istorija», t. I, Vilnius, 1957; «Статут, 1529 г.».

⁶ Общую характеристику обычного права Великого Литовского княжества в начале XVI в. см.: Ст. Б о р и с е н о к, Звичаєве право Литовсько-руської держави на початку XVI ст., «Праці комісії для вивчення звичаєвого права України», вип. 3, Київ, 1928.

⁷ Р. П а к а к л і s, Kryžiuočių valstybės santvarkos bruožai, Kaunas, 1948; В. Т. П а ш у т о, Указ. раб.

⁸ Н. А. М а к с и м е й к о, Указ. раб., стр. 46—47.

⁹ «Правда Русская», т. II, под общей ред. акад. Б. Д. Грекова, М., 1947, комментарий к статье 16, стр. 319.

¹⁰ «Статут 1529 г.», словарь-комментарий, стр. 229—230; V. Ž u k a s, Prof. K. Jablonskio bibliografija, «Lietuvos TSR aukštųjų mokyklų mokslo darbai, Bibliotekininkystės ir bibliografijos klausimai», t. IV, Vilnius, 1961, psl. 170—171.

¹¹ В. Т. П а ш у т о, Указ. раб., стр. 83.

ными нормами литовского и древнепрусского права. Больше всех уделит внимание этому обычаю Ю. Юргинис, считавший эти статьи Статута нормами литовского обычного права, восходящими еще к родовому строю¹².

Цель этой статьи — попытаться ответить на вопрос, является ли обычай двойного выкупа за оскорбление, ранение и убийство женщины нормой древнего обычного литовского права или он заимствован у других народов Европы, в особенности соседних с Литвой. Делается попытка установить эволюцию обычая, начало его исчезновения и выявить некоторые причины продолжительного применения этой правовой нормы в судебной практике Литвы.

Обычай двойного возмещения за убийство или ранение женщины встречается не только в феодальном праве Литвы. Аналогичный обычай знали германцы; он зафиксирован также в Варварских Пrawdах VI—IX вв., которые писались в период возникновения и развития феодальных отношений. Правды алеманнов и баваров предусматривают двойное возмещение за убийство или ранение женщины¹³, хотя деятельность женщины как правоспособного лица ограничена: она обязательно должна иметь опекуна¹⁴. Саксонская Правда также требует двойного возмещения за «голову» девушки, а если женщина уже рожала, ее возмещение равно мужскому¹⁵. Еще больше дифференцировано возмещение в Правде Салических франков: за рожавшую женщину требуется трехкратное возмещение¹⁶, за девушку — в полтора раза больше, чем за убийство свободного франка¹⁷. В некоторых других Пrawdах, например, фризов, этот обычай не кодифицирован¹⁸.

Похожий обычай существовал и в Полице (в небольшой области Далмации на берегу Адриатического моря). По Полицкому Статуту требуется двойное возмещение за ранение женщины¹⁹. Хотя Статут Полицы отражает жизнь общества XV—XVII вв., ис, по словам Б. Д. Грекова, Полица — «замкнутая в горах», отгородившаяся от участия в политике сколько-нибудь значительного масштаба, она могла жить изолированно, сохранившись, по выражению Б. Леонтовича, как «поучительная для нас окаменелость»²⁰. Так что хронологически этот обычай можно отнести тоже ко временам возникновения и развития феодальных отношений.

В период зрелого феодализма в Западной Европе, а именно в немецких землях, этот обычай исчезает. Право XIII в. северных земель Германии отражает «Саксонское Зерцало». В § 2 статьи 45 третьей книги «Зерцала» читаем: «Жена имеет половинное возмещение и вергельд ее мужа. Девушка и незамужняя женщина имеют половинное возмещение согласно ее рождению (сословию)»²¹. То же находим и в «Швабском Зерцале» (XIII в.)²². В немецких городах XIII в. формировалось Магдебургское право; оно во многом опиралось на правовые нормы «Саксонского Зерцала», которые через Магдебургское право распространились в городах южной Германии, восточной Пруссии, Ливонии, Польши и др. Так что обычай двойного возмещения за ранение или убийство женщины в германском праве к XIII в. исчезает.

У народов Средней и Восточной Европы первые упоминания об исследуемом обычае появляются гораздо позднее, чем в Западной Европе. Впервые обычай кодифицируется в писаном праве прусских (балтийских) земель. В Судебнике Прусов XIV в. говорится: «Если мужчина ударит или ранит женщину, то возмещает ее двукратно, если женщина ударит или ранит мужчину, то возмещает его однократно». (арт. 81.)²³.

¹² J. Jurginis, Lietuvių šeima XIII—XIV amžiais, «Iš lietuvių kultūros istorijos», t. I, Vilnius, 1968, psl. 254.

¹³ K. Koranyi, Powszechna historia państwa i prawa, t. II, Średniowiecze, cz. I, Warszawa, 1963, str. 177.

¹⁴ Там же, стр. 176.

¹⁵ «Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», М., 1961, стр. 29.

¹⁶ «Салическая правда», М., 1950, XXIV, § 6, стр. 28.

¹⁷ Там же, XXIV, § 5, стр. 28.

¹⁸ Н. И в а н и ш е в, О плате за убийство в древнем русском и других славянских законодательствах в сравнении с германскою виурою, Киев, 1840, стр. 12—13.

¹⁹ Б. Д. Греков, Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв., М., 1951, стр. 233.

²⁰ Там же, стр. 8.

²¹ «Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», стр. 370.

²² Н. И в а н и ш е в, Указ. раб., стр. 13.

²³ Цит. по В. Т. Пашуто, Указ. раб., стр. 144—145. В. Т. Пашуто слово «schlett» переводит — «ударит», П. Пакарклис это слово переводит «убьет» (см. П. Пакарклис, Указ. раб., стр. 247). Точнее, по-видимому, переводить «ударит», так как для обозначения убийства в этом судебнике употребляются слова «todslagen, erslagen, zu tode slagen».

В. Т. Пашуто относит эту статью еще к праву пруссов дофеодалных времен²⁴. Но установить более или менее достоверную раннюю границу происхождения обычая пока что нельзя.

В землях пруссов исследуемый обычай существовал и в XV в., так как его кодифицирует и поздняя редакция судебника, возникшая между 1340 и 1433 гг.²⁵

Обычай двойного возмещения за ранение женщины является нормой древнепрусского обычного права. Хотя судебник составлен уже в поработанной тевтонскими рыцарями прусской земле, но влияние германского права в этом случае невероятно, так как в одновременных немецких судебныхниках в Саксонском и Швабском «Зерцалах» за женщину требуется половинное возмещение.

Право поляков, других соседей древних пруссов, отразилось во второй половине XIII в. в «Елблонской книге» или в «Древнейшем своде польского права»²⁶. В нем подобный обычай не кодифицирован. Нет его и в польском писаном праве вплоть до XVI в. По данным Б. Лесинского²⁷, один из судебных документов конца XIII в. указывал, что за убийство женщины и мужчины взымалась одинаковая «glówszczyzna», но в конце XIV в. в практике польского суда появляется специальный штраф «guszysa» за убийство женщины. «Ruszysa» шла в пользу королевы или правителя земли. В 1448 г. штраф «guszysa» отменен королевским указом (первое упоминание — 1370 г.)²⁸. Позже следы его встречаются еще в практике суда Санокской земли. К концу XV в., по-видимому, этот штраф совсем исчезает в Малой Польше, хотя в соседней с Пруссией земле — Мазовии повышенные штрафы за ранение женщины взымались еще и в XVI в.²⁹. По мнению Б. Лесинского, обычай платить «guszysi» существовал раньше, чем он впервые упоминается³⁰.

Итак, на территории Малой Польши встречаются следы обычая в тот же период времени, когда он существовал и у пруссов, но в Польше он не получает санкции верховной власти. У пруссов же, близких этнически литовцам, обычай был более ярко выражен — он становится нормой писаного права. Можно предполагать, что он сформировался в древней Пруссии без влияния польского права и является нормой древнепрусского обычного права в XIV—XV вв.

По имеющимся данным трудно установить, существовал ли интересующий нас обычай в XIV—XV вв. в литовских и латышских землях. В Литве он появляется в писаном праве в начале XVI в., но некоторые данные говорят о том, что он уже существовал раньше.

Судебник Казимира 1468 г.³¹, памятник писаного права в литовских землях, некодифицировал двойного возмещения за женщину, но судебник вообще не касается убийств и ранений.

По Литовскому Статуту 1529 г. «навязка» (возмещение потерпевшему за ранение, побои, оскорбление, ограбление) и «головщина» (выкуп за убийство человека) за женщину не шляхтянку взыскивается в двойном размере³², а о двойном возмещении за шляхтянку не упоминается. Может быть, в начале XVI в. шляхетское сословие не знало обычая двойного выкупа за ранение или убийство женщины. Третий артикул XII раздела Статута 1529 г. как будто говорит о равном возмещении за рану мужчине и женщине: «...тогда оный, который грабил, маеть то оправити ему якобы шляхтичу або шляхтянке рану, дванадцать рублей грошей»³³.

В Статуте 1566 г. возмещение за женщину обсуждается гораздо шире, чем в первом. Двойная «навязка» и «головщина» предусматривается уже и за женщин шляхетского сословия³⁴. То же самое соотношение размера женских и мужских «навязок» и «головщин» находим и в Статуте 1588 г.³⁵. Он признает двойное возмещение и за татарских женщин, проживающих в Великом Литовском княжестве³⁶.

²⁴ В. Т. Пашуто, Указ. раб., стр. 144—145.

²⁵ В. Т. Пашуто, Указ. раб., стр. 164—165.

²⁶ «Najstarszy zwód prawa polskiego», Warszawa, 1959; русский перевод см.:

Б. Д. Греков, Избранные труды, т. I, М., 1957.

²⁷ B. Lesiński, Stanowisko kobiety w polskim prawie ziemskim do połowy XV wieku, Wrocław, 1956, str. 164.

²⁸ I. Bardach, Historia państwa i prawa Polski do połowy XV wieku, t. I, Warszawa, 1964, str. 529.

²⁹ J. Rafacz, Zranienie w prawie mazowieckiem, późniejszego średniowiecza, «Studia nad historią prawa polskiego», t. XII, zesz. 4, Lwów, 1931, str. 81—83.

³⁰ B. Lesiński, Указ. раб., стр. 167.

³¹ «Kazimiero Teisynas (1468 m.)», Vilnius, 1967, psl. 6.

³² «Статут 1529 г.», XI, 4, стр. 115; XI, 1, стр. 114.

³³ Там же, XII, 3, стр. 120.

³⁴ «Статут 1566 г.», XI, 13, стр. 157; XII, 1; XII, 2, стр. 166; XII, 6, стр. 168.

³⁵ «Статут 1588 г.», XI, 27, стр. 409; XII, 3; XII, 4; XII, 5; XII, 6, стр. 447—449; XII, 10, стр. 452.

³⁶ «Статут 1566 г.», XII, 6, стр. 168; «Статут 1588 г.», XII, 10, стр. 452.

Характерно, что по Статуту 1588 г. определяется двойная «навязка» и «головщины» женщинам-горожанкам, которые жили как в городах, имевших Магдебургское право, так и не имевших его³⁷.

Статут 1566 г. определяет, что дела между шляхтичами и мещанами разбираются по праву подсудимого³⁸. Может быть, двойные «головщины» и «навязки» за женщин-мещанок требовались только в тех случаях, когда пострадавшая была мещанкой, а подсудимый — шляхтичем. Остается невыясненным, какого размера «головщины» и «навязки» определялись за женщин-мещанок в тех случаях, когда дело разбиралось по Магдебургскому праву.

В то же время в городах Польши за женщину взымалось половинное возмещение³⁹, как и по Саксонскому Зерцалу, хотя по земскому праву Польши эти штрафы за мужчину и женщину были одинаковы. В Литве XVI в. только за ранение и убийство бесемейной женщины-невольницы и женщины-шинкарки, какого бы происхождения она ни была, требовалось возмещение как и за мужчину⁴⁰.

В Литовских Статутах 1566 г. и 1588 г. размер «навязки», за редкими исключениями, обозначается рублями грошей, а размер «головщины» — копами грошей. Рубли — древнее коп, а исчисление копами грошей в Литве в документах встречается с середины XIV в. Исходя из того, что в XIV в. и в прусском обычном праве кодифицируется двойное возмещение за раны женщине, можно предполагать, что и в Литве обычай двойного возмещения за раны женщине древнее двойного возмещения за «голову». Кроме того, можно предполагать, что двойная «навязка» в Литве за женщину существовала уже в XIV в.

Начало исчезновения этого обычая в Литве помогают определить документы судебной практики (Статут оставался в силе до 1840 г., но не все нормы применялись вплоть до того времени). Судебные документы показывают, что в течение XVI и первой половины XVII в. исследуемые статьи применялись в практике без отклонений⁴¹.

Этнический состав Великого Литовского княжества был неоднородным, в связи с этим необходимо тщательно исследовать географическое распространение территории существования данного обычая. Ст. Борисенок установил, что отдельные земли княжества в случае недостаточности Статута могли опираться на нормы своего «тамошнего» обычного права⁴². Однако определить детально зоны распространения обычая внутри Великого Литовского княжества — задача дальнейшего изучения. Насколько можно судить по просмотренному материалу, двойной выкуп за женщину существовал в этнографической Литве, на территории действия Гродненского земского суда и Берестейского городского суда⁴³. В восточных землях Великого княжества Литовского, например в окрестностях Орши, в конце XVII в. возмещение за мужчину и женщину взымалось одинаковое⁴⁴.

К концу XVII в. в судах начинают назначать чаще двойные штрафы за тяжкие, повторные, жестокие преступления⁴⁵. Двойное же возмещение за женщину становится все меньше заметным. Можно предполагать, что исчезновение обычая следует искать в конце XVII и в начале XVIII в.

Возникает вопрос, существовал ли данный обычай на Руси, не заимствован ли он в литовском праве из обычного русского права?

В краткой редакции Русской Правды по этому поводу нет ни одной статьи. Статья 88 пространной редакции⁴⁶ гласит: «Аже кто убьет жену, то тем же судом судити, яко и мужа; аже будет виноват (а)⁴⁷, то полвиру, 20 гривен». Отсюда ясно,

³⁷ «Статут 1588 г.», XII, 6, стр. 448—449.

³⁸ «Статут 1566 г.», III, 27, стр. 56.

³⁹ J. Matuszewski, *Chlopska glówszczyzna cywilna w Polsce*, «Czasopismo Prawno-histeryczne», t. XVI, zes. 1, Warszawa, 1964, str. 197; Z. Kaczmarski, B. Leśnodorski, *Historia państwa i prawa Polski od połowy XV w. do r. 1795*, Warszawa, 1957, str. 190.

⁴⁰ «Статут 1529 г.», XI, 3, стр. 115; «Статут 1566 г.», XII, 1, стр. 166; «Статут 1588 г.», XII, 3, стр. 447—448; XII, 6, стр. 448—449.

⁴¹ Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею (далее АВК), т. XVII, Вильна, 1890, № 218, 1540 г., стр. 86—87, № 321, 1540 г., стр. 131; № 438, 1540 г., стр. 160—161; № 836, 1541 г., стр. 335; № 865, 1541 г., стр. 346; АВК, т. I, Вильна, 1865, гл. III, XIV, 1621 г., стр. 298—300; гл. III, X, 1617 г., стр. 286—288; т. VIII, Вильна, 1875, № 71, 1694 г., стр. 139—142.

⁴² Ст. Борисенок, Указ. раб., стр. 70.

⁴³ Там же, стр. 68.

⁴⁴ АВК, т. XV, Вильна, 1886, № 35, 1649 г., стр. 42.

⁴⁵ АВК, т. I, Вильна, 1865, гл. III, XVIII, 1646 г., стр. 309—317; гл. III, XXVIII, 1696 г., стр. 348—352, т. XV, Вильна, 1886, № 47, 1653 г., стр. 58—60; № 73, 1663 г., стр. 102—104.

⁴⁶ «Правда Русская», т. II, стр. 602.

⁴⁷ О чтении этой статьи см. там же, стр. 602—604.

что обычая двойного возмещения в Русской Правде нет⁴⁸. Статья 16 предусматривает возмещение за холопа 5 гривен, за «робу» — 6⁴⁹. Опираясь на эту статью, А. Мадеевский ошибочно считал повышение возмещения за женщину специфически славянским обычаем. Как мы видели, похожий обычай самостоятельно существовал у многих народов. Тем более, что в Русской Правде предусматривается очень небольшое повышение возмещения и оно касается только холопов.

Сомнительные следы двойного возмещения за раны женщине находим в другом документе: в договоре Новгорода с немцами 1188—1199 гг. пишется: «Оже пошибает мужеску жену либо дщерь, то князю 40 гривн ветхъми кунами а жене или мужское дщери 40 гривн ветхъми кунами»⁵⁰. Н. Максимейко⁵¹ вслед за Владимирским-Будановым⁵² слово «пошибает» переводит как удар или ранение. А. А. Зимин⁵³, М. М. Исаев⁵⁴ это место переводят как «насилие». В первом случае нужно было бы признать, что в Новгороде в XII в. был обычай двойного возмещения за раны женщине. Во втором мы имели бы статью об изнасиловании, штраф за которое, как и у многих народов, равен плате за «голову» мужчины.

Позже — в XVI в. — на территории России появляются более явные следы этого обычая: в Судебнике Ивана IV 1550 г.⁵⁵, в краткой и пространной редакции Судебника 1589 г. замужним женщинам различных сословий определяется двойное «бесчестие»⁵⁶. (В Судебнике 1497 г. двойного «бесчестия» женщинам не предусматривается). Русский термин «бесчестие» по содержанию близок к понятию «навязки» в Литовском Статуте — это возмещение не только за оскорбление словом, но и действием, например за грабеж, избиение⁵⁷. Из этого следует, что во второй половине XVI в. законодательством Русского государства кодифицируется двойное возмещение за раны женщине, которое не существовало на протяжении XIII—XV вв. Характерно, что статьи о «бесчестии» женам наиболее развиты в Судебнике 1589 г., приспособленном для Двинской области. В Судебнике, по мнению А. И. Копанева, отражаются многие нормы обычного права Устьяновских волостей и Двинской области⁵⁸, а первое упоминание, хотя и сомнительное, о двойном возмещении имеем в новгородских источниках. Может быть, повышенное возмещение за женщину было свойственно обычному праву северных областей России — Новгорода, Двинска.

В Польском королевстве в течение XVI в. возмещения за «голову» женщины и мужчины платятся одинаковые⁵⁹. Исключение составляло право Мазовии, где в XVI в. взимается «guzysa» не только за убийство, но и за ранение женщины⁶⁰. И если в предыдущем веке на территории Малой Польши «guzysa» взималась за убийство женщины — не шляхтянки, то в Мазовии — только за убийство шляхтянки и лиц, имеющих особую защиту⁶¹. Кроме того, один из Судебников Мазовии — Статут Горынского — упоминает о двойном возмещении за раны шляхтянке⁶², хотя такая норма не кодифицируется в ранее составленном Статуте Пражмовского. Таким образом, у юго-западных соседей Великого Литовского княжества — в Польском Королевстве в XVI в. фрагментарные следы обычая существуют только в наиболее близких Литве землях — Мазовии. После включения Мазовии в корону среди сохранных местных правовых норм (Ехсерта mazowieckie, 1676 г.) мазовшане не упоминают о двойном возмещении за женщину⁶³.

⁴⁸ Статьи 15, 17 «Пространной Русской Правды» определяют равную виру мужчине и женщине ремесленникам, «кормилицам», см. «Правда Русская», т. II, стр. 317—323.

⁴⁹ Там же, стр. 319.

⁵⁰ А. А. Зимин, Памятники Русского права, вып. II, М., 1953, стр. 125.

⁵¹ Н. А. Максимейко, Указ. раб., стр. 47.

⁵² М. Владимировский-Буданов, Хрестоматия по истории русского права, вып. I, ч. I, Ярославль, 1871, стр. 103.

⁵³ А. А. Зимин, Указ. раб., стр. 129.

⁵⁴ М. М. Исаев, Уголовное право Киевской Руси, «Ученые труды Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции СССР», вып. VIII, М., 1948, стр. 170.

⁵⁵ «Законодательные памятники Русского централизованного государства XV—XVII вв., Судебники XV—XVI веков». М. — Л., 1952, гл. II, ст. 26, стр. 148.

⁵⁶ Там же, Краткая ред. ст. 7, стр. 353—354; Пространная ред. ст. 41—61, стр. 381—384.

⁵⁷ Там же, стр. 462—463.

⁵⁸ Там же, стр. 9, комментарий к Судебнику 1589 г. А. И. Копанева, стр. 417—419, 434.

⁵⁹ J. Matyszewski, Указ. раб., стр. 198, 203.

⁶⁰ B. Lesiński, Указ. раб., стр. 166—167.

⁶¹ J. Rafacz, Указ. раб., стр. 51, 99.

⁶² Там же, стр. 81—82.

⁶³ «Volumina legum», t. II, Petersburg, 1859, str. 169—173.

Итак, среди народов Средней и Восточной Европы этот обычай наиболее ярко и детально отражается в праве Литвы и существует в продолжение XIV—XVII вв.

Материалы сравнения данных феодального уголовного права различных народов помогают определить некоторые мотивы происхождения этого обычая, который существовал долгие столетия.

Обычное и писаное право указывает на то, что женщина, во-первых, ценится как член семьи, как мать. В феодальном законодательстве многих народов Европы вообще охрана безопасности семьи и ее жилища играет важную роль, поэтому преступление, совершенное при вторжении в дом, считается более тяжким, оно карается строже, например: убийство при вторжении в жилище по Литовским Статутам карается смертной казнью и в добавок еще двойной «головщиной»⁶⁴, в крестьянском праве ливов, куршей и земгалов XIII в. (Ливония) — двумя озерингами больше, чем обычно⁶⁵, грабеж в жилых помещениях на территории Ливонии — смертной казнью⁶⁶; в Польше по Статутам Казимира Великого за убийство шляхтича дома — штраф 70, вне дома — 60⁶⁷; в Польше за ранение женщины в ее доме — четырехкратное возмещение⁶⁸.

Мотив более высокой оценки жизни женщины ярко выступает в дифференциации размера возмещения лицам женского пола в Салической Правде: за женщину-мать — трехкратное возмещение⁶⁹, за женщину, которая уже не может иметь детей, — однократное⁷⁰, за беременную женщину — в 3,5 раза выше, а если будущий ребенок окажется девочкой — в 12 раз выше, чем за мужчину⁷¹. В Литовских Статутах «головщина» не шляхтянки, которая мужа не имеет и не имела, равна «головшине» паробка — мужа⁷². А к женщинам, которые занимаются продажей алкогольных напитков, хотя они и происхождения шляхтынского, как говорилось выше, общее правило двойных возмещений не применяется⁷³. Эта статья не была мертвой буквой и применялась в судебной практике⁷⁴. Великого Литовского княжества.

Сходная статья была и в Польском праве: за женщин свободного поведения вообще не требовалось возмещения⁷⁵. По-видимому, считалось, что такие женщины не могут быть хорошими женами и матерями.

В законодательстве народов Восточной Европы есть много общего в оценке изнасилования, как преступления. Изнасилование по тяжести преступления приравнивается в денежной оценке убийству мужчины: в старом крестьянском праве ливов, куршей и земгалов (XIII в.) предусматривается смертная казнь⁷⁶, в Полоцком статуте — возмещение, равное «головшине» мужчины⁷⁷, в Магдебургском праве — за изнасилование, совершенное при взломе в дом, — смертная казнь⁷⁸, в Литовских Статутах за насилие над шляхтянкой — смертная казнь и «навязка»⁷⁹, на Руси в XII—XIII вв. единой кары нет: по договорам Новгорода с немцами 1189—1199 гг.⁸⁰ и Смоленска с Ригой 1230—1270 гг. установлена полная «вира», хотя по договору Смоленска с Ригой 1229 г. — «полвиры»⁸¹.

Оскорбление женщины также считается более тяжким преступлением, чем оскорбление мужчины, например, за обиду женщине по Литовским Статутам — двойное возмещение⁸²; в Польше по Статутам Казимира за ложное оскорбление шляхтича словами, что его мать распутница — полная головщина, как за убийство мужчины⁸³; на Руси в XII в. в Уставе князя Ярослава Владимировича обесчестие женщины словом

⁶⁴ «Статут 1588 г.», XI, 1, стр. 386—387.

⁶⁵ F. G. Bunge, Beiträge zur Kunde der liv-, esth- und curländischen Rechtsquellen, Riga und Dorpat, 1832, § 19, с. 87.

⁶⁶ В. Калныньш, Общественно-политический строй и право феодальной Латвии в XI—XVI веках, Рига, 1962, стр. 41.

⁶⁷ «Starodawne Prawa Polskiego pomniki», t. I, Warszawa, 1856, rozdz. III, CLVI, str. 165—167; rozdz. I, LXVIII, str. 94—96 (далее сокращенно SPPP).

⁶⁸ Б. Д. Греков, Указ. раб., стр. 233.

⁶⁹ «Салическая правда», XXIV, § 6, стр. 28.

⁷⁰ Там же, XXIV, § 7, стр. 28.

⁷¹ Там же, I капитулярный Хлодвиг, § 8, стр. 62.

⁷² «Статут 1588 г.», XII, 3, стр. 447—448; «Статут 1529 г.», XI, 3, стр. 115.

⁷³ «Статут 1588 г.», XII, 6, стр. 448—449.

⁷⁴ АВК, т. I, гл. III, X, 1617 г., стр. 286—288.

⁷⁵ I. B a g d a c h, Указ. раб., стр. 324.

⁷⁶ F. G. Bunge, Указ. раб., § 13, стр. 86.

⁷⁷ Б. Д. Греков, Указ. раб., § 110, стр. 291.

⁷⁸ «Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы», § 13, стр. 391.

⁷⁹ «Статут 1588 г.», XI, 12, стр. 396—397.

⁸⁰ А. А. Зимин, Указ. раб., ст. 7, стр. 125.

⁸¹ Там же, ст. 23, стр. 75; ст. 12, стр. 62.

⁸² «Статут 1588 г.», XI, 27, стр. 409—411.

⁸³ SPPP, t. I, rozdz. I, LXXXIV, str. 112—113.

приравнивается к бесечеству действием⁸⁴. А в XVI в. женщинам по судебникам 1550 г., 1589 г., как говорилось выше, платится двойное «бесечствие».

Обычай двойного возмещения за оскорбление, ранение или убийство женщины имеет связь с гражданской оценкой крепостной женщины. В Литве невольная девушка при продаже оценивается дороже мужчины⁸⁵ (хотя «головщина» за нее равна «головщине» за мужа). Дворяне были заинтересованы, чтобы крепостные жили семьями. Об этой заинтересованности свидетельствует выделяемая феодалами «банда» — как приданое невольной девушке⁸⁶. В Великом Литовском княжестве, по сравнению с Польшей, на это обращалось, видимо, большее внимание: в Литовском Статуте 1529 г. гражданская «головщина» (штраф за захват крепостного) за женщину определяется вдвое выше, чем за крепостного мужчину⁸⁷, но вдвое выше оценивается не стоимость физической работы женщины, потому что за летнюю работу взятой в закупы женщине платилось меньше, чем мужчине⁸⁸. Видимо, высоко ценилась работа и роль женщины в семье, в хозяйстве. «Голова» именно невольной женщины оценивается повышено в Русской Правде (за смерд и холоп — 5 гривен, за «робу» — 6)⁸⁹; в Грузии XIII—XIV вв. за похищенную служанку платится двойное «сисхли» (плата за «голову») слуги⁹⁰. В Польше в XVI в. гражданская «głowszczyzna» за женщину и мужчину по размерам определяется одинаково, а в первой половине XVII в. за женщину платится уже наполовину меньше чем за мужчину⁹¹.

Следовательно, один из главных мотивов живучести обычая усиленной охраны жизни, здоровья и чести женщины — это оценка ее особой роли в семье, как матери и как хозяйки⁹². Возможно, что долгое существование обычая в Литве объясняется еще и тем, что в государстве, воевавшем непрерывно двести лет с немецкими орденами, охрана семьи, ее жилища, женщины-матери должна была быть очень важным моментом в обычном праве. Затем, несмотря на изменения в жизни общества в XVI—XVII вв., обычай двойного возмещения за оскорбление, ранение или убийство женщины продолжал существовать ввиду той роли, которую играла семья крепостного в хозяйстве дворянина.

Обычай двойного или вообще высшего возмещения за оскорбление, ранение и убийство женщины знали многие народы Европы. В писаном праве народов Западной Европы он зафиксирован в VI—IX вв. в период раннего феодализма. В судебныхниках народов Средней и Восточной Европы он появляется гораздо позже — в XIV—XVII вв. Некоторые его следы заметны в Малой Польше, Мазовии и северных областях Русского государства, но наиболее ярко он выражен в праве балтов — у древних пруссов и литовцев. Можно предполагать, что этот обычай формировался в обычном праве у разных народов не путем влияний, а самостоятельно на определенном этапе развития общества. Вероятно, обычай двойного выкупа за женщину является нормой обычного права древних пруссов и литовцев. Когда именно он формировался, судить трудно по данным писаного права, так как письменные источники в Литве появились довольно поздно. Главная причина долгого существования этого обычая в Литве — важная роль женщины в жизни семьи и в феодальном хозяйстве и длительные войны Литовского государства с немецкими орденами.

⁸⁴ А. А. Зимин, Указ. раб., вып. I, М., 1952, ст. 2, стр. 259; ст. 28, стр. 269.

⁸⁵ АВК, т. XXVI, Вильна, 1900, № 67, стр. 162—163.

⁸⁶ J. Jurginis, Patriarchaliniai vergai Lietuvoje, «Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai», serija A, t. VIII, Vilnius, 1960, psl. 81—85.

⁸⁷ «Статут 1529 г.», XII, 6, стр. 121.

⁸⁸ Там же, XI, 7, стр. 116.

⁸⁹ «Правда Русская», т. II, ст. 16, стр. 319.

⁹⁰ «Судебник Бека и Аргуга», Тбилиси, 1960, ст. 24, стр. 43.

⁹¹ J. Matuszewski, Указ. раб., стр. 197—198.

⁹² D. Butėnas, Rykūnė, «Iš lietuvių kultūros istorijos», t. I, Vilnius, 1958.

П. В. Линтур

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ В ЗАКАРПАТЬЕ

Советское Закарпатье за прошедшие двадцать с лишним лет сделало огромный шаг вперед в развитии материальной и духовной культуры населения. Села и деревни стали неузнаваемы. Не только в плодородных долинах Тиссы и ее правых притоков, но и на Верховине курные избы под соломенной крышей сменились домами городского типа, появились благоустроенные улицы, светлые и просторные кирпичные здания школ, сельсоветов, клубов, сельмагов, чайных и столовых. Коренным образом изменился домашний быт. Железные плиты и кафельные печи вытеснили старинные праславянские печи, современная мебель — самодельные нары, лавицы, лады, столы. Нет уже допотопной глиняной и деревянной посуды. «Токан» (мамалыга), «ошпиок» (овсяные лепешки), твердый, как камень, кукурузный хлеб, являвшиеся почти единственной пищей крестьянина, отошли в область преданий.

Подлинная революция произошла и в культурной жизни Закарпатья. Край, где вплоть до первой мировой войны не было иной интеллигенции, кроме церковной (приходские священники, монахи, дячки), где накануне второй мировой войны работали всего четыре гимназии, две учительские семинарии, один торговый техникум и десяток «горожанских» школ, покрылся густой сетью учебных заведений. По данным 1965 г. в Закарпатье насчитывается 281 начальная, 349 восьмилетних, 125 средних, 12 специальных средних школ¹. Университет в Ужгороде имеет уже 11 факультетов, 10 000 студентов, 500 преподавателей.

Закарпатье представляет исключительный интерес как объект исследования для историков, этнографов, языковедов, литературоведов и, конечно, фольклористов, которые найдут здесь ценный материал.

На обширной территории, заселенной славянами (от Адриатического моря до Тихого океана), есть области, отличающиеся особым богатством устного творчества: Македония, Прикарпатье, Силезия, Полесье. Для историко-сравнительного изучения они очень интересны, так как тут скрещиваются фольклорные традиции нескольких славянских народов.

Смежную этнографическую полосу образует большой Карпатский полукруг от Высоких Татр до Трансильванских гор. Польские, украинские, чехословацкие и другие ученые уделили особое внимание этой местности, отметив богатство и разнообразие устного творчества населяющих ее народов.

Одна часть этого Карпатского полукруга — Закарпатье — граничит на северо-западе с Польшей, на западе — с Чехословакией, на юге — с Венгрией и на юго-востоке — с Румынией. В Закарпатье вперемешку с украинским населением жило немецкое, местами болгарское и сербохорватское (колонисты), значителен процент евреев и цыган.

Отнесенные в дремучие леса и высокие недоступные горы закарпатские украинцы сохранили элементы праславянской культуры, анимистические верования, космогонические сказания, заговоры-заклинания, календарные и семейно-бытовые обряды и песни, волшебные сказки, старинные предания, ляро-эпические песни и другие жанры устного творчества. Чужеземные власти стремились убить в них сознание нерасторжимого единства с единокровными братьями на Востоке, однако русины² упорно сопротивлялись всем попыткам денационализации и хранили свою народную культуру.

Закарпатье до 1945 г. было, несомненно, самым отсталым уголком Центральной Европы, но вследствие своей изолированности лучше других украинских областей сохранило фольклорные традиции Киевской Руси.

Когда весной 1939 г. после развала буржуазной Чехословакии венгерские захватчики вторично оккупировали Закарпатье, установив режим неслыханного террора, жестоко преследуя всякое проявление симпатий к Советскому Союзу, народ в самозащите стал еще больше любить свое устно-поэтическое творчество.

¹ Статзвіт Закарпатського облвню, ф-РВК, № 75 за 1964/65 начв. рік.

² Закарпатцы до сих пор называют себя этим древнерусским именем.

Нам довелось прожить четыре тревожных года (1940—1944) в селах Хустского и Мукачевского районов и наблюдать необыкновенное оживление устного творчества, определенное возрождение опришковского эпоса. Старинные песни и сказания о народных мстителях — Пинте, Доббуше, Шугае — зазвучали по-новому, в них послышались злободневные призывы к борьбе с немецкими фашистами. Даже обстановка волшебных сказок с их бессмертными героями, которые побеждают страшных чудовищ, многоголовых змей и драконов, становилась понятнее, ближе и перекликалась с современными событиями.

Кроме этих произведений, нам удалось записать также народные заговоры-заклинания и так называемые «ложные» молитвы. Записи проводились в нескольких селах, но особенно плодотворно — в с. Горонда Мукачевского района, уроженцем которого я являюсь и в с. Нанково Хустского района, — родном селе жены.

Заговоры-заклинания, этот древнейший жанр устного творчества, отмирал уже тогда (1940—1944). Теперь он исчез почти полностью. Только в 1958 г. в с. Макарево Мукачевского района старик «ветеринарий», как его называли, Иван Иванович Лазар, а в 1962 г. в с. Синевир Межгорского района — 76-летний Василий Михайлович Дебель сообщили мне несколько заклинательных формул (против укуса змеи, против «жабы» — опухоль на языке, против «жовны» — нарыв на челюсти). Оба старика, побывав на ветеринарных курсах, работают теперь колхозными ветеринарами, но раньше они были знахарями, «баяли», «помогали худоби». В. М. Дебель охотно продиктовал мне заклинательные формулы, не считая их секретом. Однако чистосердечно признался, что, делая операции, он еще и теперь шепотом читает заклинания, и уверял, что это помогает делу.

Календарная и семейно-бытовая обрядовая поэзия Закарпаття — яркий показатель крепких исторических связей русинов с Киевской Русью. Угорская Русь, захваченная в начале XI в. венгерскими феодалами, а до этого входившая в политические рамки Киевского государства³, сберегла древнюю восточнославянскую культуру. В ее обрядовой поэзии, оказавшейся наиболее консервативным жанром устного творчества, отчетливо прослеживаются элементы этой культуры. Колядные обряды и песни, свадебные обряды и песни, похоронные обряды и причитания — древнейший пласт закарпатского фольклора, образовавшийся в период формирования древнерусской народности.

Советские ученые правильно подчеркивают историческое значение былинного эпоса как величественного памятника древней Руси, созданного народным гением всех восточных славян. Но очень неопределенно и редко они говорят о другом, не менее ценном памятнике — обрядовой поэзии, которая является творчеством действительно всех восточнославянских племен, отличается высокими литературно-эстетическими достоинствами и как культурно-исторический первоисточник не уступает героическому эпосу.

О циклах календарной и семейно-бытовой обрядовой поэзии написано много трудов (А. Веселовский, А. Потебня и др.), однако ее мало изучали с точки зрения этногенеза восточных славян, как памятник той эпохи, когда восточнославянские племена составляли этническую общность.

Не приходится оспаривать факт постепенного «потухания» обрядовой поэзии в Советском Закарпатье. Процесс этот начался задолго до воссоединения с Советской Украиной (1945 г.), но в последнее время проходит ускоренным темпом. Главная причина этого — в быстром и широком распространении народного образования и просвещения, в приобщении широких масс крестьянства к науке и культуре. Некоторые циклы календарной обрядовой поэзии — весенний, летний и осенний — начали отмирать еще в эпоху разложения феодально-крепостнических отношений, о чем говорит слабое отражение их в фольклорных сборниках второй половины XIX в. Все же в горных районах они сохранились (правда, в обломках) вплоть до второй мировой войны. В наши дни они полностью исчезли.

Из видов семейно-бытовой поэзии исчезли также крестильные обряды и песни. До наших дней сохранились колядные и свадебные обряды и песни, похоронные обряды и причитания. В 1940—1965 годах нами записано около 200 новых вариантов старинных колядных песен⁴, три десятка вариантов народной свадьбы и серия похоронных обычаев. Эта поэзия лучше сохранилась в горных селениях, например, на Верховине и в Мармароше⁵, а в равнинных — в окрестностях Ужгорода, Мукачева и Берегова ее уже почти нет. Коляду вытесняет праздник новогодней елки, который проник в дома не только интеллигенции, но и колхозников и рабочих. Старинный свадебный обряд заменяется комсомольской свадьбой.

Вымирание календарной и семейно-бытовой обрядовой поэзии органически связано с изменением народного мировоззрения и мировосприятия. С того момента, как кре-

³ М. М. Лелекач, Про принадлежність Закарпаття до Київської Русі в X—XI ст. ст., «Наукові записки УжДУ», № II, історико-філологічна серія, Ужгород, 1949.

⁴ Часть этих записей опубликована, см. П. В. Линтур, Угро-русские коляды, Ужгород, 1942.

⁵ Мармораш — восточные районы области.

стынний-хлебороб потерял веру в магический смысл обрядов, наступает их разрушение. Сегодня не только молодежь, получившая воспитание при Советской власти, но даже люди среднего возраста не понимают сельскохозяйственного значения календарных и семейно-бытовых обрядов, поэтому легко забывают их. Справлять свадьбу «по-старому» теперь считается признаком культурной отсталости.

Закарпатский фольклор своеобразен и богат жанрами. Одной из самых больших его ценностей являются сказки и легенды. Еще Владимир Гнатюк восхищался талантливостью и широким диапазоном местных сказочников и выделял среди них таких первоклассных мастеров как Михайло Пустай из с. Збуй (Пряшевщина), Михайло Фотул из с. Строино и Микола Порць из с. Дусино Свалявского района, Осиф Кулич и Иври Фаркаш из с. Куцура Бач-Бодрогского комитета (ныне Югославия) и др. В его шеститомных «Этнографических материалах из Угорской Руси»⁶ сказки и легенды составляют 90% текстов.

Наши записи сделаны через 50—70 лет после Гнатюка и показывают современное состояние сказочной традиции Закарпатья.

В высшей степени интересно сравнивать сказки В. Гнатюка, записанные им в 1896 г., с новыми вариантами, записанными в 1950—1965 гг., и изучать изменения, которые произошли в тексте, сюжете, отдельных мотивах, в композиции, идейном содержании и художественной форме. Мы пошли буквально по следам выдающегося украинского фольклориста и стремились собрать материал в тех же селах от сыновей и внуков тех же сказочников. И теперь можем сопоставить те же сюжеты в исполнении отцов — народных мастеров прошлого века и их детей⁷. Живой интерес к народной сказке питают и дети, и взрослые. Сказка в Советском Закарпатье живет полнокровной жизнью.

Приступая к сбору сказочного материала, мы ставили перед собой две основные задачи: 1) записать сказочный репертуар одного села и 2) выявить сказочный репертуар области.

Типичным закарпатским селом является, на наш взгляд, Горинчево — большое село Хрустского района, расположенное в узкой долине Реки — правого притока Тиссы. Записывать горинчевских сказочников мы начали еще в 1945 г. во время приезда в Закарпатье комплексной фольклорной экспедиции под руководством П. Г. Богатырева. В течение 15 лет удалось выявить семь очень одаренных и несколько рядовых сказочников и записать их репертуар. Всего в Горинчеве записано 300 текстов (с вариантами). При этом от Андрея Калина записано 120 сказочных сюжетов; от Юры Тегза-Порадюка — 30, от Томи Плешинца — 35, от Ивана Дилинко — 15, от Юры Ревты — 40, от Василя Холода — 50.

В возрастном отношении горинчевские сказочники делятся: на старшее поколение (65—80 лет) — Митро Петрик, Юра Тегза-Порадюк, Юра Ревть, Иван Дилинко; среднее (40—60 лет) — Тома Плешинец, Андрей Калин, Михайло Шовак и др. и на младшее поколение (30—40 лет) — Юра Митрович, Василь Холод, Василь Петрик — сын, Андрей Калин — сын, Анна Плешинец — дочка, и др.

Среди них выделяется талантливый сказочник Андрей Калин, получивший известность далеко за пределами своей области⁸.

В беседе с нами А. Калин назвал своих «учителей» — тех местных сказочников, у которых он в детстве учился искусству слова. Это — Юра Тегза-Порадюк, Митро Петрик, Юра Ревть, Иван Дилинко. Работая с Калиным, мы одновременно записывали и их репертуар. Позже мы записали сотню текстов от сверстников А. Калина (Т. Плешинца, М. Шовака и др.) и от младшего поколения горинчевских сказочников (Юры Митровича, Василя Холода, Василя Петрика — сына, Андрея Калина — сына и др.).

В результате кропотливой собирательской работы предоставилась возможность проследить историческую жизнь сказки в одном и том же населенном пункте в устах трех поколений. Изучение сказочного репертуара одного села позволяет поставить следующие важные вопросы: 1. Как передаются сказочные сюжеты от поколения к поко-

⁶ «Етнографічні матеріали з Угорської Русі, зібрав Володимир Гнатюк», тт. I—VI, Львов, 1898, 1898, 1900, 1909, 1910, 1911.

⁷ Важную проблему традиции и новаторства мы поднимали в прежних своих работах, анализируя творчество таких мастеров как Андрей Калин и Михайло Галица. П. Линтур, Закарпатский сказочник А. Калин. К проблеме традиции и новаторства в устном народном творчестве, «Наукові Записки УжДУ», т. XXIV, Ужгород, 1957, стр. 45—73; Сб. «Казки зелених гір», вступительная статья «Казкар Михайло Галиця», Ужгород, 1965.

⁸ Сказки А. Калина много раз публиковались на украинском, русском и чешском языках: «Закарпатські казки А. Калина», Ужгород, 1955 (тот же сб. вышел на русском языке в 1957 г.); «Мастер Иванко», М., 1960; «Казакі Верховини», Ужгород, 1960 (тот же сб. вышел и на русском яз.). О творчестве А. Калина есть серия критических статей: см. «Zakarpatské pohádky Andrija Kalyna, uspořádal P. Lintur», Praha, 1958; рецензия Комаровского в ж. «Slovensky narodopis», VI (1958), № 5.

лению и какие изменения происходят при этом в композиции, стиле, образной системе сказки. 2. Сколько бытует в одном селе неповторяющихся сюжетов и какие наиболее распространены. 3. Какие сказочные жанры преобладают. 4. Сколько талантливых мастеров. 5. Каково отношение выдающихся мастеров к традиции. 6. В чем проявляется личное начало, импровизаторский дар сказочника. 7. Как отражается в сказке мировоззрение сказочника и среды. 8. Как сказочник реагирует на окружающую его действительность. 9. Как создается композиция сказки. 10. Как создаются образы, и др.

Конечно, 300 текстов, записанных нами в Горинчеве, не исчерпывают весь сказочный репертуар этого села. Однако можно все же говорить о сравнительной полноте охвата материала, позволяющей судить о сказочной традиции села.

Если нелегко полностью исчерпать репертуар одного села, то гораздо труднее сделать это по отношению к району и целой области. Поставленная нами задача — записать сказочный репертуар Закарпатской области — под силу только коллективу фольклористов. Большую помощь в этом оказывают студенты-филологи Ужгородского университета. Некоторые из них, в первую очередь местные уроженцы, хорошо знающие диалект родного села и обстановку, в своих работах (курсовых, дипломных) дают весьма качественный материал. А с 1960 г., после введения в вузах фольклорной практики, студенты в конце первого курса выезжают в районы для записи фольклора. В итоге шестью такими экспедициями, в которых обычно принимает участие 40—45 человек, были охвачены почти все районы области. И теперь мы имеем конкретное представление о современном состоянии устной традиции и о новых процессах в фольклоре Советского Закарпатья.

Вот данные по собиранию и предварительной систематизации сказочного творчества всей области. Охвачены все 13 районов Закарпатья. Записано свыше 1500 текстов. В Хустском районе — 344, Иршавском — 250, Мукачевском — 160, Перечинском — 124, Тячевском — 110, Виноградковском — 110, Свалявском — 90, Межгорском — 75, Раховском — 73, Велико-Березнянском — 72, в остальных меньше.

Сказочников выявлено около 80. Среди них отличаются широким диапазоном, богатством и разнообразием репертуара, мастерством исполнения, композиции и созданием живого образа 20 крупнейших мастеров, репертуар которых мы записали. Это четыре вышеупомянутых горинчевских мастера (А. Калин, Ю. Тегза-Порадюк, Т. Плешинец и И. Дилинко), а также Михайло Галица⁹ из с. Дулово Тячевского р-на — 35 сюжетов; Василь Королович из с. Страбичево Мукачевского р-на — 73; Федор Кость-Скубенич из с. Турья-Ремета Перечинского р-на — 50; Василь Заяц из с. Черный Поток Иршавского р-на — 45; Анна Васыко из с. Заречье Иршавского р-на — 40; Иван Ильтьо из с. Доробратово Мукачевского р-на — 60; Андрей Грига из с. Керещки, Свалявского р-на — 35; Иван Мориляк из с. Плоское Свалявского р-на — 40; Юра Гебриян из с. Люта Вел. Березнянского р-на — 31; Иван Лазарь из с. Макарево Мукачевского р-на — 40; Михайло Гандера из с. Сирма Виноградковского р-на — 30; Иван Теличка из с. Репинное Межгорского р-на — 25; Иван Костюк из с. Черная Тиса Раховского р-на — 35; Василь Шельма из с. Заречье Иршавского р-на — 35; Василь Феер из с. Широке Виноградковского р-на — 55 и Анна Суханич из с. Раков Перечинского р-на — 20 сюжетов.

Большой интерес представляют творческие биографии сказочников. Это — живая история края, его многострадального населения. Эти биографии также приоткрывают дверь в мастерскую народного художника. Так, старейший из горинчевских сказочников Митро Петрик в 1914 г. при наступлении русских войск на Львов попал в плен и пять лет работал в Омской губернии. Здесь он слушал сказки сибирских сказочников и усвоил их репертуар, между прочим, сюжет о Еруслане Лазаревиче, до сих пор не зафиксированный на Правобережной Украине. Земляк Петрика Юра Ревть находился в русском плену в Полтавской губернии и слушал украинских сказочников. Тома Плешинец жил на Кавказе. Иван Ильтьо попал на Байкал и в Иркутске встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию; после окончания гражданской войны он добирался домой через Суэцкий канал вокруг Азии.

Учитель Калина — Юра Тегза провел молодость в Боснии и Герцеговине, где работал на лесозаготовках и слушал балканские сказки и юнацкие песни. Он рассказывал о Королевиче Марко. Иршавский сказочник Михаил Фельдан во время первой мировой войны очутился в Турции, побывал в Малой Азии, Сирии, Палестине и Египте. Длинный жизненный путь прошел тячевский сказочник Михаил Галица, поразивший нас своим широким кругозором, огромным житейским опытом, обширными познаниями. Галица с 13 лет скитался по миру в поисках куска хлеба. Провел несколько лет в лесах и горах Польши и Галиции, работал на железной дороге в Боснии (здесь он усвоил южнославянские сюжеты), в угольных шахтах в Америке. В 1914 г. его мобилизовали в австрийскую армию и как профессионального рабочего-шахтера отпра-

⁹ Сказки Галицы вышли отдельным сборником: «Казки зеленых гір. Записі текстів П. Лінтура», Ужгород, 1965.

вили в город Шалготарьян. Здесь он подружился с венгерскими рабочими и, когда вспыхнула венгерская революция 1919 г., принял в ней активное участие. После воссоединения Закарпатья с Советской Украиной он 10 лет работал на строительстве Рикско-Тереблянской ГЭС. Галица знает десяток языков.

Репертуар названных сказочников различен. Андрей Калин, Михаил Галица, Василь Королович, Василь Заяц, Юра Тегза-Пораджок — сказочники-универсалы, рассказывающие с одинаковым мастерством волшебные, легендарные, новеллистические сказки, исторические предания и т. д. Иван Дилинко, Анна Васыко, Василина Турок — сказочники-эпики, рисующие широкую эпическую картину. Юра Гебриян, Иван Лазарь, Тома Плешинец, Василь Феер — мастера сатирического жанра, чувствующие себя свободно в социально-бытовой и анекдотической сказке. Федор Кость-Скубенич предпочитает сюжеты с философским нравоучительным уклоном. А Иван Ильтьо выделяется в жанре исторического предания и реалистического рассказа.

Изучение собранного материала будет способствовать решению таких важнейших проблем как исторические связи закарпатской сказки с общеукраинской и русской, творчества Закарпатья с западнославянским и южнославянским фольклором (западнославянские мотивы звучат в репертуаре сказочников Ю. Гебрияна, Ф. Кость-Скубенича, А. Суханича, т. е. сказочников, живущих на словачкой этнографической границе, южнославянские мотивы встречаются в творчестве М. Галицы и Ю. Тегзы, побывавших в Боснии и Герцеговине); фольклорных связей Закарпатья с Венгрией (некоторые сказочники, такие как Василь Королевич и Михайло Гандера, выросшие в селах на венгерской этнографической границе, рассказывают на двух языках); украинско-румынских фольклорных связей, проблеме традиции и импровизаторства и т. п.

Анализируя репертуар современных сказочников Закарпатья, мы приходим к выводу, что в фольклоре совершается непрерывный творческий процесс. Одаренный сказочник не повторяет старого сюжета, но по-своему осмысляет его идейное содержание, строит композицию и создает образы. Механически повторяя традицию сказочники-ремесленники, лишенные поэтического дарования. Буржуазные и некоторые советские ученые допускают грубейшую ошибку, строя свои выводы на основании записей от подобных ремесленников. Гонясь за количеством, исходными сюжетами и параллелями, они фактически занимаются статистикой и игнорируют творческую личность народного сказочника. Отрицание творческой индивидуальности народного мастера порождает формалистический подход к фольклору, состоящий в том, что собиратель записывает все, что попадает ему под руку, а исследователь без разбора изучает эти сомнительные материалы.

Итак, широкое бытование народной сказки и легенды, наблюдаемое нами во всех селах и районах области, выявление большого числа талантливых мастеров старшего и младшего возраста, запись полторы тысячи текстов, повышенный интерес слушателей к исполнению сказки — все это утверждает нас в мысли, что в Закарпатье и сейчас народная сказка живет полнокровной жизнью.

Предпринимая фольклорные экспедиции — индивидуальные и коллективные — в различные районы Закарпатья, мы ставили перед собой задачу проверить бытование и эпической песни на современном этапе ее исторического развития.

Как известно, в средневропейских странах героический эпос не сохранился. Зато здесь были записаны в большом количестве лиро-эпические жанры — баллады и исторические песни. Балладные песни восполняют отсутствие у поляков, чехов, словаков, венгров героического эпоса, поэтому их удельный вес в устном творчестве названных народов очень велик.

В прикарпатских украинских областях до сих пор также не удалось выявить героические песни наподобие дум и былин, но здесь богато представлены баллады.

Поисками лиро-эпической песни мы занимались в 1940—1944 годах и тогда записали свыше 100 новых текстов, впоследствии зафиксировали еще несколько сотен песен. Сегодня в нашем распоряжении имеется свыше 700 текстов — материал, на основании которого можно делать некоторые обобщения.

Собирательская практика показала, что балладные песни и в наши дни широко распространены в селах Закарпатья. Поют эти песни преимущественно женщины, но знают их и мужчины, причем не только женщины и мужчины пожилого возраста, но и молодежь.

Из 700 народных баллад около 150 — неповторяющиеся сюжеты, остальные — варианты. Большую часть составляют старинные сюжеты, которые бытуют в многочисленных вариантах, новые — в ограниченном числе вариантов.

Мы зафиксировали такие классические балладные мотивы, как: «превращение человека в дерево или птицу вследствие „заклятия“» (21 вариант), мотив кровосмешения (9 вариантов), сестра-отравительница (45 вариантов); мать-отравительница (25 вариантов), «тройзилия» (48 вариантов), девушка чарами губит парня (70 вариантов), жестокосердная мать причиняет смерть влюбленным (30 вариантов), убийство внебрачного ребенка (35 вариантов), убийство жены по наговору любовницы (45 вариантов) и многие другие.

Записаны балладные мотивы, типично западнославянские, не встречающиеся в центральных и восточных областях Украины: отравление девушки на свадьбе, замураванная милая, жена разбойника, отправление на войну дочки вместо сына, дочка кузнеца, сокол и горлица, испытание верности жены, жених-мертвец, «з пекла младенец», Янчия ведут к виселице, Янчи под виселицей...

По сравнению с балладной, историческая песня распространена меньше, но все же нам удалось выявить и записать такие исторические песни, как: о взятии турками Царьграда (1453 г.) и о порабощении христианского населения (5 вариантов), о насильственном угоне мирного населения в турецкое рабство (3 варианта), об отправлении на войну с турками сына или брата (7 вариантов), об умирающем от тяжелых ран солдате и прощающемся со своим конем (12 вариантов), о походе австрийской армии вниз по Дунаю и о кровавой битве под Белградом (3 варианта), о русско-турецких войнах (4 варианта) и др.

Записаны эпические песни от исполнителей различного возраста и, таким образом, можно наблюдать их жизнь в устах трех поколений певцов: старшего (свыше 60 лет), среднего (до 50 лет) и младшего (до 40 лет).

Представители старшего поколения: Василий Курах (76-лет, с. Нижние Ворота Воловецкого района) знает много эпических и традиционных лирических песен, сказок, легенд, исторических преданий, анекдотов. Это типичный певец-эпик с широким диапазоном; он спел самый полный текст песни о Довбуше, песни «Ой, не ходи, Грицю», серию высокохудожественных классических баллад.

Иван Керенович (78 лет, с. Запедерилля Межгорского района) — талантливый певец, спел серию исторических песен, классических баллад и традиционных лирических песен. Агафья Савчук (68 лет, с. Луги Раховского района) — отличная певица с обширным репертуаром эпических и лирических песен; от нее мы записали полтора десятка классических баллад. Анна Суханич (65 лет, с. Раков Перечинского района) — одаренная певица и сказочница.

Представители среднего поколения: Анна Юрашова-Демянчук (50 лет, с. Ботдан Раховского района) — темпераментная певица, исполнившая задушевым голосом балладные песни о разлуке голубки с голубем, о чабане, «тройзилля», о смерти Довбуша, длинную эпическую песню «Ильяна» и десяток других. Анна Зейка (с. Хуста) — обладающая прекрасным голосом и обширным репертуаром (от нее записано два десятка балладных и серия исторических песен). Мария Тырлич (с. Турья-Поляна Перечинского района) в словачком селе Гута, где прошла ее молодость, усвоила много словачских песен; в ее обширном репертуаре три десятка балладных и серия исторических песен. Василина Беля (с. Запедерилля) — прекрасная исполнительница коломыек, но знает также эпические песни. Иван В. Бигарь (с. Репинное Межгорского района) — талантливый певец-импровизатор с обширным репертуаром эпических и традиционных лирических песен. Записано от него на магнитофонную ленту свыше 30 баллад.

Представители младшего поколения: Гафия Пацан (с. Ричка Межгорского района) — солистка самодеятельного хора, прекрасная певица и исполнительница, обладающая обширным репертуаром эпических и лирических песен, традиционных и современных. Мы записали от нее 40 балладных сюжетов и серию исторических песен. Мария Пукман (с. Турья-Поляна), как и ее землячка М. Тырлич, знает много словачских, украинских и русских песен; от нее мы записали полтора десятка балладных и ряд исторических песен. Поланя Марфинец (с. Керечки Свалявского района) исполнила серию классических баллад, знает много традиционных и современных лирических песен и др.

Представители старшего поколения народных певцов исполняют преимущественно традиционные сюжеты, а младшего — сочетают традицию с современностью, отдавая предпочтение последней. Однако наиболее одаренные молодые певицы, такие как Гафия Пацан и Мария Пукман, хорошо знают и традиционные песни.

Широкое бытование старинных балладных и исторических песен в среде молодежи говорит о хорошо сохранившейся песенной традиции. Не только старики и люди зрелого возраста, но и девушки и молодые пары знают эпические сюжеты. Как известно, эпическая традиция на Балканском п-ове, на Кавказе, в Средней Азии и даже на Украине передавалась почти исключительно мужчинами. В России сказительницами былины являлись также и женщины. В Закарпатье эпические песни исполняются и женщинами и мужчинами, но чаще первыми. Здесь надо учитывать особенность бытования балладных песен, которые, по свидетельству Вука Караджича, и у южных славян поются женщинами.

Кроме обрядовой поэзии, сказок и эпических песен, нами собраны в Закарпатье значительное число традиционных лирических песен и коломыек, пословиц, поговорок, загадок, репертуара народного театра — «вертепа», современных песен.

Осенью 1945 г. вековые мечты закарпатцев осуществились; они сделались полноправными членами советской многонациональной семьи. С этого момента их устное творчество начинает приобретать новые черты, обогащаясь новыми мотивами. Все события последних лет: венгерско-немецкая оккупация и массовый уход молодежи в Советский Союз, Великая Отечественная война, партизанское движение, изгнание фа-

шистских захватчиков, воссоединение с единокровными братьями на востоке — украинцами и русскими, коренные преобразования экономической культурной жизни некогда отсталого края — нашли художественное преломление в местном фольклоре.

На первых порах наблюдалось слияние старых элементов с новыми. Для иллюстрации этого явления можно привести пример колядной песни «Нова радость стала», которая, сохраняя традиционную форму, пополнилась новым содержанием. Однако переосмысление традиционных жанров устного творчества — только начало нового процесса. Закарпатский фольклор пополняется новыми произведениями — песнями и коломыйками, пословицами и поговорками, сказами, народными рассказами. Рядом с коломыйкой звучит частушка, раньше здесь совершенно неизвестная. Но ведущим жанром устного творчества Советского Закарпатья становится массовая песня.

Из всего сказанного видно, что в Закарпатье очень устойчива фольклорная традиция. Мы объясняем эту устойчивость условиями исторической жизни края и его географическим положением. Еще в начале XI в., как уже говорилось, венгерские феодалы захватили Угорскую Русь. Ее восточнославянское население, обосновавшись в высоких и малодоступных горах и дремучих лесах, вдали от городских центров, сохранило традиции Киевской Руси. Находясь на стыке западных, южных и восточных славян и имея непосредственные этнографические границы с румынами и мадярами, закарпатские украинцы усвоили богатое устное творчество своих соседей, приумножив тем самым унаследованные от предков сокровища духовной культуры.

Исследуя фольклор таких смежных областей как Закарпатье, ученые могут почерпнуть богатейший фактический материал, необходимый для решения важнейших проблем не только украинской, но и общеславянской науки.

РУССКОЕ НАСЛЕДИЕ НА АЛЯСКЕ

(ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ИЗУЧЕНИЯ)

Американские исследователи русских поселений на Аляске были либо историками, либо журналистами с исторической ориентацией. Основываясь на архивных материалах и опубликованных очерках первооткрывателей, такие ученые как Ф. А. Голдер, Г. У. Эллотт, Г. Г. Бэнкрофт, И. Петров и С. Р. Томпкинс воссоздали ход событий. Однако, следует признать, что кроме этих работ и частных исследований, проделанных некоторыми геологами, географами и лингвистами углубленные изыскания, посвященные историческим подробностям этой эпохи, до сих пор еще весьма немногочисленны. Настоятельно необходима хорошо документированная полная сводка по истории деятельности русских на Аляске.

За последние годы авторы настоящей статьи сосредоточили свои научные интересы на частном аспекте этой проблемы; в основном систематизировались данные о русском влиянии на эскимосов юго-западной Аляски. Цель данной работы — ознакомить советских коллег с этими исследованиями, с их методологией, общими целями, достигнутыми успехами и перспективами дальнейших изысканий в этой области.

К счастью, имеется довольно много весьма разнообразных и нередко обильных подробностями уже опубликованных ранних источников, касающихся коренного населения Аляски в русский период, которые создают основу для этнографических исследований. Интересные сведения имеются в работах таких выдающихся русских авторов и исследователей как Ю. Ф. Лисянский, Ф. П. Литке и Л. А. Загоскин.

К другой группе источников относятся два больших собрания архивных материалов, и оба они имеют жизненно важный интерес для каждого, кто предпринимает историко-этнографическое исследование, касающееся Русской Америки. Речь идет об архиве русской православной церкви на Аляске, хранящемся в Отделе рукописей Библиотеки Конгресса США, и о материалах Российско-Американской компании в Национальном Архиве США. Церковные материалы, представляющие полный архив конститории греко-православной русской церкви на Аляске, составляют 1062 ящика. Материалы размещаются в двух секциях Библиотеки Конгресса, созданных соответственно в 1928 и 1940 гг. К сожалению, отсутствует общий индекс этого собрания, и этот ценнейший источник в области изучения Аляски еще не использован историками и этнографами. Один важный раздел этого собрания — записи рождений и смертей по всем приходам православной церкви на Аляске — микрофильмирован, и поэтому более доступен для ученых.

Материалы Российско-Американской компании за период между 1802 и 1867 гг. на русском языке были переданы правительству США согласно договору о продаже Аляски. Все материалы микрофильмированы и в какой-то степени были использованы историками-экономистами, изучавшими мероприятия русских в XIX в. в области политики и экономики.

Оба собрания, несомненно, весьма ценны для изучения деятельности этих двух самых важных русских институтов на Аляске и определения их отношения к коренному населению.

Первым американским ученым, который провел этнографические исследования на Аляске, был У. Г. Далл, и поскольку он работал в то время, когда Аляска была только приобретена США, он довольно детально рассматривал русское влияние на быт коренного населения. Очень часто данные и выводы Далла ошибочны и туманны, его суждения о различных группах коренного населения поверхностны, и указываемые им районы расселения племен в некоторых случаях не точны. Его наблюдения совершенно не сравнимы по качеству с наблюдениями Вениаминова и Загоскина, но преимущество его работ заключается в том, что они охватывают Аляску в целом. В дальнейшем этнографы также изучали русские влияния на алеутов, эскимосов и индейцев ата-

¹ Дж. У. Ван Стоун — Отделение антропологии, Музей естественной истории, Чикаго; Уэнделл Г. Освальт — Отделение антропологии, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес.

пасков, но со временем, по мере того как наиболее очевидные русские влияния становились менее заметными, интерес к этим проблемам снижался.

Некоторый интерес к историческим аспектам культурных изменений можно проследить в работах братьев Краузе, Е. У. Нельсона, В. Иохельсона, Ф. де Лагуны и др.; но эти авторы, касаясь русского влияния на эскимосов и индейцев, упоминают лишь о тех специфических чертах, которые сохранились ко времени посещения этими исследователями Аляски. Обычно они приводят данные о словах русского происхождения, вошедших в языки аборигенов, о значении православной религии и о стойкости отдельных элементов материальной культуры.

Авторы настоящей статьи предприняли попытку проанализировать русские и раннеамериканские влияния на более широкой и систематической основе, чем это делалось раньше. В наших исследованиях мы используем письменные источники не как историки, а как этнографы. Центр тяжести при этом мы переносим не на детали, относящиеся к открытиям и исследованиям, а на характер контактной ситуации. Нас интересует склад личности, интересы и склонности (позиции, отношения) отдельных путешественников, купцов, миссионеров, поскольку именно с этими лицами эскимосы юго-западной Аляски находились в наиболее продолжительном и тесном контакте. При этом наш подход не был ни чисто историческим, ни традиционно этнографическим. Американские антропологи обычно рассматривают этнографию в узком смысле, как описательное изучение естественной истории какого-либо народа на одной временной точке. Однако изучать эскимосов юго-западной Аляски в настоящее время как аборигенный народ могли лишь первые русские путешественники — И. Ф. Васильев, А. Глазунов и др. Культура эскимосов вскоре претерпела изменения вследствие контактов с русскими, и в некоторых местностях новые заимствования быстро вошли в старый быт. Поэтому наши исследования не могли быть строго этнографическими в указанном значении этого термина. Мы склонны оценивать нашу работу как историко-этнографическую, т. е. как описательный анализ культуры в ее временном изменении. Исторический подход является ключом к нашему анализу. Термин «аккультурация» выражает ту же основную идею, что и «историческая этнография», но он более современен. Мы предпочитаем термин «историческая этнография», дабы подчеркнуть, что нас прежде всего интересует временной аспект культурных изменений, и что мы придаем особое значение комплексному исследованию.

Изучая изменения, вызванные контактами в юго-западной Аляске, мы прежде всего обращаем внимание на торговые и миссионерские центры. В районе Берингова моря это редуты — Александровский — в устье реки Нушагак, Св. Михаила — в устье Юкона и Колмаковский редут — в среднем течении реки Кукоквим, а также Русская православная миссия в нижнем течении Юкона. Эти поселения, которые можно было бы назвать «контактными общинами», располагались либо в небольших эскимосских селениях, либо в ранее незаселенных местах близ поселений аборигенов. Эти русские форпосты приходилось снабжать в условиях исключительно трудных морских перевозок или длительных походов в глубь страны, которые предпринимались по внутренним рекам и потокам. Выбор товаров в русских торговых центрах был невелик, и количество их весьма ограничено. Каждый из этих постов был населен немногочисленными служащими Российско-Американской компании и служителями церкви, и эскимосы оказывали большую поддержку этим поселениям. Купцы и миссионеры часто были людьми, смешанными по культуре и происхождению. Они проходили обучение у русских и в одинаковой степени были близки и русским, и эскимосам. Из этих центров, особенно из редутов, промышленные и продовольственные товары попадали в ближайшие селения, главным образом в обмен на меха. Сферы влияния этих изолированных центров и были зонами интенсивного контакта между русскими и эскимосами.

На основании наших исследований мы надеемся выявить, насколько это окажется возможным, аборигенный пласт культуры эскимосов юго-западной Аляски в начале XIX в. и наслоения на него сначала русских, а после 1867 г. американских влияний. При этом мы обращаем внимание не на отдельные элементы, такие как охотничьи луки, остроги, гарпуны, или бусы и железные орудия, но на тип культуры, к которой эти элементы приспосабливались. Цель эта кажется очень простой, но достичь ее, однако, трудно.

Наши методологические приемы разнообразны. Один из наших методов заключается в изучении уже опубликованных и архивных материалов. Ван Стоун перевел и впервые опубликовал на английском языке французское резюме путевого дневника А. Глазунова во время его путешествия в 1833—1834 гг. от редута Св. Михаила до реки Стоуни, впадающей в Кукоквим в его среднем течении². Освальт проаннотировал и опубликовал частичный перевод дневника иеромонаха Иллариона, который тот вел во время своего пребывания в редуте Св. Михаила, Русской миссии и Кол-

² «Pacific Northwest Quarterly», vol. 50, № 2, 1959, стр. 37—47.

маковском редуте между 1861 и 1866 гг.³ Кроме того, Ван Стоун, принимая участие в аннотировании первого английского перевода записок Л. А. Загоскина по Западной Аляске в 1842—1844 гг. (опубликован в 1967 г.), частично использовал упомянутое нами выше аляскинское собрание церковных документов, а также печатные работы Вениамина и других русских путешественников XIX в. Материалы эти он использовал для своих исследований, посвященных району Бристольского залива.

С помощью Уинстона Сарафьяна, сотрудника исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, недавно были проанализированы документы Российско-Американской компании в Национальном Архиве США, чтобы выявить информацию, касающуюся русских и эскимосов в юго-западной Аляске. Тщательному изучению были подвергнуты также печатные труды Тихменева и Головнина, касающиеся деятельности Российско-Американской компании.

В дополнение к нашим работам над опубликованными источниками и архивными материалами мы провели также археологические раскопки, чтобы получить дополнительные данные, связанные с интересующей нас проблемой. Летом 1963 г. оба автора вели раскопки в Тулугахогмюте, или селении Кроу (Вороньем), в среднем течении Кускоквима, примерно в 60 км ниже Колмаковского редута⁴. Поселение здесь существовало между 1840 и 1906 гг., в русский период и в начале американского. Основные трудности интерпретации результатов раскопок состояли в том, что объекты русской торговли (и период русского влияния в целом) невозможно отделить от находок начала американского периода. Тем не менее нам удалось впервые определить характер ранних евро-американских влияний на материальную культуру эскимосов среднего течения Кускоквима.

Летом 1965 г. Ван Стоун вел раскопки в эскимосском селении Тикчик в верхнем течении реки Нушагак. Это крупное и важное поселение внутри страны просуществовало по крайней мере с 1829 г. до 1899—1900 г. По-видимому, его обитатели часто общались с жителями Александровского редута, и имеются данные, что православные священники изредка посещали это селение еще в 1850 г.

Другие археологические раскопки были проведены Ван Стоуном в сотрудничестве с Джоном Б. Таунсендом из Манитобского университета в 1966 г. в селении Киджик индейцев танана на озере Клэрк. Подобно селению Тикчик, в это селение приезжали православные миссионеры из Александровского редута, но основные торговые связи поддерживались с постами в заливе Кука и на озере Илиамна. Зремя существования этого поселения соответствует датировке двух упомянутых выше.

Наконец, последние по времени и, вероятно, самые важные раскопки были проведены летом 1966 г. Освальтом в Колмаковском редуте. Постройка этого редута началась в 1841 г., и он был оставлен Российско-Американской компанией и православными миссионерами в 1866 г. в связи с предстоящей продажей территории. Колмаковский редут первоначально подчинялся Александровскому редуту, а затем форту Св. Михаила. На протяжении всего периода своего существования это был один из важнейших русских торговых центров в юго-западной Аляске.

Коротко суммируя итоги археологических исследований, можно отметить, что нами раскопаны четыре важных поселения, в общей сложности насчитывающие 41 сооружение русского периода, в которых жили русские или эскимосы, либо индейцы танана (7 сооружений — в Колмаковском редуте, 5 — в селении Кроу (Вороньем), 10 — в Тикчике и 19 — в Киджике).

Хотя большая часть добытого материала находится в процессе обработки и публикации, уже можно сделать некоторые предварительные выводы. Во всех пунктах нас поразила способность эскимосской материальной культуры приспосабливаться при контакте как с привозным сырьем, так и с готовыми изделиями русского и более позднего американского импорта. Поражает также (в селении Кроу и в Тикчике) стойкость традиционной эскимосской материальной культуры, особенно в сфере производства средств существования, перед лицом стимулирования изменений влияниями извне. Эта стойкость характерна для эскимосской культуры не только в русский период, но и в начале американского периода, когда число товаров явно возросло, и они стали более разнообразны.

Однако в Киджике материальная культура аборигенного населения с самого начала сильно оскудела. Сразу же исчезли традиционные жилища, на смену которым появились бревенчатые дома русского типа. В коллекции почти из 5 тыс. изделий, найденных при раскопках, менее 200 имели формы, характерные для аборигенного периода, причем даже среди этих объектов было представлено лишь несколько типов. Причины этого различия в реакции материальной культуры части эскимосов и индейцев юго-западной Аляски на контакт с инородной материальной культурой еще предстоит определить.

³ «Anthropological Papers of the University of Alaska», vol. 8; № 2, 1960, стр. 101—118.

⁴ «Bureau of American Ethnology», Bulletin, 199, 1966.

Лишь в Колмаковском редуте впервые удалось стратиграфически отделить слои русского периода от последующего американского. Таким образом, когда большая коллекция изделий, найденных при раскопках в Колмаковском редуте, будет исследована, мы сможем пролить свет на характер русских товаров и пополнить те данные, которые содержатся у Загоскина и в других исторических источниках.

Помимо переводов, изучения исторических материалов и археологических раскопок, мы вели работу и в другом направлении. Ван Стоун, используя исторические документы, археологические данные и материалы бесед с пожилыми информаторами, предпринял попытку установить характер поселения XIX в. в районе реки Нушагак. Кроме того, он недавно закончил детальное этнографическое изучение этого района, особо отметив факторы, способствовавшие изменениям в течение русского и раннего американского периодов.

Еще в 1955—1956 г. Освальт изучил образ жизни современных эскимосов в селении Напаскиак в низовьях Кускоквима⁵. Изучение этой общины представляет значительный интерес в плане наших изысканий, поскольку для упомянутого поселения характерны необычные и чрезвычайно любопытные особенности. Напаскиак является одним из центров русской православной церкви. Она имеет гораздо большее значение, чем поддерживаемые правительством школы и сельское самоуправление. Церковь, построенная в 1932 г., действует в полную силу, и ежегодные церковные собрания осенью притягивают посетителей из селений округа радиусом в 400 км. Весьма показательно, что христианство здесь оказалось столь живучим, несмотря на то, что в Напаскиаке никогда не было постоянного священника.

Из сделанного выше обзора явствует, что наши достижения еще весьма скромны. Мы, однако, убеждены, что наша методология верна, был бы лишь под рукой материал. Мы также полагаем, что для полного понимания всей сложности изменяющейся современной эскимосской культуры необходимо определить аборигенную основу этой культуры и хронологически проследить изменения, которые произошли на ранних стадиях исторических контактов. Это, разумеется, не может быть сделано только путем работы с информаторами. Ныне в селениях юго-западной Аляски осталось мало эскимосов, которым памятна жизнь, какою она была даже в конце прошлого века. Поэтому исследовательские приемы истории, археологии и этнографии использовались комплексно, как говорилось выше. В плане методологическом серьезные помехи вызывает неравноценность исторических источников. Больше всего мы нуждаемся в детальных сообщениях ранних наблюдателей, но сомнительно, существуют ли таковые. Путевые дневники И. Ф. Васильева, А. Глазунова, П. Корсаковского, А. Устинова и других явились бы бесценными источниками, равно как и отчеты служащих из разных редутов. При отсутствии таких идеальных источников мы намерены осуществить более детальный анализ уже известных документов и, в частности, материалов русской православной церкви на Аляске. Мы надеемся также провести дополнительные археологические исследования в бассейнах рек Кускоквим и Нушагак и в районе Александровского редута. В этом месте есть надежда обнаружить более ранние данные о ввозе русских товаров, поскольку пост этот возник в 1818 г., т. е. на 24 года раньше Колмаковского редута. Одной из важнейших проблем является, конечно, выявление мест, которые в русский период были заняты одними только русскими или одними эскимосами и затем покинуты. Это единственный путь, которым можно точнее определить признаки русского влияния и отделить его от американского, ибо, по-видимому, имеется мало мест, где эти периоды могут быть стратиграфически четко обособлены друг от друга. Слишком невелик был весь этот период в целом для образования значительной стратиграфии.

Нам представляется, что перспективными могут оказаться раскопки в местах старых поселений в низовьях Юкона, и особенно близ устья реки Иннок. Характер поселений в этом районе в период ранних контактов был основательно документирован Л. А. Загоскиным в 1842—1844 гг., и там же вела археологические исследования Фредерика де Лагуна в 1935 г. Существенным фактором представляется то, что поблизости от этих мест был расположен важный русский пост Нулато.

Заканчивая краткий обзор наших исследований, следует отметить характер проявления русского культурного наследия у народов юго-западной Аляски в наши дни. Язык, несомненно, содержит много слов русского происхождения, и многие эскимосы даже младшего поколения, носят русские имена. Православная церковь все еще оказывает большое влияние на образ жизни этого народа, и в некоторых местах служба ведется на русском языке. Распространены паровые бани. Но наиболее существенным, быть может, признаком русского влияния является та гордость русским наследием, которая находит свое выражение в языке эскимосов Кускоквима. У них существуют особые термины для обозначения людей, не схожих с ними в расовом и культурном отношениях. Так, обычный белый человек, американец, обозначается ими как «гуссуек», тогда как истинный белый человек, русский человек, называется «руссукипак».

Перевод С. Г. Федоровой

⁵ Эта работа была опубликована в 1963 г. Издательством Университета Аризоны.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. В. Бестужев-Лада

ИМЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

(ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛЮДСКИХ ИМЕН
СОБСТВЕННЫХ И ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ
АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ ЗОН)

Людские имена собственные выполняют определенные функции. По своему значению выделяются две пары таких функций, тесно связанные друг с другом: социально-различительная и ритуально-харизматическая. Первая — основная, без которой имя теряет всякий смысл, — сводится к задаче отличия индивидов друг от друга, а также указания на их место в социальной структуре общества. Вторая призвана обеспечить носителю имени защиту от злых (или покровительство со стороны добрых) сверхъестественных сил, а также соответствие имени традициям, обычаям, моде и другим иррациональным факторам. Именно изменение содержания указанных функций сообразно изменениям исторической обстановки служило первопричиной, предопределявшей соответствующую эволюцию всей системы в целом.

Как будет показано ниже, эта система прошла в своем развитии две стадии, которые условно можно назвать исходной (при родовом строе) и переходной (в докапиталистических классовых формациях). Каждая стадия завершалась своеобразным кризисом сложившейся системы. В условиях капиталистического строя началась третья стадия и уже обнаружился симптомы наступающего кризиса.

Подобный характер эволюции системы имен объясняется, насколько можно судить, тем, что требования, предъявляемые к ним социально-различительной и ритуально-харизматической функциями, находятся в постоянном обостряющемся противоречии друг с другом. Вторая категория функций постепенно как бы подавляет первую, а так как без нее не может эффективно функционировать сама система, то наступает кризис, после которого начинается новая стадия развития.

Почему это происходит? Видимо, в силу особенностей второй категории функций, которая, не являясь основной, стремится занять первое место. Даже в современных экономически развитых странах сохраняют силу как сложный ритуальный комплекс, связанный с традициями, обычаями, модой, так и харизма собственных имен — вера в их сверхъестественную силу¹. В прошлом же (а для отсталых стран — и в настоящем) такого рода «неосновные» функции играли огромную роль.

¹ При обсуждении доклада об исторических тенденциях развития имен собственных, сделанного автором на заседании Группы ономастики Ин-та этнографии АН

В этнографической литературе накоплено немало материалов о значении ритуала и харизмы в системе собственных имен народностей и племен, стоящих на разных ступенях исторического развития. Большие подборки свидетельств наблюдателей находим мы, в частности, в трудах Л. Леви-Брюля и Л. Я. Штернберга. Все наблюдатели сходятся на том, что повсюду в «первобытных» племенах социально-различительная пара функций отступает на задний план перед ритуально-харизматической.

Как правило, наделение людей именами происходит там по строгому регламенту. Именной фонд тесно связан с канонами первобытной религии. Имя существует как бы независимо от его носителя, рассматривается как часть души человека. Считается, что злонамеренным употреблением имени можно навредить его владельцу. С другой стороны, от имени ждут покровительства и всевозможных благ. Ясно, что такое имя социально-различительной функции эффективно выполнять не может: оно употребляется обычно только в религиозных церемониях, а в повседневном обиходе его приходится заменять разного рода прозвищами².

Да и сами имена по мере развития религии и социальной структуры общества постепенно усложнялись. Кроме того, первобытная идеология требовала, чтобы каждый индивид при переходе из одной возрастной группы в другую (например, при обряде посвящения) получал новое имя сообразно установившимся социальным, ритуальным и харизматическим канонам. В итоге складывалась чрезвычайно сложная система имен, состоявшая из множества компонентов, которые периодически, по определенным закономерностям менялись на протяжении жизни индивида.

Мы теперь лишь умозрительно можем представить себе эволюцию имен при первобытнообщинном строе от простого имени-клички, выполняющего только различительную функцию, до доброй дюжины имен разного значения, через систему: «настоящее (тайное) личное имя плюс иносказательное имя для внутривидового общения, плюс родовое имя» к чрезвычайно сложной системе: «несколько личных имен (каждое с определенной функцией), меняющихся по определенным правилам при переходе индивида из одной возрастной группы в другую, плюс несколько прозвищ (также меняющихся), плюс одно или несколько родовых имен». Дело в том, что почти все племена, о которых упоминается в исторических источниках или которые служили объектами этнографических исследований, зашли уже сравнительно далеко в своем развитии и их система имен успела обрести социальными, ритуальными и харизматическими функциями. Эта проблема требует специального исследования.

Некоторое представление о сложности системы имен в далеком прошлом может дать пример из истории древнего Китая. Имя легендарного философа VI в. до н. э. Лао-цзы в буквальном переводе означает лишь мудрец из рода Лао, но в жизни он носил еще фамильное имя

СССР в апреле 1967 г. В. А. Никонов, А. В. Супранская, М. А. Членов, Г. И. Анохин, З. Е. Черняков и другие участники обсуждения привели много фактических данных в пользу этого тезиса. В частности, Г. И. Анохин сообщил, что в скандинавских странах ребенку до сих пор часто дают два-три имени «про запас», на случай тяжелой болезни; считается, что болезнь уносит с собой носителя одного из имен, а выздоровевший продолжает жить с оставшимися не употребляя уже однажды «использованного».

² Л. Леви-Брюль, *Первобытное мышление*, М., 1930, стр. 30—32; Л. Я. Штернберг, *Первобытная религия в свете этнографии*, Л., 1936, стр. 109, 309—312.

Ли, личное имя Эр, второе личное имя Бо-ян, а после смерти — имя Дань. Кроме того, он носил имена по месту рождения, по месту отшельничества, по месту своего земельного владения и т. д., а также целый набор прозвищ — как почетных, так и обычных, известных у нас под названием «уличных»³.

Этот пример переносит нас из обстановки родового строя в рабовладельческое государство — в его города с тысячами жителей, на строительство оборонных, ирригационных или мемориальных сооружений, где трудятся десятки тысяч рабов, на поля сражений, где сталкиваются между собой многотысячные армии. Может ли остаться эффективной в этих условиях прежняя система имен? Разумеется, нет. Во-первых, возрастает значение различительной функции (прежде всего, в фискальных целях), а выполнение ее осложняется ростом числа одинаковых имен, находящихся в повседневном обращении. Во-вторых, меняется социальная функция: структура общества становится иной и имя призвано определить принадлежность его носителя к той или иной прослойке эксплуатирующего или эксплуатируемого класса. В-третьих, первобытную религию сменяет одна из классических и, следовательно, меняется содержание харизмы, а вместе с ней и всего ритуала. Прежняя громоздкая система не соответствует новым требованиям. Наступает кризис, в ходе которого рождается новая система. Смена растягивается на долгие века, отличается большой сложностью промежуточных форм, а новая система несет на себе столько «родимых пятен» старой, что четкой границы между ними попросту невозможно провести⁴. К тому же новая система, в свою очередь, начинает эволюционировать и тоже претерпевает значительные изменения. Нужно присовокупить, что эта проблема в антропонимике также не разработана. Однако каждый, кто знакомился с системой имен при родовом строе и, скажем, в античном мире, знает, как существенно отличается новая стадия развития от старой. И это неудивительно. В новых условиях никому нет дела до тотемических предков человека и до его тайных «настоящих» имен. Зато важно знать, принадлежит ли носитель имени к числу простолюдинов, рабов или правящей верхушки, а в последнем случае — к какой именно ступеньке иерархической лестницы аристократии. Необходимость оперировать именами десятков тысяч человек требует простоты и краткости каждого имени. А религия канонизирует лишь строго определенное число имен и тем самым сокращает именной фонд, подрывая различительную функцию. Требуется новое усложнение. В муках и противоречиях начинается новая стадия развития.

По преданию, Кай Юлий Цезарь знал по имени несколько тысяч своих воинов. Вряд ли это было бы возможно, если бы римлян его времени звали просто распространенными тогда именами, скажем, Приск, Секунд, Квинт, Секст, Септим и т. д. по порядку рождения (что соответствует древнеславянским: Первун, Вторко, Пятой, Шестак и т. д.). Но, как известно, у римлян в ходе долгой эволюции установилась система имен, включающая личное имя, фамильное имя и прозвище. Она позволяла легко ориентироваться в социально-различительном отношении. Понятно, что система в полной мере распространялась лишь на

³ См. A. Forke, *Geschichte der alten chinesischen Philosophie*, Berlin, 1927, S. 249. Форке различает 10 категорий древнекитайских имен: Gentilname, Familienname, Rufname, Beiname, Nachname, Zuname, Ehrenname, Volle Name, Wahlname, Posthumer Name.

⁴ Об этом ярко свидетельствует, в частности, только что приведенный пример из истории Китая, где пережитки исходной и переходной стадий развития оказались особенно живучими.

рабовладельцев. Для раба достаточно было имени-клички и ссылки на принадлежность тому или иному хозяину.

По каким направлениям шло усложнение системы имен на новой стадии развития? Преимущественно по четырем: ссылкой на происхождение, все более широким употреблением прозвищ — сначала личных, а потом передававшихся по наследству, ссылкой на место рождения, постоянного жительства или позднее на свое земельное владение (так сказать «топонимическое имя»); ссылкой на род занятий или социальное положение («профессиональное имя») ⁵. Все эти направления, развиваясь, составили основу для современной системы имен, когда прежняя перестала быть эффективной и, в свою очередь, вступила в полосу кризиса.

Усложнение по всем четырем направлениям началось, судя по данным этнографических исследований, еще на исходной стадии развития, в эпоху разложения первобытнообщинного строя. На новой же стадии оно только резко ускорилось и приобрело более законченные формы.

Ссылки на происхождение мы встречаем еще при материнско-родовом строе — разумеется, по линии матери. При патриархате, естественно, появляется отчество, которое встречается на определенной стадии развития почти у всех народностей (о чем свидетельствуют, в частности, позднейшие фамильные образования типа Робинзон, Мак-Ферсон, О'Брайен и т. д.). У некоторых же народов, как известно, оно сохранилось и поныне.

Наряду с отчеством стало употребляться имя деда и даже прадеда. Это было особенно важно для аристократии, кичившейся своей родовитостью. Появились громоздкие образования типа: Мардохей, сын Ианра, сына Семея, сына Киса из Колена Вениаминова или Владимир Святославич, внук Всеволожь, правнук Ольгов, праправнук Святославль, прапраправнук Ярославль, пращур Великого Владимира. Остается дискуссионным вопрос о том, до какой степени такого рода словопостроения могут рассматриваться в качестве имен. Но очевидно, что подобная форма для повседневного употребления не годится. Появились более «экономные» способы необходимого усложнения имен.

Одним из таких способов и стало добавление «топонимического имени». Фалес из Милета, Фома из Аквино, Эразм из Роттердама — эта форма на протяжении тысячелетий оказывалась довольно эффективной, когда дело касалось чужестранца или личности, снискавшей международную известность. Но в городе, насчитывающем тысячи жителей, она явно не годилась. Вот почему при феодализме «топонимическое имя» получило распространение лишь среди землевладельческой знати. Что же касается простолюдинов, особенно горожан, то для них возможности использования «топонимического имени» были ограниченными и им приходилось прибегать к другим способам.

Еще одним из способов стало «профессиональное имя». Аарон Священник, Симеон Плотник, Матвей Мытарь (сборщик налогов) — эта форма в сочетании с отчеством тоже была весьма эффективной, но лишь для лиц определенных профессий или высокого социального положения. Для большинства же населения различительной функции она выполнять не могла.

Наиболее гибким, разносторонним и перспективным способом оказалось обращение к прозвищам, наименее связанным с определенными

⁵ В известном смысле топонимическое и профессиональное имена правомерно рассматривать как разновидность прозвищ, но некоторая специфика выделяет их из общей массы последних.

социальными отношениями (включая и родственные) и наименее подверженным религиозным ограничениям. Источником прозвища может стать не только топонимическое или профессиональное имя, но и любая особенность индивида или какой-то стороны его жизни вообще. Прозвище дает не церковь и не родители, а окружающие, так что отпадает масса ритуально-харизматических факторов, регламентирующих именной фонд. Выбор оказывается практически беспредельным, а выразительность и меткость даваемых народом прозвищ делала их еще эффективнее в различительном смысле, чем собственно имена. Вспомним у Гоголя: «Выражается сильно российский народ! И если наградит кого словом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древне-княжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица» («Мертвые души», т. I, гл. V).

Прозвище главы семьи могло превращаться из личного в фамильное, распространяясь на детей, внуков, правнуков и обеспечивая именам последних степень стабильности, для условий докапиталистических формаций более или менее достаточную.

Достаточно сопоставить громоздкие структуры типа: Финеас сын Елеазара сына Аарона Священника или Софья Ярославна Ростиславля Глебовича с экономными и выразительными: Гаврило Попок или Марыца Белка, чтобы убедиться в превосходстве последних по части различительной функции. При необходимости можно было добавить: Гаврило Попок, Иванов сын или Марыца Белка Онисимова дочь (а в случае необходимости присовокупить также прозвище отца).

Система «личное имя плюс личное или фамильное прозвище плюс иногда еще отчество и другие уточнения» явилась венцом эволюции имен собственных на переходной стадии их развития. Мы могли охарактеризовать эту стадию лишь в общих, абстрактных чертах. На деле процесс шел сложнее, с существенными особенностями по каждой стране, а в рамках страны — по каждой исторической эпохе. Для России этот процесс частично освещен работами Н. М. Тупикова, А. М. Селищева, В. К. Чичагова и др. В целом эволюция системы имен на данной стадии тоже требует исследования.

Почему же эта система, несмотря на ее относительную эффективность, не смогла выжить в условиях капиталистической формации? Видимо, степень стабильности имен при этой системе, достаточная для прежних формаций, для капиталистической оказалась недостаточной!

Действительно, прозвище, даже фамильное, способно эффективно функционировать только в условиях относительно слабой миграции населения, преобладания небольших населенных пунктов, где люди хорошо знают друг друга и имена находятся преимущественно в «устном» обращении.

Сравните эти условия, характерные для докапиталистических формаций, с капиталистическим способом производства, когда миграция населения возрастает, миллионы людей скучиваются в крупных городах, где даже соседи часто незнакомы, а делопроизводство (особенно государственное) требует письменного удостоверения личности. Прозвище в официальном обращении становится несостоятельным как образование произвольное, капризное, зависящее от многих случайных факторов, способное часто меняться и относиться к разным индивидам (или, наоборот, — в разных вариантах обозначать одного и того же инди-

вида). Требуется форма, которая не зависела бы от произвола ни самого носителя имени, ни его родителей, ни окружающих, которая могла бы быть зафиксирована в документах раз и навсегда, по возможности четко указывая отношение к главе семьи (что важно для решения вопросов, связанных с наследством, и для косвенного определения положения данного индивида в обществе). Такой формой и явилось фамильное имя (фамилия), образовавшееся в сочетании с личным именем современную систему имен собственных.

Новая система на какое-то время разрешила противоречие между социально-различительной и ритуально-харизматической функциями. Личное имя в ней приняло на себя почти всю тяжесть последней категории функций, выполняя требования обычаев, традиций, моды, религии, вообще харизмы. Зато фамильное имя получило возможность в значительной степени освободиться от давления ритуала и харизмы, благодаря чему его эффективность в социально-различительном отношении повысилась.

Это не значит, что личное имя перестало выполнять социально-различительную функцию, а фамильное стало независимым от ритуала и харизмы. Но намечившееся «разделение труда» между личным и фамильным именем помогло в повышении общей степени эффективности и тому и другому.

В общем виде современную систему имен можно выразить формулой: «личное имя или несколько имен плюс иногда отчество плюс фамильное имя, реже сдвоенное». Поскольку, однако, эта система возникла не на пустом месте, а в ходе кризиса на предыдущей стадии развития, отягощенной, в свою очередь, пережитками предшествующей, да притом еще развития в разных странах по-разному, то приведенная формула является лишь абстракцией, обозначающей общую тенденцию. Следует добавить, что и в этом общем виде современная система характерна лишь для некоторых стран, где она уже успела сформироваться. Значительная часть развивающихся (и даже некоторые из развитых) стран еще только подходят к этой системе, оставаясь на том или ином этапе предшествующей стадии развития. Это делает очень сложной антропонимическую карту мира. Может быть, применительно к существующему положению правильнее говорить не просто о смене одной стадии развития системы имен другой, а о процессе формирования современных антропонимических зон — настолько существенны региональные различия.

В первом, предельно грубом приближении, таких зон намечается девять:

1. «Северо-Западная» (Северная Америка и Северо-Западная германоязычная Европа). Процесс идет в основном под влиянием протестантской религии. Система имен включает формально неограниченное число личных имен сравнительно широкого выбора (практически их дают обычно одно или два-три) плюс фамильное имя, реже сдвоенное.

С этой зоной ассоциируются в антропонимическом отношении бывшие английские доминионы Южная Африка, Австралия и Новая Зеландия.

Неограниченность и широта выбора личных имен в этой зоне, разумеется, относительны. Просто фонд личных имен здесь шире, чем в некоторых других зонах, а формальные ограничения — слабее. Известно, что в Англии и особенно в США личными именами часто служат фамилии великих людей (например, Вашингтона) или вообще людей, в честь которых родители желают назвать ребенка. Рассказывают об анекдотическом случае, когда один англичанин назвал своего первенца именами и фамилиями всех игроков любимой футбольной команды, включая тренера и запасных. Для женских имен в большом ходу названия цветов, драгоценных камней и т. п. Наконец, в Великобритании, Германии и Скандинавских странах наряду с христианскими именами широко используются древнегерманские. Все это так. Но на практике число личных имен здесь по традиции и обычаям ограничивается в подавляющем большинстве случаев двумя-тремя, из которых только одно (часто по выбору самого носи-

теля) употребляется повседневно вместе с фамильным именем, а остальные — главным образом в официальном обращении, да и там, как правило, обозначаются инициалами. Те же обычаи, традиции, мода устанавливают де-факто довольно жесткие в общем рамки и правила выбора самих имен.

2. «Юго-Западная» (Латинская Америка и Юго-Западная романоязычная Европа). Процесс идет под сильнейшим влиянием католической религии. Система имен включает одно или несколько личных имен сравнительно узкого выбора плюс фамильное имя, нередко (а в Испании и Латинской Америке очень часто) сдвоенное.

Сравнительная узость выбора личных имен означает, что никаких «вольностей» типа отмеченных выше не допускается, а имена даются строго по католическим канонам. Традиции, обычаи и мода еще более сужают и без того довольно ограниченный именной фонд. Что касается числа личных имен, то при феодализме оно ограничивалось государственной властью (например, в феодальной Испании только лица королевской фамилии могли носить неограниченное число личных имен; графам разрешалось иметь не более двенадцати, рядовым идалго — не больше шести и т. д.). Теперь оно с такой же эффективностью ограничивается традицией и обычаями, не превышая, как правило, двух — трех.

Распространение сдвоенных (и вообще сложных) фамилий в Испании и Латинской Америке объясняется старой испанской традицией сохранять (при официальном обращении) и фамилию отца, и фамилию матери.

3. «Западная» (страны Центральной Европы от Финляндии на севере до Греции на юге). Очень разноликая зона, которую объединяет, пожалуй, лишь резкое отличие от соседних зон и широкое распространение дохристианских личных имен, превосходящее то, что наблюдается в соседних зонах. Система имен включает, как правило, личное плюс фамильное имя, реже сдвоенные.

4. «Северная» (Россия, Украина, Белоруссия и ряд других республик Советского Союза). Процесс шел до 1917 г. под сильным влиянием православной религии, от которого сохранились лишь пережитки. Система имен включает одно личное имя сравнительно широкого выбора плюс отчество плюс фамильное имя, реже сдвоенное.

Сравнительная широта выбора личных имен означает в данном случае, что после Великой Октябрьской социалистической революции церковные регламентации личных имен здесь были отменены и именной фонд стал юридически (а на первых порах и фактически) неограниченным. Однако впоследствии традиции, обычаи и мода чрезвычайно сузили выбор имен.

5. «Центральная» (страны мусульманского мира от Магриба до Индонезии). Процесс идет под сильнейшим влиянием мусульманской религии. Система имен включает одно или несколько личных имен сравнительно узкого выбора (строго по мусульманским канонам) плюс фамильное имя, в качестве которого часто выступает **отчество** или фамильное прозвище.

Особенность этой зоны — более поздний переход к современной системе имен сравнительно с перечисленными выше зонами. Отсюда — большая распространенность форм, характерных для предыдущей, переходной стадии развития. Однако за последние десятилетия под давлением со стороны государства, заинтересованного в скорейшем установлении современной системы имен, в этом отношении достигнут здесь значительный прогресс.

6. «Южная» (страны Африки южнее Сахары). Налицо различные этапы переходной (иногда даже исходной) стадии развития и формирование современной системы преимущественно оригинального, но частично (в ряде стран) «северо-западного» или «юго-западного» типа.

Как правило, процесс этот развертывается здесь в значительных масштабах лишь после достижения национальной независимости и хотя бы первичных социальных преобразований, подрывающих традиции феодального или даже патриархального уклада народностей и племен в бывших колониях.

7. «Юго-Восточная» (Индия, Непал, Таиланд, Лаос, Камбоджа). Различные этапы переходной стадии развития имен собственных и формирование современной системы. В отличие от предыдущей зоны, процесс этот здесь продвинулся несколько дальше.

8. «Северо-Восточная» (Япония). Здесь процесс, отмеченный в предыдущих двух зонах, доведен до логического завершения: сформировалась современная система имен (личное плюс фамильное имя).

9. «Восточная» (Китай, Корея, Вьетнам). Своеобразная консервация предыдущей стадии развития: традиционная система непосредственно «трансформирована» в современную путем превращения родового имени в фамилию. Такая трансформация оказалась возможной в силу особенностей языка, социально-этнической структуры и культуры, а также наличия в этой системе сильнейших пережитков предыдущей стадии в их «нетрансформированном», первоначальном виде (параллельные ряды периодически меняющихся личных имен и прозвищ).

Ряд стран остался вне рамок намеченных зон. Этот недочет нетрудно устранить: такие страны, смотря по характеру господствующей в них системы имен, можно ассо-

цировать с другими, схожими зонами или выделить в особую, десятую зону типа «западной». Сложнее обстоит дело со структурой самих зон: она далеко не так проста, как обрисована выше в первом приближении. Даже наиболее «однородные» по своей структуре зоны включают в себя районы и подрайоны, где система имен существенно отличается от господствующей.

Так, в «северо-западной» зоне мы сталкиваемся с французской Канадой и католической Ирландией, которые тяготеют по существу к «юго-западной». Мы встречаем там Исландию, где в силу традиций (и добавим, малочисленности населения) сохраняется переходная стадия развития имен: личное имя плюс отчество, функционирующее обычно как фамильное прозвище. Сильные пережитки той же стадии сохранились и в скандинавских странах. В Нидерландах, наряду с личным и фамильным именем, также употребляется отчество. А в крупных странах — таких, например как Великобритания и Германия, весьма сильны региональные различия. Точно так же существенными особенностями отличаются системы имен индейцев Америки, ряда народностей СССР и Китая.

Антропонимические зоны представляют собой сложнейшие конгломераты с целой иерархией районных и подрайонных различий. Это ставит на повестку дня антропонимики проблему принципов антропонимического районирования. Речь идет о типологии ономастических систем, о выработке понятия первичной зональной единицы (антропонимический округ?) и о принципах сведения такого рода единиц в районы (возможно, с подрайонами) и, наконец, в зоны⁶.

Остается пояснить, что имеется в виду под симптомами наступающего кризиса современной системы имен собственных, о котором говорилось в начале статьи.

Речь идет о том, что искусственное сужение фонда личных и фамильных имен по ритуально-харизматическим причинам при современных условиях делает все более неэффективной в социально-различительном отношении даже эту систему.

Чем характерна в данном отношении современная обстановка?

Во-первых, миграция рабочей силы из деревни в город, из области в область, из страны в страну за последние десятилетия выросла и исчисляется десятками миллионов. Во-вторых, вырос туризм в самых разнообразных его формах. Число туристов в мировых масштабах также исчисляется ежегодно десятками миллионов. В-третьих, развитие прессы, кино, радио, телевидения способствовало выходу на общественную арену великого множества политических и общественных деятелей, а также деятелей науки, литературы, искусства до участников художественной самодеятельности и спортивных соревнований включительно. Их имена, представлявшие некогда интерес для сравнительно узкого круга лиц, становятся ныне известными общенациональной или даже мировой аудитории.

Все это повышает требования к различительной функции имен и в то же время осложняет выполнение этой функции. Каждое предприятие и каждое государство заинтересовано в четкой, унифицированной, документальной фиксации личности рабочего, служащего, клиента, туриста и т. д. Для читателя газеты и журнала, слушателя радиопередачи, кино- и телезрителя важно знать, о какой именно личности идет речь. В этой связи неоднозначность, неясность, несоответствие формы имени и фамилии официально принятой системе представляется нежелательным, чреватым опасностью различных ошибок или злоупотреблений.

Особенно нежелательным представляется наличие тезок как в личных, так и особенно в фамильных именах. Между тем пережитки преж-

⁶ Актуальность проблемы типологии в ономастике подчеркивалась всеми участниками упомянутого выше заседания Группы ономастики Ин-та этнографии АН СССР.

них социальных отношений, а также традиции, обычаи, мода, вообще ритуал и харизма консервируют сложившиеся системы имен собственных, сохраняют и даже умножают число тезок.

Таким образом, в исторической эволюции системы имен мы наблюдаем как бы виток спирали: сначала здесь доминировала различительная функция, затем она обросла социальной, ритуальной и харизматической, а теперь происходит умаление трех последних и выдвижение различительной функции снова на доминирующий план.

Это касается не только ряда развивающихся стран, где государственная власть декретом упраздняет пережитки предыдущей стадии развития и конституирует современную систему. В скандинавских странах, например, особенности социально-этнического развития и прежде всего сравнительная малочисленность населения, разбросанного совсем недавно по мелким и мельчайшим поселкам, тоже вызвали несоответствие между сложившейся системой имен и требованиями жизни. Так, в Швеции на восемь миллионов населения 381 тыс. людей носит фамилию Андерссон, 365 тыс. — Иоганссон, 333 тыс. — Карлссон и т. д. А так как и набор личных имен по ритуально-харизматическим причинам здесь очень узок, то все это создает в повседневном обиходе невероятные трудности. Когда-то в мелких поселках неэффективность такой системы до некоторой степени компенсировалась параллельной системой прозвищ. Но в официальной документации прозвища отпали и создавалась кризисная ситуация. В итоге правительство решилось на крайнюю меру: с помощью электронной машины подбирается 50 тысяч новых благозвучных фамилий, которые официально рекомендуются для замены наиболее распространенных.

С теми же трудностями столкнулось правительство Дании.

В Италии жесткая регламентация личных имен со стороны католической церкви снизила эффективность системы имен в различительном отношении: сравнительно узкий (по традиции) набор фамильных имен и большое число многодетных семей привели там к появлению множества тезок по фамилии, так что на личные имена по части различительной функции падает значительная нагрузка. Дело дошло до протестов общественности против церковной регламентации личных имен.

Примеры такого рода можно продолжить. Но главное — кризисные явления, подобные только что перечисленным, почти повсюду имеют тенденцию к нарастанию. Сегодня наличие у президента США Л. Б. Джонсона абсолютного тезки в лице капитана хоккейной команды Л. Б. Джонсона может рассматриваться как забавное совпадение имен. Точно так же забавно, что известный английский ученый Уолтер Грей, чтобы его не путали с другим Уолтером Греем (тоже известным ученым), счел необходимым видоизменить свое имя на Грей Уолтер. Однако завтра появление на общественной арене сотен и даже тысяч абсолютных тезок может вызвать большие неудобства. Избежать этого можно только путем продуманных реформ, ослабляющих социальные и ритуально-харизматические стеснения в системе имен. Но имена людей — область весьма деликатная, затрагивающая честь и достоинство личности и всякая реформа должна опираться на тщательно проведенные исследования специалистов по антропонимике.

Особенно важны такие исследования в социалистических странах, где выход на общественную арену знатных людей из числа передовиков производства, деятелей науки, искусства принимает значительные масштабы и, следовательно, кризисные явления в сложившейся системе имен должны уже сейчас вызывать тревогу. Перспективы же развития имен собственных в коммунистическом обществе с выходом на общест-

венную арену многомиллионных масс людей высокой культуры требуют еще более пристального внимания.

Автором была сделана попытка рассмотреть возможные перспективы дальнейшей эволюции системы имен собственных⁷. Как известно, на этот счет существуют две прямо противоположные концепции. Одна из них принадлежит американскому писателю — фантасту Хьюго Гернсбеку, который считал, что в обществе далекого будущего с его многими миллиардами членов фамильное имя не в состоянии будет выполнять различительную функцию и отомрет. Останется только личное имя, рассчитанное на узкий круг знакомых. Фамилию же заменит номер, возможно, ассоциирующийся с номером личной машины, видеофона и т. д. Другая, широко распространенная концепция сводится к тому, что современная система имен сохранится навечно в силу чрезвычайной живучести ритуально-харизматической функции, просто в силу традиций.

Обе концепции заслуживают внимания, но представляются односторонними. Сторонники первой действительно игнорируют не только ритуально-харизматическую, но и социальную функцию фамильного имени, признавая таковую лишь для личного. Конечно, ссылка на номер видеофона, место жительства, род занятий может оказаться необходимой для уточнения имени. Но замена фамилий номерами возможна, на наш взгляд, только в обществе, где человек превращен в придаток машины и его личность сама по себе не имеет значения. В коммунистическом обществе такой путь, по всей видимости, окажется неприемлемым, так как подорвет социальную функцию имени.

Нельзя забывать, что если указание на место личности в социальной структуре общества при коммунизме в значительной мере потеряет значение, то понятие о чести и достоинстве личности, каждой личности, сохранится и наверняка приобретет даже большее значение, чем сейчас. Между тем, имя (фамильное в том числе) тем и отличается от номера, что прочно связывается в сознании людей с определенной личностью. Ошибка в номере остается незамеченной. Искажение имени режет глаз и слух. Вот почему там, где целью общества является свобода и всестороннее развитие личности, где «Человек — это звучит гордо», логично предположить не номера, а громкие и гордые имена.

Что касается другой концепции, то ее сторонники игнорируют факт растущей неспособности традиционной системы имен выполнять различительную функцию. Конечно, имена можно сдвигать и даже страивать. Но это паллиатив, к тому же во многих отношениях неудобный. Между тем, речь может идти не обязательно о традиционных именах.

Антропонимические исследования показывают, что имена собственные, образовавшись из слов одного языка, перекочевывают в другие и в своих путешествиях по странам и векам теряют связь с первоначальным смысловым значением, видоизменяясь сообразно нормам каждого приютившего их языка и превращаясь просто в привычные сочетания слогов. Однако слогосочетания, непривычные для нас, могут оказаться привычными для языка, обычаев, культуры людей будущего.

Из сказанного следует три вывода:

1. Живучесть традиционных имен, легко укладываемых в нормы других языков, позволяет предположить, что и в будущем сохранятся многие привычные нам имена.
2. С изменением языка, обычаев, культуры появятся, видимо, и другие

⁷ См. И. Лада, Дар Ветер или Ральф 124 С 41+?, «Наш современник», 1965, № 11, стр. 115—117.

имена. Неизбежное исчезновение в коммунистическом обществе харизматической функции, рационализация ритуальной, видоизменение (в указанном выше смысле) социальной и резкое возрастание роли различительной обязательно приведут к появлению множества новых имен, благозвучных и ярких.

3. В условиях многомиллиардного общества для эффективного выполнения различительной функции, наряду с максимальным разнообразием имен, неизбежно потребуются усложнение их системы, складывание — соответственно росту населения и выходу на общественную арену все более широкого круга людей — целой иерархии имен, рассчитанных на различную аудиторию. Как уже говорилось, возможно также уточнение этих имен ссылками на личный номер видеофона, место жительства и т. д.

Понятно, что все это — сугубо общие, предварительные соображения. Надо сказать, что этническая прогностика является одной из самых отстающих отраслей в бурно развивающемся сейчас комплексе исследований по проблемам социального прогнозирования. А вопросы антропоники в этом плане и подавно не затрагивались. Для более конкретных и мотивированных выводов в данном отношении требуются специальные исследования.

Но нас сейчас интересует не далекое будущее, а ближайшие годы и десятилетия, в масштабах которых назревающий кризис вырисовывается довольно четко. Пока еще совпадение имен у лиц, выступающих на общественной арене, встречается сравнительно редко. Известны труды А. Л. Сидорова и Н. А. Сидоровой — историков, А. А. Сидорова и Н. А. Сидоровой — искусствоведов. В списках делегатов съездов, депутатов Советов и т. д. абсолютные тезки различаются обычно ссылками на место работы (своеобразное возрождение «профессионального имени»). Два десятка Ивановых — членов Союза советских писателей и добрая сотня Ивановых — членов Союза журналистов различаются обычно написанием имен и инициалов (по типу: И. И. Иванов, Иван Иванов, Ив. Иванов, И. Иванов и т. п.), а также путем использования псевдонимов. Но легко представить, какие трудности нас ожидают, когда на общественную арену выйдут десятки и сотни абсолютных тезок, число которых при существующей системе имен собственных должно постоянно возрастать.

Большую тревогу в связи с этим вызывает тенденция к сужению у нас (почти исключительно по мотивам традиций, обычаев и моды) набора личных имен, на которые при сложившейся системе падает значительная доля различительной функции. На такого рода тенденцию уже довольно давно указывали советские специалисты по антропонимике.

В. А. Никонов в своем докладе, прочитанном в Институте этнографии в феврале 1965 г., вскрыл интереснейшие закономерности распределения личных имен в городских и сельских местностях типичных районов Российской Федерации. Он проследил, как традиции, обычаи и мода определяют эволюцию личного именного фонда в городах, а затем постепенное распространение происходящих там сдвигов на сельскую местность. В. А. Никонов отметил сужение круга наиболее употребительных личных имен⁸. А. В. Суперанская в ряде статей также указывала на то, что сейчас активно употребляется меньше десятой части наиболее распространенных совсем недавно русских имен. Редкостью

⁸ См. В. А. Никонов, Личное имя — социальный знак, «Сов. этнография», 1967, № 5.

становятся даже такие имена как Антонина, Людмила, Василий, Кирилл. По подсчетам сотрудников одного из загсов, 60 процентов мужчин среднего возраста и половина женщин 30—40 лет носят всего десяток личных имен. А по последним записям в этом загсе на сто новорожденных мальчиков оказалось в среднем 20 Александров, почти столько же Андреев и чуть меньше Сергеев.

Тенденция сужения круга наиболее употребительных личных имен стала предметом заботы государственных органов нашей страны. «Число имен, которые дают новорожденным, все больше и больше сокращается»,— заявил начальник Отдела загсов Юридической комиссии при Совете Министров РСФСР Н. А. Бельк в докладе «Практические вопросы антропоники» на Первой Поволжской конференции по ономастике в сентябре 1967 г. Он перечислил меры, которые уже приняты для исправления положения. Сюда входит издание словаря личных имен народов РСФСР, систематическая пропаганда этих имен на страницах печати, составление списков наиболее употребительных личных имен и др.

Таким образом, антропонимические исследования в сложившихся условиях выходят за чисто академические рамки и приобретают актуальный характер. Это ставит перед советскими учеными задачу активизации работы в этой области.

До недавнего времени эффективность работы специалистов по антропоники снижалась у нас разрозненностью, кустарностью их действий. Труды по проблемам антропоники появлялись редко. Координирующих органов не существовало. Теперь, с созданием в Институтах этнографии и языкознания АН СССР специализированных групп по проблемам ономастики положение, видимо, должно измениться к лучшему. Создалась возможность сосредоточиться на наиболее актуальных, ключевых вопросах антропоники, поднять теоретический уровень исследований⁹.

Советская антропонимика может и должна занять подобающее ей место в современной науке.

⁹ См. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков, А. В. Суперанская, М. А. Членов, Новые исследования по ономастике, «Сов. этнография», 1968, № 1.

ЮНЕСКО И БОРЬБА ПРОТИВ РАСИЗМА

Борьба против расизма имеет международный характер. Вопросы борьбы с расизмом обсуждаются в Организации Объединенных наций, в комиссиях по вопросу о правах человека, в специализированных учреждениях ООН.

Организация Объединенных наций приняла ряд деклараций, направленных против расизма, в том числе Декларацию о правах человека, специальную конвенцию по борьбе с геноцидом и др. Расизм осужден прогрессивным человечеством. Научная жизнь его констатирована в международных документах, однако борьба против расизма продолжается в настоящее время с неослабевающей силой.

Особое место в борьбе против идеологии расизма занимает деятельность Организации Объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), членами которой являются более 120 государств мира.

В преамбуле к Уставу ЮНЕСКО, вступившему в силу 5 ноября 1946 года, подчеркивалось, что распространение «доктрины неравенства рас и людей» было одной из причин возникновения второй мировой войны.

Генеральная конференция ЮНЕСКО, состоявшаяся в 1949 году, одобрила резолюцию, призывающую Организацию изучать и собирать научные материалы о расизме и расовых предрассудках, широко распространять собранную научную информацию и подготовить проведение просветительской кампании, основанной на этой информации. В соответствии с этой резолюцией Департамент социальных наук ЮНЕСКО организовал комитет антропологов, психологов и социологов, задача которых состояла в том, чтобы определить понятие расы и обобщить современные научные представления о проблеме расовых различий. Комитет, в состав которого вошли 8 известных ученых от Англии, Бразилии, Индии, Мексики, Новой Зеландии, Соединенных Штатов и Франции, 18 июля 1950 г. опубликовал заявление по указанному вопросу.

В Заявлении¹ от 18 июля 1950 года отмечалось: «Все люди относятся к одному виду — *homo sapiens*» (ст. 1).

«С биологической точки зрения... сходство между людьми значительно больше, чем их различия», — говорилось во 2-й статье.

В статье 7-й подчеркивалось, что антропологи классифицируют человеческие расы по-разному, однако, какую бы классификацию антропологи ни применяли при делении человечества на расы, психические свойства людей никогда не являются теми признаками, по которым осуществляется такая классификация (ст. 9).

«Национальные, религиозные, географические, лингвистические группы не обязательно совпадают с расовыми группами» (ст. 6).

«Никогда не было достоверно установлено, — указывалось в Заявлении, — что расовое смешение само по себе играет биологически отрицательную роль. Утверждения о том, что потомство от смешанных браков проявляет нежелательные черты как в физическом, так и в умственном отношении, физическую дегенерацию и умственную дегенерацию, — не подтверждаются фактами. Поэтому, с точки зрения биологии нет никакого оправдания для запрещения смешанных браков между представителями различных этнических групп» (ст. 13). И далее: «Исследования в области биологии дают подтверждение идее всеобщего братства между людьми, ибо люди рождаются со стремлением к сотрудничеству между собой» (ст. 15).

Заявление, распространенное многочисленными органами печати в десятках стран мира, было с одобрением воспринято демократической общественностью, а французский парламент принял решение о включении материалов Заявления в школьные программы Французского Союза.

Однако Заявление от 18 июля 1950 года вызвало активное противодействие со стороны некоторых расистски настроенных антропологов и генетиков, пытавшихся поставить под сомнение научную достоверность отдельных его положений и требовавших более широкого участия антропологов и генетиков в составлении такого Заявления.

¹ «The race question», UNESCO, Paris, 1950, p. 5—10.

Особенно острые нападки вызвало выдвинутое в Заявлении утверждение о том, что биологические исследования подтверждают идею всеобщего братства между людьми, ибо люди рождаются со стремлением к сотрудничеству между собой. Английский антропологический ежемесячный журнал «Мэн», хотя и выразил солидарность с основным содержанием документа, открыл на своих страницах кампанию протеста против этого и ряда других положений².

Королевский антропологический институт направил 24 июля 1950 года письмо в газету «Таймс», в котором группа английских антропологов также выступала против этого и других положений Заявления 1950 года³.

Потребовалось создание нового комитета, где антропологи и генетики были широко представлены. В него вошли 12 известных ученых Англии, Голландии, Соединенных Штатов и Франции. Этот комитет в ходе дискуссий, продолжавшихся с 4 по 9 июня 1951 года, подготовил новое «Заявление о природе расы и расовых различий».

В Заявлении 1951 года вновь были подтверждены основные положения Заявления от 18 июля 1950 года, показывающие научную несостоятельность идеологии расизма.

Сторонникам скрытых и откровенных расистских концепций не удалось повлиять на ход дискуссий, не удалось использовать в своих целях коллективный международный документ.

В Заявлении 1951 года⁴, в частности, утверждалось:

«Все люди, живущие в настоящее время на земле, происходят от единого корня, хотя существуют различия относительно того, когда и как произошли от этого единого корня различные человеческие группы» (ст. 1).

«Некоторые из физических различительных признаков, существующих между группами людей, являются результатом различий в наследственной конституции, другие — результатом воздействия различных условий окружающей среды, в которой эти признаки развивались» (ст. 2).

«Особенности физической структуры, отличающие одну большую расу от другой, не дают никаких оснований в пользу распространенных представлений об общем «превосходстве» или общей «неполноценности» той или иной из этих больших групп людей» (ст. 4).

«Научный материал, которым мы располагаем в настоящее время, не оправдывает вывода, что врожденные генетические различия являются основным фактором, порождающим различия между культурами и культурными достижениями различных народов или групп. Напротив, он свидетельствует о том, что основным фактором, объясняющим такие различия, является культурный опыт, накопленный каждой группой» (ст. 6).

«Исторические и социологические исследования подтверждают ту точку зрения, что генетические различия не имеют большого значения в определении социальных и культурных различий между отдельными группами людей» (ст. 9, подпункт «г»).

Подготовленное и опубликованное Заявление 1951 года было разослано на отзыв 96 известным антропологам и генетикам 22 стран, в том числе ученым Португалии, Южной Родезии и Чили, которые в то время не входили в ЮНЕСКО. Но антропологам Советского Союза, внесшим огромный вклад в борьбу против идеологии расизма⁵, Заявление не было направлено формально потому, что СССР вступил в ЮНЕСКО 21 апреля 1954 года. Неучастие советских ученых в разработке текста Заявления, несомненно, отрицательно отразилось на самом документе и на коллективных усилиях ученых при его составлении.

Однако Заявление 1951 года, несмотря на отдельные излишне осторожные формулировки, отсутствие анализа социальных причин, порождающих расизм и подчеркнуто академический тон, явилось новым крупным выступлением международной научной общественности против идеологии расизма.

Большинство антропологов и генетиков, которым было направлено Заявление, поддержали его и выразили свою солидарность с этим документом. Многие ученые, одобряя Заявление в целом, предложили свое толкование отдельных его статей. И только некоторые антропологи и генетики открыто выступили против основных положений Заявления. Это были С. Дарлингтон (Англия), Е. Фишер (ФРГ), Д. Дженна (Италия), К. Кун (США)⁶.

² «Мэн», October, 1950, p. 138, May, 1951, p. 101.

³ «Мэн», October, 1950, p. 138.

⁴ «The race concept. Results of an enquiry», UNESCO, Paris, 1951, p. 12—16.

⁵ См.: «Наука о расах и расизм», «Труды Ин-та антропологии при МГУ», вып. IV, М., 1938; сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», «Труды Ин-та этнографии», т. XII, М., 1951; сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Труды Ин-та этнографии», т. XVII, М., 1951; М. Ф. Нестурх, Человеческие расы, М., 1954, и др. См. также сб. «Против расизма», М., 1966.

⁶ «The race concept. Result of an enquiry», p. 25.

Е. Фишер, известный немецкий антрополог, бывший директор Антропологического института имени кайзера Вильгельма в Берлине, а затем профессор западногерманского университета в Фрейбурге, например, категорически заявил, что, по его мнению, представители разных рас различаются между собой «по их внутренней способности к интеллектуальному и эмоциональному развитию»⁷.

Карлтон Кун, профессор Филадельфийского университета, утверждал, что «расы проявляют свое явное превосходство или неполноценность по отношению друг к другу в конкретных обстоятельствах»⁸.

С. Дарлингтон, профессор Института Джона Иннеса, и Джузеппе Дженна, директор Института антропологии во Флоренции, пытаясь доказать неравенство рас в их способности к умственному развитию, фактически допускали установление иерархии между расами⁹.

Против Заявления выступили также и некоторые другие антропологи и генетики, которые формально поддержали Заявление, но фактически высказались против главных его положений. Так, К. Матер (Англия) выступил против доказанного эмпирическими данными и подтвержденного историческим опытом утверждения о том, что различий в средних показателях умственных способностей индивидуумов, составляющих ту или иную популяцию, не существует¹⁰.

Разработанная ЮНЕСКО программа борьбы против идеологии расизма, рассчитанная на 15 лет, предусматривала публикацию серии брошюр видных представителей социальных и естественных наук, в том числе: «Раса и современная наука», «Расовый вопрос и современная мысль», «Раса и общество».

Вступление в ЮНЕСКО Советского Союза 21 апреля 1954 года значительно усилило международную борьбу против идеологии расизма, придало этой борьбе более целеустремленный, направленный характер, соединило борьбу против расизма с борьбой против социальных условий, порождающих расизм. Было принято решение о подготовке развернутой Декларации по вопросу о расе и расовых предрассудках, дополняющей опубликованное в 1951 году Заявление и включающей определение социальных причин, порождающих расизм. При активном участии советских ученых для включения в текст Декларации были разработаны материалы, которые определяли причины, порождающие расизм, а также намечали пути преодоления расовых предрассудков и расовой дискриминации через ликвидацию условий, их порождающих.

Большое значение для подготовки такой Декларации имел симпозиум ЮНЕСКО, проведенный в августе 1964 года в Москве и посвященный разработке биологических аспектов проблемы расы и расовых предрассудков. Работа симпозиума осуществлялась в рамках VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. В симпозиуме приняли участие 23 известных биолога, генетика и антрополога из 17 стран — Англии, Бельгии, Бразилии, Венесуэлы, Индии, Канады, Мексики, Нигерии, Норвегии, Польши, Сенегала, СССР, США, ФРГ, Франции, Чехословакии и Японии. Советский Союз был представлен на симпозиуме делегацией, в состав которой вошли В. В. Бунак, Г. Ф. Дебеч (председатель симпозиума), Я. Я. Рогинский и В. П. Якимов. Предложения, выдвинутые симпозиумом для включения в Декларацию по вопросу о расе и расовых предрассудках, были приняты единогласно.

В Предложениях 1964 года были сформулированы все основные биологические аспекты проблемы расы и расовых предрассудков, в частности были приняты следующие положения¹¹:

«Некоторые физические признаки имеют всеобъемлющую и фундаментальную биологическую ценность для существования человека в какой бы то ни было среде. Различия, на которых основываются расовые классификации, не относятся к таким признакам. Поэтому с биологической точки зрения эти различия ни в коем случае не позволяют говорить об общем превосходстве или неполноценности той или иной расы» (ст. 6).

«Различия между особями одной и той же расы или одной и той же популяции часто бывают больше, чем различия в средних величинах между расами или между популяциями» (ст. 5).

«Представляется, что успехи, достигнутые человеком в любой области, осуществлялись на протяжении многих тысячелетий, главным образом, если не исключительно, в плане культурных приобретений, а не в плане наследственности. Этим вызывается изменение роли естественного отбора у современного человека.

«Вследствие подвижности человеческих популяций и под влиянием общественных факторов, смешение различных человеческих групп, ведущее к стиранию образова-

⁷ Там же, стр. 61.

⁸ Там же, стр. 45. Следует, впрочем, заметить, что К. Кун был в числе экспертов, подписавших Предложения московского симпозиума 1964 г.

⁹ Там же, стр. 26, 27, 52, 55.

¹⁰ Там же, стр. 46.

¹¹ См.: «Сов. этнография», 1965, № 1, стр. 140—142.

шихся различий, играло в истории человеческого вида более важную роль, чем в истории видов животных. В прошлом любой популяции, любой человеческой расы насчитывалось много случаев смешения, которое имеет тенденцию усиливаться. Препятствия к смешению у человека носят социальный и культурный характер не в меньшей степени, чем географический» (ст. 7).

«Человеческие расы обычно значительно менее четко очерчены, чем многие расы животных, и никоим образом не могут быть уподоблены породам домашних животных, которые возникают под влиянием отбора, направленного на определенные цели» (ст. 8).

«Наследственность — указывалось в Предложениях, — может сказаться на различиях, которые обнаруживают особи одной и той же популяции в ответах на некоторые психологические тесты, применяемые в настоящее время. Однако никогда не было доказано различие между наследственными свойствами человеческих групп в том, что касается черт, оцениваемых этими тестами... Представляется, что народы земли обладают ныне равными биологическими возможностями для достижения любого уровня цивилизации и что различия между достижениями разных народов должны объясняться целиком историей их культуры.

...В отношении наследственных возможностей общего умственного развития и способностей к культурным достижениям, так же как и в отношении физических признаков, нельзя оправдать концепции «высших» и «низших» рас» (ст. 13).

После того, как на Московском симпозиуме был подготовлен биологический раздел для включения его в Декларацию, потребовалось еще время для разработки самой Декларации.

В рабочих материалах ЮНЕСКО¹², подготовленных аппаратом ЮНЕСКО и являвшихся своего рода программой для составителей Декларации, были поставлены многие вопросы, в том числе следующие:

— Каковы общие условия преодоления расовых предрассудков и расовой дискриминации, в частности, какова в этом отношении роль таких факторов: как социальная структура, образование, информация и законодательство?

— Расовые предрассудки и дискриминация являются следствием определенных социальных отношений. По общепринятому мнению, школа является одним из самых важных факторов идеологической подготовки молодого поколения. В какой мере роль школы в данной области ограничивается более широкими историческими, культурными и общественными условиями, в которых протекает процесс образования? Как подходить к проблеме образования в интересах искоренения расовых предрассудков среди отдельных людей и, в конечном итоге, уничтожения расовой дискриминации?

— В формировании общественного мнения участвуют самые разнообразные источники информации. В какой мере можно использовать средства информации для правильного понимания расовых вопросов широкой общественностью для разрушения ложных представлений и для уничтожения расовых предрассудков? Какую роль в преодолении расовых предрассудков играют церковь, благотворительные учреждения и другие неправительственные организации?

— Многие страны используют законодательные средства для обеспечения равноправия людей, принадлежащих к различным этническим, культурным и «расовым» группам. Какова роль законодательства в борьбе с расовыми предрассудками и дискриминацией? Какова роль учреждений, ответственных за осуществление законов? Можно ли закон рассматривать как средство воспитания, даже если в основном он касается лишь внешнего поведения человека? Помимо социальной структуры, образования, информации и законодательства, существуют ли другие общие условия для преодоления расовых предрассудков и расовой дискриминации с учетом исторических, культурных, социальных, экономических, психологических и этических факторов?

На все эти вопросы Декларация о расе и расовых предрассудках должна была дать ответы.

И такие ответы были даны в Декларации 1967 года. Декларация вновь подтвердила основные положения принятых ранее коллективных заявлений 1950 и 1951 гг., а также Московского совещания 1964 года по вопросу о расе и расовых предрассудках.

Декларация была принята на совещании, проходившем в Париже с 18 по 26 сентября 1967 года. Председателем совещания был избран М. К. Мбай (Сенегал), его заместителями Л. Брум (США) и Г. Ф. Дебес (СССР). От Советского Союза в совещании приняли участие также Н. А. Ковальский (Институт международного рабочего движения), Г. А. Можжев (заместитель ответственного секретаря Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО). Совещание рассмотрело вопросы, связанные с современным состоянием науки о расах, с учетом новых исследований и достижений биологических и социальных наук, а также распространенные в настоящее время расистские концепции и расовые предрассудки. Был подведен итог обсуждению мировой научной общественностью ранее принятых коллективных заявлений по вопросу о расе и расизме.

¹² «Document de travail», SHC (CS) 122/3, Paris, 8 septembre, 1967, p. 1—17.

В Декларации 1967 года большое внимание уделяется социологическим аспектам критики идеологии расизма и расовой дискриминации, указываются социальные корни расизма и намечаются пути преодоления расизма и расовых предрассудков.

Декларация 1967 года¹³ (перевод ее официального текста публикуется в этом же номере журнала «Советская этнография») подчеркивает, что «расизм продолжает свирепствовать в современном мире», «усиливает международную напряженность и угрожает миру во всем мире» и «как существенное социальное явление, он требует внимания исследователей во всех областях наук о человеке».

В отличие от Заявлений 1950 и 1951 годов, в которых основное внимание уделялось критике научной несостоятельности биологических аспектов расистских концепций, Декларация 1967 года подвергает критическому рассмотрению социологические аспекты расизма.

«Проблемы, встающие перед человечеством в связи с так называемыми «расовыми» отношениями,— указывается в Декларации (ст. 4),— имеют скорее социальное, нежели биологическое происхождение».

Рассматривая расизм в качестве социологической категории, Декларация дает определение ему, как системе таких явлений, которые выражаются в антиобщественных действиях и представлениях, основанных на ложной предпосылке, согласно которой дискриминационные отношения между группами людей оправдываются с биологической точки зрения (ст. 4).

Декларация также с особой силой подчеркивает ложность утверждения о том, что якобы «наука дает основания для иерархического распределения групп по их неизбежным врожденным культурным и психологическим свойствам» (ст. 5).

Декларация уделяет особое внимание тому, чтобы не допустить использования в целях увековечения расовых предрассудков и расовой ненависти органов пропаганды, а также системы других идеологических средств воздействия на умы людей, таких как школа, право, судебные органы, государственные и частные учреждения и организации.

Декларация совершенно правильно исходит из того, что корни расовых предрассудков «находятся в общественном и экономическом строе общества» (ст. 11), что «государственное законодательство является эффективным средством, могущим поставить вне закона расистскую пропаганду и действия, основанные на расовой дискриминации» (ст. 17).

В Декларации указывается, что расовые предрассудки и расовая дискриминация по природе своей суть явления исторического и социального порядка, ложно прикрываемые авторитетом науки, и что поэтому «биологи, социологи, философы и ученые смежных отраслей науки должны следить за тем, чтобы результаты их исследований не были превратно использованы теми, кто намерен пропагандировать расовые предрассудки и поощрять дискриминацию» (ст. 19).

Декларация 1967 года, основные ее положения, явились большой победой всех прогрессивных сил, борющихся против идеологии расизма.

Касаясь главных причин, породивших идеологию современного расизма, Декларация отметила, что он является следствием стремления оправдать рабство негров, уничтожение индейцев в Западном полушарии, а также захват колоний. Идеология расизма показана в Декларации как социальное явление, путь к ликвидации которого лежит через уничтожение порождающих его социальных условий. Включение такого положения в Декларацию является большой заслугой работников общественных наук социалистических стран. Оно показывает действительно материалистические пути решения сложной социальной проблемы человечества, какой является проблема расизма, расовых предрассудков и расовой дискриминации.

Декларация 1967 года является большой поддержкой всем демократическим и прогрессивным силам, борющимся в разных странах мира против расизма. Она объективно является осуждением всех форм расизма, где бы они ни проявлялись, и наносит удар по расистскому режиму в Южно-Африканской республике, где идеология расизма возведена в ранг государственной политики; по расизму в Соединенных Штатах, где расистским преследованиям подвергаются 21 млн. негров и миллионы мексиканцев, пуэрториканцев, индейцев и представителей всех других так называемых «цветных» меньшинств; по расизму в бывших колониальных, зависимых и всех других странах, где проявляется идеология расового превосходства и угнетения.

Декларация о расах и расовых предрассудках — важная веха в истории международной борьбы против расизма.

Ю. А. Громов

¹³ «Meeting of experts on race and racial prejudices», UNESCO, Paris, 18—26 september 1967, SHC(CS)122/4, p. 1—5.

ДЕКЛАРАЦИЯ О РАСЕ И РАСОВЫХ ПРЕДРАССУДКАХ

(ЮНЕСКО, ПАРИЖ, 26 СЕНТЯБРЯ 1967 Г.)

1. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Этот демократический принцип, провозглашенный во всем мире, находится под угрозой повсюду, где политическое, экономическое, социальное и культурное неравенства влияют на отношения между людьми. Расизм является особенно серьезным препятствием признанию равного достоинства людей. Расизм продолжает свирепствовать в современном мире. Как существенное социальное явление, он требует внимания исследователей во всех областях наук о человеке.

2. Расизм препятствует развитию тех, кто от него страдает, развращает тех, кто его исповедует, разделяет нации между собой, усиливает международную напряженность и угрожает миру во всем мире.

3. Совещание экспертов, собравшихся в Париже в сентябре 1967 г., признало, что расистские доктрины лишены какого бы то ни было научного основания. Оно подтвердило предложения, принятые международным совещанием, созданным в Москве в 1964 г., для пересмотра биологических аспектов Декларации о расе и расовых различиях, составленных в 1950 и 1951 гг. Особое внимание уделяется следующим положениям:

а) Все современные люди относятся к одному виду и происходят от одного корня.

б) Деление человечества на «расы» в известной мере условно и произвольно и не подразумевает их неравноценность в каком бы то ни было смысле. Многие антропологи, всецело признавая большое значение изменчивости людей, считают, что деление на «расы» имеет ограниченное научное значение и что оно может даже привести к чрезмерным обобщениям.

в) Современная биологическая наука не позволяет относить различия в культурных достижениях народов за счет различий в их наследственных свойствах. Различия в достижениях людей должны быть объяснены только историей их культуры. Народы мира обладают равными биологическими возможностями для достижения любого уровня цивилизации.

Расизм грубо фальсифицирует данные биологии человека.

4. Проблемы, встающие перед человечеством в связи с так называемыми «расовыми» отношениями, имеют скорее социальное, нежели биологическое происхождение. Основную проблему представляет собой расизм, выявляющийся в антиобщественных действиях и представлениях, основанных на ложной предпосылке, согласно которой дискриминационные отношения между группами людей оправдываются с биологической точки зрения.

5. Группы обычно оценивают свои свойства в сравнении со свойствами других групп. Расизм ложно утверждает, что наука дает основания для иерархического распределения групп по их неизбылемым и врожденным культурным и психологическим свойствам. Он пытается таким образом представить неизменными существующие различия с целью увековечить современные отношения между группами.

6. Поскольку выявлена ложность его биологических доктрин, расизм находит все новые уловки, чтобы оправдать неравенство групп. Основываясь на отсутствии брачных связей между группами, которое в известной мере происходит из им же созданных условий, расизм черпает отсюда аргументы для утверждения, что отсутствие брачных связей вызывается различиями биологического порядка. И по мере того, как он оказывается не в состоянии доказать, что источник различий между группами имеет биологическую основу, он обращается к другим доказательствам: божественной воле, культурным различиям, различному уровню образования или к какой-либо иной доктрине, могущей замаскировать расистские предрассудки. Таким образом, многие из проблем, вызываемых расизмом в современном мире, вытекают не только из открытых его проявлений, но также из деятельности тех, кто проводит дискриминацию на расовой основе, но не желает в этом признаваться.

7. Расизм имеет исторические корни. Это не универсальное явление. Во многих современных обществах и культурах проявляются лишь слабые его следы. Продолжительные исторические периоды были свободны от расизма. Многие формы расизма происходят из условий, созданных завоеванием, как, например, в отношении индейцев Нового Света, из попыток оправдать рабство негров и возникшего отсюда на Западе представления о расовом неравенстве, а также из колониальных отношений. Среди других примеров фигурирует антисемитизм, который играл особую роль там, где ответственность за проблемы и кризисы, с которыми сталкивались многие общества, возлагалась на евреев, служивших козлами отпущения.

8. Антиколониальная революция XX века создала новые возможности для устранения бича расизма. В некоторых ранее зависимых странах люди, считавшиеся низ-

шими, впервые получили полные политические права. Кроме того, равноправное участие ранее зависимых стран в деятельности международных организаций подорвало основы расизма.

9. Однако в некоторых обществах группы, бывшие сами жертвами расизма, приняли в ходе борьбы за свободу доктрины расистского толка. Это вторичное явление, вызванное стремлением человека к равенству, в котором расистская теория и практика ему ранее отказывали. Как бы то ни было, вновь возникающие формы расистской идеологии, проистекающие из этой первичной эксплуатации, не имеют никакой биологической основы. Они являются следствием политической борьбы и лишены научного основания.

10. Чтобы разоблачить расизм, недостаточно, чтобы биологи показали его ложность. Необходимо также, чтобы психологи и социологи выявили причины его появления. Социальная структура всегда является важным фактором. Тем не менее в рамках одной социальной структуры возможны большие различия в отношении расистского поведения отдельных лиц в зависимости от их личных свойств и жизненных обстоятельств.

11. Комитет экспертов пришел к следующим заключениям, относительно социальных причин расовых предрассудков:

а) Социальные и экономические причины расизма чаще всего возникают в тех обществах колонистов, в которых создается большое неравенство власти и имущественного положения, а также в некоторых городских зонах, где возникли гетто, обитатели которых лишены равенства при получении работы и жилища, в политической жизни, образовании, правосудии. Во многих обществах тот или иной вид общественной и экономической деятельности, рассматриваемый как противоречащий этике или стоящий ниже достоинства его членов, поручается инородным группам, которые подвергаются насмешкам, осуждаются и преследуются лишь потому, что они занимают этим видом деятельности.

б) Люди, испытывающие потрясения личного порядка, могут быть особенно подвержены воздействию расовых предрассудков и склонны к их проявлению. Небольшие группы, ассоциации и общественные движения определенного свойства порой сохраняют и распространяют расовые предрассудки. Однако корни этих предрассудков находятся в общественном и экономическом строе общества.

в) Расизм обладает свойством самоусиления. Дискриминация, лишая какую-либо группу равных прав, тем самым создает проблему вокруг этой группы. Затем той же группе предъявляются обвинения в создавшемся положении, что ведет к созданию новой расистской теории.

12. Основные средства борьбы с расизмом заключаются: в изменении общественных условий, порождающих предрассудки; в противодействии поступкам лиц, убеждения которых заражены предрассудками; в борьбе с самими ложными убеждениями.

13. Известно, что жоренные изменения общественного строя, которые способны привести к устранению расовых предрассудков, могут потребовать решений политического свойства. Однако известно также, что некоторые средства прогресса, такие как образование и другие меры общественного и экономического развития, органы массовой информации и право, могут быть немедленно и эффективно введены в действие для искоренения расовых предрассудков.

14. Школа и другие средства социального и экономического прогресса могут быть в числе наиболее эффективных мер для достижения широкого взаимопонимания и реализации всех человеческих возможностей. Вместе с тем они могут быть широко использованы также для увековечения дискриминации и неравенства. Необходимо поэтому, чтобы средства образования, а также социального и экономического воздействия во всех странах были использованы в следующих двух направлениях:

I. Школы должны следить за тем, чтобы их программы отражали научные данные о расах и единстве человечества и чтобы ни в учебниках, ни на уроках не делалось оскорбительных замечаний по отношению к тому или иному народу.

II. (а) Так как знания, которые должно дать общее и специальное образование, приобретают все растущее значение в ходе технического прогресса, школы и другие образовательные учреждения должны быть доступны всем группам населения без ограничений и дискриминации.

(б) Кроме того, в тех случаях, когда по историческим причинам те или иные группы находятся на более низком экономическом или образовательном уровне, общество должно принимать меры для исправления этого положения. Эти меры должны быть, насколько возможно, направлены на то, чтобы ограничения, возникающие в связи с бедностью, не оказывали влияния на судьбу детей.

Принимая во внимание важную роль преподавателей во всех видах образования, следует обратить особое внимание на их подготовку. Учителя должны осознать, в какой степени они сами заражены предрассудками, распространяемыми в обществе, в котором они живут. Следует поощрять искоренение этих предрассудков.

15. Официальные учреждения и другие органы, имеющие к этому отношение, должны обратить особое внимание на улучшение жилищных условий жертв расизма и их

возможностей при найме на работу. Эти меры не только уравнивают последствия расистской практики, но могут послужить сдерживающим фактором по отношению к образу действия и к поведению расистов.

16. Хотя средства массовой информации приобретают все растущее значение для распространения знаний и установления взаимопонимания, действительные возможности этих средств все же недостаточно известны. Необходимо вести постоянные исследования в области общественного использования этих средств для определения их влияния на формирование убеждений и норм поведения в связи с расовыми предрассудками и расовой дискриминацией. Так как средства массовой информации охватывают широкие слои населения, сильно различающиеся по уровню образования и общественному положению, они могут играть решающую роль как в поощрении расовых предрассудков, так и в борьбе с ними. Действия лиц, работающих в области массовой информации, должны быть направлены на развитие взаимопонимания между группами и коллективами. Они не должны давать стереотипных представлений о народах, рисующих их в смешном виде. В печати следует избегать упоминаний о расовом происхождении, когда это не имеет прямого отношения к сути дела.

17. Право принадлежит к числу наиболее важных средств, обеспечивающих равенство людей и являющихся одним из наиболее действенных орудий борьбы с расизмом.

Всеобщая декларация прав человека от 10-го декабря 1948 г. и связанные с ней последующие международные соглашения и конвенции могут эффективно содействовать борьбе со всеми несправедливостями расистского характера как в национальном, так и в международном плане.

✓ Государственное законодательство является эффективным средством, могущим поставить вне закона расистскую пропаганду и действия, основанные на расовой дискриминации. Кроме того, политика, выраженная в этом законодательстве, должна быть обязательной не только для судей и судебных органов, проводящих их в жизнь, но и для всех официальных учреждений независимо от их уровня и характера деятельности.

Не следует надеяться, что законодательство может немедленно уничтожить предрассудки. Однако, будучи средством защиты от действий, основанных на предрассудках, и являясь моральным фактором, поддержанным авторитетом судебных органов, оно может в конечном счете способствовать изменению взглядов.

18. Этнические группы, являющиеся в той или иной форме жертвами дискриминации, иногда допускаются господствующими группами в свою среду при условии полного отказа от своих культурных особенностей. Надо подчеркнуть, что усилия этих этнических групп, направленные на сохранение своих культурных ценностей, должны поощряться. Это позволит им сделать лучший вклад в общую культуру человечества.

19. Расовые предрассудки и расовая дискриминация в современном мире вытекают из исторических и социальных явлений и ложно прикрываются авторитетом науки. Поэтому биологи, социологи, философы и ученые смежных отраслей науки должны сделать все возможное, чтобы результаты их исследований не были превратно использованы теми, кто намерен пропагандировать расовые предрассудки и поощрять дискриминацию.

Это заявление было единодушно одобрено следующими экспертами:

Д-р *М. Абдель Рахим* (Отдел политических наук социально-экономического факультета Хартумского университета, Хартум, Судан); проф. *Ж. Баланье* (Гуманитарный факультет Парижского университета, Париж, Франция); проф. *С. О. Борджа* (Отдел социологии Гуанабарского университета, Рио-де-Жанейро, Бразилия); проф. *Л. Брэйтуайт* (Отдел социологии Вест-Индского университета, Мона, Ямайка); проф. *Л. Брум* (Отдел социологии Техасского университета, Остин, США); проф. *Г. Ф. Дебец* (Институт этнографии Академии наук, Москва, СССР); проф. *И. Джорджевич* (Юридический факультет Белградского университета, Белград, Югославия); проф. *К. К. Фергюсон* (декан юридического факультета Хауэрдского университета, Вашингтон, США); д-р *Д. П. Гхай* (Институт по исследованию развития, Найроби, Кения); д-р *Л. Гутман* (Институт общественного мнения, Иерусалим, Израиль); проф. *Ж. Иерно* (Институт социологии им. Сольвея свободного Брюссельского университета, Брюссель, Бельгия); проф. *А. Кловска* (Отдел социологии Лодзинского университета, Лодзь, Польша); д-р *М. К. Мбай* (председатель Верховного суда, Дакар, Сенегал); проф. *Дж. Рекс* (Отдел социологии Дархэмского университета, Дархэм, Великобритания); проф. *М. Р. Сольвейра* (директор отдела философии Академии наук, Гавана, Куба); проф. *Х. Сузуки* (Отдел антропологии факультета наук Токийского университета, Токио, Япония); д-р *Р. Тапар* (лектор по древней истории Делийского университета, Нью-Дели, Индия); проф. *К. Х. Уоддингтон* (Институт генетики животных Эдинбургского университета, Эдинбург, Великобритания).

XIV КОНГРЕСС ФОЛЬКЛОРИСТОВ ЮГОСЛАВИИ

Очередной ежегодный конгресс югославских фольклористов собрался на этот раз в Призрене. Кажется, трудно подобрать другое место, столь же интересное и так же хорошо отвечающее программе и основным задачам XIV конгресса. Призрен — город, переживший многовековую, бурную и сложную историю, которая оставила здесь повсюду свои неизгладимые следы. Их не надо долго искать, о сменявшихся исторических эпохах живо напоминают развалины крепости римских времен и «тврджавы» царя Душана, средневековые сербские церкви с остатками изумительных фресок и многочисленные мечети, наконец, весь облик города, его сегодняшняя панорама, в которой пестро сплетаются мотивы сербские, турецкие, албанские.

Призрен — «белый град» неоднократно упоминается в народном эпосе, с ним в частности, связан один из драматичнейших сюжетов южнославянской эпик — о Марке Кралевиче и красавице Роксанде: в память об этой истории одна городская улочка носит имя Лежи Капитана, брата Роксанды. А если подняться к римской крепости, с ее стен взору откроется величественная Шара-планина, эпическая гора, постоянное место странствий и подвигов песенных юнаков.

Глубокая старина и современность соседствуют в Призрене повсеместно. В нескольких шагах от большого и вполне современного здания Дома культуры, в котором проходила работа конгресса, сохранились низенькие купола «амама» — турецких бань, характерного памятника зодчества и быта времен ига. Из окон отеля «Тхеранда», отвечающего всем современным требованиям удобств, виден старый каменный мост через Быстрицу, построенный где-то в начале XVI в., и ранним утром неумолчный шум горной реки перебиваемый гудками автомашин и голосами муэдзинов, зовущих к молитве. На чаршии — этой промысловой-торговой артерии города — наряду с новыми магазинами и мастерскими, нет числа маленьким лавчонкам ремесленников, которые тут же и изготавливают, и продают, и делают на заказ самые разнообразные предметы и украшения из серебра, меди, кожи, шелка, шерсти, в которых хранятся и развиваются старые традиции сербского, албанского, вообще балканского ремесла.

И в музыкально-поэтическом фольклоре Призренского края — то же сложное переплетение славянских, общевосточных, восточных элементов, то же сочетание глубокой традиционности с новыми явлениями, та же яркость красок, громкость звучания, необыкновенная впечатляемость.

Естественно, что здесь, в краю, который часто называют балканским перекрестком, в окружении неповторимого историко-этнографического комплекса, особенно живыми и актуальными представились основные темы конгресса: 1) народное творчество Косова и Метохии и 2) общее и специфическое в фольклоре народов Югославии и Балкан.

В программе было заявлено более ста докладов, на конгресс съехались фольклористы, этнографы, этномузыкологи из всех республик Югославии, в его работе приняли участие представители различных культурно-просветительных учреждений и художественных организаций страны. Если учесть, что среди заявленных докладов было более 30 зарубежных и что в Призрен приехали ученые из Аргентины, Болгарии, Венгрии, ГДР, Дании, Италии, Мексики, Польши, Румынии, СССР, ФРГ, Чехословакии, Японии, то XIV конгресс надо с полным основанием признать международным научным съездом по проблемам южнославянского и балканского фольклора. Можно лишь порадоваться тому, что международный авторитет и популярность ежегодных югославских конгрессов неуклонно растут, и с удовлетворением отметить, что участие в них советских фольклористов с некоторых пор стало системой.

Доклады по первой теме составили в совокупности чрезвычайно значительный и интересный цикл. Они охватили множество общих и конкретных вопросов, как собственно фольклористических, так и этнографических, социологических, искусствоведческих. Важное методологическое значение представил доклад академика Д. Недельковича «Существенные особенности народного творчества Косова и Метохии», в котором говорилось о необходимости изучения общих и специфических явлений фольклора, межнациональных и национальных, в их сложных диалектических отношениях и в исторической конкретности.

Специальные доклады были посвящены общим обзорам старого и современного фольклора Косова и Метохии, отдельным его жанрам и наиболее значительным темам (доклады А. Чета, И. Айти, М. Краснич, Ш. Плана, И. Николича, Д. Антоневича), вопросам историографии (доклады М. Радованович, Н. Любинковича, Х. Поленаковича), собственно этнографическим аспектам (доклады В. Милосавлевич, М. Барьяктаревича, П. Влаховича), музыкально-искусствоведческим проблемам (доклады Л. Антони, Д. Девича, З. Василевич, Б. Траеруп, Л. Муляки).

Прочитанные доклады в совокупности дали ценный материал для обсуждения таких актуальных проблем, как особенности исторического развития фольклора в многонациональном крае и современное состояние фольклорной традиции. Существенным

дополнением к теоретической дискуссии по этим проблемам явился фестиваль народного творчества, приуроченный к работе конгресса и составивший интереснейшую часть его программы. Участники конгресса получили возможность познакомиться с различными формами живого народного искусства и с различными типами его современной репродукции на эстраде. Превосходный спектакль «Призренская свадьба» был разыгран коллективом художественной самодеятельности города: в сущности, это даже не спектакль в обычном понимании, а воспроизведенный — в условиях сценического времени — весь старинный сербский свадебный обряд. Перед участниками конгресса выступали также небольшие народные певческие и танцевальные коллективы из метохийских сел. Особенный интерес привлекли народные гулянья, сербские и албанские, исполнители эпических юнацких песен. В Призрене и в Джаковице мы слушали также концерты профессиональных фольклорных ансамблей — сербских, албанских, турецких, они исполняли и старые народные песни, и новейшие их обработки, и произведения современного городского фольклора. Таких ансамблей в Югославии очень много, они заметно теснят живую и подлинную фольклорную традицию, поддержке и пропаганде которой югославские фольклористы уделяют большое внимание. Фестиваль продемонстрировал богатство, разнообразие и сложность живых фольклорных процессов в Призренском крае.

Вторая основная тема конгресса также была представлена большим числом докладов, прочитанных на пленарном заседании и на четырех секциях: фольклорной, музыковедческой, фольклорно-этнографической, этнохореографической. Следующий неполный перечень докладов фольклорно-этнографической секции может дать известное представление о ее проблематике: С. Зечевиц — «Общее в народной религии албанцев и южных славян»; Н. Велецкая — «Об отражении связей культа предков с аграрными культами в славянской погребальной обрядности»; Ж. Илич — «Культ Пана в драматическом творчестве балканских народов»; Р. Фабиянич — «Словенский Крсник и греческий Стоихео в верованиях балканских народов»; Р. Каймакович — «Волки в народных обычаях балканских народов».

Разнообразной была и собственно фольклорная проблематика. Доклады были посвящены общеметодологическим вопросам (Д. Неделькович, «Общее и специфическое как международное и национальное в закономерном развитии народного творчества Югославии и Балкан»; М. Ибровац, «Родство народной поэзии балканских народов»), современному фольклору (В. Гусев, «Международное в партизанской поэзии народов Югославии»), различным фольклорным жанрам (доклады Л. Симич о колыбельных песнях, Цв. Романской о сходстве и различии в болгарских и сербских пословицах, Н. Милошевич и Г. Бурде-Шнейдевинд о нескладочной народной прозе, Цв. Органджиевой о македонских причитаниях). Довольно видное место заняли вопросы истории народного эпоса (Е. Церович, «Неизвестная эпическая песня о восстании 1737 г.»; Б. Путилов, «О типологической преемственности в русском и южнославянском эпосе»; Н. Шаракшинова, «Взаимосвязи и взаимовлияние русского и бурятского фольклора»). Целый небольшой цикл докладов был посвящен эпическим песням о Косовской битве 1389 г.: Р. Пешич, «Подвиг Милоша в традиции балканских народов»; Х. Томас, «Милош Обилич в сербских и болгарских песнях о Косовской битве»; Х. Чайка, «Общие и специфические черты в южнославянских песнях Косовского цикла»; Е. Огнянова, «Косовская битва и ее отражение в болгарском народном творчестве»; М. Анджелич, «„Лазарица“ в европейских переводах». В связи с этими докладами оживленному обсуждению вновь подвергся вопрос о времени возникновения Косовского эпического цикла. Участники дискуссии обратили внимание на то, что наблюдения докладчиков над болгарскими песнями как будто не подтверждают недавно высказанных некоторыми югославскими фольклористами предположений о позднем возникновении цикла. С методологической стороны ценность докладов состояла в удачном применении сравнительного анализа к задачам исторического изучения эпоса.

Когда материалы конгресса будут изданы, они, несомненно, привлекут внимание специалистов по различным вопросам фольклористики и этнографии.

Последний день участники конгресса посвятили осмотру достопримечательностей Метохийского края. Мы побывали в Пече, посетили знаменитый монастырь Дечани, а завершился конгресс далеко от города, в Руговском ущелье, с которым связаны многие исторические события и легенды. Здесь, на большой поляне, зажатой между скалистыми хребтами Динарских гор, мы увидели в исполнении первоклассных мастеров фольклора «Руговскую игру» — древнюю пантомиму, которую некогда разыгрывали воины, отправляясь в поход, и которая сейчас составляет драгоценную часть местной фольклорной традиции.

XIV конгресс югославских фольклористов был отлично организован, и в памяти участников останутся не только содержательная и интереснейшая программа и масса разнообразных впечатлений, но и щедрое гостеприимство устроителей конгресса и теплое внимание всех, с кем нам пришлось встретиться в Призрене и в наших поездках по Косову и Метохии.

ИНДЕЙСКИЙ ПАВИЛЬОН НА ЭКСПО-67

Впервые в истории международных выставок на ЭКСПО-67 в Монреале был открыт специальный павильон индейцев Северной Америки. Весьма знаменателен и тот факт, что создан он был самими индейцами Канады, которые добились разрешения канадского правительства на его открытие. Задача индейского павильона была хорошо охарактеризована в речи его генерального комиссара могаука Эндрю Делися в день торжественного открытия. «Целью этого павильона,— сказал он,— является правдивое обращение индейцев к народам Канады и всего мира. В обсуждении его идейного содержания принимали участие индейцы всех частей Канады, и мы уверены, что оно правильно отражает думы индейцев о себе и о своей жизни».

Подготовительной работой по открытию павильона руководил созданный в 1965 г. специальный Индейский консультативный совет, состоявший из 8 представителей от различных индейских групп Канады. Он координировал и объединял мнения индейцев по поводу содержания экспозиции павильона. В декабре 1965 г. в Оттаву съехались индейские художники из всех частей страны для обсуждения архитектуры павильона. В ней должны были найти отражение элементы искусства и архитектуры различных индейских народов Канады. И действительно, в архитектуре павильона сочетаются стили различных индейских жилищ.

Уже издали можно было заметить в одном из отдаленных от больших дорог уголков выставки устремленные в небо железобетонные сваи, по конструкции своей напоминающие верхние части связанных в пучок жердей остова индейского кочевого жилища (кожаной палатки — типи).

Это верхняя часть главного здания павильона, сооруженного в форме башни высотой в 30 м и представляющего собой стилизацию типа. Нижней части башни придана шестигранная форма, как символ шести основных индейских культур Канады. К главному зданию примыкают небольшие строения, сочетающие архитектурные элементы больших дощатых домов индейцев Британской Колумбии, вигамов оджибве, длинных домов ирокезов. На наружных стенах этих зданий нанесены рисунки на темы индейской мифологии. Они выполнены индейскими художниками в стиле искусства индейцев, главным образом Британской Колумбии. Представленные в павильоне изделия индейского ремесла и скульптуры также выполнены индейскими мастерами и художниками.

На площадке перед павильоном стоит огромный тотемный столб высотой в 21 м и 8 т весом, специально вырезанный для ЭКСПО-67 из гигантского кедра скульпторами из селений квакиотлей Форт Руперт и Алерт-Бей.

Экспозиционная площадь занимает более 2000 м² территории ЭКСПО-67. Ландшафт вокруг зданий павильона как бы воссоздает природу, в которой живут индейцы Канады: небольшое озеро с каменистым островком посередине, на берегу которого опрокинуты индейские берестяные пироги. Остров и берега озера засажены имеющими значение в жизни индейцев деревьями, кустарником и травами из различных частей Канады.

При входе в первый зал индейской выставки посетителей встречает деревянная скульптура — символ гостеприимства индейцев Британской Колумбии. Здесь же выставлены образцы скульптуры других индейцев Канады.

Идейное содержание павильона выражено лаконичными надписями, характеризующими основные вехи истории индейцев Канады. Начинается осмотр павильона с характеристики жизни индейцев в доколониальной Америке. Здесь предметы искусства и материальной культуры индейцев и фотографии иллюстрируют главную надпись: «Вначале у нас была земля — леса, реки и озера, горы и степи и все живые создания природы, что ходили, летали и плавали. У нас было все».

О следующем этапе индейской истории говорят надписи о колонизации Америки европейцами. Характеристике «открытия» Америки европейцами посвящен главный зал. Надписи в нем гласят: «Пришел белый человек, мы его приютили, накормили, провели по лесным тропам. Белые начали воевать друг с другом из-за наших земель, втягивая и нас в эти войны. Войны и договоры лишили нас земли» (это положение иллюстрируется цитатами из договоров, изображениями битв и индейского оружия). «Наши отцы были обмануты. Войны окончились договорами и наши земли оказались в руках белых». Следующие стенды посвящены деятельности миссионеров. «Первые миссионеры учили нас, «язычников». Они навязывали нам свои сказки о божестве, о небе и аде, о грехе и спасении (эта фраза сопровождается цитатами из Евангелия). Но мы по-своему разговаривали с нашим Великим духом». В центре зала — выполненная делаваром Натаном Монтур деревянная скульптура медведя (1,2 м высотой), почитавшегося делаварами как священное животное.

Далее идут стенды, критически характеризующие индейскую политику канадского правительства. Одну из стен занимает огромная карта индейских резерваций Канады. На других стенах и стендах помещены фотографии и надписи, рассказывающие

о печальной жизни индейцев в резервациях. На фотографиях показаны резервации типа трущоб и более или менее благополучные.

Надписи в этом разделе гласят: «Мы хотели жить по-своему на нашей земле, но оказались в резервациях. Теперь резервации — дом нашего Духа. Резервация — наш дом, место, где мы можем быть индейцами и свободно говорить на своем языке». «Резервации — это последние куски нашей земли. Многие из наших людей боятся, что резервации исчезнут, а с ними вместе исчезнут и индейцы». «Дайте нам право самим решать свои дела», «Помогите нам сохранить моральные ценности, обрести жизнь, полную значения, сохранить наследство наших отцов».

«В течение многих лет затрачены многие миллионы долларов на то, чтобы дать индейцам образование, дома, здоровье. Однако во многих резервациях мы отстаем от неиндейцев по обеспеченности, по состоянию здоровья, по осмысленности нашей жизни». Здесь же приводятся цифры, говорящие о том, что менее 15% индейских домов имеют водопровод, телефон в сравнении с 90% у остальных канадцев; менее 50% индейских домов имеет электричество в сравнении с 99% у остальных канадцев. «Наши соплеменники достигли больших успехов в различных видах деятельности (как торговцы, люди свободных профессий, врачи, адвокаты, судьи и политики, как рыболовы, охотники, фермеры и ремесленники). Однако все еще слишком много индейцев бедны, больны, испытывают холод и голод. Три из каждых четырех индейских семей имеют доход ниже 2 тыс. долларов в год, тогда как граница бедности в Канаде — 3 тыс. долларов в год».

В следующем разделе выставки критически оценивается состояние образования среди индейцев Канады. Здесь приводятся цифры о росте школ, интернатов для индейских детей и числе учащихся. На одном из стендов, например, сообщаются интересные сведения, свидетельствующие о бесспорной тяге индейцев к образованию.

Год	Число классных комнат	Число учащихся
1946	625	18 805
1956	1260	34 823
1966	2470	61 395

В то же время надписи, помещенные в этом разделе, убедительно говорят о неудовлетворенности индейцев современной постановкой их обучения. «Школа белых, — гласит одна из них, — чужая страна для индейских детей» (эта мысль наглядно иллюстрируется показом учебника на английском языке). «Индейский ребенок начинает школу с изучения чужого языка». Детские герои Дик и Джейн в школьной хрестоматии — «чужаки для индейского ребенка». Заканчивается этот раздел надписью: «Но чувствуются ветры изменений. Многие из наших людей по возвращении в резервации учат наших детей и внушают нашей молодежи почти забытую гордость своей расой, своей богатой культурой». Здесь речь идет о роли индейской интеллигенции в пробуждении национального самосознания индейских народов.

Заключает экспозицию павильона стенд с надписью: «Древняя мудрость и современная наука — два ключа к будущему индейцев». Осмотр индейского павильона заканчивается «сидением у костра». В центре круглого зала устроен большой искусственный «костер племенного совета». Вокруг него стоят деревянные скамейки и лежат по два наушника на каждой. Голос индейца обращается к вам со словами прощания, которые идут как бы от самого индейского народа. «Сядь теперь у костра и отдохни, мой брат. Мы поговорим с тобой о будущем. Ты прошел по нашей длинной тропе жизни, начиная с дней наших предков. Скоро мы начнем наш путь опять. Но отдыхая, постараемся увидеть в костре видение нашего будущего. Некоторые из моих людей в черных углях видят мир, где уже индейцев нет, а тропы их предков забыты.

Но мне представляется наше будущее иным. Я вижу индейца высокого и сильного, гордого своим наследством. Он стоит с твоими сыновьями, человек среди людей. Он своеобразен, как разнисьмы ты и я, и, вероятно, так будет всегда. Но мы имеем многое, чем мы можем по-индейски делиться друг с другом: это наши — твои и мои — мастерство и сила, древняя мудрость наших — твоих и моих — предков, любовь к богу и Великому духу — твоему и моему.

Мы опять встретимся в будущем и, может быть, время от времени будем вместе предпринимать дневные походы. Но пути, по которым мы идем, наши собственные и мы несем каждый свое бремя. Это наше право.

Когда мы достигнем ровной поверхности, мы вместе, как братья, разобьем стоянку. До этого иди с нами в твоём сердце».

В этой прощальной речи индейца в метафорической форме, несомненно, звучат чаяния современных индейцев Канады занять достойное место в жизни страны наряду с другими канадцами и сохранить в то же время культурное наследие своих предков.

На протяжении всего осмотра павильона посетителей сопровождала приглушенная индейская музыка и пение.

Колоритность павильона придавало и то, что обслуживался он индейцами. Генеральным комиссаром его, как уже отмечалось, являлся мэр резервации Когнавага (около Монреаля) Эндрю Делисль. В павильоне поочередно дежурили 13 молодых индейцев, представляющих почти все индейские группы Канады от Британской Колумбии до Новой Шотландии. В наши посещения дежурили Дельфина Черная Лошадь из резервации черноногих в Альберте, Филомена Дестерре из селения Берсемис индейцев монтане в Квебеке, Диана Днабо из резервации могауков Когнавага, Мария Ноквуд из Сакфорт — резервации микмаков в провинции Остров принца Эдуарда, Алис Маршанд — селишская девушка из Британской Колумбии. Все они прошли специальную подготовку, совершенствуя в течение четырех месяцев свои знания в английском и французском языках и знакомясь с историей и культурой индейцев. Целью этнографического инструктажа девушек было стремление внушить им чувство гордости наследством предков. В одной из листовок павильона говорилось, что создан он для того, чтобы индейцы имели возможность сказать о себе народам Канады и всего мира. Действительно, осматривая созданный индейцами павильон, посетитель как бы вчитывается в печальные, полные трагизма строки истории индейцев за последние триста лет. В канадской печати индейский павильон оценивался как символ культурного возрождения индейцев¹. Главной особенностью индейского павильона является то, что в нем индейцы выступили как единое целое. В нем, как в фокусе, отражено их стремление к единству и самосознанию как индейцев.

Вообще мысль, что индейцы Северной Америки представляют собой единую «нацию североамериканских индейцев», широко распространена среди деятелей современного индейского движения Канады и США. Например, во время нашей беседы в резервации гуронов Лоретвилль с одним из активных борцов за права индейцев, Джулессом Сиуи, выяснилось, что он считает ирокезов, алгонкинов, сиу и др. частями одной нации индейцев. Он высказал при этом интересную мысль, что шесть так называемых ирокезских «наций» — на самом деле не нации, а просто общины одного ирокезского народа. Цементирующим фактором этой паниндийской общности является, несомненно, единство судеб индейцев после поселения их в резервации. В резервациях различных племенных групп (часто этнически смешанных) складывались сходные черты индейского образа жизни и культуры. Целый ряд особенностей культуры отдельных индейских народов приобретали общинное значение. Это прежде всего относится к очень яркой самобытной культуре степных племен, развивавшейся вплоть до середины XIX в.

Внешнее проявление этой довольно синкретичной современной общинной культуры можно было наблюдать в костюмах и плясках индейцев в День индейца, проводившийся 4 августа на Площади наций ЭКСПО-67. Присутствовавшие на почетной трибуне, наряду с генерал-губернатором и членами Канадского правительства, представители индейцев были одеты в коричневые и белые замшевые костюмы, представлявшие собою стилизованные формы одежды степных племен. Сходство подчеркивалось головными уборами из перьев, типичными для вождей степных индейцев XVIII—XIX вв.

Напротив почетной трибуны на большом помосте были сооружены большие типы степных племен с черными изображениями бизона и койота на кожаных покрывалах. Около палаток стояли группы индейцев: вождь и его жена, певцы и музыканты в стилизованных замшевых одеждах и головных уборах из ярко окрашенных перьев. Тут же группа полуобнаженных танцоров в украшениях из ярких перьев на головах, вокруг торса, на запястьях и голенях, с погремушками в руках и в браслетах из маленьких колокольчиков на руках и ногах. У всех на ногах замшевые мокассы. Один из вождей индейцев получил слово. Он поблагодарил правительство и руководителей ЭКСПО-67 за устройство этого дня в честь индейцев. Хотя индейцы, — сказал он, — составляют 1% населения Канады и разбросаны по всем районам страны, однако эта разбросанность и многообразие индейских групп не означают отсутствия индейского единства.

После официальной части были организованы индейские пляски, которые, как и костюмы танцоров, представляли собою смешение элементов плясок различных индейских групп.

Речи на трибуне, пляски и костюмы индейцев на праздновании Дня индейца служили яркой иллюстрацией основных идей, заложенных в выставочных залах индейского павильона. И там и тут подчеркивалось единство судеб и чаяний современных индейских народов Канады. Главным из этих чаяний, как свидетельствуют экспозиция в павильоне и выступления индейцев, является сохранение резервационных земель и специальных прав индейцев и получение наряду с этим всех тех прав, которыми пользуются современные канадцы. Прогрессивные силы Канады поддерживают эти устремления индейцев.

Ю. П. Аверкиева

¹ «Indian News», vol. 10, № 1, Ottawa, 1967.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У АРМЯН

Э. Т. Карапетян. *Армянская семейная община*. Ереван, 1958, стр. 1—141.
Ее же, *Родственная группа «азг» у армян*. Ереван, 1966, стр. 1—153 (резюме на армянском яз.).

Рецензируемые монографии Э. Т. Карапетян «Армянская семейная община» и «Родственная группа «азг» у армян» являются результатом многолетних исследований автора в области древних форм социальных отношений армянского народа.

В совокупности они дают возможность комплексно рассмотреть два самостоятельных вопроса, хотя и различных по тематике, но общих по своему характеру, ибо они относятся по существу к одной области социальной организации армянского народа в прошлом.

В первой из вышеназванных работ рассматриваются основные стороны семейной общины, в частности характерная для нее форма собственности, ее состав и структура, распределение функций между членами семейной общины, их имущественно-правовое положение, порядок наследования, жилище семейной общины и т. д. Вторая работа охватывает структуру патронимии, иллюстрируемую многочисленными генеалогическими схемами, ее территориальное единство, выраженное в характерной форме поселения, наиболее выразительные остаточные формы хозяйственной и идеологической общности.

В исходных методологических позициях автор опирается на работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», а в части кавказского сравнительного материала — на работы М. О. Косвена, Р. Л. Харадзе, Ш. Д. Инал-Ипа, С. Ш. Гаджиевой и других советских этнографов.

Важнейшие выводы Э. Т. Карапетян кратко можно суммировать в следующих положениях: семейная община в первоначальном виде представляет собой ячейку, олицетворяющую полное хозяйственное и родственное единство данного коллектива.

Судя по археологическому материалу, отражающему древнейшие формы жилища у армян, формирование семейной общины датируется эпохой ранней бронзы. Большая семья у армян — «гердастан» — пережиточная форма семейной общины, берущая начало на стадии разложения родового строя; в процессе дальнейшего развития семейная община изменяется в зависимости от условий своего бытования в рабовладельческой, затем в феодальной и, наконец, в капиталистической формации; основную причину ее видоизменения и распада составляет частная собственность внутри семейной общины, которая складывалась, по мнению автора, главным образом, в результате развития личной собственности женщины. В зависимости от поколенного состава гердастана, различаются три ее разновидности, каждая из которых имеет свой район преимущественного распространения; эти районы отличаются по уровню общественно-экономического развития, в результате чего вышеуказанные разновидности гердастана отражают различные стадии в процессе развития данной формы семьи; гердастан, как правило, сосуществует с патронимией, известной у армян под наименованием азг; основой для сближения гердастана и азга является сходство в сфере социально-экономических функций и хозяйственно-родственного единства, базирующегося на агнатном родстве¹. Патронимия в период, изучаемый Э. Т. Карапетян, присуща две формы собственности — общесемейная и общеазговая, причем последняя, являясь производной от первой, распространяется лишь на некоторые средства производства, в первую очередь на дорогостоящий инвентарь (маслодавилы, мельницы и т. д.); азговая соб-

¹ Э. Т. Карапетян, *Родственная группа азг у армян*, стр. 25 и сл.

ственность, помимо вышеуказанных случаев, находит свое выражение в порядке расселения дочерних семей, которые и на селе и на пастбищах, как правило, располагались в непосредственной близости от главного дома, а также в предпочтительной взаимопомощи, совместном отправлении культа и т. д.

Эти выводы делают монографии Э. Т. Карапетян ценным пособием, которое помогает осветить важнейшие стороны социальной организации армянского народа в прошлом.

Подобные работы вместе с тем имеют значение для освещения развития семейной общины и с точки зрения общих проблем истории первобытной общины. Правда, с выходом в свет работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» решение данного вопроса получило твердую методологическую основу, а дальнейшие исследования советских этнографов подтвердили правильность положений Ф. Энгельса, однако это не исключало бытования и противоположных взглядов. Наиболее яркими противниками вышеуказанного понимания природы семейной общины, как и следовало ожидать, явились наиболее реакционные представители зарубежной этнографии в лице В. Копперса и В. Шмидта. Исходя из предвзятой предпосылки, что индивидуальная семья с частной собственностью в основе является изначальной формой семьи, большую семью, бытующую в классовом обществе, начали считать порождением классового общества, обусловленным лишь экономическими соображениями и, при отрицании родственного состава, важнейшим фактором ее единства объявили религиозное начало. Так разрабатывалось положение, согласно которому якобы каждая формация создает свою большую семью, развивающуюся из индивидуальной². А если это так, в основе большой семьи лежит частная собственность, следовательно, она не может быть пережитком той социальной организации, которая именуется семейной общиной.

Нетрудно догадаться, что все это направлено против концепции Ф. Энгельса, который большую семью, описанную у многих народов мира по материалам XIX в., считал пережитком ее начальной формы — семейной общины. По его словам, «южнославянская задруга представляет собой наилучший еще существующий образец такой семейной общины»³, или: «Только приблизительно десять лет тому назад доказано, что такие семейные общины продолжают существовать и в России»⁴, или: «...во Франш-Конте они (домашние общины. — А. Р.) и до настоящего времени еще не совсем исчезли»⁵. То же самое Ф. Энгельс говорит об Индии, Кавказе и т. д. Его слова о продолжавшемся существовании семейной общины, вернее формы семьи, представлявшей образец семейной общины, относятся к последнему десятилетию XIX в. и к народам, которые в это время находились на стадии капиталистического развития.

Как известно, при разработке Ф. Энгельсом проблемы форм семьи одной из основ явилась открытая М. Ковалевским именно на Кавказе семейная община и ее рассмотрение Ф. Энгельсом наряду с южнославянской задругой говорит об отсутствии принципиальной разницы между ними. Известно также и то, что Ф. Энгельсом были сделаны наиболее существенные поправки к теории семьи Л. Моргана именно в части, касающейся форм семьи и соответствующих форм собственности.

Работами советских этнографов ошибочные взгляды Копперса и Шмидта давно преодолены и Э. Т. Карапетян, быть может, права в своем решении специально не останавливаться на этой стороне истории вопроса. Однако по этой проблеме у некоторых исследователей все еще имеются ошибочные утверждения. В качестве примера можно назвать хотя бы Е. Пенковского, который в пространной и в общем весьма положительной рецензии на двухтомник Р. Л. Харадзе «Грузинская семейная община», считая «бесспорной заслугой автора освещение хозяйственных и социально-экономических отношений в этой общине», явно преувеличивает значение религиозного момента⁶.

Очевидно, подобные явления имеет в виду один из видных зарубежных социологов-марксистов, критикуя современные реакционные взгляды, которые, по его словам, с помощью псевдонауки, пытаются утвердить положение религии о «христианском браке», как «корне и основе семейной общины»⁷. Между прочим, вслед за этим он выражает надежду, что развивающаяся исследовательская работа советских ученых даст новые обобщения в области теории семьи.

Вскрывая на новом этнографическом материале подлинную сущность семейной общины и ее последующих трансформаций, ее социально-экономическую основу, выраженную в хозяйственно-родственном единстве, Э. Т. Карапетян дает нам новый ар-

² W. Koppers, W. Schmidt, Gesellschaft und Wirtschaft der Völker, Regensburg, 1925, S. 203.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 63.

⁶ «Anthropos», Bd. 50, 1964, Hf. 5—6, S. 956—957.

⁷ Г. Дункер, Введение в марксизм, М., 1965, стр. 191.

гумент в борьбе как против вулгарного материализма, объясняющего существование семейной общины лишь интересами экономической рентабельности, так и против идеализма, видящего в основе семейной общины главным образом религиозное начало.

То же можно сказать и относительно азговой организации у армян, рассмотренной во второй работе, которая, логически продолжая разработку вопросов, поставленных в первой, делает общую картину более ясной и убедительной.

Как и любые исследования, посвященные сложной проблеме и содержащие новые материалы, рецензируемые работы Э. Т. Карапетян выдвигают ряд вопросов, на которых следовало бы остановиться более подробно.

1. Касаясь особенностей изучаемой семьи, автор говорит о «коллективной форме собственности»⁸, как о характерной черте данной семьи. Ввиду того, что в последующем изложении особое внимание уделяется имущественно-правовому положению членов гердастана, следовало бы, на наш взгляд, более подробно показать специфику, присущей ей формы собственности, ее отличие, с одной стороны, от родовой, от которой она берет свое начало, а с другой — от частной, которая и является причиной окончательного распада гердастана. Здесь автору было бы уместно вспомнить слова Ф. Энгельса: «...речь идет уже больше не о том... общая или частная собственность на землю, а о том, какова была форма общей собственности»⁹. Тем более, по данному вопросу существует специальное исследование И. Н. Винникова, который подробно останавливается на тех особенностях собственности семейной общины, по которым последняя отличается от других форм семьи¹⁰. Это наше замечание автору продиктовано не только соображениями библиографической полноты, а тем, что в некоторых исследованиях по данной проблеме встречаются формулировки, до некоторой степени сглаживающие различие между семейной и родовой общинами.

С точки зрения исторического соотношения между указанными двумя формами социальной организации привлекает внимание положение, согласно которому семейная община полностью воспринимает отношения в роде, но вместе с тем представляет собой обособленную часть рода¹¹. Территориальная обособленность семейной общины была результатом изменений, происшедших в формах собственности. Семейная община в виде самостоятельной хозяйственно-родственной организации, как правило, складывалась на базе прочного союза представителей двух различных родов. Родовой сепаратизм с присущими ему противоречиями находил свое отражение во всех сферах семейной жизни, в первую очередь в сфере имущественных отношений. Отражением этих противоречий является и личная собственность женщины в семейной общине, развившаяся в классовом обществе в частную, которая и стала одной из основных причин гибели этой формы семьи. Эти изменения находили свое выражение в обособленности хозяйственных угодий, нарушении территориальной целостности рода с вытекающими отсюда чересполосицей, утерей былого единства хозяйственных интересов и появлением полигенных поселений.

Нельзя забывать и о поло-возрастном разделении труда в прошлом, которое впоследствии с накоплением богатства привело к порабощению женщины, к появлению деспотической власти в семье.

Наконец, полное равноправие членов рода в классическом его состоянии в семейной общине не могло иметь универсального характера. Принцип поколенного раздела имущества отца, наследниками которого являлись лишь сыновья, также говорит об отличительной особенности семейно-общинной собственности от родовой.

2. В связи с вопросом о формах собственности хотелось бы остановиться на рассуждении автора относительно имущественно-правовых норм, действующих внутри семейной общины, которые довольно подробно освещены и в первой и во второй работах. При анализе имущественно-правового положения женщины в семье автор приводит этнографические материалы и данные древнеармянских письменных источников. В частности, данные этнографии армян дают основание Э. Т. Карапетян говорить о том, что «...в Армении еще в конце прошлого столетия строго соблюдался архаический принцип раздела имущества на равные доли только между братьями»¹². По данным же древнеармянских письменных источников, в частности по «Судебнику» Мхитаря Гоша, 61—65 статьи которого посвящены вопросу о разделе имущества между сыновьями и дочерьми, в разделе имущества отца в определенных случаях принимает участие и дочь; она получает точно установленную долю, хотя и не является наследницей. Правда, как отмечает один из авторитетных издате-

⁸ Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 5.

⁹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 139—140.

¹⁰ И. Н. Винников, Четвертое издание книги Фр. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Вопросы истории докалассового общества», М.—Л., 1936, стр. 177.

¹¹ М. П. Калганов, Собственность, М., 1962, стр. 138.

¹² Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 101.

лей и комментаторов этого источника Б. М. Арутюнян, «не все законы и каноны Гоша носят нормативный характер»¹³, но так как этот «Судебник» получил широкое распространение в качестве практического руководства, он может служить источником для характеристики и правового положения женщины в средневековой Армении. Э. Т. Карапетян, комментируя некоторые места «Судебника», пишет: «В понимании Мхитара Гоша приданое — это частично подарки, полученные во время свадьбы невестой, и в основном доля, полученная девушкой из отцовского имущества».¹⁴

Следовательно, в отношении имущественно-правового положения женщины в армянской семье мы имеем два различных показания, среди которых данные «Судебника», датируемого XII—XIII вв., говорят о праве женщины на долю в имуществе отца, а данные этнографии, т. е. позднейшие, об отсутствии такового. При этом норму семейного права, устанавливаемую по данным этнографии и исключаящую женщину из участия в разделе имущества, автор считает более архаической, нежели норму «Судебника», который предполагает право ее на определенную долю в имуществе отца. Такого рода сопоставление адата и закона ставит вопрос об историческом соотношении вышеуказанных двух различных норм в области имущественно-правового положения женщины в армянской семье. По нашему мнению, общий процесс развития правового положения женщины в классовом обществе, характеризующийся постепенным сужением и имущественного права ее, говорит в пользу того, что «Судебник» Мхитара Гоша, подтверждающий право женщины на долю в отцовском имуществе, отражает более архаическую норму, нежели этнографический материал, отрицающий это право.

3. К имущественно-правовому положению членов семейной общины относится и вопрос о личной собственности женщины. Личную собственность женщины автор закономерно связывает с приданым, которое состояло «частью из имущества, выделенного из общесемейного имущества отцовского дома, которое увеличивалось за счет труда и подарков родственников, и частью от подарков, получаемых ею во время свадьбы от родственников жениха»¹⁵. В связи с этим автор полемизирует с Х. Самвеляном, считая, что он впадал в «некоторое заблуждение», так как приданое обозначил термином «арнегин» (букв. цена крови), в то время как в армянском языке приданое обозначается термином «ожит», а арнегин является лишь частью его¹⁶. В этом отношении привлекают внимание материалы, касающиеся армянского арнегин, совершенно правильно отличаемого автором от приданого — ожит. Этот институт в описании автора обозначает личную собственность женщины, получаемую из родительского дома, увеличиваемую трудами женщины, не вливаемую в общую собственность семейной общины и передаваемую в наследство по женской линии.

Не содержат ли вышеуказанные этнографические материалы и данные древнеписменных источников относительно армянского арнегин основания для того, чтобы поставить вопрос о возможности выявления исторического соотношения между такими проявлениями имущественно-правового положения женщины, как точно определяемая ее доля в имуществе отца и арнегин как часть отцовского имущества, определяемая экономической состоятельностью семьи и усердием женщины.

По нашему мнению, здесь имеется аналогия с грузинским сатавно, которое по некоторым признакам проявляет сходство с армянским арнегин. Между прочим, и этимология армянского арнегин — цена крови — в какой-то степени перекликается с грузинским сатавно, ибо в некоторых случаях основную часть сатавно составляла вира — цена крови, получаемая семьей женщины от кровника¹⁷.

Указанные материалы дают основание предполагать наличие генетической связи между приданым — конкретной формой частной собственности — и арнегин — конкретной формой собственности личной, хотя для окончательного решения этого сложного вопроса они недостаточны.

Эти рассуждения, навязанные интересными материалами в рецензируемых работах, приводятся не в упрек автору, а как пожелание шире использовать сравнительные данные, которые могут придать вышеуказанному вопросу более общий характер, сделать его более интересным с точки зрения общекавказской этнографии.

4. С имущественно-правовым положением женщины в семье связан и вопрос о характере левирата на позднейших ступенях его развития. Анализируя данные этнографии относительно наследственного права в области азговых отношений, автор говорит, что жена, как мать наследников мужа, после смерти последнего становилась владелицей его имущества. Однако «если вдова выходила замуж за представителя другого азга, то она лишалась права владения этим имуществом, и оно переходило

¹³ «Армянский Судебник Мхитара Гоша», Ереван, 1954, XXI.

¹⁴ Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 103.

¹⁵ Там же, стр. 102.

¹⁶ Там же, стр. 102—103.

¹⁷ Р. Л. Харадзе, Грузинская семейная община, II, Тбилиси, 1962, стр. 151 и сл.

к агнатам мужа»¹⁸. В связи с этим автор пишет о левирате, который, по ее словам, «...уходя своими корнями к ранним формам брака, сохранился в новом осмыслении, как способ сохранения имущества в пределах родственной группы азг»¹⁹. Если по нормам письменного и обычного права при уходе вдовы из азга мужа его имущество оставалось в пределах азга, не ясно, какое значение мог иметь левират как способ сохранения имущества в пределах данной родственной группы — ведь это имущество и так оставалось в пределах азгового объединения.

5. В связи с вопросом о характере семейной общины автор приводит собранный ею этнографический материал и синхронные ему литературные данные относительно института покарства в семейной общине (нокар — в современном значении слуга). Вскрывая противоречивую природу нокара в армянском гердастане и правильно видя в нем «как бы равного члена семейной общины», автор квалифицирует его как «остаток существовавших некогда норм»²⁰ и ставит вопрос, «не имеет ли институт покарства отдаленного отношения к домашнему рабству»²¹.

Исходя из правильной вообще предпосылки, что отдельные племена, входившие в состав Урарту, являлись одним из компонентов сложившегося впоследствии армянского народа, Э. Т. Карапетян ставит целью, используя данные из области исторической этнографии относительно народов Урарту, подкрепить свое соображение о связи этнографически фиксируемого покарства в армянском гердастане с домашним рабством у предков армян. В частности, в работе приводятся две цитаты из торжественной надписи Саргона II, датированной 713 г. Ввиду того, что в названном источнике нет прямого указания на домашних рабов, автор ссылается на последовательность перечисления таких категорий, как «семья», «дети», «люди» и приходит к выводу, что в данном контексте «люди» должны обозначать домашних рабов²².

Указанный в работе источник не дает основания для таких выводов, так как в обоих случаях идет речь о царских семьях, о дворцовом имуществе, о стране в целом. Неясно, почему автор считает, что «люди страны» обозначают именно домашних рабов, а не рабов вообще и даже не вообще свободное население.

Э. Т. Карапетян ничего не говорит, какие именно народы подразумеваются в приведенных ею цитатах. В первой из них имеется в виду Куммух, а во второй — Табала. Если автор не счит достаточным ограничиться вообще древневосточными параллелями, хотя, по нашему мнению, этого было бы достаточно, и поставил целью выявить параллели именно с древнейшими предками армян, следовало бы яснее показать существование преемственной связи армянского народа с населением Куммуха и Табалы.

В подтверждение своего положения о возможной связи института покарства в армянском гердастане с средневековым домашним рабством автор ссылается на «Историю Армении» Мовсеса Хоренаци, в частности, на предание о приходе Айка на землю Араратскую в сопровождении домочадцев, обозначенных в оригинале термином «ындоцик». «В переводе Эмина, — пишет автор, — ындоцык читается как домочадцы, в свете новых изучений нужно читать не домочадцы, а доморожденные рабы»²³. При ссылке на такую принципиальную поправку в понимании важнейшего социального термина, которая по существу меняет показания источника, желательно было бы или привести соответствующую аргументацию, или по крайней мере указать на специальную литературу.

Говоря здесь об этом и об интерпретации надписи Саргона II, мы не касаемся самой проблемы домашнего рабства в Урарту и в Древней Армении, так как эти вопросы выходят за пределы тематических рамок рецензируемых работ. Хотелось лишь обратить внимание Э. Т. Карапетян на то, что указанные места из Саргоновской надписи и их авторскую интерпретацию необходимо подкрепить более прямыми показаниями источников, чтобы можно было согласиться с предположением автора о возможной связи покарства в армянском гердастане как с домашним рабством у тех племен Урарту, которые составляли, по мнению автора, компонент армянского народа, так и с домашним рабством в средневековой Армении.

Замечания, высказанные по отдельным положениям рецензируемых монографий Э. Т. Карапетян, не могут умалять их значения. Благодаря обилию свежего полевого материала, удачному использованию данных археологии, привлечению древнеармянских письменных источников и, что самое главное, значению выводов как для истории армянского народа, так и для общей этнографии, эти работы по праву займут место в ряду ценных исследований советских этнографов в области изучения древних форм социальных отношений.

А. И. Робакидзе

¹⁸ Э. Т. Карапетян, Родственная группа «азг» у армян, стр. 316.

¹⁹ Там же.

²⁰ Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 90.

²¹ Там же, стр. 92.

²² Там же, стр. 93.

²³ Там же, стр. 34, прим. 1.

НАРОДЫ СССР

«Русское народное творчество». М., 1966, 358 стр.

В 1966 г. издательство «Высшая школа» выпустило в свет новое учебное пособие для студентов университетов и педагогических институтов — «Русское народное творчество». Книга написана коллективом авторов, в течение длительного времени успешно работающих над проблемами народного творчества (П. Г. Богатырев, В. Е. Гусев, И. М. Колесническая, Э. В. Померанцева, Н. С. Полищук, И. С. Правдина, Ю. Н. Сидорова, К. В. Чистов).

Отбор материала, его расположение, освещение основных проблем, тщательно отработанная библиография — все это находится в соответствии с современным состоянием науки о народной поэзии. Авторы стремятся донести до студента результаты новейших исследований советских ученых в области русского фольклора, основываясь на них.

Например, в содержательной главе «Былины» (автор Ю. Н. Сидорова) освещаются взгляды представителей фольклористических школ прошлого (Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева и др.), однако основное внимание сосредоточивается на характеристике взглядов современных исследователей — А. М. Астаховой, Д. С. Лихачева, В. Я. Проппа, Б. А. Рыбакова.

Авторы настоящего учебного пособия иногда отвергают устоявшуюся, традиционную точку зрения и основываются на новых выводах, достигнутых трудами современных советских ученых-фольклористов. В главе «Календарно-обрядовая поэзия» (автор К. В. Чистов) предлагается новое деление календарного фольклора на циклы, определяемые трудовой деятельностью крестьянина: 1) обрядовая поэзия, связанная с подготовкой урожая и имеющая два периода — зимний и весенне-летний и 2) обрядовая поэзия, сопровождающая уборку урожая (осенний период). Эта группировка календарной обрядовой поэзии, предложенная в свое время В. И. Чичеровым, в настоящее время поддерживается многими советскими фольклористами. В основу главы «Лирические песни» (автор Ю. Н. Сидорова) положена новая классификация народных лирических песен, предложенная Н. П. Колпаковой. Исходя из положения, «голос — один из научных признаков жанра», автор делит песни на две группы: 1) песни лирические частые и 2) песни лирические протяжные.

Очень полезны библиографические списки, помещенные в конце каждой главы, в которых студент найдет основные сборники текстов, работы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Горького по вопросам фольклора, а также работы современных исследователей по важнейшим проблемам русского народного творчества. Библиографические списки составлены очень тщательно и лишь в редких случаях можно указать на некоторые пробелы. Хотелось бы, например, чтобы в список рекомендуемой литературы было внесено капитальное научное исследование, посвященное народному творчеству периода Великой Отечественной войны, — «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (М., 1964).

Новое учебное пособие начинается введением, посвященным специфике фольклора как вида искусства (автор К. В. Чистов). Введение включает следующие разделы: «Фольклор и литература как две разновидности словесного искусства», «Важнейшие особенности фольклора», «Коллективность творческого процесса и изменчивость фольклорных произведений», «Жанры русского фольклора», «Национальное и интернациональное в фольклоре». В этом перечне обращает на себя внимание отсутствие важного раздела о художественной специфике и особенностях народной поэзии как особой формы идеологии. Проблема эта сложна и мало разработана, но в пособии, рассчитанном на студентов-филологов, нужно было по крайней мере поставить эту проблему и наметить пути ее решения.

Во многом по-новому, методически удачно рассматривается автором проблема повторяемости фольклорных явлений у разных народов. Автор пишет: «Одной из ошибок многих фольклористических школ прошлого было стремление во что бы то ни стало отыскать единственную и всеобщую причину повторяемости» (стр. 36).

Убедительно, хотя и сжато, на конкретных примерах и фактах доказывается, что сходство сюжетов может быть следствием историко-генетического родства, исторических взаимосвязей, существовавших между народами, а также результатом их самостоятельного возникновения в сходных исторических условиях.

Много внимания уделяет автор вопросу коллективности творческого процесса и изменчивости фольклорных произведений как одной из особенностей народного творчества. Проблема эта в современной науке относится еще к числу малоизученных. По крайней мере одно положение представляется спорным. «В первые века своего существования древняя русская литература была еще во многом близка фольклору», — пишет автор (стр. 11). С этим утверждением можно было бы согласиться, если иметь в виду общеизвестные факты влияния народного творчества на некоторые

памятники древней литературы («Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и др.). Однако автор видит эти связи в другом — в коллективности распространения, так как «переписчики так же, как и фольклорные исполнители, считали себя вправе изменять текст в зависимости от обстоятельств» (стр. 11). Конечно, переписчики вносили изменения в литературные тексты, иногда эти изменения были весьма значительны, иногда малосущественны. Думается, однако, что вопрос о литературной судьбе различных редакций и списков нужно рассматривать конкретно в отношении каждого памятника древней литературы. Вряд ли будет справедливо категорическое утверждение, что только изобретение книгопечатания привело к отмиранию профессии переписчиков и что именно с этого времени литературное творчество утратило свой коллективный характер (стр. 12). При таком рассмотрении процесса взаимосвязей фольклора и древней русской литературы стираются грани между ними.

За введением следуют главы, посвященные характеристике отдельных жанров русского народного творчества. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что авторы стремились до некоторой степени обновить список традиционных тем, обычных в учебных пособиях по фольклору. Введена интересная глава о детском фольклоре (автор Э. В. Померанцева), выделена в особую главу очень важная проблема взаимосвязей и взаимовлияния народного творчества и литературы (автор И. С. Правдина), в небольшой, но содержательной главе «Как собирать фольклор» (автор Э. В. Померанцева) даются ценные советы тем, кто делает первые попытки самостоятельно записать произведения народного творчества.

К достоинствам нового учебного пособия следует отнести и то, что, обстоятельно раскрывая идейное содержание и направленность того или иного жанра, условия его возникновения и развития, авторы не менее тщательно характеризуют те художественные приемы и особенности поэтики, которые присущи этому жанру. В учебном пособии, предназначенном для учащихся высших учебных заведений, это имеет большое научное и воспитательное значение, так как ориентирует студента в нужном направлении, привлекает внимание к проблемам художественной формы.

В основе современной науки о фольклоре лежит исторический принцип, который предполагает рассмотрение народного творчества в тесной связи с историей и развитием жизни народа. Попыткой создать учебник в соответствии с современным состоянием науки явился учебник В. И. Чичерова «Русское народное творчество», изданный в 1959 г.

В новом учебном пособии фольклорный материал расположен по жанрам, поэтому особенно важным становится соблюдение принципа историзма в характеристике самих жанров. Историческим подходом к теме отмечены важнейшие разделы книги. Такова, например, очень содержательная глава об обрядовой поэзии (авторы П. Г. Богатырев и К. В. Чистов). На большом количестве примеров раскрываются происхождение и развитие, тематика и художественное своеобразие календарно-обрядовой поэзии, тесно связанной с трудовой жизнью и заботами земледельца, а также семейно-обрядовой поэзии в ее историческом развитии. Глава дает представление о судьбе обрядовой поэзии с древнейших времен до наших дней.

Историческим подходом к теме отмечены главы о сказках (автор Э. В. Померанцева) и о былинах (автор Ю. Н. Сидорова). В главе «Сказка» говорится об основных этапах в развитии сказочного жанра, в частности, указывается на те изменения, которые произошли в сказке в пореформенный период и, что особенно важно, автор пишет о тех изменениях, которые вносит время в художественный строй традиционной народной сказки. Много внимания уделено новому этапу в жизни русской сказки, который был положен Октябрьской революцией. Однако нужно отметить, что исторический принцип выдерживается не вполне последовательно во всех главах нового учебного пособия. В главе, посвященной частушке (автор И. С. Правдина), очень мало и в самой общей форме говорится о частушке периода Отечественной войны, в послевоенный период, а ведь частушка — один из самых популярных фольклорных жанров нашего времени.

В главе «Пословицы и поговорки» (автор И. М. Колесницкая) очень мало сказано о тех изменениях, которые произошли в этом жанре в советское время, о тех пословицах и поговорках, которые были созданы, в частности, в годы Отечественной войны.

В новой книге о фольклоре иногда чувствуется разностильность отдельных глав, разный подход к теме. Возможно, это объясняется отсутствием редактора, который мог бы придать единообразие всему материалу.

В целом новое учебное пособие — нужное, современное издание, которое принесет пользу не только студентам-филологам, но всем, кто любит и самостоятельно изучает русское народное творчество.

Отдельные замечания, высказанные здесь, являются пожеланиями преподавателя, направленными к дальнейшему улучшению книги при ее повторном издании.

П. М. Дебиров в. *Резьба по камню в Дагестане*. Изд-во «Наука». Гл. ред. восточной литературы М., 1966, 208 стр.

Новая книга искусствоведа П. М. Дебирова знакомит с камнерезным искусством дагестанских горцев, о котором раньше писали А. С. Башкиров, И. А. Орбели, Э. В. Кильчевская, автор рецензируемой книги и др. Новая работа П. М. Дебирова выгодно отличается от предыдущих исследований на эту тему обилием материала, для сбора которого он посетил около 400 населенных пунктов. К тексту приложены таблицы с 216 фотографиями и зарисовками памятников камнерезного искусства Дагестана разных эпох.

Памятники этого искусства П. М. Дебиров подразделяет на резные камни, употребляемые в качестве архитектурного декора, бытовые предметы из камня и надмогильные камни. Из них последние преобладают количественно над двумя первыми видами, и в книге П. М. Дебирова уделено наибольшее внимание надмогильным памятникам, которые очень часто представляют собой высокохудожественные произведения народного искусства. Автор прав, говоря, что многие дагестанские кладбища «являются настоящими музеями, богатейшими коллекциями памятников искусства резьбы по камню» (стр. 9). В книге детально описаны виды орнаментов на каменных изделиях (графический или повествовательный, геометрический, ленточный и растительный), прослежены местные корни орнаментов и степень влияния на них искусства Закавказья и Передней Азии, выявлены локальные варианты камнерезного искусства Дагестана и техника нанесения орнамента на камень.

Не вдаваясь в разбор многочисленных искусствоведческих выводов автора (это, очевидно, сделают специалисты-искусствоведы), отмечу, что само по себе собрание многочисленных иллюстраций художественных образцов народного творчества делает эту книгу полезной. Хорошее впечатление о ней снижается, к сожалению, досадными погрешностями, вкраившимися в текст.

Неверно, будто центром Ширвана был Дербент (стр. 7). Не В. И. Марковин опубликовал наскальные изображения у сел. Лучек (стр. 16). Нельзя говорить о конце XVII в., как о «времени правления нуцал-хана хунзахского» (стр. 21), так как «нуцал» или «нуцал-хан» — не собственное имя, а титул многих хунзахских правителей. Арабская надпись на памятнике, изображенном на рис. 71, содержит не «басмалу», как утверждает автор (стр. 47), а формулу единобожия. В книге сказано, что среди лаццев раскраска надмогильных памятников применялась лишь жителями сел. Кума (стр. 52), но такие памятники встречаются в разных районах Дагестана, в том числе во многих лакских селениях.

Больше всего ошибок допущено автором при датировке описанных им памятников. Ошибки эти обнаруживаются, когда фотографии памятников позволяют различить почерк арабских надписей, сделанных камнерезами, и прочесть эти надписи с содержащимися в них датами. Так как среди читателей книги П. М. Дебирова несомненно окажутся и незнакомые с арабским языком, то отметим эти ошибки.

Рис. 71 изображает памятник не XVI в., как считает автор, а XIV—XV вв. (по почерку).

Рис. 72 — не IX—X вв., а XII—XIII вв. (по почерку).

Рис. 75 — не XVI—XVII вв., а XI—XII вв. (по почерку).

Рис. 77 — не XVII в. (ср. стр. 68) и не XVII—XVIII вв. (стр. 72), а XI—XII вв. (по почерку).

Рис. 84 — не XVIII в., а 1609—1610 гг.

Рис. 90 — не конец XVIII — начало XIX в., а около XIII в. (по почерку).

Рис. 100 — не XVII в., а 1503—1504 гг.

Рис. 101 — не XVII в., а 1570—1571 гг.

Рис. 102 — не XIV в. (ср. стр. 36), а XI—XII вв. (по стилю это половецкая «баба»).

Рис. 109 — не 1773 г. (ср. стр. 61), а 1702—1703 гг.

Рис. 117 — не 1926 г. (ср. стр. 56), а 1896—1897 гг.

Рис. 120 — не начало XX в., а 1873—1882 гг.

Рис. 123 — не начало XX в., а 1897—1898 гг.

Рис. 145 — не вторая половина XIX в., а 1813—1814 гг.

Рис. 149 — не начало XX в., а 1881 г.

Рис. 156 — не 1776 г. (ср. стр. 55), а 1722—1723 гг.

Рис. 166 — не вторая половина XIX в., а 1818—1819 гг.

Рис. 167 — не вторая половина XIX в., а 1843 г.

Рис. 168 — не XX в., а 1892—1893 гг.

Рис. 176 — не начало XX в., а 1898—1899 гг.

Рис. 179 — не начало XX в., а 1897—1898 гг.

Рис. 187 — не XX в., а 1878 г.

Рис. 194 — не XX в., а 1879—1880 гг.

Рис. 196 — не XX в., а 1891—1892 гг.

Рис. 197 — не XIX в., а 1904—1905 гг.

Рис. 198 — не конец XIX в., а 1906—1907 гг. На стр. 64 автор пишет, что этот и предыдущий памятники сделаны мастером, который умер в 1880 г. (!?).

Рис. 202 — не XII—XIII вв., а около XIV—XV в. (по почерку).

Рис. 205 — не 1483 г. (ср. стр. 69), а 1404—1405 гг. (в книге напечатано негативное изображение этого камня).

Отметим также, что в списке литературы, использованной автором, неверно указаны годы издания работ И. Г. Гербера, Б. А. Дорна и Н. В. Ханькова.

Л. И. Лавров

М. Я. Жорницкая. *Народные танцы Якутии*. М., 1966, 168 стр.

Эта, казалось бы сугубо искусствоведческая, работа является первым опытом историко-этнографического изучения традиционного танцевального искусства народов Якутии. В своем исследовании М. Я. Жорницкая на основании собранных ею в 1948—1965 гг. полевых материалов не только описала танцы, выяснила их художественные особенности, но и обобщила имеющиеся в этнографической литературе материалы по данному вопросу. Она сопоставила и сравнила, «насколько позволила специфика хореографического искусства», танцы якутов, эвенов, эвенков, юкагиров и чукчей. При этом она исходила из того, что «устойчивость танцевальных традиций, прямая передача их от поколения к поколению делают народное хореографическое искусство, как и фольклор, своеобразным историческим источником» (стр. 12).

Исследование М. Я. Жорницкой состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения.

Во введении автор дает историографический очерк данной проблемы, научную оценку имеющихся материалов. Она рассказывает о так называемом описательном способе фиксации танца, который применяла в своей полевой практике. Сущность его заключается в выделении мелодического рисунка и раскладке движений (па) на такты со словесным описанием элементов движений. Весьма ценными представляются графические схемы пространственной композиции танца, выработанные автором для большей наглядности записи.

Первые три главы посвящены исследованию танца якутов; эвенов и эвенков; чукчей и юкагиров. В связи с тем, что автор рассматривает танцевальное наследие народов Якутии в историко-этнографическом аспекте, в начале каждой главы дается краткая характеристика культуры и быта этих народов.

В главе о танцах якутов М. Я. Жорницкая рассматривает народный якутский танец «осуохай» — хоровод, сопровождающийся песней-импровизацией. Путем сравнительного анализа более 300 исполнений осуохая, она выделила пять вариантов этого танца, отличающихся по типу основного движения. Наиболее распространенный вариант осуохая назван ею якутским, остальные — олекминским, амгинским, усть-алданским и вилюйским. М. Я. Жорницкая выявила также ареалы бытования этих вариантов.

Заслуживает внимание попытка автора проследить эволюцию якутского хоровода за последние два столетия. Обобщение имеющихся в этнографической литературе сведений об осуохае и проверки их во время полевой работы позволили М. Я. Жорницкой дать характеристику его старинного варианта. По ее мнению, осуохай исполнялся в XVII—XVIII вв. медленнее и во многом был связан с якутскими религиозными обрядами, в первую очередь с обрядом благодарения духов-покровителей. Впоследствии, в процессе расселения якутов и обособления отдельных групп сложились упомянутые выше локальные варианты осуохая.

Помимо осуохая М. Я. Жорницкая рассматривает в этой главе некоторые обрядовые танцы якутов. К их числу она относит хороводный танец «сэльбиреске», танцы стерха, журавля, орла, шаманские танцы, обрядовую церемонию, совершаемую при освящении кумыса, и танцевальные элементы в якутских охотничьих обрядах.

Отметим, что М. Я. Жорницкая первая вводит в научный оборот описание якутских обрядовых танцев. При этом следует признать, что некоторые ее выводы дискуссионны. Например, непонятно, почему танец «сэльбиреске» она считает обрядовым. То, что запеваля стоял в центре круга танцующих и держал в руках волосную веревку, не является еще доказательством религиозности этого танца.

Далее, М. Я. Жорницкая высказывает предположение, что якутские подражательные танцы — танцы стерха, журавля и орла — были частью тотемических обрядов. К сожалению, этот вывод не вполне обоснован. М. Я. Жорницкая пишет, что «наиболее распространенным тотемом у некоторых якутских родов был белый журавль (кыталык)» (стр. 54). К числу этих родов она относит «нюрбинцев» (стр. 52). Но у якутов нет рода «нюрбинцев». Нюрбинцами называют жителей Нюрбинского (ныне

Ленинского) района Якутской АССР, подразделявшихся в прошлом на роды бордонцев, кангаласцев и т. д.

В имеющейся этнографической литературе нет сообщений о том, что белый журавль был тотемом какого-нибудь якутского рода. Наиболее распространенными среди якутов тотемами были орел, лебедь и ворон.

Казалось бы, тотемические танцы, связанные с поклонением основным тотемам, должны были сохраниться лучше, чем танцы, посвященные забытым (белый журавль), или малораспространенным (журавль) тотемам. Судя по данным М. Я. Жорницкой, получилось наоборот — о бытовании в прошлом танца орла имеется лишь одно сообщение, а танец белого журавля известен жителям различных районов Якутии. Последнее, на наш взгляд, объясняется следующим образом. По материалам В. М. Ионовой, якуты верили, что птица белый журавль — посланец добрых божеств — покровителей «айыы», или, точнее, земное воплощение божеств-покровителей.

В связи с этим можно предположить, что танец стерха не являлся частью тотемических обрядов, а был связан в прошлом с почитанием божеств «айыы». Тогда становится понятным, почему танец белого журавля был известен всем якутам. Ведь божества «айыы» считались покровителями всех, или почти всех родов предков якутов.

Весьма ценны, на наш взгляд, материалы М. Я. Жорницкой о шаманских танцах. Они убедительно показывают, что камлание шамана не было только иступленной пляской. В танце шаман весьма искусно имитировал полет и приземление птиц, повадки животных и т. п., т. е. в камлании были танцевальные подражательные элементы, способствовавшие усилению воздействия шамана на присутствующих (стр. 56—57).

В сущности камлание шамана — сложный обряд, исполнявшийся по определенным, хотя и не писаным, канонам. Немалую роль в нем играли театральные, если так можно выразиться, элементы — различные устрашающие заклинания, танцы, пантомимы, музыкальное сопровождение (бубен и погремушки костюма) и т. п.

В связи с этим необходимо отметить, что М. Я. Жорницкая уделила мало внимания танцевальным элементам в обрядах культа божеств «айыы», так называемого «белого шаманизма». Она описывает только обряд освящения кумыса — один из целого цикла обрядов, исполняемых на ысыахе — празднике, посвященном божествам «айыы».

Имеющиеся в архивах материалы об обрядах этого культа свидетельствуют о тесных связях якутского хоровода осуохай с религиозными обрядами, совершавшимися белыми шаманами. Сопоставление их, возможно, пролило бы свет на происхождение якутского хороводного танца осуохай.

Помимо танцев, в главе описаны также подвижные ритмические игры якутов (дьизэрэкэй, чохчоохой, кулун-куллурүһүү, атах тэпси) и выявлены в них танцевальные элементы.

Во второй главе М. Я. Жорницкая исследует танцы и игры эвенов и эвенков, проживающих на территории Якутской АССР.

Автором анализируются три варианта «Һэдьэ» — хороводного кругового танца, наиболее характерного для эвенов. По ее мнению, древним вариантом «Һэдьэ» следует считать хоровод, сопровождавшийся специфичными гортанными звуками. Этот вариант «Һэдьэ» сохранился у эвенов Моиского и частично Аллаиховского районов Якутии.

Помимо основных вариантов «Һэдьэ», М. Я. Жорницкая зафиксировала у эвенов хороводные танцы, в которых отчетливо прослеживается влияние якутской танцевальной культуры. К таким танцам, по материалам М. Я. Жорницкой, относятся своеобразный вариант «Һэдьэ», бытующий у эвенов Верхоянского района Якутской АССР, круговые танцы — «дуһари-дуһа» и «һио-рико» (стр. 81—82).

Кроме круговых танцев автором описаны также парные и индивидуальные танцы эвенов, бытовавшие в прошлом (стр. 83, 86). Они носили подражательный характер, например танец «эһымкай» напоминал бег оленя, танец «кинди» — подражание птичке «киндил».

К числу индивидуальных М. Я. Жорницкая относит и эвенские шаманские танцы. Она обнаружила в них, как и в танцах якутских шаманов, танцевальные подражательные элементы — имитация полета птицы, бега оленя и т. д. (стр. 85).

В танцах эвенков, проживающих на территории Якутской АССР, М. Я. Жорницкая установила три локальных варианта основного традиционного эвенкийского хоровода: учурский дэрэдэ, дэрэдэ амурских эвенков и Һэдьэ аяно-майских эвенков. Некоторое различие в исполнении этих вариантов эвенкийского хоровода, как верно отметила М. Я. Жорницкая, вызвано тем, что они принадлежат различным по происхождению группам эвенкийских родов.

Общим для хороводных эвенкийских танцев на территории Якутии, по данным автора, является то, что они довольно медленны, по темпу и загову близки к якутскому хороводу (стр. 93). Сравнение полевых материалов автора с имеющимися в литературе сообщениями о танцах эвенков в XVIII—XIX вв. позволило установить, что сближение эвенкийского хороводного танца с якутским произошло недавно, видимо со второй половины XIX в.

М. Я. Жорницкая описывает также индивидуальные подражательные танцы эвенков — танец журавля и танец глухаря. Эти танцы она склонна считать тотемическими, исполнившимися в честь родовых патронов¹.

В конце главы автор приводит сведения о роли танцев в мистериях эвенкийских шаманов.

В третьей главе описаны танцы юкагиров и чукчей. Как известно, в настоящее время от древней юкагирской культуры почти ничего не осталось. Фактически уже к концу XIX в. сохранялись лишь язык и фольклор. Исследование, проведенное М. Я. Жорницкой, показывает, что многие танцы и подвижные игры юкагиров исчезли. Ей удалось зафиксировать лишь хоровод-лондол и парный танец-пантомиму лебедь, бытующие у верхнеколымских юкагиров.

Танцы нижнеколымских чукчей существенно отличаются от танцев других народов Якутии. Для чукчей, по материалам автора, наиболее характерны индивидуальные подражательные и пантомимические танцы — танец ворона, журавля, чайки и др. (стр. 111), танец радости «виврелев», танец «обработки кожи скребком», «высматривания горизонта», «бег оленя» и т. д.

Кроме индивидуальных танцев, М. Я. Жорницкая описала и чукотский хоровод «пичгэйн эн» («горлом кричать»). Она предполагает, что эти чукотские танцы «принесены предками современных нижнеколымских чукчей с востока и входят в северо-восточный ареал подражательных индивидуальных импровизационных танцев» (стр. 121).

Особенно интересна четвертая глава — «Традиционные танцы и их современное бытование в Якутской АССР». В ней автор показывает, какие огромные возможности для развития получили танцы в условиях социалистической действительности. Она подробно и красочно описывает процесс проникновения народных танцев на профессиональную сцену и в художественную самодеятельность.

Отметим некоторые неточности, имеющиеся в работе. Так, термин «салама» переводится автором как «намордники для телат» (стр. 50). В действительности же «салама» — это шнур из конского волоса с навешанными на нем пучками конской гривы и т. п.

Описывая быт эвенков, М. Я. Жорницкая утверждает, что в чуме дымно, когда горит костер (стр. 67). Но ведь верхняя часть чума специально оставляется открытой для тяги.

В целом рецензируемая работа — серьезное научное исследование, в котором танцы народов Якутии рассматриваются с этнографической и искусствоведческой точек зрения. Название работы уже ее содержания. Ведь М. Я. Жорницкая изучила не только танцы, но и подвижные ритмические игры коренных народов Якутии. Ее книга — это первая монография о традиционных танцах и подвижных играх народов Якутии. Она обращает наши знания по истории культуры народов Сибири и имеет большое практическое значение для развития профессионального и самодеятельного искусства Якутской АССР.

В заключение хотелось бы пожелать, чтобы М. Я. Жорницкая продолжала изучение народных танцев Сибири, тем более, что некоторые из них с течением времени постепенно забываются и исчезают.

Н. А. Алексеев

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

E. Hexelschneider. *Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts*. Berlin, 1967, 265 S.

Институт славяноведения Германской Академии наук издал под редакцией профессора Х. Х. Бильфельда интересное исследование Эрхарда Хэксельшнейдера «Русские народное творчество в Германии до середины XIX века».

Основная черта фольклора как такового — его постоянная изменчивость, подвижность, то, что он живет в веках, передается из уст в уста, не зная социальных,

национальных и тем более государственных границ. Общеизвестно наличие бродячих сюжетов сказок, родство героев и ситуаций эпоса, сходство тем, образов, приемов лирики разных народов. Общность эта не уничтожает национальное своеобразие сказок и песен каждого народа, не лишает их своего особого, характерного для каждой эпохи социального пафоса.

В связи с этим изучение интернациональных связей фольклора любого народа и его взаимодействия с фольклором других народов крайне необходимо и чрезвычайно важно для установления закономерностей литературного процесса в целом. В этом плане существенно изучение связей не только немецкой и русской литературы, которым занимается ряд советских и зарубежных исследователей, но и русского и немецкого фольклора, взаимодействие которых на протяжении длительного времени изучено крайне незначительно.

Эрхард Хэксельшнейдер изучил освоение (Rezeption, по его терминологии) русского фольклора немецкой культурой в XVIII и первой половине XIX в. и убедительно показал в своей книге закономерность этого процесса.

В основу его исследования легла давно существующая в советской науке аксиома, что литературные связи осуществляются не в безвоздушном пространстве, а определяются общественно-политическими, историческими и экономическими предпосылками. Исходя из этого положения, Э. Хэксельшнейдер поставил себе цель выяснить связь между общественным и культурным развитием Германии изучаемого периода и обращением немецких писателей и ученых к русскому народному творчеству. Целе направленность книги определила ее композицию: литературный процесс рассматривается в ней по хронологическим отрезкам, в начале каждой главы выясняется общественно-политическая ситуация данного периода в Германии, вызвавшая интерес к русской литературе и фольклору. Отдельные главы посвящены знакомству Германии с русским фольклором в середине XVIII — начале XIX в.; значению освободительной войны для восприятия русского фольклора в Германии в 1843—1830 гг.; изучению русского народного творчества в Германии накануне революции 1848 г.

В первой главе Э. Хэксельшнейдер scrupulозно собрал все проявления зародившегося среди немецких писателей, композиторов и ученых интереса к русскому фольклору, в первую очередь к русской песне, рассмотрел первые упоминания о русском героическом эпосе и сказках и их переводы. В результате исследователю удалось установить, что уже в конце XVIII в. в Германии различали отдельные жанры русской народной песни, что уже было известно 40—50 русских песен, из них около 30 с напевами. Посредниками, осуществившими знакомство немецкого общества с русской песенной культурой, явились немцы, служившие в России, немецкие путешественники, реже русские писатели. Достижения русской фольклористики этого периода почти не получили отклика в Германии, чем объясняется случайность отбора материала и его оценки, убеждение, что русские крестьяне безмятежно благоденствуют.

Широкому распространению песен содействовали их напевы; что же касается героического эпоса и сказок, их распространению мешало незнание русского языка. Э. Хэксельшнейдер справедливо подчеркивает значение деятельности Иоганна Рихтера (1763—1829 гг.), переводы и статьи которого, в частности статья о русских сказках и эпических сказаниях, сыграли огромную роль в деле ознакомления немецких читателей с русским фольклором. Знаменательно, что труды Рихтера нашли живой отклик и в русской журналистике и заслужили одобрение Карамзина.

Стремясь исторически объяснить интерес немецкой науки к русскому фольклору, Э. Хэксельшнейдер во второй главе подробно останавливается на обстановке, сложившейся в результате немецкого освободительного движения и русско-германского военного соглашения. Именно ею исследователь объясняет возникновение в этот период интереса к русским солдатским и казачьим песням, а затем и появление сборников русских песен, пришедших по вкусу читателям из буржуазной и мелкобуржуазной среды.

Очень интересны в этой главе страницы, посвященные обращению к русской песне Бетховена, Арндта, Вильгельма Гримма, Нибура и особенно поэта Теодора Кернера.

В эту главу включена как бы небольшая самостоятельная монография, посвященная немецким переводам, переделкам и подражаниям песне «Ехав казак за Дунай». Монография эта существенно дополняет представления русских исследователей о судьбах этой популярной песни.

Обращение в первых десятилетиях XIX в. немецких писателей и ученых к «Слову о полку Игореве» и русскому героическому эпосу Э. Хэксельшнейдер убедительно объясняет влиянием освободительных войн на русско-германские культурные связи.

С анализа общественно-исторических предпосылок обращения к русскому фольклору начинается и третья глава исследования Э. Хэксельшнейдера, посвященная тридцатым и сороковым годам, т. е. периоду, предшествовавшему революции 1848 г. Рассмотрев так называемый сербский период немецкого романтизма и роль чешских деятелей культуры в распространении и популяризации славянского фольклора, он отме-

часть естественное возрождение в 1840-х годах несколько было потухшего интереса к русскому народному творчеству. Подробно Э. Хэксельшнейдер останавливается в этой связи на деятельности собирателя и издателя фольклора В. Вальдбрюля, немаловажные заслуги которого в популяризации славянского фольклора до сих пор не были достаточно оценены, и немецкого демократа В. Вольфсона, связанного с кружком Гервега, с известным писателем Т. Фонтане, с окружением Белинского и Герцена. Ценным вкладом в изучение русско-немецких литературных связей является раздел этой главы, посвященный распространению в Германии русских лубков и публикациям переводов русских сказок в 1830—1840-х годах в Германии и Австрии. Подробно рассмотрены заслуги Якова Гримма в изучении русских сказок.

Исследование Э. Хэксельшнейдера написано на большом материале, частично впервые вводимом в науку, в нем дается последовательное и объективное освещение привлекаемых исторических и литературных фактов, скрупулезный текстологический анализ. В результате автору не только удалось углубить наблюдения его предшественников, внести в них ряд уточнений, по-новому осветить деятельность многих ученых и писателей, дать новую оценку некоторым немецким изданиям русского фольклора, но, главное, убедительно показать закономерность обращения в исследуемый им период немецкой науки и литературы к русскому народному творчеству и вместе с тем показать роль в этом процессе русской прогрессивной фольклористики тех лет.

Книга Э. Хэксельшнейдера — отрадное явление в современном литературоведении, показатель того, что на новой методологической основе возродилось сравнительное изучение литературы и фольклора разных народов, изучение взаимодействия и взаимовлияния разных национальных культур, т. е. возродился интерес к проблематике, вне которой немыслимо изучение мирового литературного процесса во всем его многообразии и во всей его сложности.

Э. В. Померанцева

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

L. W. Jones. *The Population of Borneo. A study of the people of Sarawak, Sabah and Brunei*, University of London, 1966, 213 p.

Рецензируемая книга — первое демографическое описание бывших английских колоний Саравака и Сабаха (Британское Северное Борнео), с 1963 г. входящих в состав Федерации Малайзия, и протектората Бруней, расположенных на севере о. Калимантан, остальная часть которого принадлежит Индонезии.

В течение ряда лет автор книги, чиновник аппарата колоний, принимал участие, а в 1931 и 1960 гг. сам непосредственно руководил переписью населения Северного Калимантана¹. Знание специфики всего региона и сравнительный анализ данных демографической статистики с привлечением материалов всех переписей, когда-либо проводившихся в Сараваке, Сабахе и Брунее, позволили Л. Джонсу дать довольно полную характеристику современного состояния этнически разнородного населения Северного Калимантана. Исследователь прогнозирует будущие темпы роста и развития народонаселения Саравака, Сабаха и Брунея, не уходя и от важнейших проблем, связанных с резким увеличением населения во всей Юго-Восточной Азии после второй мировой войны и все растущим стремлением народов к образованию, прогрессу и повышению жизненного уровня. Однако, констатируя наличие этих проблем, автор не видит путей ликвидации внутренних противоречий современного капиталистического общества. Л. Джонсу свойственна чрезмерная идеализация капиталистических отношений и деятельности «белых раджей» в бывших колониях Великобритании. Наивно звучат его рассуждения о «мосте» через «социальный разрыв» между «белыми воротничками» и рабочим классом в странах Азии и других мерах, необходимых для заполнения этого разрыва (стр. 202). И все же ценность фактического материала, собранного Л. Джонсом в книге «Население Борнео», неоспорима.

Книга состоит из восьми глав, богато иллюстрированных таблицами и диаграммами, и двух приложений: «Количественное соотношение между основными этническими группами всего населения в 1960 году» и «Метод подсчета всего и экономически активного населения в 1985 году».

¹ L. W. Jones, North Borneo. Report on the Census of population held on 4 June, 1951, «Man», 1953, v. LIII, № 2, art. 193; его же, North Borneo. Report on the Census of population taken on 10 August, 1960, Kuching 1962; его же, North Borneo. Report on the Census of population taken on 15 June, 1960, Kuching, 1962.

Первая глава знакомит читателя с географией, историей, этническим составом и происхождением народов Северного Калимантана. На территории Саравака, Сабаха и Брунея, площадь которых в общей сложности равна площади Англии с Шотландией (190,8 тыс. км²), проживает около 1,5 млн. человек; 60% всего населения концентрируется в прибрежной полосе и дельтах больших рек Северного Калимантана. Редко заселены внутренние районы: тропический климат, высокая влажность, обилие осадков и большая заболоченность местности, малярийные низины и труднопроходимые джунгли — все это создает неблагоприятные условия для существования коренных жителей, известных под общим названием «даяки» — ибанов, дусунов, кайанов, клемантанов и др.

Автор выделяет в населении Северного Калимантана три пласта: 1) «аборигены» — различные группы даяков-анимистов (муруты, келабиты и т. д.); исламизированные даяки, причисляющие себя с момента обращения в мусульманство к малайцам (меланану); малайцы прибрежных районов — потомки переселенцев XIII—XV вв. с Суматры и Малакки. 2) Китайцы. 3) Другие иммигранты (индонезийцы, индийцы, европейцы и т. д.). Это выделение вполне правомерно. Однако Л. Джонс уделяет мало места вопросам этногенеза представителей первой — очень сложной, но интересной группы коренного населения Северного Калимантана, следуя в основном несколько устаревшим доводам ветеранов этнографического изучения даяков XIX — начала XX столетий — Чарльза Хоуза и Мак Дугалла, Линг Роса и Хэддона и др. Всю политическую историю Саравака, Сабаха и Брунея автор книги ограничивает тремя периодами: до европейской экспансии (середина XIX в.); период колониального владычества до 1945 г. и послевоенный период вплоть до 1960-х годов и включения Саравака и Сабаха в состав федерации.

Вторая глава посвящена обзору переписей населения Северного Калимантана и всех имеющих в распоряжении автора демографических данных о Британском Северном Борнео (с 1891 г.), Брунее (с 1911 г.) и Сараваке (с 1939 г.). Отмечая недостаточность и неточность сведений и статистических данных по всему региону, Л. Джонс в III и IV главах («Рост населения до 1945 года» и «Характеристика населения до 1945 года») довольно успешно реконструирует картину народонаселения Северного Калимантана до второй мировой войны (стр. 31—63). В центре внимания исследователя — количественные соотношения между коренным населением и иммигрантами, возрастной и половой состав всего населения Саравака, Сабаха и Брунея, расселение народов и внутренние миграционные процессы на протяжении данного периода, колебания уровней рождаемости и смертности в среде аборигенов и пришельцев, а также другие демографические характеристики народов этой провинции. Л. Джонс привлекает большой сравнительный материал и рассматривает Северный Калимантан на демографическом фоне всего малайского мира.

Отмечая низкие темпы роста населения Северного Калимантана (с 1911 по 1951 г. население Сев. Борнео увеличилось на 35%; Брунея с 1911 по 1947 г. — на 61,5%, а Саравака с 1930 по 1947 г. — на 112%, в то время как население Малайи, Сингапура, Цейлона и Филиппин по крайней мере удвоилось за тот же период), Л. Джонс указывает, что народонаселение Северного Калимантана в течение последних ста лет увеличивалось в основном за счет притока иммигрантов, которые к 1940 г. составляли 1/4 всего населения провинции (24% общего числа иммигрантов составляли китайцы). Автор книги констатирует катастрофическое исчезновение отдельных групп аборигенов-даяков в результате эпидемий, полуголодного существования, внутрисемейных войн, охоты за головами и рабства, продравшегося на Северном Калимантане почти до конца XIX в. Он поднимает проблему мурутов, наиболее многочисленной группы коренного населения Сабаха, жителей горных районов Пенангана, Кенингауа и Тенума. Количество мурутов за время правления династии Бруков (1846—1946 гг.) беспрерывно уменьшалось (в 1911 г. их насчитывалось 27 226, а в 1951 г. — 18 724 — стр. 47). Причину вымирания и резкого снижения рождаемости в среде мурутов и подобных им изолированных и рассеянных эндогамных групп коренного населения Л. Джонс видит не столько в «инбридинге» (кровнородственных браках), сколько в их экономической отсталости. Крайне безотрадную картину состояния населения этой отсталой провинции Юго-Восточной Азии дополняют и другие данные, привлекаемые автором «Населения Борнео»: у даяков на 1000 чел. рождается 37 и умирает 35 чел.; особенно высока детская смертность (стр. 43); всего 10% детей школьного возраста посещали школы в 1939 г. (стр. 58) и т. д. Однако в послевоенный период наступает, как говорит Л. Джонс на стр. 145, «период демографической революции». Изменениям, происшедшим после 1945 г., посвящены V и VI главы книги. За период с 1951 по 1960 г. коренное население увеличивается на 25%, повышается рождаемость, уменьшается детская смертность (см. табл. на стр. 63, 69, 78 и т. д.). Этому способствовало, наряду с развитием здравоохранения, некоторое улучшение экономического положения аборигенов Северного Калимантана в результате их интенсивного продвижения к побережью в поисках дополнительных средств к существованию в городах и на горных и нефтяных разработках, появившихся в Брунее и других местах в 1930-х годах. Ограничение экспансии иммигрантов, интенсификация процессов урбанизации, рост гра-

мотности — все это, по мысли автора, повлекло за собой изменение основных демографических характеристик населения северной части о. Калимантан, и, наряду с этим, изменение и соотношение в экономической занятости различных слоев населения.

Большой интерес представляет VII глава книги — «Экономическая активность», где Л. Джонс дает краткий исторический обзор экономического развития всего региона. До появления каучука (1910 г.) Бруней поставлял на мировой рынок перец, саго, бетель, кокосовое масло и другие колониальные товары. Сурьма и золото являлись основным продуктом экспорта Саравака в начале правления династии Бруков, потом на арену выходит уголь, являющийся и в наши дни основной статьей дохода в этом районе. В середине 1930-х годов Британское Северное Борнео специализируется на поставке каучука, и уже в 1940 г. производит 3/4 всего экспортного каучука Северного Калимантана. В 1930-х годах Бруней становится поставщиком нефти благодаря обнаруженным здесь запасам. Колониальный характер экономики, направленный на развитие крупных капиталистических предприятий, выражается в следующих цифрах: в 1960 г. на крупных плантационных хозяйствах и предприятиях добывающей промышленности было произведено 95% всей экспортной продукции Брунея, 53% — Северного Борнео и 13% — Саравака. На стр. 147—166 Л. Джонс уделяет много места вопросам распределения рабочей силы в зависимости от национальной принадлежности и уровня грамотности, проблеме экономической активности женщин, обуславливаемой религиозными традициями (среди малаек 32% заняты в сфере производительного труда, в то время как у ибанов, в основном анимистов, — 79%) и т. п.

Завершающая, VIII глава книги Л. Джонса посвящена будущему населения Саравака, Сабаха и Брунея. На основании данных послевоенных переписей о рождаемости и смертности населения, исследователь выводит перспективные цифры роста будущего народонаселения всего региона. Он предполагает довольно высокий по мировым стандартам трехпроцентный ежегодный прирост населения, в результате которого население Северного Калимантана к 1985 г. достигнет трех млн. чел. Плотность населения с 10 чел. на 1 км² в 1960 г. увеличится до 22,5 чел. в 1985 г. (если сравнить с плотностью населения в Малайе, Филиппинах, на Цейлоне и в Японии, то даже в 1985 г. Северный Калимантан не станет перенаселенным, как отмечает автор на стр. 170). Среди населения Саравака, Сабаха и Брунея в 1985 г., по подсчетам Л. Джонса, малайцы и дакия составят 61%, китайцы — 35% и другие национальности — не более 4%. Однако, констатируя, что с увеличением населения увеличится и число рабочих рук, автор вынужден с горечью и страхом признать, что неминуемо появится безработица — проблема, доселе неизвестная в Сараваке и Сабахе, но уже вызывающая беспокойство в Брунее, где 2/3 рабочих не заняты в сельском хозяйстве, а работают на промышленных предприятиях. В целом же индустриализация в этом в основном сельскохозяйственном районе с многоукладной экономикой будет очень незначительной. Уже сейчас в Сабахе несколько тысяч иммигрантов и 5% некавалифицированных местных рабочих обеспечивают половину государственного экспорта древесины, а в Брунее в 1960 г. 14% всего экономически активного населения производят 80% национального продукта. «В дальнейшем найти рабочих для производства экспортных продуктов, которые составляют основу экономики Борнео, будет меньшей проблемой, чем дать работу тем, кто ее жаждет!» — восклицает автор (стр. 194). И он обращается к правительству с целым рядом предложений, осуществление которых, по его мнению, позволит решить основные социально-экономические проблемы. Л. Джонс верит в то, что разумными действиями капиталистов можно развить экономику и повысить благосостояние народов Саравака, Сабаха и Брунея, призывает проводить политику контроля над ростом народонаселения и рождаемость путем повышения образовательного уровня женщин, привлечения их к производственной деятельности, большей их эмансипации и путем пропаганды различных средств ограничения рождаемости.

Автор книги «Население Борнео» Л. Джонс во многом заблуждается; со своих позиций, далеких от марксистско-ленинского понимания законов общественного развития, он не может дать правильного научного объяснения многих процессов, происходящих в современном капиталистическом обществе. Но сосредоточенный в книге богатый фактический материал представляет большой интерес для социологов, этнографов и специалистов смежных специальностей, изучающих народы этого региона.

Л. В. Никулина

Атеисты, материалисты и диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. Перевод, комментарии и введение Л. Д. Позднеевой, М., 1967, 403 стр.

Выпущенная издательством «Наука» книга о Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы — это существенный вклад не только в отечественное и мировое востоковедение, но и в историю философии в целом. Впервые читатель получает столь полный и столь обоснованный перевод произведений древнекитайских философов-материалистов. Уникальность этого перевода определяется двумя обстоятельствами:

во-первых, текст дается в композиции оригинала, т. е. без изменения расположения его частей и без пропусков тех фрагментов, которые казались комментаторам и переводчикам повторами или позднейшими вкраплениями; во-вторых, перевод впервые делается строго по смыслу текста, а не исходя из его толкования комментаторами (т. е. без невольного искажения или намеренной фальсификации). Последнее особенно важно, так как искажение смысла лаконичных, философски насыщенных бесед и изречений древнекитайских материалистов вело к тому, что нередко они представлялись западноевропейскому и русскому читателю как примитивно мыслящие или, наоборот, как заумные мистики. Так, в подтверждение «мистицизма» Чжуанцзы часто приводилась короткая притча о сне, в котором он ощущал себя бабочкой. Для утверждения мистицизма Чжуанцзы было достаточно лишь «забыть» о последней фразе притчи (стр. 146): «Это и называется превращением вещей, тогда как между мною и бабочкой непременно существует различие».

В самом Китае произведения Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы долгое время замалчивались. По существу лишь фрагменты их встречаются в официальных изданиях императорского Китая (да и последующих десятилетий). А следовательно, и они доходили до читателя сквозь призму конфуцианской цензуры. А «высочайше разрешенная» и пропагандируемая в общегосударственном порядке конфуцианская идеология враждебна идеологии древних диалектиков, как всякий идеализм враждебен материализму.

Академик Н. И. Конрад в своем письме к Арнольду Тойнби («Новый мир», 1967, № 7, стр. 184), говоря о различных проявлениях общественного сознания, совершенно справедливо пишет о безудержном стремлении к производству всяких норм у Конфуция и Мэнцзы и яростном протесте против этих норм у Лао-цзы и Чжуанцзы. «Как будто бы Лао-цзы и Чжуанцзы почувствовали, к чему эти нормы могут повести». Этим яростным протестом прогрессивных мыслителей, их борьбой против конфуцианских, сковывающих общественную мысль догм пронизана история идеологии Китая вплоть до наших дней. Казалось бы, идеологическая борьба середины I тысячелетия до н. э., когда жили Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы — это дела давно минувших дней. Однако, прочтя книгу и вступительную статью к ней, поражаешься и остроте идеологических схваток того времени, и близости этой борьбы к современности. Отдельные высказывания и беседы, высмеивающие конфуцианцев и самого Кун-цзы, как будто нацелены против маоистов и пресловутой «культурной революции», сквозь псевдоревolutionные лозунги которой явственно проглядывает конфуцианское «нормотворчество».

Этнографам книга полезна и интересна хотя бы уже потому, что исследование истории духовной культуры, особенно атеистической струи в ней, — одна из важных задач этнографии. Для этнографов-китаеведов произведения Ян Чжу, Лецзы и Чжуанцзы служат, кроме того, одним из источников сведений по проблеме этногенеза и этнической истории Китая и, прежде всего, малых народов страны. Многие из бесед содержат сведения о специфике хозяйства, материальной культуры, обычаях и обрядности населения прототхайского царства Чу, южских царств У и Юэ, царства Цинь и их соседей. Приведем, лишь один пример:

«К востоку от царства Юэ лежит страна Деревя Чжэкан. Родится там первенец, его съедают маленьким, называя это «жертвоприношением младшему брату». Умрет у них дед, отнесут на спине бабу и бросят, говоря: «С женой покойника нельзя жить вместе». К югу от царства Чу лежит страна людей Огня. Почтительным сыном у них считается тот, кто погребает лишь кости своих родных, когда мясо после смерти сгниет и его выбросят. К западу от царства Цинь лежит страна Ицюй. Почтительным сыном у них считается тот, кто после смерти родных собирает хворост и их сжигает. Дым от костра поднимается вверх и это называют «поднятием вывсы»» (стр. 89).

Трудно сказать, какому народу был присущ обычай умерщвления первенца, но у многих народов в древности господствовал «минорат» и старшие братья действительно ухаживали от родителей. Боязнь мертвых и сопребывание с покойным его жен — явление также в прошлом очень распространенное. Более специфические черты содержат сведения о давнем двухступенном захоронении у людей Огня (ляо) и трупожожении у древних обитателей Ицюй (современной Ганьсу) и этим они очень ценны.

Большой интерес представляет наблюдение о роли географического фактора: «В царствах У и Чу растет огромное дерево, имя ему Помелон. Дерево лазоревое, родит зимой, плоды красные, на вкус кислые. Едят кожуру и сок и излечиваются от удущия. В Цичжоу оно понравилось, перевезли на север от реки Хуай, но там оно превратилось в одичавший мандарин. Черный певчий дрозд не перелетает через реку Цзи. Барсук, перебравшись через реку Вэнь, умирает. Таково значение местности и эфира...» (стр. 86).

Внимательный читатель найдет в книге множество интересных сведений и о быте, обычаях, хозяйстве, духовной культуре самих хань (собственно китайцев). У конфуцианцев основная роль в обществе отводилась «аристократии духа» — мудрому правителю и еще более мудрым и совершенным его советникам-философам. У даосов

же основной герой всегда простолюдин: земледелец, лодочник, мясник и т. д. Конфуцианцы, присвоив фольклорный идеал мужской красоты (статность, ясный лик, благородство черт лица, гармоническое телосложение и т. д.), возвели красоту в ранг мужской доблести, утверждали ее, как обязательное, естественное свойство мудрого правителя. Даосы же возвеличивали ум, умелость вообще и мастерство в своем деле. Главные качества человека в творениях древних материалистов — не красота и знатность, а человечность, умение принести пользу обществу и прежде всего простому люду. Естественно, что и носителями этих качеств у древних материалистов оказываются простые люди, причем как полемический прием часто используется прославление героев, физически ущербных от природы или по вине жестоких и алчных правителей.

Древние атеисты, естественно, уделяют много внимания борьбе с религиозными предрассудками. Подобно другому китайскому древнему философу-материалисту Моди и его последователям, они выступают против культа умерших, против разорительной для трудового люда погребальной обрядности. В качестве примера приведем лишь одну беседу (ответ Ян Чжу на вопрос неизвестного):

«Ян Чжу сказал: «При жизни жалеть друг друга, по смерти друг друга покидать» — в этой древней пословице истина. «Друг друга жалеть» — эти слова говорят не только о чувстве, но и о готовности дать отдохнуть усталому, накормить голодного, обогреть замерзшего, найти выход для зашедшего в тупик. «Друг друга покидать» — эти слова говорят не о том, чтобы не оплакивать покойника, а о том, чтобы не облачать в узурную парчу, не класть ему в рот жемчуг и нефрит, не приносить жертв, не ставить блестящих сосудов»... (стр. 108—109).

Поистине глубоко человеколюбивая проповедь. И это не просто наставление. Так даосы поступали по отношению к своим ближним; того же ждали они от своих учеников. Понятно, почему такую злобу вызывали поучения даосов у последователей Конфуция, как известно, протестовавшего против отказа от сопогребений (т. е. от погребения заживо людей для сопровождения знатного покойного к предкам); ведь изъятие одного элемента, по их мнению, нарушало всю традиционную обрядность. Конфуцианцы в соблюдении погребальной обрядности видели прежде всего соблюдение традиционных норм и не хотели замечать разорения живых ради почестей мертвым.

Блестящим примером безразличного отношения к «загробной жизни», отрицания посмертного возмездия за грехи в земном бытии, материалистического понимания жизни и смены ее форм служат беседы с черепом (стр. 45 у Лецзы, стр. 223—224 у Чжуанцзы), разъяснение Чжуанцзы о его мнимом бессердечии по отношению к покойной жене (стр. 223) и другие.

Богатый материал для исследования ранних форм религии читатель найдет в переводе имен. Как известно, этническая ономастика приобретает все большее значение и известность как ценный исторический источник.

В книге дан перевод топонимов (оронимии и гидронимии), этнонимов (наименований родов, племен, народов, названий царств, личных имен и прозвищ и т. д.). Читатель представит себе важность перевода личных имен и прозвищ, прочтя беседу Реки и северного Океана о конечном и бесконечном (суть беседы в значительной мере пропадает, если беседуют некий Бэйхай Жо с неким Хэ Бо). Но особенно показателен перечень наименований родов: род Терновника (Цзиньши), Больших муравьев (Куан ши), Владеющим огнем (Юбяо ши), Владеющих медведем (Юсюн ши), Вскармливающих медведя (Юйсюн ши), Добывающих огонь трением (Суйжэнь ши), Гадающих на черепе (Жаньсян ши), Владеющих гнездами (Ючао ши), Ведающих развалинами (Гунгун ши), Владеющих домами (Юху ши), Хранителей священной чашки и жаровни (Цзунлу ши) и т. д. В этих наименованиях нашли отражение ранние формы религии (тотемизм), социальных отношений (дифференциация жреческого сословия), специфики хозяйства (иригация) древнего Китая. Привлечение семантики названий к исследованию истории формирования населения областей, где обитали эти роды — еще один важный источник. И использование этого источника переводом обеспечено.

Можно было бы отметить отдельные недостатки издания. В частности, не все переводы имен, на наш взгляд, удачны. Так, наименование «раб 100-верстовый Си», вероятно, следовало бы оставить без перевода — «раб из Болиси», т. е. перс. Но недостатков в книге очень немного.

В этой краткой рецензии мы остановились лишь на некоторых аспектах издания, столь полезного философу, этнографу, фольклористу, историку культуры и религиеведы.

Г. Г. Стратанович

НАРОДЫ АМЕРИКИ

От Аляски до Огненной земли. История и этнография стран Америки. (Сборник статей). 1967, 372 стр.

Перед нами сборник статей — результат большой работы советских американистов — этнографов, историков, географов и лингвистов. Этим коллективным трудом советские исследователи Америки отметили славный юбилей своего коллеги и учителя, главы советской американистики, члена-корреспондента АН СССР, профессора А. В. Ефимова — 70 лет со дня его рождения и 45-летие научной и педагогической деятельности.

Сборник при всем разнообразии помещенных в нем статей тематически нацелен. Это обширный труд, рассматривающий сложные проблемы истории народов Америки.

Первый раздел сборника — «Общие проблемы Западного полушария» — содержит четыре статьи.

С. А. Гонионский в статье «ОЛАГ вместо ОАГ?» исследует кризис политики США в Латинской Америке последних лет. Как показывает автор, американские империалисты уже не в состоянии диктовать свою волю странам Центральной и Южной Америки. Попытки дипломатии США создать видимость единства и гармонии в Организации Американских государств (ОАГ) обречены на провал. Налицо глубокий кризис ОАГ, о чем свидетельствуют II чрезвычайная межамериканская конференция министров иностранных дел стран — членов ОАГ в ноябре 1966 г. и сессия специальной комиссии ОАГ в Панаме весной 1966 г. США не удалось добиться своей цели — создать «межамериканские вооруженные силы» для борьбы с революцией на Кубе и для подавления революционного движения на континенте Америки. Прогрессивные силы Латинской Америки требуют замены ОАГ Организацией Латиноамериканских государств — ОЛАГ, из которой были бы исключены США. События 1967 г. подтверждают анализ и выводы автора. Все большее число стран Америки выступает за укрепление своей независимости, за самостоятельное экономическое развитие, против милитаризации, диктата империализма США, против грязной войны во Вьетнаме, против поддержки американскими империалистами агрессии на Ближнем Востоке.

Э. Л. Нитобург в исследовании «От политики „большой дубинки“ к политике „добротного соседа“» анализирует проблемы латиноамериканской политики США в двадцатилетие между двумя мировыми войнами. Автор вскрывает истоки «добротсоседской политики» США, с помощью которой североамериканские монополисты стремились вытеснить английских, немецких и японских конкурентов на рынках и ослабить антиимпериалистическое движение народов американских стран. Целью американского империализма было также превращение слаборазвитых стран Америки в источник сверхприбылей, в поставщика дешевого сырья, в стратегический плацдарм в близившейся мировой войне. Вместе с тем политика «добротного соседа», отмечает автор, имела и некоторое объективное положительное значение: она сплачивала народы американских стран перед лицом фашистской угрозы и способствовала военным усилиям антигитлеровской коалиции в войне.

Статья Е. В. Анановой «Американские планы аннексии Доминиканской республики в XIX в.» посвящена малознученным страницам истории экспансии США в странах Карибского бассейна.

А. М. Зорина в исследовании «Договор Клейтон — Бульвера (1850 г.) и русская дипломатия» рассматривает отношение России к англо-американскому договору 1850 г., которым регулировалось правовое положение будущего Панамского канала. К участию в договоре, предоставлявшему немалые выгоды США, американское правительство попыталось привлечь Россию. Русское правительство решило отклонить это предложение. Однако мотивы такого решения вскрыты исследователем недостаточно. Читатель остается в недоумении — почему Россия уклонилась от участия в договоре, сулившем ей большие экономические выгоды.

Второй раздел сборника — «США, Канада, Гренландия» — открывается статьей Ю. П. Аверкиевой «Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества». Автор со знанием дела критикует труды американских этнографов, пытающихся опровергнуть учение Л. Г. Моргана об исторической последовательности различных форм рода и последующей смене рода семей (Р. Лоуи, Дж. П. Мёрдок, Г. Драйвер, У. Массей и др.) и показывает, что предложенные ими схемы развития форм разделения труда не могут лечь в основу периодизации первобытной истории. Автор доказывает правоту Моргана, связывавшего становление патриархальных норм и моногамной семьи с развитием отношений собственности. Это положение Моргана, как известно, получило законченную разработку в классическом труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

В. А. Дивин в небольшой работе «Русские мореплаватели к берегам Америки после Беринга и Чирикова» исследует несколько русских экспедиций XVIII в. — П. Креницына и М. Левашова, Полубояринова и Козляникова, Г. Муловского и др.

Недостаток статьи — беглость изложения (так, об экспедиции Полубояринова в Бразилию можно было бы рассказать подробнее и ярче). Тезис о том, что в 70-х годах XVIII в. Англия, Испания и другие страны приняли меры «для того, чтобы лишить Россию владений в северной части Тихого океана», требует подтверждения. Кук и Лаперуз хотя и были военными моряками, не имели приказов об открытии военных действий против России, по крайней мере об этом ничего неизвестно. Не продумано и название статьи: выражение «после Беринга и Чирикова» может означать и плавание XIX—XX вв., даже наших дней.

Свежий и яркий материал содержится в статье В. М. Пасецкого «Русские проекты поисков северо-западного морского прохода». Здесь особенно интересны данные о проектах И. Ф. Крузенштерна и Ф. П. Врангеля.

Оригинальную гипотезу выдвигает Б. П. Полевой в исследовании «Из истории открытия северо-западной части Америки» он рассматривает одну из сторон экспедиции Беринга. Дело в том, что инструкция Петра I Витусу Берингу изложена нечетко. Петр посылал Беринга к южной оконечности Камчатки, где, по его данным, якобы Камчатка лежит ближе всего к Америке. В действительности же, как известно, именно здесь Камчатка отстоит наиболее далеко от Америки. Эту нелогичность царской инструкции Б. П. Полевой пытается объяснить довольно легко, даже слишком легко. Автор прибегает к карте нюрнбергского картографа И. Б. Гомана, напечатанной в 1722 г. по заказу русского правительства. На этой карте рядом с восточным побережьем Камчатки изображена обширная вымышленная земля, тянущаяся на север и на восток. Петр I желал, чтобы Беринг плыл возле этой «Терра бореалис» не на север, а на юго-восток. Именно поэтому в инструкции Берингу и предписывалось направиться к южной оконечности Камчатки.

Право исследователя на гипотезы бесспорно, но долг ученого — привести доказательства в пользу своего предположения и отвергнуть контрдоводы оппонентов. А доказать надо: 1) то, что Петр I видел карту Гомана; 2) то, что карта, врученная Берингу в 1725 г., была экземпляром карты Гомана. А пока эти положения не доказаны, гипотеза автора, к сожалению, легковесна, и загадка инструкции Берингу не прояснилась.

В работе С. Г. Федоровой «Флаг Российско-Американской компании» содержится интересный и оригинальный материал. Жаль, что ничего не сказано о печати компании.

Две статьи, Б. В. Лукина и Р. Г. Ляпуновой, анализируют вопросы, связанные с неопубликованным сочинением «летописца русской Америки» К. Т. Хлебникова. Это сочинение было предложено А. С. Пушкину как редактору «Современника», но поэт вскоре погиб и работа не увидела света. По мнению Б. В. Лукина, в письме Хлебникова Пушкину шла речь не о большой работе, а скорее о программном вступлении к ней. Однако из этого вступления можно сделать вывод о замысле и направленности задуманной Хлебниковым книги. Р. Г. Ляпунова рассматривает рукопись К. Т. Хлебникова «Записки о колониях в Америке» как очень важный источник по этнографии и истории Аляски и Алеутских островов. Из труда Хлебникова опубликованы (в 1861 г.) только части I и VI.

Н. Н. Болховитинов в работе «Происхождение и характер англо-американской войны 1812 года» критикует распространение в буржуазной историографии понимания войны 1812 г. как «второй войны за независимость». Однако в конечном счете концепция автора довольно близка к той, которую он резко критикует. Причину войны автор справедливо видит, с одной стороны, в экспансии буржуазии и плантаторов США и, с другой стороны, в систематическом нарушении Англией прав нейтрального мореплавания. В ходе же войны ее характер стал меняться и она все более становилась борьбой за обеспечение независимости и территориальной целостности США. Объективно война 1812 г. оказалась продолжением революционной войны за независимость.

Ш. А. Богина в исследовании «Немецкие иммигранты и гражданская война в США» раскрывает интересную страницу истории второй американской революции. Активное участие немецких иммигрантов в гражданской войне объясняется не только значительным удельным весом их в США (немцы составляли лишь несколько менее трети всех иммигрантов), но и тем, что многие из них были участниками революций 1848—1849 гг. Среди немецких иммигрантов имелись коммунисты, соратники Маркса и Энгельса, деятели рабочего движения. Немецкие иммигранты смогли занять выдающееся место в войне. Заслугой автора является и то, что он подчеркнул сложность обстановки в США. Так, часть немецкого населения в США осталась верной знамени демократов и Югу. Не затушевываются и отдельные недостатки, имевшие место в немецких частях северной армии.

Р. Ф. Иванов в обзоре «Проблемы истории гражданской войны в США 1861—1865 гг. в трудах советских историков» характеризует советскую историческую литературу о гражданской войне. Нам представляется, что крупной монографии И. П. Дементьева «Американская историография гражданской войны в США (1861—1865 гг.)» (1963) надо было уделить больше внимания.

В статье Б. Ф. Поршнева содержится мастерски выполненный анализ взглядов одного из видных французских социологов Раймона Арона, автора труда «Планетарная система в термоядерный век». Однако вряд ли оправдано столь категоричное отождествление идей Р. Арона с концепциями американских социологов, хотя книга и была написана и издана в США.

Л. Н. Фурсова в статье «Обострение франко-канадского вопроса» освещает сложную картину классовых и национальных конфликтов в Канаде наших дней. Уже после выхода в свет рецензируемого сборника, летом 1967 г., об остроте франко-канадской проблемы мир узнал из конфликта, связанного с визитом де Голля в Канаду и с его знаменитой речью в Квебеке, вызвавшей немалое дипломатическое замешательство и многочисленные кривотолки. В статье приведен интересный материал о позиции компартии Канады в франко-канадском вопросе.

В работе «Население Гренландии во II тысячелетии до н. э.—I тысячелетии н. э.», Л. А. Файнберг знакомит читателя с итогами археологических открытий в Гренландии за последние 10—15 лет. На юго-западе Земли Пири, в районе Дан-марк-фюрда, в западной части Гренландии открыты культуры, названные датскими учеными палеоземскими. На рубеже V и VI вв. эти древние культуры исчезают, и лишь через несколько столетий на юго-западе гигантского острова появляются поселения из совсем иной этнической общности — норманны.

Исследование В. П. Алексеева «Антропологическое своеобразие коренного населения Аляски и биполярные расы» трактует явление биполярности и его роль в расообразовании человека. Эскимосы и огнеземельцы дают пример биполярных рас.

Последний раздел сборника — «Латинская Америка». Его открывает статья Р. В. Кинжалова «Индийские источники по истории и этнографии народов горной Гватемалы в X—XVI вв.», в которой дается обстоятельная характеристика источников истории народа Гватемалы — «Летописи из Солола», «Летописи какчикелей», титуловос и др. Ю. В. Кнорозов в работе «Поздняя история Юкатана» исследует крайне неясный период Юкатана — от тольтекского времени до испанского завоевания. Автор смог прийти к определенным выводам и воссоздать целую эпоху истории Юкатана по весьма сложным источникам.

В. Л. Афанасьев в обзоре «Нарративные источники по истории открытия и завоевания Нового Света» предлагает свою классификацию сочинений «хронистов Индий», положив в основу способ добывания сведений о народах новооткрытых земель.

В статье А. Д. Дридзо «Население Ямайки в период испанского владычества» исследуется начало этнических процессов, в итоге которых сформировалось нынешнее население острова. Автор подчеркивает, что захват Ямайки англичанами коренным образом изменил этническое лицо населения, это основной его тезис.

Л. А. Шур характеризует материалы русского путешественника и дипломата А. С. Ионина (1837—1900) как источник по истории и этнографии стран Латинской Америки. А. С. Ионин в 1884—1889 гг. был русским посланником в Бразилии (позднее — в Аргентине, Уругвае), совершил несколько путешествий по Уругваю, Аргентине, Парагваю, Чили, Боливии. Л. А. Шур ставит вопрос о важности использования как опубликованных, так и лежащих в архивах работ Ионина.

Б. Н. Комиссаров подробно освещает жизнь и деятельность другого русского дипломата, натуралиста и путешественника — Г. И. Лангсдорфа (1774—1852) и судьбу его архива. Б. Н. Комиссаров посвятил теплые строки советскому ученому, безвременно скончавшейся Н. Г. Шпринцин (1904—1963), отдавшей много лет изучению и публикации архива Лангсдорфа. Полное издание материалов путешествия Лангсдорфа в Бразилию (1821—1829) еще не осуществлено.

В статье И. Р. Григулевича дана характеристика кубинской историографии в период «номинальной» республики (1902—1958). Особое внимание автор уделит прогрессивному направлению кубинской историографии, которое впоследствии, после победы социалистической революции на острове в 1959 г., воплотилось в новом, качественно более высоком этапе, основанном на марксистско-ленинском понимании исторического процесса.

Работа М. С. Альперовича «Революционная программа Морелоса» раскрывает страницы истории антииспанского восстания в Мексике начала XIX в. — программу руководителя вооруженной борьбы Хосе Марии Морелоса-и-Павоны (1765—1815).

Я. Г. Машбиц («Порайонные особенности в развитии мексиканской нации») исследует проблему развития мексиканской нации.

Н. В. Лавров в статье «Экспансия Англии и Германии в Чили и мятеж 1891 г.» показал роль английских и германских милитаристов в подготовке и осуществлении мятежа 1891 г. в Чили. Этой стране посвящена и статья А. А. Долинина «Роль иммиграции в XIX и первой половине XX в. в формировании населения Чили».

В. Г. Спирин в исследовании «Враги профсоюзного единства в Латинской Америке» характеризует роль в латиноамериканских странах таких раскольничьих организаций, как АФТ — КПП, Межамериканская региональная организация трудящихся, Американский Институт развития «свободного» труда и др.

Сборник завершается статьей И. К. Федоровой «К вопросу о сходстве между языками кечуа, аймара и полинезийскими». Вывод автора — полинезийские языки сильно отличаются по структуре от кечуа и аймара. Поэтому тезис ряда ученых (Имбеллони, 1928) о полинезийском слое в государстве инков повисает в воздухе.

Как видим, сборник богат содержанием. Можно, конечно, выразить сожаление по поводу отсутствия в рецензируемой книге исследований по истории рабочего и коммунистического движения в странах Нового Света. Название «От Аляски до Огненной земли» обязывало редакцию поместить больше работ по истории США; мало статей по новейшей истории. Однако напомним, что сборник подготовлялся Институтом этнографии, а не Институтом истории.

Сборник демонстрирует высокий уровень советской американистики. Коллеги и ученики А. В. Ефимова к его славному юбилею преподнесли ценный подарок не только юбиляру, но и широкому кругу советских читателей.

М. А. Коган

НОВЫЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ КНИГИ ЧЕШСКИХ ЭТНОГРАФОВ ОБ ИНДЕЙЦАХ АМЕРИКИ

M. Stingl. *Indiáni bez tomahavku*. Praha, 1966.

Чешский этнограф Милослав Стингл, профессор Карлова университета, научный сотрудник Института этнографии и фольклористики Чехословацкой Академии наук известен своими работами в области американистики. Он является автором ряда научных, а также научно-популярных публикаций об эскимосах, индейцах Северной и Южной Америки.

Последние несколько лет М. Стингл провел на Кубе, где изучал сохранившуюся там небольшую группу коренных обитателей острова — индейцев.

В книге «Индейцы без томагавков» М. Стингл сделал попытку дать доступную широкому читателю, но в то же время достаточно научную характеристику всего коренного населения американского континента.

Книга состоит из 31 главы и приложений, включающих глоссарий индейских имен, библиографию и указатель.

Первая глава книги Стингла посвящена происхождению индейцев. Автор дает подробный обзор существующих теорий их происхождения, приводит этногенетические легенды и предания индейских племен. Как и подавляющее большинство современных исследователей, автор приходит к выводу, что индейцы пришли в Америку из Азии через Берингов пролив.

Во второй главе Стингл критически рассматривает происхождение индейских культур, теории диффузионизма и т. д. Автор опровергает взгляды тех зарубежных исследователей, кто отрицал способность индейцев к самостоятельному культурному развитию, и считает, что индейцы сами создали свои высокие цивилизации.

М. Стингл дает схему развития археологических культур в Америке. Он подразделяет их на два основных этапа: I — культуры с азиатской традицией (сандия), II — индейские культуры с подразделением на простейшую, среднюю и высокую (стр. 30), а затем в 11 главах (до стр. 235) подробно характеризует эти культуры. Особое внимание Стингл уделяет описанию высоких культур майя, инков, ацтеков и их вкладу в мировую цивилизацию.

От археологии автор переходит к истории открытия Америки, начиная с путешествий норманнов в Гренландию. Большое внимание, естественно, уделено и Колумбу, который, по словам Стингла, официально открыл Америку (стр. 245).

Не менее подробно автор повествует и об истории завоевания Америки, о жажде золота, гнавшей конкистадоров на поиски новых земель, об истреблении коренного населения и гибели высоких культур Америки. Этой теме посвящены главы: «Ключ к дому индейцев», «Возвращение белых богов», «Как уничтожить индейские империи», «Майя — одинокие гении».

В последней из названных глав автор также рассматривает духовную культуру майя, уничтоженную конкистадорами. Здесь же Стингл подчеркивает вклад советского ученого Ю. В. Кнорозова в расшифровку письменности майя.

Отдельная глава книги («Слишком много пирамид») посвящена архитектуре индейцев доколумбовой Америки.

В последующих главах Стингл вновь обращается к индейцам Северной Америки. Он рассказывает о культуре индейцев и эскимосов Северной Америки, которая там существовала до появления англичан и французов, и об оттеснении индейцев с их искон-

ных земель далеко на запад. Автор резко критикует хищническую политику европейских колонизаторов и с сочувствием пишет об их жертвах. Здесь же Стингл останавливается на вкладе американского ученого Л. Г. Моргана в изучение индейских племен.

Далее М. Стингл рассказывает о тяжелой судьбе индейцев после их заключения в резервации. Он отмечает также, что во время президентства Ф. Д. Рузвельта были предприняты некоторые шаги для улучшения положения индейцев, но они не изменили сколько-нибудь существенно условий их жизни. М. Стингл подчеркивает, что в США продолжает существовать антииндейский расизм, представляющий собой страшную силу (стр. 468), и это несмотря на то, что в годы второй мировой войны 25 тысяч индейцев воевали в армии США против германского фашизма и японского империализма. Многие из этих индейцев получили высшие воинские награды, но полноправными гражданами США они фактически так и не стали.

Тем не менее индейская культура в США продолжает существовать. Например, в недавние годы была создана письменность для языка навахов, одной из крупнейших индейских групп США, и на этом языке начали выходить газета и журнал. Несмотря на продолжающуюся дискриминацию, положение индейцев США в последнее десятилетие несколько улучшилось. Многие индейцы покинули резервации и получили профессиональную подготовку и постоянную работу в промышленности. В этот же период из среды индейцев выделилось много очень способных деятелей прикладного искусства. На юго-западе США, по словам Стингла, наблюдается расцвет индейских художественных ремесел.

После второй мировой войны у индейцев появилось несколько массовых общественных организаций. Наиболее представительной является «Индейский национальный конгресс» с резиденцией в Вашингтоне. Конгресс пользовался поддержкой Джона Кеннеди.

Две следующие главы посвящены борьбе индейцев Латинской Америки против колонизаторов. Довольно подробно Стингл рассказывает о восстаниях индейцев, о программах, которыми они руководствовались в своей борьбе, а также о взглядах прогрессивных сил Америки, призывающих к слиянию борьбы за решение индейской проблемы с борьбой за социализм.

В последней главе автор рассматривает современные этнические процессы среди индейского населения Америки. Стингл справедливо подчеркивает, что, с одной стороны, происходит ассимиляция мелких индейских групп как более крупными индейскими группами, так и испаноязычным населением, а с другой — происходит консолидация таких крупных народов, как кечуа и аймара, имеющих тенденцию к превращению в нации. Здесь же автор дает характеристику современным индейским общинам в различных странах Америки, а также обращает внимание на выделение из среды индейцев промышленного пролетариата. В главе приводится численность индейцев (30 млн.). На наш взгляд, она значительно завышена.

Книга снабжена обширной библиографией. Однако в ней имеются некоторые неточности. Так, редакторы изданных Институтом этнографии АН СССР коллективных трудов «Народы Америки», «Американский этнографический сборник», «Культура индейцев» фигурируют в библиографии не как редакторы, а как авторы этих работ.

Книга Стингла содержит большой познавательный материал, легко читается и представляет интерес как для специалистов — географов, историков, этнографов, археологов, так и для всех интересующихся народами Америки.

V. S o l c. *Indiáni na jezeře Titikaka*. Praha, 1966.

Книга известного чешского этнографа, сотрудника пражского музея им. Напрстка Вацлава Шольца «Индейцы на озере Титикака» представляет собой своеобразный полевой дневник, написанный во время восьмимесячного путешествия автора по Боливии в 1965 г. Она посвящена индейскому народу аймара, населяющему берега высокогорного озера Титикака. Книга состоит из 12 глав и заключения.

В первой главе «На крыше Южной Америки» В. Шольц живо описывает столицу Ла-Пас, ее архитектуру, окрестности, многие бытовые подробности жизни горожан, подчеркивая контрасты быта между центральными районами города и его окраинами с индейским населением.

Центральные главы книги содержат материалы о быте и культуре индейцев аймара на о. Сурики, где автор работал в течение нескольких месяцев стационарно. В. Шольц подробно описывает трудные природные условия острова, занятия населения, скотоводство, методы обработки крохотных участков малоплодородной земли, рыболовство, местные промыслы (главное из них — производство лодок из тростника тоторы), изготовление гончарной посуды налепом без гончарного круга. Автор показывает крайне низкий уровень жизни индейцев острова, главной пищей которых служат картофель даже во время праздничных угощений; он говорит и о торговле — обмене с населением соседних островов, о произволе и грабежах представителей береговой администрации, скупщиков-предпринимателей, сбывающих на острове малопригодные изделия и т. д.

Много внимания уделяется одежде, постройкам, утвари населения острова, общинным традициям и т. д.

Особая глава книги посвящена духовной культуре: праздникам-фiestам, главным образом в честь местного святого, связанным с ними базарам, музыке и танцам аймара. В. Шольц подчеркивает необычайную жизнерадостность этого народа, необыкновенно развитое у него чувство ритма и т. д.

Интересны и сведения о религии аймара. Несмотря на то, что почти все они католики (есть и протестантские семьи, празднующие субботу и воскресенье и не потребляющие алкоголя), в религии их виден явный синкретизм: католические обряды сочетаются с примитивными дохристианскими культами: регулярно на пригорках у часовен колдуны совершают обряды жертвоприношений, сюда приходит каждый с каким-либо желанием. Однако В. Шольц, как чужестранец, не допускался к участию в обрядах, не получил он о них и достаточной информации.

Следующие главы описывают путешествия автора на соседние острова оз. Титикака, а также на север, в еще более высокогорные районы.

Здесь, у самой границы с Перу его внимание привлекла своеобразная группа индейского населения — знахари-«каллягуай», знакомые с лечебными травами и пользующиеся огромной популярностью во всей Боливии, даже в Ла-Пасе. Знахари эти были известны и почитаемы еще при дворах инков, знания их передавались из поколения в поколение, они сравнительно образованы, говорят одинаково свободно по-испански и на языке индейцев кечуа. В. Шольц полагает, что это могли быть и аймара, перенявшие язык кечуа. Загадкой остается язык, на котором они произносят свои заклинания, его не знают женщины, и он не похож ни на кечуа, ни на аймара. Побывав в нескольких селениях знахарей, В. Шольц в главе «На Север» описал и своеобразие их быта, проявляющееся в основном в особом положении женщин во время долгого отсутствия мужей, разъезжающих по всей стране. Именно здесь В. Шольцу удалось записать несколько древних легенд и преданий, индейцы аймара, по данным Шольца, их уже не помнят.

Путешествие свое по Боливии В. Шольц закончил посещением города Кочабамбы и тропических окрестностей города Санта-Крус. В этих областях Боливии с более плодородной землей и жарким климатом плотность населения гораздо меньше, чем в западной горной ее части, так как привыкшие к горному климату индейцы селятся здесь неохотно.

Последняя глава книги «Свидетельства веков» посвящена древнейшей истории индейцев-аймара, создавших высокую культуру еще до прихода сюда инков, свидетельством которой являются памятники архитектуры, крепостные стены поселений по берегам оз. Титикака и т. д. Автор говорит об археологических раскопках в Тиауанако Артура Познанского, объявившего в 1920-х годах культуру Тиауанако (предков аймара) старейшей культурой американского континента. Именно она, по мнению В. Шольца, стала основой быстрого расцвета державы инков в XV в.

Книга В. Шольца написана образным языком и представляет интерес не только для специалистов — этнографов, географов и археологов, но и для самого широкого круга читателей.

Н. Н. Грацианская, Л. А. Файнберг

НАРОДЫ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

П. И. Пучков. *Население Океании*. Этногеографический обзор. М., «Наука», 1967, 258 стр.

В последние годы острова Океании начинают играть все более заметную роль в мировой экономике, политике и международных отношениях. Это объясняется рядом обстоятельств.

Во-первых, в послевоенный период значительно возросла стратегическая ценность океанийского островного мира, что связано как с быстрым развитием оружия массового уничтожения, так и с политическими изменениями на азиатском континенте. В дополнение к существующим военно-морским и военно-воздушным базам империалистические государства, главным образом США, размещают на островах Океании ракетные установки стратегического назначения, станции слежения за космическими объектами и стоянки подводных атомных подводных лодок, вооруженных ракетами «Поларис». На Маршалловых островах США испытывали в 1946—1958 гг. атомное и термоядерное оружие, а теперь этот микронезийский архипелаг превращен в огромный ракетный полигон.

Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов экономический потенциал Океании. Этот регион — не только важный поставщик тропических фруктов и ценного аграрного

сырья: существенное значение имеют уже разведанные здесь запасы полезных ископаемых, добыча которых постепенно увеличивается¹.

Наконец, следует учитывать, что в результате распада мировой колониальной системы Океания превратилась в один из последних крупных заповедников колониализма. Колонизаторы пытаются сохранить свои позиции в этом районе, прибегая к политике лавирования и уступок. Но и на островах Океании происходят знаменательные перемены. В 1962 г. на ее карте появилось первое независимое полинезийское государство Западное Самоа. 1 февраля 1968 г. флаг независимости взвился над микронезийским островом Науру. В Океании нарастает борьба за освобождение от колониального гнета, которая вливается в общий могучий поток движения народов против империализма и колониализма.

Для правильного понимания особенностей национально-освободительного движения в том или ином районе, как и перспектив развития этого района в целом, необходимо хорошо знать национальный состав местного населения, разбираться в идущих здесь этнических и демографических процессах. Опыт Нигерии, Конго и многих других африканских государств наглядно показал, что без глубокого учета национальной специфики невозможно правильно предвидеть ход событий. Это в полной мере относится и к океанийскому островному миру. Вот почему столь актуальна книга П. И. Пучкова «Население Океании. Этногеографический обзор», выпущенная Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука».

Перед автором стояли большие трудности, которые обуславливались как сложностью этнической структуры населения Океании, так и недостаточной изученностью обитающих здесь народов, особенно скудостью материалов переписей и текущего статистического учета. Применяв методику, разработанную советскими этногеографами, П. И. Пучков успешно справился со своей главной задачей, которая предусматривала «выявление этнического состава населения океанийских стран, определение численности различных расселенных в Океании народов» (стр. 3).

Нужно, однако, сказать, что автор не ограничился выполнением этой главной задачи. В аннотации к рецензируемой работе подчеркивается: «В книге уделено большое внимание и таким проблемам, как процессы и тенденции этнического развития, типология этнических общностей, этнолингвистическая классификация океанийских народов. Значительное место отведено демографической характеристике населения, а также географии и истории рассматриваемого района» (стр. 2). Как показывает подсчет, освещение этих проблем заняло около двух третей «площади» рецензируемой книги.

Такое расширение тематических рамок работы не только создало необходимый фон для решения ее главной задачи, но и приобрело самостоятельное значение, сделало книгу более интересной для широкого круга читателей. Но такой подход к теме неизбежно породил дополнительные трудности. Столь значительное развитие исследования вширь не могло в отдельных случаях не сказаться на его глубине, на степени проработки обильно привлеченных автором материалов различных наук.

Книга П. И. Пучкова состоит из Введения, общей части (глава I), в которой дается характеристика населения Океании в целом, трех региональных глав, посвященных народам Меланезии, Микронезии и Полинезии, краткого Заключения, списка использованной литературы и четырех карт. В общей части характеризуются все без исключения страны Океании. В региональных же главах не рассматриваются три океанийские территории, имеющие особые исторические судьбы,— Новая Зеландия, Гавайские острова и Западный Ириан.

В первой главе (стр. 7—48) автор затрагивает весьма широкий круг проблем. Читатель найдет здесь краткий географический обзор Океании, познакомится с различными гипотезами о происхождении ее народов и путях заселения этого обширного региона, получит краткую справку об уровне социально-экономического развития островитян ко времени вторжения европейцев, а также некоторые сведения по истории колониальной политики в Океании и борьбы ее коренного населения за свое освобождение. В демографическом разделе этой главы П. И. Пучков рассказывает о депопуляции на островах Океании в XVIII—XIX вв., а также объясняет процесс постепенного увеличения численности местного населения, начавшийся на рубеже нашего столетия. Далее приведены известные классификационные схемы языков народов Океании. Жаль, что автор не смог учесть в своей книге новую генеалогическую классификацию полинезийских языков, предложенную Дж. Голсоном; эта схема неплохо согласуется с данными археологических раскопок о путях и времени заселения Полинезии².

¹ См.: «Австралия и Океания. Экономико-статистический справочник». Автор введения и составитель Э. Л. Вартумян, М., 1966, стр. 8—12, 20—23, 25—27, 35, 41—42 и др.

² R. Green, Linguistic subgrouping within Polynesia: the implications for prehistoric settlement, «The Journal of the Polynesian Society», vol. 75, № 1, March 1966, pp. 6—38.

Как известно, новые лингвистические исследования поколебали еще недавно общепризнанные представления о соотношении языковых ветвей внутри австронезийской семьи. Однако в рецензируемой работе обоснованно принята традиционная схема этнолингвистической классификации, ибо она учитывает не только языковую близость, но и социально-культурное своеобразие различных групп океанийских народов. Такой принцип классификации наиболее отвечает задачам этногеографического исследования. Согласно этой схеме все коренное население региона разбито на две большие группы — папуасы и австронезийцы. Последние подразделяются на индонезийские (чаморро и палауанцы), меланезийские, микронезийские и полинезийские народы.

Значительный интерес представляет тот раздел первой главы, в котором автор анализирует идущие в Океании этнические процессы. Наиболее подробно характеризуется процесс этнической консолидации, наблюдающийся на всех островных территориях и имеющий первостепенное значение для будущего Океании. П. И. Пучков рассматривает все основные факторы, влияющие на скорость этого процесса, останавливается на его внутренней структуре, показывает диалектический противоречивую картину одновременного развития микро- и макропроцессов консолидации на ряде архипелагов. Более лаконично освещены особенности процесса ассимиляции, явление двуязычия, а также процесс метисации, тесно связанный с этническими процессами. Кратко характеризуя в этом же разделе типы океанийских этнических общностей, П. И. Пучков оперирует понятием «этнический территориальный комплекс», предложенным в его предыдущих работах. В заключительном разделе главы сообщаются некоторые сведения о современном религиозном составе населения Океании.

Даже этот неполный перечень проблем, затронутых в первой главе, показывает, сколь разнообразно и многопланово ее содержание. Не удивительно поэтому, что некоторые вопросы изложены в ней концептивно, а порой и не совсем точно. Так, не вполне компетентно объяснено сходство в группах крови полинезийцев и американских индейцев (стр. 17)³. едва ли убедительно определены автором хозяйственно-культурные типы, встречавшиеся в прошлом в Океании (стр. 30): «тип палочных-мотыжных земледельцев жаркого пояса» (меланезийцы) и «островной тип мотыжных земледельцев и рыболовов» (микронезийцы и полинезийцы). Дело в том, что народы Океании (за исключением чаморро) вообще не знали мотыги; их основным сельскохозяйственным орудием был сажальный кол. В агроэтнографии океанийское земледелие принято называть «палочным» (Stockbau)⁴. Вызывает также некоторые сомнения произвольность отнесения к одному хозяйственно-культурному типу (тем более без выделения подтипов) как островитян, живущих в условиях первобытнообщинного строя и ведущих экстенсивное подсечно-огневое земледелие, так и тех океанийцев, которые достигли стадии раннеклассового общества и перешли к интенсивному земледелию с применением удобрений и искусственного орошения (указанные различия наблюдались как в Полинезии, так и в Меланезии). Устарело приводимое автором мнение, согласно которому полинезийцы не знали гончарства из-за отсутствия на их островах необходимого сырья (стр. 30). Специальные исследования доказали наличие гончарных глин на многих полинезийских архипелагах, а археологи установили, что жители этих островных групп в прошлом изготавливали керамику⁵. Однако в целом, несмотря на явную перенасыщенность материалом, первая глава отвечает своему назначению, вводя читателя-неспециалиста в широкий круг проблем океанистики.

Вторая глава (стр. 48—114) посвящена народам Меланезии. Как и другие региональные главы, она состоит из нескольких разделов, каждый из которых содержит характеристику населения отдельной островной территории. Эти разделы по своей структуре напоминают первую главу: вначале дается краткий географический обзор, затем — историческая справка, делается демографический экскурс и т. д.; обогащенный этой информацией читатель подводится к сердцевине исследования — определению этнического состава населения данной территории и численности ее конкретных этнических общностей. Тщательно изучив статистические публикации и проанализировав многочисленные литературные источники, автор впервые собрал столь подробный материал по этим ключевым этногеографическим вопросам.

³ См. Я. Я. Рогинский, О первоначальном заселении Полинезии (По данным антропологии), «Сов. этнография», 1966, № 5, стр. 76—77; И. К. Федорова, Исследования экспедиции Т. Хейердала в Юго-Восточной Полинезии, «Сов. этнография», 1967, № 6, стр. 138; D. C. Gaidusek, Factors governing the genetics of primitive human populations, «Cold Harbor Symposia on Quantitative Biology», vol. XXIX, New York, 1964, pp. 121—135.

⁴ Ю. Ф. Новиков, О возникновении земледелия и его первоначальных формах, «Сов. археология», 1959, № 4, стр. 38; H. Damm, Methoden des Feldbaues in Ozeanien, «Agrarethnographie. Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Volkskunde», Bd. 13, Berlin, 1957, S. 149—165.

⁵ См. M. Urban, Töpferei in Polynesien, «Anthropos», Bd. 59, Heft 3—4, 1964, S. 427—443.

Самый большой раздел второй главы отведен Папуа — Новой Гвинее (восточной части Новой Гвинеи и прилегающим к ней островам), где обитает примерно половина из всего коренного населения Океании. Эта обширная территория остается наименее изученной в океанийском островном мире. Однако полевые исследования, проведенные в послевоенные годы, позволяют значительно яснее представить ее этническую структуру. Так, лингвистам удалось выделить в кажущемся хаосе папуасских языков группы родственных диалектов, подсемьи, семьи, надсемьи и еще более крупные языковые объединения — филии. П. И. Пучков знакомит читателей с результатами этих изысканий, опираясь на сводные работы Э. Кэпелла и С. Вурма. Было бы интересно сопоставить данные новейших этнолингвистических исследований с концепцией Н. А. Бутинова о цепной связи языков на Новой Гвинее и предложенным им понятием «контактной этнической общности»⁶. Однако П. И. Пучков обошел молчанием эти взгляды Н. А. Бутинова.

Содержательны разделы, посвященные жителям Соломоновых островов, Новых Гебрид и Новой Каледонии. Наряду с аборигенным меланезийским населением автор характеризует здесь полинезийские группы, которые издавна обитают на небольших островах, рассеянных по периферии меланезийской островной дуги, а также азиатских иммигрантов и прочих переселенцев. Как справедливо подчеркивает П. И. Пучков, французы, родившиеся на Новой Каледонии и нередко представляющие уже третье-четвертое поколение местных европейских поселенцев, заметно обособились от французских метрополи. В разделе «Фиджи» наибольшее внимание уделено тому, что отличает эту островную группу от других меланезийских архипелагов — более высокому уровню этнической консолидации — коренного населения и многочисленным выходцам из Индии, уже обогнавшим по численности фиджийцев-аборигенов. Приведены подробные сведения об этнолингвистической принадлежности живущих здесь индийцев. В этом разделе и в разделе, посвященном Новой Каледонии, автор останавливается также на проблеме метисов.

С интересом читается глава «Народы Микронезии» (стр. 115—151). Не все соображения автора об уровне этнической консолидации различных групп обитателей Каролинских островов представляются бесспорными. Однако эта глава содержит ценную информацию об этническом составе населения всех архипелагов Микронезии, идущих здесь этнических и демографических процессах, о численности обитающих на этих островах этнических общностей.

Во всех разделах второй и третьей главы встречается материал о социально-экономическом развитии рассматриваемых территорий, о национально-освободительном движении, о политике колонизаторов и т. д. И все же хотелось бы видеть в этих главах больше примет современности. Так, следовало бы, на наш взгляд, рассказать об усиливающемся социальном расслоении коренного населения Меланезии, например о появлении обуржуазивающейся прослойки частных предпринимателей у толаи (стр. 57), а также хотя бы упомянуть о кооперативном движении на Новой Гвинее. Современное положение в Папуа — Новой Гвинее, на Соломоновых островах и на Новых Гебридах невозможно понять без должного учета роли миссионеров, продолжающих оказывать большое влияние на многие стороны жизни островитян. Было бы желательно ознакомиться с этим читателям. В третьей главе следовало бы подчеркнуть стратегическое значение подопечной территории США, охватывающей три микронезийских архипелага, рассказать о зловещей деятельности там американской военщины, привести факты об огромном ущербе, причиненном местному населению испытаниями американских атомных и водородных бомб, сообщить о гневных протестах микронезийцев против этих испытаний⁷.

В четвертой главе (стр. 152—243) речь идет о населении Полинезии. Эта глава в полтора раза больше главы «Население Меланезии». Против такого распределения листажа можно было бы возразить, ибо Меланезия (без Западного Ириана) как по сложности этнического состава, так и по численности населения намного превосходит Полинезию (без Новой Зеландии и Гавайских островов). Но зато автору удалось в четвертой главе не только подробно рассмотреть этногеографические проблемы, не только привести много другого, сопутствующего материала, но и, в отличие от второй главы, дать читателям некоторое представление о методике определения численности конкретных этнических общностей (стр. 175, 187—188, 213—214, 232).

В четвертой главе особенно выделяется раздел «Западное Самоа», в котором, помимо этногеографической характеристики, содержатся интересные сведения по

⁶ Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. LXXX, М.—Л., 1962, стр. 136—189; его же, Этнолингвистические группы на Новой Гвинее, «Сов. этнография», 1962, № 3, стр. 81—89.

⁷ См.: К. В. Малаховский, США и Океания, сб. «Колониальная политика империалистических держав в Океании», М., 1965, стр. 29—30; R. Trumbull, Paradise in trust. A report on Americans in Micronesia, 1946—1958, New York, 1959, p. 43.

истории и современному положению этого молодого полинезийского государства. В разделе, посвященном Французской Полинезии, хорошо показаны идущие там сложные этнические процессы, удачно охарактеризованы «деми» — евро-полинезийские метисы, приближающиеся к французам по своему языку и бытовому укладу. Как правильно подчеркивает П. И. Пучков, «деми» — «понятие скорее не антропологическое, а социально-этническое» (стр. 231). Значительный интерес представляют и другие разделы четвертой главы.

По этой главе можно сделать одно общее замечание, которое опять-таки не относится к основной проблематике рецензируемой работы, а касается освещения истории первоначального заселения Полинезии. Комплексные исследования полинезийской проблемы, развернувшиеся за последнее десятилетие, дали огромный новый материал, который заставляет пересмотреть многие гипотезы и конкретные датировки. Как нам представляется, автор недостаточно учел результаты этих исследований. Так, пожалуй, никто из современных ученых-полинезианистов не разделяет мнения, что до появления на островах Самоа полинезийцев там имелось какое-то другое население (стр. 181). В свете новых данных весьма сомнительно, что архипелаг Тонга был заселен с Самоа (стр. 193); вероятнее обратная последовательность. Первые группы полинезийских мигрантов достигли Тонга не в X и не в V—VI вв. н. э. (стр. 103), а не позднее середины I тысячелетия до н. э.⁸ Заметим попутно, что, по крайней мере, на несколько веков следует отодвинуть и дату первоначального заселения островов Фиджи, расположенных на рубежах Меланезии с Полинезией (стр. 89).

В **Заключении (стр. 244—247)** автор высказывает интересные соображения о возможных путях этнического развития населения Океании. «Известно,— пишет он,— что достижение национальной независимости ускоряет процессы консолидации. Вполне закономерно поэтому предположить, что с освобождением океанийских стран от колониальной зависимости центростремительные тенденции в каждой из них будут все более брать верх над тенденциями центробежными. Особенно быстро должна пойти консолидация населения полинезийских архипелагов, где для этого имеются весьма благоприятные предпосылки (единый язык, единая культура и т. д.)» (стр. 244). Основываясь на анализе причин нынешнего «демографического взрыва» в Океании, автор полагает, что темпы естественного прироста в этом регионе в будущем несколько снизятся. По его мнению, преувеличены опасения тех демографов, которые предупреждают о грядущей перенаселенности океанийского островного мира.

Как и во всякой большой работе, в книге встречаются отдельные фактические неточности. Одной из важнейших статей экспорта океанийских стран является на сахарный тростник (стр. 13), а сахар, преимущественно сырец. Счет родства в Полинезии ко времени прихода европейцев велся не только по линии отца (стр. 18), а по двум линиям — отцовской и материнской⁹. Автор утверждает, что на подопечной территории США в Микронезии нет «общего органа местного самоуправления» (стр. 125). В действительности же американские власти были вынуждены создать такой орган (Микронезийский конгресс) еще в 1965 г.¹⁰ Выдающийся русский мореплаватель О. Е. Коцебу не мог иметь «большие заслуги в исследовании о-вов Гилберта» (стр. 144), ибо он ни разу не посетил этот архипелаг. Нужно, однако, сказать, что такого рода огрехов в книге весьма немного. Она основана на богатом документальном материале, хорошо отредактирована.

Список использованной литературы насчитывает 288 названий, что свидетельствует об огромной работе, проделанной П. И. Пучковым. Особенно обильно представлены статистические публикации и справочники, официальные отчеты, географическая, демографическая и лингвистическая литература. Вместе с тем в списке есть трудные объяснимые лакуны. Так, в нем отсутствует ряд работ советских географов и этнографов (например, по истории географических открытий и исследований в Океании, о деятельности там миссионеров, о языке и культуре острова Пасхи). Из многочисленных работ Т. Хейердала, опубликованных как на русском, так и на иностранных языках, в список включен только «Ответ „Советской этнографии“». Крупнейший современный американский ученый-океанист К. Эмори, автор десятков широко известных археологических, этнографических и лингвистических трудов, представлен одной второстепенной журнальной статьей.

Украшением книги являются четыре составленные П. И. Пучковым многокрасочные карты, впервые опубликованные в «Атласе народов мира». Три из них («Народы Австралии и Океании», «Народы Меланезии», «Народы Полинезии и Микронезии») выполнены методом этнических территорий, разработанным в лаборатории этнической статистики и картографии Института этнографии АН СССР. На перечисленных картах, а также на карте «Плотность населения Австралии и Океании» в концентрированной, удобной для обозрения форме отражены основные результаты ис-

⁸ J. Poulsen, Preliminary report on pottery finds in Tonga, «Asian Perspectives», vol. 8, № 1, 1964, p. 195; J. Golson, Указ. раб., стр. 12—14, 34.

⁹ «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 608.

¹⁰ «Pacific Islands Monthly», April 1965, p. 16.

следований их автора. Карты эти, как и рецензируемую книгу в целом, можно с полным основанием отнести к успехам советской этногеографической школы.

Книга П. И. Пучкова будет служить ценным пособием как специалистам, так и более широкому кругу читателей — студентам, преподавателям, журналистам, пропагандистам — всем тем, кто интересуется современным положением народов Океании и задумывается о путях дальнейшего развития населения этого региона.

Д. Д. Тумаркин

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО НАРОДАМ УКРАИНЫ, БЕЛОРУССИИ И МОЛДАВИИ

Апосту А. Г. О преодолении религиозных пережитков в сознании тружеников села. (На материалах Молдав. ССР). М., 1966. 15 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степеней канд. филос. наук. (АН СССР. Ин-т философии).

Аронец М. М. Писанки Видинова. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, с. 65—66; 1 с. цвет. илл.

Бараг Л. Г. Сказочная фантастика и народные верования. (По материалам белорус. фольклора). «Сов. этнография», 1966, № 5, с. 15—27. Резюме на англ. яз.

Баркан В. Люди и призраки. [О борьбе с религ. пережитками в БССР]. «Неман», 1966, № 5, с. 139—153.

Басс И. И. Иван Франко. Биография. Киев, «Наукова думка», 1966. 256 с. с илл. и факс.; 10 л. илл. На укр. яз.

Божкович О. С. Еволюція української хліборобської техніки в межиріччі Орелі і Самари (XIX—середина XX ст.). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 33—40 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Белинский Н. Я. Золочев. Ист.-краевед. очерк. Львов, «Каменяр», 1966. 48 с. с илл. (Изучай родной край). На укр. яз.

Белорусская свадьба. (Метод. советы в помощь организаторам). Минск, 1966. 15 с. (Респ. совет. атенстов. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. Респ. метод. кабинет культпросветработы М-ва культуры БССР). На белорус. яз.

Белорусское устнопоэтическое творчество. [Учеб. пособие для филологич. фак. вузов]. Под общ. ред. М. Г. Ларченко. Минск, «Вышш. школа», 1965. 187 с. Библиогр.: с. 184—186. На белорус. яз.

Березовський І. П. Сучасні збирачі фольклору. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 7—17 с портр.; № 5, с. 19—30 с портр.

Бобринский А. А. Гончарный круг с мраморным диском из городища Роксоланы. [Одесская обл.]. «Сов. археология», 1966, № 3, с. 235—240 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Бобринский А. А. К истории гончарного ремесла в Полесье. «Сов. археология», 1966, № 4, с. 141—149 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Богац Г. Ф. Горький и молдавский фольклор. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1966. 234 с. с илл.; 1 л. портр. (АН МССР. Ин-т языка и литературы).

Рец.: Антопольский Л. Молдавский фольклор в раннем творчестве Горького. «Вопросы литературы», 1966, № 11, с. 239—241.

Бондарчик В. и Федосик А. А. К. Сержпутковский. [Белорус. этнограф и фольклорист. 1864—1940]. Науч. ред. П. Ф. Глебо. Минск, «Наука и техника», 1966. 120 с. с илл.

Буковинские веночки. Новые обряды и обычаи. Сборник. Сост. А. С. Романец и А. Ф. Якивчук. Изд. 2-е, переработ. и доп. Ужгород, «Карпаты», 1966. 207 с. с илл., нот. и нот. илл. Библиогр.: с. 205. На укр. яз.

Вадименко А. В. Житло, одяг, сімейний побут. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 100—101.

Велигоцкая Н. Удивительное равнодушие. [О судьбе нар. ткачества села Беги. Коростенский район Житомирской обл. Письмо в ред.]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 5, с. 31.

Винокур И. С. Материальная и духовная культура населения Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. (Конспект лекции). Каменец-Подольский, 1966. 41 с. (М-во просвещения УССР. Каменец-Подольский пед. ин-т). На укр. яз.

Володько Ф. Керзмисты Белоруссии. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 4, с. 40.

Вопросы истории и археологии. (Материалы X конференции молодых ученых по общественным наукам. Июнь 1966 г.) Под общ. ред. Т. С. Горбунова. Минск, 1966. 342 с. с илл. и карт. (АН БССР. Отд-ние общественных наук). Библиогр. в конце докладов.

Восточнославянско-восточнороманские языковые, литературные и фольклорные связи. Тезисы докладов и сообщений межвузовской науч. конференции 11—16 окт. 1966 г. Черновицы, 1966. 137 с. (М-во высш. и сред. спец. образования УССР. Черновиц. гос. ун-т. Ин-т языка и литературы АН Молдав. ССР). Часть текста на укр. яз.

Гнатюк В. М. Избранные статьи о народном творчестве. Киев, «Наукова думка», 1966. 247 с.; 1 л. портр. На укр. яз.

Гоberman Д. Гуцульщина — край искусства. [Архитектура и прикладное искусство]. М. — Л., «Искусство», 1966. 90 с.; 52 л. илл.

Горленко В. Ф. В. П. Милорадович (до 120-річчя з дня народження). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, с. 83—85 с портр.

Гошко Ю. Г. До історії сільської общини на Поліссі. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 3, с. 33—39. Библиогр. в подстроч. примеч.

Гошовский В. Семиотика в помощь фольклористике. [Анализ трудовых песен Вост. Карпат]. «Сов. музыка», 1966, № 11, с. 100—106.

Гринблат М. [Рец.]: Горленко В. Ф. Нариси з історії української етнографії та російсько-українських етнографічних зв'язків. Київ, «Наукова думка», 1964. 248 с. «Сов. этнография», 1966, № 6, с. 139—140.

Грицак М. А. Фольклорно-этнографічні матеріали у словнику закарпатських говорів. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 6, с. 54—59.

Гургула И. В. Народное искусство западных областей Украины. Киев, «Мистецтво», 1966. 77 с. с илл.; 6 л. илл. Библиогр.: с. 75—76. На укр. яз.

Гуржий И. Иван Франко как историк. К 100-летию со дня рождения И. Я. Франко. «Коммунист Украины», 1966, № 8, с. 61—70.

Гуць М. В. Сербохорватская народная песня на Украине. Киев, «Наукова думка», 1966. 206 с. с илл. и факс.; 7 л. илл. (АН УССР. Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Т. Рильского). Библиогр. в подстроч. примеч. На укр. яз.

Данченко А. Керамика Дыбницов. [Киевская обл.]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 12, с. 38—39. [К 50-летию Советской власти]. Резюме на англ. яз., вкладка.

Данченко О. С. Канівське гончарство. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, с. 60—64 с илл.; 1 с. цвет. илл.

Дебед Г. Ф. Физический тип людей днепро-донецкой культуры. «Сов. археология», 1966, № 1, с. 14—23. Библиогр. в подстроч. примеч.

Дей О. І. Принципи жанрової класифікації пісень. (У зв'язку з виданням серії «Українська народна творчість»). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, с. 3—16. Библиогр. в подстроч. примеч.

Дей О. І. Українські колядки і шедрівки в дослідженнях слов'янських вчених. — В кн.: Слов'янське літературознавство і фольклористика. Республіканський міжвідомчий збірник, вип. 2, Київ, 1966, с. 101—114. Библиогр. в подстроч. примеч.

Диордиев И. Красива молдавская свадьба. Кишинев, 1963. 8 с. (М-во культуры МолдавССР. Респ. метод. кабинет). На молдав. яз.

Дмитренко В. Украинская декоративная посуда. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 12, с. 28—29. [К 50-летию Советской власти.] Резюме на англ. яз., вкладка.

Долинская М. Мастера народного искусства Украинской ССР. Справочник. Киев, «Мистецтво», 1966. 157 с.; 29 л. илл. (Центр. дом нар. творчества УССР). На укр. яз.

Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий. 1956 г. Под ред. В. Ф. Исаенко и др. Минск, 1966. 335 с. с илл. и карт. (АН БССР. Отд-ние обществ. наук. Ин-т истории). Библиогр. в конце докладов.

Дубровина Б. А. Общественный строй, механизм управления и право Украины в период распада феодально-крепостнической системы и роста капиталистических отношений (первая половина XIX в.). Конспект лекций. Киев, 1966. 112 с. (М-во высш. и сред. спец. образования УССР. Киевский ордена Ленина гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Юрид. фак.). Библиогр. в подстроч. примеч. На укр. яз.

Дубынин А. Ф. О племенной принадлежности населения сезерной окраины Муромской земли. «Сов. археология», 1966, № 3, с. 67—79.

Дулебо А. И. Современный общественный и семейный быт белорусских колхозников. Минск, 1966. 22 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН БССР. Отд-ние обществ. наук).

Еремеев Б. В течение жизни одного поколения. (История одного села и его жителей). [Село Копанка Молдав. ССР]. М., Изд-во Агентства печати «Новости», 1963. 55 с. (Социализм, теория и практика. 9). На франц. яз.

Жук А. К. Украинские народные ковры (XVII—нач. XX в.). Киев, «Наукова думка», 1966. 150 с. с илл.; 8 л. илл. (АН УССР. Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Т. Рильского). Библиогр.: с. 146—149 и библиогр. в примеч.: с. 142—145. На укр. яз.

Жук А. К. Українські вишивки Пряшівщини. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 88—89 с илл.; 1 л. цвет. илл.

Закарпатские смешинки. Нар. юмор. Сост. и вступит. статья В. Л. Микитась. Илл.: А. П. Василенко и С. И. Герасимчук. Ужгород, «Карпаты», 1966. 142 с. с илл. На укр. яз.

Запаско Я. П. Розвиток сучасного українського килимарського промислу. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, с. 32—38 с илл.

Зеленчук В. С. и Хинку І. І. [Рец.]: Мистецька культура Валя Жиулуд. (Arta populară din Valea Jiului. Editura Academiei Republicii Populare Române, 1963). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 91—92.

Зіневич Г. П. Дослідження українських антропологов. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 41—46.

Зінич В. Т. Рік роботи Інституту містечтвознавства, фольклору та етнографії ім. М. Т. Рильського. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 3, с. 100—103.

Іванов У. М. Да питання аб сучасним побыте прамысловых рабочих Беларусі. «Весті АН БССР». Серія грамад. навук, Мінск, 1966, № 1, с. 52—59. Резюме на рус. яз.

Иткис М. Молдавская деревня накануне Октября. «Сел. хозяйство Молдавии», 1966, № 11, с. 29—31.

Как человек ведьму подковал, а кошку учил работать. Закарпат. нар. сказки. Юмор и сатира. Запись текста, сост. и послесл. П. Линтура. Илл.: В. М. Гринько. Ужгород, «Карпаты», 1966. 270 с. с илл. На укр. яз.

Каменская Н. В. Институт истории АН БССР в 1965 г. «История СССР», 1966, № 4, с. 229—230.

Каплун М. Л. Красень України. (До 75-річчя заснування Полтавського державного краєзнавчого музею.) «Народна творчість та етнографія», 1966, № 6, с. 82—85 с илл.

Касиян В. Народные таланты Украины. [О развитии укр. декоративного искусства.] «Декоративное искусство СССР», 1966, № 12, с. 1. [К 50-летию Советской власти.]

Келембетова В. Е. Утверждение атеизма в быту трудящихся Украины. (Ист.-этногр. исследование). Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Киев, 1966. 22 с. (АН УССР. Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Т. Рильского). Список работ автора: с. 21—22 (19 назв.).

Кирпичников А. Н. [Рец.]: Пятыхева Н. В. Железная маска из Херсонеса. (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками.) М., 1964. 40 с.; XX табл. и 9 рис. «Сов. археология», 1966, № 4, с. 214—217. Библиогр. в подстроч. примеч.

Колодный А. Н. Обрядово-бытовая религиозность и пути ее преодоления. Киев, 1966. 21 с. Автореферат. дисс. на соискание учен. степени канд. филос. наук. (Киевский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко). Список работ автора в конце текста (11 назв.).

Колос С. Г. Кroleвездькі рушники. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 6, с. 42—53 с илл.

Корзухина Г. Ф. и Раппопорт П. А. [Рец.]: Петров В. П. Исторична топография Киева. (Першопочатки міста). В сб.: «Историчні джерела та їх використання», вип. 1, Київ, «Наукова думка», 1964, с. 114—140. (Институт історії Академії наук УРСР. Архівне управління при Раді Міністрів УРСР.) «Сов. археология», 1966, № 4, с. 227—229.

Короткова Т. А. Заметки о топонимии Крыма. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 144—147.

Кравец Е. М. Семейный быт и обычаи украинского народа. Ист.-этногр. очерк. Киев, «Наукова думка», 1966. 198 с. с илл. (АН УССР. Ин-т искусствоведения, фольклора и этнографии им. М. Т. Рильского). На укр. яз. Резюме на рус. яз.

Красовський І. Д. І. М. Вагилевич [1811—1866]. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 3, с. 70—72 с портр. Библиогр. в подстроч. примеч.

Кто танцует и не поет. Молдав. нар. частушки. Сост. и обработ. Е. В. Жунгиету. Предисл. Р. Сувейкэ. Кишинев, «Лумина», 1966. 214 с. с илл. На молдав. яз.

Курман М. В. Анализ развития населения крупного социалистического города. (На материалах Харькова). «Уч. записки по статистике», т. 10, 1966, с. 298—322.

Кучкин В. А. О древнейших смоленских грамотах. «История СССР», 1966, № 3, с. 103—114.

Ледовская И. В. Восьмая сессия Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. «История СССР», 1966, № 3, с. 221—225.

Лекарственные растения, дикорастущие. Ред. А. Ф. Гаммерман и И. Д. Юркевич. 2-е изд., доп. Минск, «Наука и техника», 1966. 387 с. с илл. и карт. (АН БССР. Ин-т эксперим. ботаники). Авт. глав.: В. А. Михайловская, В. И. Попов, Д. К. Гесь и др. Библиогр.: с. 368—374.

Львовский исторический музей. Отдел истории первобытного общества. Путеводитель. Сост.: В. П. Савич. Киев, «Реклама», 1966. 78 с. с илл. (М-во культуры УССР). На укр. яз.

Мадрыгин Л. В. и Макаров Н. И. О характере и причинах сохранения религиозных верований у крестьян западных областей Белоруссии. (На примере с. Ольшаны Столинского района Брестской обл.). «Вопр. научного атеизма», вып. 1, 1966, с. 223—239. (Ин-т науч. атеизма Акад. обществ. наук при ЦК КПСС).

Мазюта М. А. Побут солотвинських солекопів (кінець XIX—30-е роки XX ст.). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, с. 39—48 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Малаш-Аксамитова Л. А. Два збірники українських пісень З. Я. Доленги-Ходаковського.— В кн.: Слов'янське літературознавство і фольклористика. Республіканський міжвідомчий збірник, вип. 2, Київ, 1966, с. 115—128. Библиогр. в подстроч. примеч.

Марков П. Г. А. Я. Ефименко — историк Украины. Под ред. (и с предисл.) И. А. Гуржия. Киев, Изд-во Киевского ун-та, 1966. 124 с.; 5 л. илл. Библиогр.: с. 116—123 (122 назв.).

Марченко М. Г. и Павлій П. Д. Библиографічний покажчик літератури з фольклору (1959—1963 р.р.). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 92—99; № 2, с. 101—102; № 3, с. 95—99; № 4, с. 96—100; № 5, с. 103—108.

Миляева Л. Старинные украинские росписи. [По материалам Выставки фрагментов живописи памятников деревянного зодчества XVII—XVIII вв. Львов, 1964]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 7, с. 30—33. Резюме на англ. яз., вкладка.

Минько Л. И. Средства народной медицины у белорусов. «Аптечное дело», т. 15, № 5, 1966, с. 72—75. Библиогр.: 11 назв.

Мицкевич А. М. Семейная обрядность белорусского народа. (По этногр. материалам XIX—начала XX в.) Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. историч. наук. Минск, 1966. 16 с. (АН СССР. Отд-ние обществ. наук).

Молдавский фольклор. Хрестоматия. Ред. коллегия: Г. Г. Ботезату и др. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1966. 335 с. с илл. (АН Молдав. ССР. Ин-т языка и литературы). Библиогр.: с. 330—332. На молдав. яз.

Мордвинцев О. О. [Рец.]: Нове дослідження про робітничий клас Радянської України. (Миронов В. В. Культура і побут гірників Радянської України. Київ. «Наукова думка», 1965. 124 с.). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, с. 98—99.

Накельский С. К. и Карлов Н. Н. Остатки ископаемого палеолитического человека в Среднем Поднепровье. «Сов. археология», 1966, № 1, с. 258—263. Библиогр. в подстроч. примеч.

Народные баллады Закарпатья. Запись и сост. текстов, вступит. статья и примеч. П. В. Линтура. Отв. ред. Л. Н. Климкова. Львов, Изд-во Львовского ун-та, 1966. 283 с. Библиогр.: с. 246—248. На укр. яз.

Народные песни в записях Ивана Франко. Сборник. Сост., авт. вступит. статьи и примеч. снабдил А. И. Дей. Львов, «Каменяр», 1966. 427 с. с илл. и нот.; 1 л. портр. На укр. яз.

Никонов В. А. Топонимы -івці, -ініці на Украине. «Вопр. географии», сб. 70, 1966, с. 19—27. с карт.

Образное слово. (Постоянные нар. сравнения). Собрал и сост. И. Гурич. Илл.: В. Е. Перевальский. Киев, «Днипро», 1966. 222 с. с илл. На укр. яз.

Орлов А. В. Конкретно-соціологічні дослідження в етнографії. «Народная творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 3—6.

Пекаровский М. Верность традициям. [Использование мотивов укр. нар. искусства в худож. оформлении зданий]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 5, с. 13—17.

Песни из Полонины. Закарпат. нар. песни. Записал и сост. П. Пойда. Киев, «Днипро», 1966. 254 с. илл. На укр. яз.

Петров В. П. Обрядовый фольклор календарного цикла та його общинно-виробничі основи. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 28—32. Библиогр. в подстроч. примеч.

Петров В. П. Язык. Этнос. Фольклор. Киев, 1966. 61 с. Доклад на соискание учен. степени канд. историч. наук. (АН УССР. Отд-ние литературы, яз. и искусствоведения). Список работ авт.: с. 54—61.

Піщейко О. О. Присвячено новим обрядам. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 4, с. 105—106.

Покорна А. П. Творчість російських художників XIX ст. як джерело вивчення побуту українського народу. «Укр. іст. журн.», Київ, 1966, № 3, с. 128—131.

Покровская Л. А. Народные песни гагаузов Молдавии и Украины. М., 1966. 22 с. (Междунар. ассоц. по изучению стран Юго-Вост. Европы. I конгресс балканских исследований. Сообщ. сов. делегации). Библиогр. в подстроч. примеч. Резюме на франц. яз.

Покровская Л. А. О происхождении диалектов гагаузского языка. «Вопр. диалектологии тюркских языков», т. 4, 1966, с. 54—58.

Попов А. П. Лекарственные растения в народной медицине. Киев, «Здоров'я», 1966. 346 с. с илл. На укр. яз.

Пословица — делам помощница. Сборник. Сост.: А. А. Мельник. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1966. 184 с. с илл.

Похилевич Д. Л. Крестьяне Белоруссии и Литвы во второй половине XVIII века. Вильнюс, 1966. 216 с. (АН Литов. ССР. Ин-т истории).

Прикладное искусство Молдавии. Альбом. Кишинев. «Карта молдовеняскэ», 1966. 12 с. с илл. Текст парал. на молдав. и рус. яз.

Приходько М. П. Народне житло в с. Вишгороді. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 4, с. 39—44 с илл.

Путилов Б. Н. К вопросу об отношениях эпического творчества славян и народов Юго-Восточной Европы. М., 1966. 18 с. (Междунар. ассоц. по изучению стран Юго-Вост. Европы. I Конгресс балканских исследований. Сообщ. сов. делегации). Библиогр. в примеч.: с. 16—17. Резюме на англ. яз.

Пучков П. И. [Рец.]: Цікава книга з етнічної географії України. (В. І. Наулка: «Етнічний склад населення Української РСР». Київ, «Наукова думка», 1965. 135 с.; 2 карти). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 86—88 с илл.

Рикман Э. А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья. [По данным археол. исследований]. «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 68—83 с карт. Резюме на англ. яз.

Рождественская С. [Рец.]: Зінч В. Т. Соціалістичні перетворення поростків нового комуністичного в культурі та робітників Радянської України. Київ, 1963. 176 с. «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 177—179.

Свенцицкая В. Резное дерево. [О выставке укр. декоративной резьбы и скульптуры XVI—XVIII вв. Львов. Июнь — авг. 1966 г.]. «Декоративное искусство СССР», 1966, № 12, с. 45—47. [К 50-летию Советской власти]. Резюме на англ. яз., вкладки.

Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.) М., 1966. 39 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора историч. наук. (АН СССР. Ин-т археологии). Список работ автора в конце текста (23 назв.).

Седов В. В. [Рец.]: Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Поманья. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962. 222 с.; 5 карт. «Сов. археология», 1966, № 1, с. 305—311. Библиогр. в подстроч. примеч.

Симуш П. Культурная жизнь одной белорусской деревни. (д. Комсомольское. Минская обл. Социол. заметки). «Полит. самообразование», 1966, № 7, с. 122—126.

Скрипник М. П. Містечтво Запорізької Січі. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 1, с. 46—52 с илл.

Соколова В. [Рец.]: Бандарчук В. К. Гісторыя беларускай этнаграфіі XIX ст. Мінск, 1964. 282 с. «Сов. этнография», 1966, № 1, с. 179.

Соломченко О. Г. Гуцульські художні вироби із шкіри. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, с. 66—70 с илл.

Спетару Г. І. Українські народні вистави в Молдавії. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 6, с. 36—41 с илл. Библиогр. в подстроч. примеч.

Статива А. Мастер декоративных росписей Надежда Белоконь. Киев, «Мистецтво», 1966. 13 с. с илл.: 12 л. илл. (Мастера нар. творчества). На укр. яз.

Стезьмах Г. Ю. Етнографічна експедиція у Переяслав-Хмельницькому та Яготинському районах. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 4, с. 57—59.

Стеценко Л. Ф. В. А. Менчиць (до 50-річчя з дня смерті). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 2, с. 87—88.

Товкун В. И. Современная миграция населения в УССР. (Стат. исследование). Киев, 1966. 25 с. Автореферат дисс. на соискание учен. степени канд. экон. наук. (АН УССР. Ин-т экономики).

Украинские загадки. Киев, «Днипро», 1966. 173 с. На укр. яз.

Украинские народные сказки. Илл.: И. Катрущенко. Львов, «Каменяр», 1966. 279 с. с илл.: 10 л. илл. На укр. яз.

Украинские сказки и легенды. Сборник сост. и с укр. пер. Г. Петников. Предисл. П. В. Литуга. Примеч. Г. Петникова. Симферополь, «Крым», 1966. 319 с. с илл.; 8 л. илл. «Краткая библиогр. укр. сказки» (сост. Г. Петников): с. 315—317.

Украинское народное поэтическое творчество. Киев, «Рад. школа», 1966. (М-во высш. и сред. спец. образования УССР. В помощь студентам общенауч. фак. высш. учеб. заведений). На укр. яз.

Вып. 1. Программа. (Сост. Ф. М. Полищук). Изд. 2-е, испр. и доп. 32 с.

Вып. 2. Методические указания. (Сост. М. В. Калининченко). Изд. 2-е, испр. и доп. 48 с.

Вып. 3. Темы контрольных работ. (Сост. М. В. Калининченко). 20 с.

Федоров Г. Б. Древние славяне в Прутско-Днестровском междуречье. М., 1966. 26 с. (Междунар. ассоц. по изучению стран Юго-Вост. Европы. I Конгресс балканских

исследований. Сообщ. сов. делегации). Библиогр. в подстроч. примеч. Резюме на нем. яз.

Федьків І. І. У селі Нижні Ворота. (Про матеріальну культуру і побут). «Народна творчість та етнографія», 1966, № 5, с. 72—77.

Фирштейн Б. В. Черепа из Александропольского скифского кургана. «Вопр. антропологии», вып. 22, 1966, с. 62—76. Библиогр.: 15 назв.

Цвета новой жизни. [Статьи о новых обрядах в городах и селах Ровен. обл.]. Львов, «Каменярь», 1966. 60 с. с илл. (Ровен. обл. дом нар. творчества). На укр. яз.

Чендей І. М. Фольклорні багатства Закарпаття. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 6, с. 60—66.

Черненко Е. В. [Рец.]: Пятыева Н. В. Железная маска из Херсонеса. (К вопросу о происхождении и назначении кочевнических шлемов с масками). М., 1964. 40 с., XX табл. и 9 рис. «Сов. археология», 1966, № 4, с. 218—220. Библиогр. в подстроч. примеч.

Чижевский В. П. У нас сегодня праздник. (О молодежных праздниках на Подолии). Киев, «Молодь», 1966. 24 с. (Тебе комсомольский активист). На укр. яз.

Штюка В. Новые времена — новые обряды. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1966. 55 с. с илл. На молдав. яз.

Шуточные песни. Киев, «Днипро», 1966. 174 с. На укр. яз.

Юзвенко В. А. Иван Франко в польских фольклорно-этнографичних виданнях. «Народна творчість та етнографія», 1966, № 3, с. 40—44. Библиогр. в подстроч. примеч.

Юхнева Н. В. [Рец.]: Поріцький А. Я. Побут сільськогосподарських робітників України в період капіталізму. Київ, 1964. 138 с. «Сов. етнографія», 1966, № 2, с. 160—162.

Яценко М. Т. До порівняльного вивчення фольклору слов'янських народів у прогресивній українській фольклористиці. — В кн.: Слов'янсько літературознавство і фольклористика. Республіканський міжвідомчий збірник, вип. 2, Київ, 1966, с. 87—100. Библиогр. в подстроч. примеч.

Составитель Р. В. Каменецкая

СОДЕРЖАНИЕ

И. А. Крывелев (Москва). Маркс и некоторые проблемы этнографии (К 150-летию со дня рождения К. Маркса)	3
Б. В. Андрианов (Москва). Хозяйственно-культурные типы и исторический процесс	22
В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей (Москва). К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей	35
Ю. А. Колосова (Москва). Особенности урбанизации негритянского населения США	46
Р. Лопес-Вальдес (Гавана). Индийцы на Кубе	56
А. А. Воронов (Москва). Этногеография основных типов гаптоглобина — сывороточного белка крови	69

Дискуссии и обсуждения

Н. А. Кисляков (Ленинград). По поводу статьи М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»	87
Н. А. Бутинов (Ленинград). Община, семья, род	91

Сообщения

В. А. Липинская (Москва). Некоторые черты современной материальной культуры русского населения Алтайского края	96
Х. Юсупов (Ашхабад). К происхождению туркмен-огурджалинцев	106
И. К. Лукшайте (Вильнюс). Об обычае двойного выкупа за женщину по литовскому праву	114
П. В. Линтур (Ужгород). Современное состояние фольклорной традиции в Закарпатье	121
Дж. У. Ван Стоун (Чикаго), У. Х. Освальт (Лос-Анджелес). Русское население на Аляске (перспективы этнографического изучения)	128

Поиски, факты, гипотезы

И. В. Бестужев-Лада (Москва). Имя человеческое: прошлое, настоящее, будущее (Исторические тенденции развития людских имен собственных и формирование современных антропонимических зон)	132
---	-----

Научная жизнь

Ю. А. Громов (Москва). ЮНЕСКО и борьба против расизма	144
Декларация о расе и расовых предрассудках (ЮНЕСКО, Париж, 26 сентября 1967 г.)	149
Б. Н. Путилов (Ленинград). XIV Конгресс фольклористов Югославии	152
Ю. П. Аверкиева (Москва). Индейский павильон на ЭКСПО-67	154

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

А. И. Робакидзе (Тбилиси). Новые исследования по истории социальной организации у армян	157
---	-----

Народы СССР

М. Е. Федорова (Москва). «Русское народное творчество»	162
Л. И. Лавров (Ленинград). П. М. Дебиров. Резьба по камню в Дагестане	164
Н. А. Алексеев (Москва). М. Я. Жорницкая. Народные танцы Якутии	165

Народы зарубежной Европы

- Э. В. Померанцева (Москва). *E. Hexelschneider. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts* 167

Народы зарубежной Азии

- Л. В. Никулина (Москва). *L. W. Jones. The population of Borneo. A study of the people of Sarawak, Sabah and Brunei* 169
- Г. Г. Стратанович (Москва). Атенсты, материалисты и диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы 171

Народы Америки

- М. А. Коган (Ленинград). «От Аляски до Огненной земли. История и этнография стран Америки» 174
- Н. Н. Грацианская, Л. А. Файнберг (Москва). Новые научно-популярные книги чешских этнографов об индейцах Америки 177

Народы Австралии и Океании

- Д. Д. Тумаркин (Москва). *П. И. Пучков. Население Океании. Этногеографический обзор* 179

- Новая литература по народам Украины, Белоруссии и Молдавии 184

На первой странице обложки: Монреаль. Представители СССР на площади Наций в городке «ЭКСПО-67»

SOMMAIRE

- I. A. Kryvieliiov (Moscou). Marx et quelques problèmes de l'ethnographie (Pour le 150-ème anniversaire de K. Marx) 3
- B. V. Andrianov (Moscou). Types économique-culturels et le processus historique 22
- V. P. Alexèiev, Yu. V. Bromley (Moscou). De l'étude du rôle des migrations dans la formation des nouvelles communautés ethniques 35
- Yu. A. Kolossova (Moscou). Les particularités de l'urbanisation des populations nègres aux Etats-Unis 46
- R. Lopez-Valdez (Havane). Les Indiens à Cuba 56
- A. A. Voronov (Moscou). Ethnogéographie des types généraux du haptoglobine de protéine sérique 69

Discussions et délibérations

- N. A. Kisliakov (Léningrad). A propos de l'article de M. V. Krioukov «De la corrélation entre l'organisation de gens et l'organisation patronymique (clanique)» 87
- N. A. Boutinov (Léningrad). Communauté, famille, gens 91

Communications

- V. A. Lipinskaya (Moscou). Quelques traits de la culture matérielle moderne des populations russes de la région d'Altai 96
- Kh. Youssouпов (Achkhabad). De l'origine des Turkmènes-Oghourdjalý 106
- I. K. Loukchaïté (Vilnus). Sur la coutume de double rançon pour la femme selon le droit lithuanien 114
- P. V. Linetour (Oujgorod). Etat actuel de la tradition folklorique en Transcarpatie 121
- J. W. Van Stone (Chicago), W. H. Oswalt (Los-Angeles). Héritage russe en Alaska (Perspectives d'étude ethnographique) 128

Recherches, faits, hypothèses

- I. V. Bestoujev-Lada (Moscou). Le nom humain — le passé, le présent, l'avenir (Tendances historiques de l'évolution des noms propres humains et la formation des zones anthroponymiques) 132

Vie scientifique

Yu. A. Gromov (Moscou). L'UNESCO et la lutte contre le racisme	144
Déclaration sur les races et les préjugés raciaux (UNESCO, Paris, 26 septembre 1967)	149
B. N. Poutilov (Léningrad). Le XIV-e Congrès des folkloristes yougoslaves	152
Yu. P. Averkieva (Moscou). Le pavillon des Indiens d'Amérique à l'EXPO-67	154

Critique et bibliographie

Articles de critique et aperçus

A. I. Robakidzé (Tbilissi). Nouvelles recherches sur l'histoire d'organisation sociale chez les Arméniens	157
---	-----

Peuples de l'U.R.S.S

M. Ye. Fiodorova (Moscou). Art populaire russe	162
L. I. Lavrov (Leningrad). P. M. Debirov. Sculpture ciselée en pierre au Daghestan	164
N. A. Aléxiév (Moscou). M. Ya. Joritskaya. Danses populaires de l'Yakoutie	165

Peuples de l'Europe étrangère

E. V. Pomerantseva (Moscou). E. Hexelschneider. Die russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts	167
---	-----

Peuples de l'Asie étrangère

L. V. Nikoulina (Moscou). L. W. Jones. The population of Borneo. A study of the people of Sarawak, Sabah and Brunei	169
G. G. Stratanovitch (Moscou). Athées, matérialistes et dialecticiens de l'ancienne Chine: Yang Tchou, Letsé, Tchouangtse	171

Peuples de l'Amérique

L. A. Kogan (Léningrad). D'Alaska à la Terre de Feu. Histoire et ethnographie des pays d'Amérique	174
N. N. Gratsianskaya, L. A. Fainberg (Moscou). Nouveaux livres de vulgarisation des ethnographes Tchèques sur les Indiens d'Amérique	177

Peuples de l'Australie et de l'Océanie

D. D. Toumarkine (Moscou). P. I. Poutchkov. La population de l'Océanie. Etude ethnogéographique	179
---	-----

Nouveaux ouvrages sur les peuples d'Ukraine, de Biélorussie et de Moldavie	184
--	-----

Sur la couverture: Montréal. Les représentants de l'URSS sur la place des Nations de la ville «EKSP-67»

Технический редактор Е. И. Гришина

Сдано в набор 18/I-1968 г. Т-05752 Подписано к печати 16/IV-1968 г. Тираж 1985 экз.
Заг. 5021 Формат бумаги 70x108/16. Усл. печ. л. 16,8 Бум. л. 6. Уч.-изд. листов 20,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР производит в 1968 году прием аспирантов по следующим специальностям:

С отрывом от производства — антропология

К вступительным экзаменам допускаются лица, имеющие производственный стаж по специальности не менее 2-х лет.

Срок обучения в аспирантуре 3 года, включая защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

Поступающие в аспирантуру подвергаются приемным испытаниям по истории КПСС, общей антропологии, одному из западно-европейских языков и представляют письменную работу на самостоятельно избранную тему.

Прием заявлений с 1 мая по 15 сентября 1968 г.

Заявления и документы направлять по адресу: Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт этнографии АН СССР.

Тел.: АБ-6-05-80, АБ-6-94-46, АБ-6-94-74.